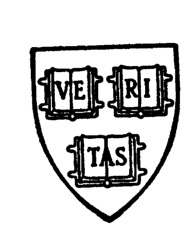

VE RI
TAS

ОЧЕРКИ

РУССКОЙ ЛИТТЕРАТУРЫ.

ОЧЕРКИ

РУССКОЙ

ЛИТТЕРАТУРЫ.

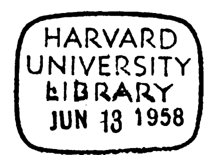
СОЧИНЕНІЕ

НИКОЛАЯ ПОЛЕВАГО.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

1839.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 22 го Ноября, 1838 года.

Цензоръ *П. Корсаковъ.*

Въ типографіи Сахарова.

СОДЕРЖАНІЕ.

Прибавленія къ первой части.

ОЧЕРКИ

РУССКОЙ ЛИТТЕРАТУРЫ.

ИСТОРІЯ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО. СОЧИНЕНІЕ Н. М. КАРАМЗИНА. *СПб. томы* I—VIII, 1816 *года*, IX, 1821 *г.*, X, XI, 1824 *г.*, XII, 1829 *года (первые восемь томовъ напечатаны вторымъ изданіемъ, въ* 1818 *и* 1819 *годахъ)*.

Означивъ въ заглавіи статьи всѣ двѣнадцать томовъ *Исторіи Государства Россійскаго*, мы не хотимъ однакожь предлагать читателямъ нашимъ подробнаго разбора сего замѣчательнаго творенія, не будемъ слѣдовать за творцомъ его подробно во всѣхъ отношеніяхъ, разсматривать Исторію Государства Россійскаго съ общихъ и частныхъ сторонъ, и сочинителя оной, какъ Историка и Палеографа, Философа и Географа, Археографа и изслѣдователя историческихъ матеріяловъ. Критика такого объема не можетъ быть статьею журнала и потому уже, что огромностію своею превзошла-бы она предѣлы, которые должны быть полагаемы статьямъ изданій повременныхъ. Мы хотимъ только вообще обо-

зрѣть творенie Карамзина, въ то время, когда *послѣдній* томъ сего творенія показалъ намъ предѣлъ труда, коего достигнулъ незабвенный для Россіи писатель. Если журналы должны быть зеркаломъ современнаго просвѣщенія, современныхъ мнѣній, если они должны передавать публикѣ голосъ людей высшаго образованія, ихъ взглядъ на предметы важные, обращающіе на себя вниманіе, то, конечно, обязанностью журналиста должно почесть сужденіе объ Исторіи Государства Россійскаго, основанное на выводахъ изъ разнообразныхъ мнѣній и на соображеніяхъ людей просвѣщенныхъ. Рѣшительно можно сказать, что не было прежде, и можетъ быть, еще долго не будетъ, въ литтературѣ нашей другаго творенія, столь великаго, обращающаго на себя такое сильное, всеобщее вниманіе отечественной публики. Въ Европѣ сочиненіе Карамзина принято было съ любопытнымъ участіемъ, какъ представитель нашего просвѣщенія, нашихъ мнѣній о важнѣйшихъ предметахъ общественной жизни, нашего взгляда на людей и событія. Показать причины восторга, коимъ Русскіе читатели привѣтствовали трудъ Карамзина, холодности, съ какою отозвались Европейцы, узнавъ его въ переводахъ, и руководствуясь мнѣніями критиковъ, достойныхъ уваженія, означить степень, какую занимаетъ Карамзинъ въ исторіи современной Литтературы, современнаго Просвѣщенія, нашего и Европейскаго, означить заслугу его, оцѣнить право его на славу — вотъ цѣль, нами предположенная.

Не думаемъ, чтобы благомыслящіе люди поставили

въ вину рецензенту его неизвѣстность и огромность славы творенія, имъ разсматриваемаго. Мѣстничество въ литтературѣ пора намъ изгнать, какъ изгнанъ сей гибельный предразсудокъ изъ гражданскаго нашего быта. Безпристрастіе, почтеніе къ человѣку, его достойному: таковы обязанности, исполненія коихъ должна требовать публика отъ критика, не только твореній Карамзина, но и всякаго явленія литтературнаго. Болѣе ничего. Негодованіе, съ коимъ публика, и — осмѣливаемся прибавить — Сочинитель сей статьи, встрѣтили въ прошломъ году критику г-на Арцыбашева на Исторію Государства Россійскаго, происходило отъ неприличнаго тона, отъ мѣлочничества, несправедливости, показанныхъ г-мъ Арцыбашевымъ въ его статьяхъ. Напротивъ чѣмъ болѣе голосовъ, чѣмъ болѣе мнѣній, тѣмъ лучше. Мы должны истреблять несчастную полемику, безславящую хорошаго литтератора, должны предоставлять ее тѣмъ людямъ, которые хотятъ сдѣлаться извѣстными, хотя-бы безславіемъ, но критика справедливая, скромная, судящая о книгѣ, не объ авторѣ, далека отъ того, что многіе у насъ почитаютъ критикою, такъ далека, какъ небо отъ земли. Критика есть дыханіе литтературы, и всякое покушеніе достигнуть критики дѣльной должно, по крайней мѣрѣ, быть извинено людьми безпристрастными.

Другое обстоятельство, гораздо важнѣйшее, можетъ занять насъ. Спрашиваемъ: настало-ли для насъ время сужденій о Карамзинѣ? *Теперь* настало. Уже три года прошло, какъ всѣ земныя отношенія, всѣ личныя

пристрастія, предубѣжденія погребены въ могилѣ незаввеннаго; остались только его творенія, наше наслѣдство неотъемлемое. Для насъ, *новаго поколѣнія*, Карамзинъ существуетъ только въ Исторіи литтературы и въ твореніяхъ своихъ. Мы не можемъ увлекаться, ни личнымъ пристрастіемъ къ нему, ни своими страстями, заставлявшими нѣкоторыхъ современниковъ Карамзина смотрѣть на него невѣрно. Трудъ Карамзина совершенъ: картина великаго художника представлена намъ, недоконченная, правда, но уже хладъ смерти оковалъ животворную руку творца, и мы, скорбя о потерѣ, можемъ судить о трудѣ его, какъ о созданіи цѣломъ. Къ счастію нашему, если Карамзинъ и слишкомъ рано умеръ для надеждъ нашихъ, то, все многое имъ сдѣлано, и твореніе его столь-же важно, сколь огромно. Онъ не успѣлъ изобразить намъ избавленія отечества великимъ Мининымъ и славнымъ Пожарскимъ; не успѣлъ повѣствовать царствованій кроткаго Михаила, мудраго Алексія, божественнаго Петра, дѣлъ великихъ и чудесныхъ, совершившихся въ теченіе семидесяти слишкомъ лѣтъ, съ 1611 года (на которомъ онъ остановился) по 1689-й годъ. Здѣсь хотѣлъ кончить Карамзинъ свое твореніе, краткимъ очеркомъ изобразить остальную Исторію Россіи, отъ восшествія на престолъ Петра Великаго до нашего времени, и указать на будущую судьбу отечества. Но *будущее извѣстно единому Богу*, сказалъ Карамзинъ, посвящая Исторію свою Александру Благословенному, и мы при гробѣ Карамзина, слыша о предположеніяхъ его, могли повторить сіи слова. Не смотря на все это, Карамзинъ—повторимъ сказанное нами—

многое успѣлъ исполнить по своему предположенію: онъ изобразилъ намъ событія Русской Исторіи за семь съ половиною столѣтій, преслѣдовалъ ее отъ колыбели Русскаго Народа до возмужалости Русскаго Государства, сего дивнаго исполина вѣковъ. Мало для насъ, дорожившихъ славою Карамзина—довольно для славы его. Онъ успѣлъ вполнѣ развить талантъ свой, далѣе онъ и не могъ уже шагнуть. Въ двѣнадцати томахъ Исторіи Государства Россійскаго *весь* Карамзинъ.

Время летитъ быстро, и дѣла и люди быстро смѣняются. Мы едва можемъ увѣрить себя, что почитаемое нами настоящимъ, сдѣлалось *прошедшимъ*, современное *историческимъ*. Такъ и Карамзинъ. Еще многіе причисляютъ его къ нашему поколѣнію, къ нашему времени, забывая, что онъ родился *шестьдесятъ* слишкомъ лѣтъ тому (въ 1765 году); что болѣе 40 лѣтъ прошло, какъ онъ выступилъ на поприщѣ литтературное; что уже совершилось 25 лѣтъ, какъ онъ прекратилъ всѣ другія литтературныя упражненія, и занялся только Исторіею Россіи, и слѣдовательно, что онъ приступилъ къ ней *за четверть вѣка* до настоящаго времени, будучи почти *сорока* лѣтъ: это такой періодъ жизни, въ который человѣкъ не можетъ уже стереть съ себя типа первоначальнаго своего образованія, можетъ только не отстать отъ своего быстро-грядущаго впередъ вѣка, только слѣдовать за нимъ, и то напрягая всѣ силы ума.

Хронологическій взглядъ на литтературное попри-

ще Карамзина показываетъ намъ, что онъ былъ литтераторъ, философъ, историкъ *прошедшаго вѣка*, *прежняго*, не нашего *поколѣнія*. Это весьма важно для насъ во всѣхъ отношеніяхъ, ибо симъ оцѣняются вѣрно достоинства Карамзина, заслуги его и слава. Различеніе вѣка и времени каждаго предмета есть истинное мѣрило вѣрности сужденій о каждомъ предметѣ. Сіе мѣрило усовершенствовано умомъ мыслителей нашего времени. Еще Древние знали его, и Цицеронъ говорилъ, что могутъ быть non vitia hominis, sed vitia saeculi. Но отъ того, что мнѣніе это было несовершенно, неполно, происходило множество ошибокъ въ сужденіяхъ,

Еслибы надобно было сравнивать съ кѣмъ-либо Карамзина, мы сравнили-бы его съ Ломоносовымъ: Карамзинъ шелъ съ того мѣста, на которомъ Ломоносовъ остановился; кончилъ то, что Ломоносовъ началъ. Подвигъ того и другаго былъ равно великъ,важенъ, огроменъ въ отношеніи къ Россіи. Ломоносовъ засталъ стихіи языка Русскаго смѣшанныя, неустроенныя; литтературы не было. Напитанный изученіемъ писателей Латинскихъ, онъ умѣлъ раздѣлить стихіи языка, привесть въ порядокъ, образовать первоначальную литтературу Русскую, училъ Грамматикѣ, Риторикѣ, писалъ стихи, былъ ораторомъ, прозаикомъ, историкомъ своего времени. Послѣ него до Карамзина, въ теченіе 25 лѣтъ, было сдѣлано весьма немного. Карамзинъ (замѣтимъ странную случайность: родившійся въ самый годъ смерти Ломоносова), образованный изученіемъ писателей Французскихъ, проникнутый современнымъ про-

свѣщеніемъ Европы, которое было рѣшительно все Французское, перенесъ приобрѣтенное имъ въ родную почву, и сильнымъ, дѣятельнымъ умомъ своимъ двинулъ впередъ современниковъ. Подобно Ломоносову, чрезвычайно разнообразный въ своихъ занятіяхъ, Карамзинъ былъ грамматикомъ, стихотворцомъ, романистомъ, историкомъ, журналистомъ, политическимъ писателемъ. Едва ли найдемъ какую-либо отрасль современной ему литтературы, на которую онъ не имѣлъ-бы вліянія; самыя ошибки его были поучительны, заставляя умы другихъ шевелиться, производя недоумѣнія, споры, изъ коихъ являлась истина.

Такъ дѣйствовалъ Карамзинъ, и въ слѣдствіе сего должно оцѣнять его подвиги. Онъ былъ безъ сомнѣнія *первый* литтераторъ своего народа въ концѣ прошедшаго столѣтія, былъ, можетъ быть, самый просвѣщенный изъ Русскихъ современныхъ ему писателей. Между тѣмъ вѣкъ двигался съ неслыханною до того времени быстротою. Никогда не было открыто, изъяснено, обдумано столь много, сколько открыто, изъяснено, обдумано въ Европѣ въ послѣдніія двадцать пять лѣтъ. Все измѣнилось, и въ политическомъ и въ литтерататурномъ мірѣ. Философія, теорія словесности, поэзія, исторія, знанія политическія—все преобразовалось. Но когда начался сей новый періодъ измѣненій, Карамзинъ уже кончилъ свои подвиги вообще въ литтературѣ. Онъ не былъ уже дѣйствующимъ лицомъ; одна мысль занимала его: Исторія Отечества; ей посвящалъ онъ тогда все время и труды свои. Безъ него

развилась новая Русская поэзія, началось изученіе философіи, исторіи, политическихъ знаній сообразно новымъ идеямъ, новымъ понятіямъ Германцовъ, Англичанъ и Французовъ, перекаленныхъ (retrempés, какъ они сами говорятъ) въ страшной бурѣ и обновленныхъ на новую жизнь.

Какое достоинство имѣютъ теперь для насъ сочиненія, переводы и труды Карамзина, исключая его исторію? *Историческое*, *сравнительное*. Карамзинъ уже не можетъ быть образцомъ ни поэта, ни романиста, ни даже прозаика Русскаго. Періодъ его кончился. Легкая проза Жуковскаго, стихи Пушкина выше произведеній въ сихъ родахъ Карамзина. Удивляемся, какъ шагнулъ въ свое время Карамзинъ, чтимъ его заслугу, почетно вписываемъ имя его въ исторію литтературы нашей, но видимъ, что его Русскія повѣсти не-Русскія; его проза далеко отстала отъ прозы другихъ новѣйшихъ образцовъ нашихъ; его стихи для насъ проза; его теорія словесности, его философія для насъ недостаточны.

Такъ и должно быть, ибо Карамзинъ не былъ геній огромный, вѣковой: онъ былъ человѣкъ большаго ума, образованный по своему, но не принадлежалъ къ вѣчно-юнымъ исполинамъ философіи, поэзіи, математики, жилъ во время быстраго измѣненія юной Русской литтературы, такое время, въ которое необходимо все быстро измѣняется. Онъ увлекалъ современниковъ и самъ былъ увлеченъ ими.

Объяснивъ себѣ такимъ образомъ Карамзина, какъ

литтератора вообще, обращаемся къ его Исторіи.

Она заняла остальные *двадцать три года* жизни Карамзина (съ 1802 по 1826-й годъ); онъ трудился ревностно, *посвятилъ ей лучшее время своей жизни*. Но сталъ-ли онъ на ряду съ великими историками Древняго и Новаго времени? Можетъ-ли его Исторія назваться произведеніемъ *нашего времени?*

Сравненіе его съ Древними и Новыми историками, коихъ имена ознаменованы славою, мы увидимъ въ послѣдствіи, но теперь скажемъ только, что какъ самъ Карамзинъ вообще былъ писатель не нашего вѣка, такъ и Исторіи его мы не можемъ назвать твореніемъ нашего времени.

Въ этомъ мнѣніи нѣтъ ничего оскорбляющаго память великаго Карамзина. Истинныя, по крайней мѣрѣ, современныя намъ идеи Философіи, Поэзіи и Исторіи явились въ послѣдніе двадцать пять лѣтъ, слѣдственно, истинная идея Исторіи была недоступна Карамзину. Онъ былъ уже совершенно образованъ по идеямъ и понятіямъ своего вѣка, и не могъ переродиться въ то время, когда трудъ его былъ начатъ, понятіе объ немъ совершенно образовано, и оставалось только исполнять. Объяснимся подробнѣе.

Мы часто слышимъ слово: *Исторія*, въ смыслѣ запутанномъ, ложномъ и превратномъ. Собственно слово сіе значитъ: *дѣеписаніе*, но какъ различно можно принимать и понимать его! Намъ, говорятъ объ историкахъ, и исчисляютъ сряду: *Иродотъ*, *Тацитъ*, *Юмъ*,

Гизо, не чувствуя, какое различіе между сими знаменитыми людьми, и какъ ошибается тотъ, кто ставитъ рядомъ Иродота и Гизо, Тита-Ливія и Гердера, Гиббона и Тьерри, Робертсона и Минье.

Новѣйшіе мыслители объяснили намъ вполнѣ значеніе слова: *Исторія*; они показали намъ, что долженъ разумѣть подъ симъ словомъ философъ. Исторія, въ высшемъ знаніи, не есть складно-написанная лѣтопись временъ минувшихъ, не есть простое средство удовлетворять любопытство наше. Нѣтъ: она практическая повѣрка философскихъ понятій о мірѣ и человѣкѣ, анализъ философскаго синтеза. Здѣсь мы разумѣемъ только *Всеобщую Исторію*, и въ ней видимъ мы истинное откровеніе прошедшаго, объясненіе настоящаго и пророчество будущаго. Философія проницаетъ всю бездну минувшаго: видитъ творенія земныя, до человѣка бывшія, открываетъ слѣды человѣка въ таинственномъ Востокѣ и въ пустыняхъ Америки, соображаетъ преданія людскія, разсматриваетъ землю въ отношеніи къ небу и человѣка въ отношеніи къ его обиталищу, планетѣ, движимой рукою Провидѣнія въ Пространствѣ и Времени. Такова *до-Исторія* (Urgeschichte) человѣка. Человѣкъ является на землѣ; образуется общество; начинается *жизнь человѣчества* и начинается *исторія* Человѣка. Здѣсь историкъ смотритъ на царства и народы, сіи планеты нравственнаго міра, какъ на математическія фигуры, изображаемыя міромъ вещественнымъ. Онъ соображаетъ ходъ человѣчества, общественность, нравы, понятія каждаго вѣка и народа, выводитъ цѣпь при-

чинъ, производившихъ и производящихъ событія. Вотъ Исторія высшая.

Но формы Исторіи могутъ быть многообразны до безконечности. Исторія можетъ быть критическая, повѣствовательная, ученая; въ основаніи каждая изъ нихъ должна быть *философигеская*, по духу, не по названію, но по сущности, воззрѣнію своему (ибо просто прибавивъ названіе: *философигеская*, по примѣру Райналя, мы не сдѣлаемъ ни какой исторіи въ самомъ дѣлѣ философскою). Всеобщая Исторія есть тотъ огромный кругъ, въ коемъ вращаются другіе безчисленные круги: Исторіи частныя народовъ, государствъ, земель, вѣрованій, знаній. Условія Всеобщей Исторіи уже опредѣляютъ, каковы должны быть сіи частныя Исторіи. Онѣ должны стремиться къ основѣ Всеобщей Исторіи, какъ радіусы къ центру; онѣ показываютъ философу: какое мѣсто въ мірѣ вѣчнаго бытія занималъ тотъ или другой народъ, то или другое государство, тотъ или другой человѣкъ, ибо для человѣчества равно выражаютъ идею — и цѣлый народъ, и человѣкъ историческій; человѣчество живетъ въ народахъ, а народы въ представителяхъ, двигающихъ грубый матеріялъ и образующихъ изъ него отдѣльные нравственные міры.

Такова истинная идея Исторіи; по крайней мѣрѣ, мы удовлетворяемся нынѣ только сею идеею Исторіи и почитаемъ ее за истинную. Она созрѣла въ вѣкахъ, и изъ новѣйшей Философіи развилась въ Исторіи, точно такъ-же, какъ подобныя идеи развились изъ философіи въ теоріяхъ поэзіи и политическихъ знаній.

Но если сія идея принадлежитъ нашему вѣку, скажутъ намъ, слѣдственно, никто не удовлетворитъ нашихъ требованій, и самые великіе историки должны померкнуть при лучахъ немногихъ новѣйшихъ, скажемъ болѣе—*будущихъ* историковъ.

Такъ, если намъ указываютъ на Грека, Римлянина, какъ на примѣръ высочайшаго совершенства, какого только могъ достигнуть человѣкъ, какъ на образецъ, которому должны мы безусловно слѣдовать—это ложный *классицизмъ* Исторіи; онъ *недостаточенъ* и *невѣренъ*. Но, отвергнувъ его, мы всякому и всему найдемъ мѣсто и чередъ. Не думайте, чтобы мы хотѣли заставить каждаго быть философомъ. Мы сказали, что формы Исторіи разнообразны до безконечности; въ каждой формѣ можно быть совершеннымъ, по крайней мѣрѣ, великимъ историкомъ; исполните только условія рода, вами избраннаго, и вы удовлетворите требованія современнаго совершенства.

Исторія можетъ быть *прагматическая*, если вы разсматриваете событія, положимъ, какого нибудь государства, въ отношеніи къ системѣ государствъ, въ коей оно заключалось, и сію систему во Всеобщей Исторіи народовъ, если вы сводите всѣ событія на причины и открываете связь сихъ причинъ съ другими, поясняя причины событіями, и обратно, поясняя чрезъ то Исторію Человѣчества, въ томъ мѣстѣ, вѣкѣ, предметѣ, который вы избрали. Такова *Исторія Европейской гражданственности* (Histoire générale de la civilisation en Europe, depuis la chûte de l'empire Romain jusqu'a

la révolution française) Гизо. Можете взять объемъ меньше, разсмотрѣть событія государства, или періода, не возводя его къ Всеобщей Исторіи Человѣчества, но сія цѣль должна быть въ умѣ историка. Таковы: *Исторія Карла V*, соч. Робертсона, *Исторія паденія Римской Имперіи*, соч. Гиббона, творенія, которыя можно-бы назвать совершенными въ своемъ родѣ, если-бы философія сихъ историковъ была выше той, которую они почитали за совершенную, если-бы понятія сихъ писателей о политическихъ знаніяхъ были доведены до нынѣшней зрѣлости, если-бы матеріялы были въ ихъ время лучше обработаны. Наконецъ, находимъ еще родъ исторіи, который назовемъ *повѣствовательнымъ*. Это простое повѣствованіе событій, если можно, красворѣчиво, но главное — *вѣрно* изложенныхъ. Здѣсь собственно нѣтъ историка: говорятъ событія, но требуется искуство необыкновенное. *Вѣрность* надобна не въ однихъ годахъ, но въ духѣ, выраженіи, дѣлахъ, словахъ дѣйствующихъ лицъ, въ нравахъ, обычаяхъ, повѣрьяхъ, жизни народа. Древніе историки въ этомъ примѣры совершенства, и писателю такой исторіи можно повторить слова Карамзина: *Не подражай Тациту, но пиши такъ, какъ онъ писалъ-бы на твоемъ мѣстѣ*. Изъ новѣйшихъ превосходный примѣръ такой исторіи показалъ намъ Барантъ, и, какъ историкъ военный, Наполеонъ, въ описаніяхъ своихъ походовъ. Иродотъ, Ѳукидидъ, Титъ-Ливій, Тацитъ, очаровываютъ своими повѣствовательными исторіями. Они живутъ въ своихъ описаніяхъ, дышатъ воздухомъ съ тѣми людьми, коихъ изображаютъ: это Омировы поэмы въ мірѣ

исторіи. Важнѣйшее затрудненіе для насъ, новыхъ, если мы хотимъ переселиться въ другой вѣкъ, въ другой народъ, состоитъ въ отдѣленіи себя отъ всѣхъ мнѣній, отъ всѣхъ идей своего вѣка и народа, въ собраніи красокъ для картины, въ изысканіи истины обширною критикою. Древніе о многомъ говорятъ несправедливо, но они увѣрены въ истинѣ съ такимъ добродушіемъ, съ такою увѣдительностію, съ какою Омиръ былъ увѣренъ въ своей географіи и миѳологіи; сверхъ того, намъ не чѣмъ повѣрить ихъ разсказа, и мы вѣримъ на слово. Потому, историческая критика совершенно отнимаетъ у Древнихъ наименованіе Историковъ-Философовъ, историковъ прагматическихъ, и смотритъ на нихъ только, какъ на краснорѣчивыхъ повѣствователей.

Точно такъ-же, какъ Французы составили особенный родъ *классическихъ* твореній изъ ложнаго подражанія Древнимъ, ложное понятіе о Древнихъ Историкахъ произвело особый *классицизмъ историческій*. Хотѣли заставить подражать Древнимъ, перенимали у нихъ всѣ формы, выраженія, даже слова. Ошибка была въ томъ, что подражали внѣшнимъ формамъ, не понимая духа Древнихъ. Въ послѣдствіи смѣшали все это съ ошибочною Философіею, съ умничаньемъ, апоѳегмами и сентенціями, несносными и пошлыми. И съ самаго возстановленія Европейскаго просвѣщенія, Исторія, послѣ монастырскихъ лѣтописей и легендъ, являлась безобразною, нелѣпою смѣсью; изрѣдка только мелькали Макіавели, Боссюэты, Монтескье. Въ прошедшемъ вѣкѣ оказалось стремленіе къ Исторіи болѣе

совершенной, и въ то время, когда Гердеръ постигалъ тайну Всеобщей Исторіи, Іоаннъ Миллеръ угадывалъ, какъ должно писать новымъ историкамъ повѣствовательную Исторію, Германскіе ученые явили истинную критику Исторіи, Французы первые начали образовывать, по слѣдамъ Макіавеля, Бюссюэта и Монтескье Исторію Философическую. Ихъ опыты были недостаточны, и недостатки сихъ опытовъ отозвались въ твореніяхъ Юма, Гиббона, Робертсона, послѣдователей Французской Философіи XVIII-го вѣка. Надобно было соединить труды Шеллинговъ, Шлегелей, Кузеновъ, Шлецеровъ, Гердеровъ, Нибуровъ, узнать *Классицизмъ и Романтизмъ*, узнать хорошо политическія науки, оцѣнить надлежащимъ образомъ Древнихъ, вполнѣ свѣдать требованія Новѣйшихъ, можетъ быть, даже родиться Шиллеру, Цшокке, Гете, В. Скотту, дабы могли мы наконецъ понять: что есть Исторія? Какъ должно ее писать и что удовлетворяетъ нашъ вѣкъ?

Приложимъ всѣ сіи разсужденія къ *Исторіи Государства Россійскаго*, и мы увидимъ, что твореніе Карамзина, въ отношеніи къ Исторіи, какой требуетъ нашъ вѣкъ, есть тоже, что другія сочиненія Карамзина въ отношеніи къ современнымъ требованіямъ нашей Литтературы—она неудовлетворительна.

Карамзинъ не могъ выйдти и не вышелъ изъ понятій своего вѣка, времени, въ которое только что начала проявляться идея философической исторіи, и еще не ясно опредѣлены были отношенія Древнихъ къ намъ, и особыя условія новыхъ писателей; политическія зна-

нія были не установлены; повѣствовательная часть Исторіи не понята вполнѣ.

Какъ *Философъ Историкъ*, Карамзинъ не выдержитъ строгой критики. Прочитайте мысли его объ Исторіи, и вы согласитесь съ этимъ безъ дальнѣйшихъ объясненій.

«Исторія (такъ начинаетъ Карамзинъ свое Предисловіе къ Исторіи Государства Россійскаго), Исто-
«рія *въ нѣкоторомъ смыслѣ* (?) есть священная книга
«народовъ: *главная*, *необходимая*; зерцало ихъ бытія
«и дѣятельности; скрижаль откровеній и правилъ; за-
«вѣтъ предковъ къ потомству; дополненіе, изъясненіе
«настоящаго и примѣръ будущаго.»

Прекрасныя фразы, но что въ нихъ заключается? *Священная книга въ нѣкоторомъ* смыслѣ, и въ тоже время — *главная*, *необходимая*, *зерцало бытія*, *скрижаль откровеній*, *завѣтъ предковъ*, объясняютъ-ли намъ всѣ сіи слова сущность предмета? Таково-ли должно быть *опредѣленіе* Исторіи?

«Правители, законодатели (продолжаетъ Карамзинъ) дѣйствуютъ по указаніямъ Исторіи.... Мудрость
«человѣческая имѣетъ нужду въ опытахъ... Должно
«знать, *какъ искони мятежныя страсти волновали*
«*гражданское общество, и какими способами благот-*
«*ворная власть ума обуздывала ихъ бурное стремле-*
«*ніе*... И простой гражданинъ долженъ читать Исторію.
«Она миритъ его съ несовершенствомъ видимаго по-
«рядка вещей, *какъ съ обыкновеннымъ явленіемъ во*
«*всѣхъ вѣкахъ*; утѣшаетъ въ государственныхъ бѣдст-
«віяхъ, свидѣтельствуя, *что и прежде бывали подоб-*

«*ныя, бывали еще ужаснѣйшія и государство не раз-*
«*рушалось*; она *питаетъ нравственное чувство* (?),
«и праведнымъ судомъ своимъ располагаетъ душу къ
«справедливости, которая утверждаетъ наше благо и
согласіе общества. Вотъ польза.» —

Все это сказано прекрасно, но такъ-ли долженъ смотрѣть на Исторію философъ? Сдѣлавши сначала опредѣленіе риторическое, намъ говорятъ, что *Исторія полезна*, ибо —

1-е. Правители народовъ справляются съ нею, какъ судья съ старымъ архивомъ, дабы рѣшать дѣла такъ, какъ ихъ прежде рѣшали. Совершенная несправедливость!

2-е. Граждане видятъ, что *зло всегда было*, что *люди всегда терпѣли*, почему и имъ *надобно терпѣть*. Утѣшеніе, подобное тому сравненію, которое употребилъ Карамзинъ въ IX-мъ томѣ, говоря, что Русскіе также славно умирали подъ топорами палачей Царя Іоанна IV-го, какъ Греки умирали при Термопилахъ *! Послѣ такого ограниченнаго взгляда на *пользу*, авторъ переходитъ къ *удовольствію Исторіи*, основанному на томъ, что *любопытство сродно человѣку*, и если нравятся намъ романы, вымыслы, тѣмъ болѣе должна нравиться Исторія, соединяя съ *занимательностью* романа *истину* событій. Еще болѣе Исторія отечественная, продолжаетъ авторъ, и отъ частнаго эгоизма народовъ переходитъ къ тому, чѣмъ-бы должно было начать:

---

* Томъ IX, стр. 437.

важности, какую имѣетъ Исторія Россіи въ Исторіи Человѣчества. Полагаете, что вамъ скажутъ, какъ среди волненія IX-го вѣка образовалась Россія; какъ заслонила она Европу отъ Монголовъ въ XIII-мъ вѣкѣ; какъ вступила въ систему Европы въ XVIII-мъ вѣкѣ; какъ дѣйствовала въ XIX-мъ вѣкѣ. Совсѣмъ нѣтъ! Авторъ видитъ *одно любопытство*: оно составляетъ для него все; онъ старается доказать, что ни чуть не любопытнѣе и не занимательнѣе Исторіи Русской Исторіи другихъ народовъ; что и въ нашей Исторіи есть *картины, случаи*, которые *любопытны не менѣе* картинъ и случаевъ, описанныхъ Древними Историками. Вы думаете, что авторъ скажетъ о феодализмѣ Варяжскомъ, образованіи Русскихъ княжествъ, сближеніи съ Греціею, сліяніи Азіи и Европы въ Россіи, преобразованіи Россіи рукою Петра: напротивъ: авторъ называетъ *пять вѣковъ* Исторіи Русской *маловажными для разума*, предметомъ, небогатымъ мыслями для прагматика, *красотами для живописца*, напоминаетъ, что *Исторія не романъ и міръ не садъ, гдѣ все должно быть пріятно*, и утѣшаетъ наконецъ, что *въ самыхъ пустыняхъ встрѣчаются виды прелестные*, а въ доказательство указываетъ на походы Святослава, нашествіе Батыя, Куликовскую битву, взятіе Казани, ослѣпленіе Василька! Или историкъ думаетъ, что мы, какъ дѣти, принимаясь за его книгу, напередъ спрашиваемъ: *Не скучна-ли она*? или—онъ не Философъ Историкъ!

Онъ и *не прагматикъ*, когда потомъ увѣряетъ, что несправедливо будетъ, если мы пропустимъ *скучное начало* Русской Исторіи. «*Нѣга читателей* осудитъ-ли

на вѣчное забвеніе дѣла и судьбу нашихъ предковъ? Они страдали, а мы *не захотимъ и слушать объ нихъ?* Иноземцы могутъ пропустить скучное для нихъ, но *добрые* Россіяне обязаны имѣть болѣе терпѣнія, *слѣдуя правилу государственной нравственности*, которая ставитъ уваженіе къ предкамъ въ достоинство гражданину образованному.» Не значитъ-ли это доказывать, что тѣло безъ головы не можетъ существовать, и можно-ли Историку-Прагматику имѣть дѣло съ лѣпостью читателей, и потому-же заставлять насъ читать страданія предковъ, почему состраданіе и уваженіе заставляетъ молодаго внука терпѣливо выслушивать разсказы о мѣлочныхъ подробностяхъ жизни стараго и больнаго дѣда?

«Доселѣ.» говоритъ авторъ, «доселѣ *Древніе служатъ намъ образцами*. Никто не превзошелъ Ливія *въ красотѣ повѣствованія*, Тацита въ силѣ: *вотъ главное*! Знаніе *всѣхъ правъ въ свѣтѣ* (?), ученость Нѣмецкая, остроуміе Вольтерово, ни самое глубокомысліе Макіавелево въ историкѣ не замѣняютъ таланта изображать дѣйствія.» — Припомнимъ сіи слова: они замѣчательны.

Мы могли-бы выписать, разобрать все Предисловіе къ Исторіи Государства Россійскаго: читатели увидѣли-бы тогда духъ, планъ, расположеніе творенія Карамзина, и согласились-бы съ мнѣніемъ нашимъ, что Карамзинъ, *какъ философъ*, *какъ прагматикъ*, есть писатель не нашего времени. Но и приведенныхъ нами

мѣстъ достаточно, чтобы показать, какъ понималъ, какъ писалъ Карамзинъ свою Исторію.

Прочитайте всѣ 12 томовъ Исторіи Государства Россійскаго, и вы совершенно въ томъ увѣдитесь. Въ цѣломъ объемѣ оной нѣтъ одного общаго начала, изъ котораго истекали-бы всѣ событія Русской Исторіи: вы не видите, какъ Исторія Россіи примыкается къ Исторіи Человѣчества; всѣ части оной отдѣляются одна отъ другой, всѣ несоразмѣрны, и жизнь Россіи остается для читателя неизвѣстною, хотя его утомляютъ подробностями неважными, ничтожными, занимаютъ, трогаютъ картинами великими, ужасными, выводятъ передъ нимъ толпу людей, до излишества огромную. Карамзинъ нигдѣ не представляетъ вамъ духа народнаго, не изображаетъ многочисленныхъ переходовъ его, отъ Варяжскаго феодализма до деспотическаго правленія Іоанна, и до самобытнаго возрожденія при Мининѣ. Вы видите стройную, продолжительную галлерею портретовъ, поставленныхъ въ одинакія рамки, нарисованныхъ не съ натуры, но по волѣ художника, и одѣтыхъ также по его волѣ. Это лѣтопись, написанная мастерски, художникомъ таланта превосходнаго, изобрѣтательнаго, а *не Исторія*.

«Но», скажутъ намъ, «если такъ, то сочиненіе Карамзина пойдетъ именно къ тому роду Исторій, который мы выше сего назвали *повѣствовательнымъ*. Карамзинъ, сказавши, что Древніе служатъ намъ *образцами* донынѣ, что *сила и красота повѣствованія есть главное для историка*, конечно, успѣлъ поддержать свое мнѣніе исполненіемъ.»

Но Карамзинъ видѣлъ въ Древнихъ образцы превратно, и поставивъ силу и красоту повѣствованія главнымъ, кажется, не зналъ, что онъ дѣлаетъ тоже, что дѣлали Классики Французскіе, подражая Древнимъ. Французская трагедія, въ сравненіи съ трагедіею Грековъ, есть тоже, что Исторія Карамзина въ сравненіи съ Исторіею Иродота и Тита-Ливія. Тамъ и здѣсь не понято, что Древніе совершенно сливались съ предметомъ; самобытность Древнихъ исчезала, такъ сказать, въ предметѣ, который преобладалъ ихъ воображеніемъ, былъ ихъ вѣрою. Французскіе Классики и Карамзинъ, напротивъ, духъ свой, самихъ себя, свои понятія, чувствованія, облекали въ формы предмета, ихъ занимающаго; отъ того все представлено у Французскихъ Классиковъ и у Карамзина невѣрно и превратно. Возьмемъ твореніе его только съ одной стороны въ семъ отношеніи.

Исторія Русская начинается прибытіемъ грозныхъ морскихъ разбойниковъ къ племенамъ полудикихъ Славянъ и Финновъ. Пришельцы разбойники суть страшные Нордманны; они поравощаютъ Славянъ и Финновъ. Сіи два элемента борются, измѣняются въ Руссовъ: сшычка съ деспотизмомъ Азіи и Греціи, патріархальное правленіе покоренныхъ Славянъ, и открывшійся для Варяжскихъ искателей приключеній путь, въ Царьградъ; истребляютъ обыкновенный Нордманскій феодализмъ, являя феодализмъ совершенно особенный: удѣльную систему одного владычествующаго семейства князей Русскихъ. Удѣлы распадаются; вѣра Христіанская из

мѣняетъ характеры вождей и народа; является борьба удѣловъ, силящихся слиться въ одно цѣлое; на сѣверѣ, отъ удаленія Русскихъ князей на югъ неестественнаго положенія страны, является республика Новогородская; все падаетъ подъ иго Монголовъ. Духъ народа борется съ симъ игомъ, освобождается и являетъ въ Россіи одно деспотическое государство, которое вскорѣ разрушается подъ собственною своею тягостью. *Рабъ* дѣлается *Царемъ*, ужасая единственно могуществомъ имени; но это была крайняя степень деспотизма: ужасъ имени исчезъ — настала эпоха новая. Паденіе Новагорода и свирѣпость Грознаго были необходимы для слiянія во едино растерзанныхъ частей государства; насильственное сліяніе требовало сильнаго внутренняго броженія, и вѣкъ Самозванцовъ низвергнулъ деспотизмъ, разбудилъ самобытный духъ народа: онъ создался изъ сильныхъ элементовъ, испытанныхъ въ буряхъ феодализма, порабощенія, деспотизма, и—Россія ожила подъ кроткимъ, благодѣтельнымъ самодержавіемъ великой династіи Романовыхъ; съ Мининымъ началась Исторія *Россіи, какъ государства*, съ Петромъ, *какъ государства Европейскаго*.

Карамзинъ предположилъ себѣ совсѣмъ другое, и уже въ названіи его книги: Исторія *Государства Россійскаго*, заключается ошибка. Съ прибытія Рурика, онъ начинаетъ говорить: *мы*, *наше*; видитъ *Россіянъ*, думаетъ, что любовь къ отечеству требуетъ облагороженія варваровъ, и въ воинѣ Олега, воинѣ Іоанна Грознаго, воинѣ Пожарскаго не замѣчаетъ разницы; ему

кажется *достоинствомъ гражданина образованнаго правило государственной нравственности*, требующее *уваженія къ предкамъ*. Послѣ сего можете-ли ожидать понятія, что до Іоанна III-го была *не Россія*, но *Рускія государства*; чтобы въ Олегѣ видѣлъ авторъ Нордманскаго варвара; въ борьбѣ удѣловъ отдалъ равную справедливость и Олегу Черниговскому и Владиміру Мономаху? Нѣтъ! и не найдете этого. Олегъ *пылаетъ* у него *славолюбіемъ героевъ*, и *побѣдоносныя знамена сего героя развѣваются на берегахъ Днѣпра и Буга*; Мономахъ является ангеломъ-хранителемъ законной власти, а Олегъ Черниговскій *властолюбивымъ*, *жестокимъ*, *отвергающимъ злодѣйство только тогда, когда оно безполезно*, *коварнымъ*, *бунтовщикомъ*; на цѣлое поколѣніе Олеговичей падаетъ у него позоръ и посрамленіе! Такъ въ Рурикѣ видитъ онъ монарха самодержавнаго, мудраго; въ полудикихъ Славянахъ народъ славный, великій, и—даже воинскія трубы Святославовыхъ воиновъ Карамзинъ почитаетъ доказательствомъ *любви Россіянъ къ искуству мусикійскому!*

Послѣ всего этого, удивительно-ли, что Европейскіе ученые, ожидавшіе Исторіи Карамзина съ нетерпѣніемъ, приняли сіе твореніе холодно, не даютъ ему мѣста между знаменитыми историками новѣйшими, Нибуромъ, Тьерри, Гизо, Барантомъ и другими. Карамзинъ не выдерживаетъ сравненія и съ великими историками прошедшаго вѣка, Робертсономъ, Юмомъ, Гиббономъ, ибо, имѣя всѣ ихъ недостатки, онъ не выкупаетъ ихъ тѣмъ обширнымъ взглядомъ, тою глубокою

изыскательностью причинъ и слѣдствій, какія видимъ въ безсмертныхъ твореніяхъ трехъ Англійскихъ историковъ прошедшаго вѣка. Карамзинъ также далекъ отъ нихъ по всему, какъ далека въ умственной зрѣлости и дѣятельности просвѣщенія Россія отъ Англіи.

Люди, привыкшіе видѣть недоброхотство и зло во всякомъ безпристрастномъ сужденіи, скажутъ, что мы отнимаемъ у Карамзина всѣ его достоинства, хотимъ унизить сего великаго человѣка въ глазахъ современниковъ, укажутъ намъ на голосъ всего отечества, воздающаго ему единодушную похвалу. Оправдываемся, указывая такимъ людямъ на то почтительное уваженіе, съ какимъ мы говоримъ о Карамзинѣ. Но не будемъ безотчетны въ восторгѣ благодарности, и постараемся отдавать самимъ себѣ вѣрный отчетъ въ своихъ чувствахъ!

Напротивъ, не только не хотимъ мы унижать Карамзина, но возвысимъ его, можетъ быть, болѣе нежели осмѣлятся возвысить самые слѣпые приверженцы. Мы скажемъ, что никто изъ Русскихъ писателей не пользовался такою славою, какъ Карамзинъ и никто болѣе его не заслуживалъ сей славы. Подвигъ Карамзина достоинъ хвалы и удивленія. Хорошо зная всѣхъ отечественныхъ, современныхъ намъ литтераторовъ, мы осмѣливаемся утверждать, что нынѣ никто изъ всѣхъ литтераторовъ Русскихъ не можетъ быть даже его преемникомъ, не только подумать шагнуть далѣе Карамзина. Довольно-ли этого? Но Карамзинъ великъ *только для нынѣшней Россіи*, и *въ отношеніи къ нынѣшней Россіи* — не болѣе.

Слава, которую единодушно отдаетъ какой либо народъ одному человѣку, не бываетъ ошибкою, ибо сей *одинъ*, если онъ приобрѣлъ такую славу, есть истинный представитель народа, его прославляющаго; онъ совпадаетъ съ народомъ и превышаетъ его. Подвигъ Карамзина въ Исторіи отечественной, для насъ, Руских такъ-же великъ, какъ подвигъ его въ нашей литтературѣ. Въ семъ случаѣ иностранцамъ не льзя судить насъ, ибо они не знаютъ нашихъ отношеній, коими опредѣляется цѣна всему. Постараемся представить доказательства справедливости того удивленія, какое возбуждаетъ Карамзинъ въ своемъ отечествѣ.

1. Можно-ли не оцѣнить достойно смѣлости предпріятія Карамзина? Необыкновенный умъ видѣнъ въ каждомъ его предпріятіи литтературномъ. Онъ угадывалъ потребности своего времени, умѣлъ удовлетворять имъ, и въ 1790-мъ году думалъ и писалъ: «Больно, но должно по справедливости сказать, что у насъ до сего времени нѣтъ хорошей Россійской Исторіи, т. е. писанной съ философскимъ умомъ, съ критикою, съ благороднымъ краснорѣчіемъ. Говорятъ, что наша Исторія сама по себѣ менѣе другихъ занимательна: не думаю; нуженъ только умъ, вкусъ, талантъ. Можно выбрать, одушевить, *раскрасить*, и читатель удивится, какъ изъ Нестора, Никона, и проч., могло выйдти *нѣчто привлекательное*, сильное, достойное вниманія не только Русскихъ, но и чужестранцовъ» *. Въ теченіе 12-ти лѣтъ

---

* Сочиненія Карамзина (*изд. третіе*). М. 1820 г., т. IV стр. 187.

послѣ того, онъ не оставлялъ сей мысли, удивлялъ соотчичей своихъ мастерскими опытами (описаніе бунта при Царѣ Алексіи; Путешествіе въ Троицко - Сергіеву Лавру, и проч.), и въ 1802 году началъ Исторію. Надобно знать, надобно испытать всю трудность подобнаго предпріятія, знать, что нашелъ Карамзинъ и что оставилъ послѣ себя. Онъ создавалъ и матеріялы, и сущность и слогъ исторіи, былъ критикомъ лѣтописей и памятниковъ, геневалогомъ, хронологомъ, палеографомъ, нумизматомъ.

2. Надобно хорошо разсмотрѣть и понять, какой шагъ сдѣлалъ Карамзинъ отъ всѣхъ своихъ предшественниковъ. Кто, сколько нибудь сносный, являлся до него, кромѣ Француза Левека (и той бъ Самарянинъ!)? Щербатовъ, Эминъ, Нехачинъ, Хилковъ, Татищевъ стоятъ - ли критики? Наши издатели лѣтописей, частныхъ исторій, изыскатели древностей оказывали глубокое незнаніе и часто совершенное невѣжество. Скажемъ болѣе, замѣтимъ, чего, кажется, еще не замѣчали: критики на Карамзина, нападки г-дъ Каченовскаго, Арцыбашева и клевретовъ Вѣстника Европы, самая защита Карамзина г-мъ Руссовымъ и г-мъ Дмитріевымъ, не доказываютъ-ли превосходства человѣка необыкновеннаго, надъ людьми, неумѣющими ни мыслить, ни писать, едва могущими владѣть небольшою ученостью, какая мелькаетъ иногда въ ихъ тяжелыхъ и нестройныхъ созданіяхъ?

3. Карамзинъ оказалъ незабвенныя заслуги открытіемъ, приведеніемъ въ порядокъ матеріяловъ. Правда, еще до него сдѣланы были попытки, и труды почтен-

ныхъ мужей, Байера, Тунмана, Миллера, особливо знаменитаго Шлецера, были значительны, важны. Но никто *болѣе Карамзина* не оказалъ заслугъ Россійской Исторіи въ семъ отношеніи. Онъ обнялъ всю Исторію Русскую, отъ начала ея до XVII вѣка, и не льзя не грустить, что судьба не допустила Карамзина довести своего обозрѣнія матеріяловъ до нашихъ временъ. Началъ онъ дѣятельно, и какъ будто оживилъ ревность другихъ изыскателей. Графъ Румянцевъ съ того времени началъ покровительствовать подобнымъ предпріятіямъ, и подъ его покровительствомъ трудились посильно гг. Калайдовичъ, Строевъ, Погодинъ, Востоковъ, и другіе, всѣ заслуживающіе, хотя и не въ равной степени, нашу благодарность; изыскивались матеріялы за границею Россіи; переводились извѣстія писателей Восточныхъ; печатались акты государственные. Самая Академія Наукъ, какъ будто ожила, и показала намъ въ гг. Кругъ, Френъ, Лербергъ достойныхъ преемниковъ Шлецера и Миллера; многіе (Баузе, Вихманнъ, графъ Ѳ. А. Толстой) начали собирать библіотеки Русскихъ достопамятностей; образовались вообще Палеографія, Археографія, Нумизматика, Генеалогія Русская. Скажутъ, что таково было стремленіе времени. Но Карамзинъ угадалъ его, Карамзинъ шелъ впереди всѣхъ, и дѣлалъ всѣхъ болѣе. Давъ живительное начало, оставивъ въ первыхъ восьми томахъ драгоцѣнное руководство всѣмъ послѣдователямъ своимъ, Карамзинъ наконецъ (въ этомъ должно признаться), какъ будто утомился: 9, 10, 11-й и особенно 12-й томы его Исторіи показываютъ, что уже не съ прежнею дѣятельностью

собиралъ и разбиралъ онъ матеріялы. И здѣсь видно, сказанное нами, что въ двѣнадцати томахъ Исторіи своей Карамзинъ весь; однакожь, расположеніе матеріяловъ, взглядъ на нихъ, были-бы для насъ драгоцѣнны и при усталости Карамзина, съ которою не льзя сравнивать самой пылкой дѣятельности многихъ.

4. Но до конца поприща своего, Карамзинъ сохранилъ ясность, умѣнье въ частной критикѣ событій, вѣрность въ своихъ частныхъ означеніяхъ. Не ищите въ немъ высшаго взгляда на событія: говоря о междоусобіяхъ удѣловъ, онъ не видитъ въ нихъ порядка, не означитъ вамъ причинъ, свойства ихъ, и только въ половинѣ XV-го вѣка говоритъ вамъ: «Отселѣ Исторія наша пріемлетъ достоинство истинно государственной, описывая уже не безсмысленныя драки княжескія... союзы и войны имѣютъ *важную цѣль*: каждое особенное предпріятіе есть слѣдствіе *главной мысли*, *устремленной ко благу отечества* *.» — Ошибка явная, замѣченная нами съ самаго *Введенія*, гдѣ Карамзинъ назвалъ первые пять вѣковъ Исторіи Русскаго народа *маловажными для разума*, *небогатыми ни мыслями для прагматика*, *ни красотами для живописца!* Съ VI-го тома, историкъ признаетъ уже *достоинство Русской Исторіи*, но и въ этой, *имѣющей государственное достоинство* (?) Исторіи, не ищите причины злодѣйствъ Іоанна, быстраго возвышенія и паденія Бориса, успѣховъ Самозванца, безначалія, послѣ него быв-

* Томъ IV, стр. 5 и 6.

шаго. Читаете описаніе борьбы Россіи съ Польшею, но не видите, на чемъ основывается странное упорство Сигизмунда, въ слѣдствіе коего онъ, согласившись сперва, не даетъ потомъ Россіи сына своего; не видите того, на чемъ основано спасеніе Россіи отъ чуждаго владычества. Придетъ по годамъ событіе, Карамзинъ описываетъ его, и думаетъ, что исполнилъ долгъ свой, не знаетъ, или не хочетъ знать, что событіе важное не выростаетъ мгновенно, какъ грибъ послѣ дождя, что причины его скрываются глубоко, и взрывъ означаетъ только, что фитиль, проведенный къ подкопу догорѣлъ, а положенъ и зажженъ былъ гораздо прежде. Надобно-ли изобразить (не нужную впрочемъ для Русской Исторіи) подробную картину движенія народовъ въ древнія времена: Карамзинъ ведетъ черезъ сцену Киммеріянъ, Скиѳовъ, Гунновъ, Аваровъ, Славянъ, какъ Китайскія тѣни; надобно-ли описать нашествіе Татаръ: передъ вами только картинное изображеніе Чингисъ-Хана; дошло-ли до паденія Шуйскаго: Поляки идутъ въ Москву, берутъ Смоленскъ, Сигизмундъ не хочетъ дать Владислава на царство, и—болѣе нѣтъ ничего! Это общій недостатокъ писателей XVIII вѣка. который раздѣлялъ съ ними и Карамзинъ, отъ котораго не избѣгалъ иногда и самый Юмъ. Такъ, дойдя до революціи при Карлѣ 1, Юмъ искренно думаетъ, что внѣшнія бездѣлки оскорбили народъ и произвели революцію; такъ, описывая Крестовые Походы, всѣ называли ихъ слѣдствіемъ убѣжденій Петра Пустынника, и Робертсонъ роворитъ вамъ это, такъ-же, какъ при Реформаціи вамъ указываютъ на индульгенціи и Пап-

скую буллу, сожженную Лютеромъ. Даже въ наше время, повѣствуя о Французской революціи, развѣ не полагали, что философы развратили Францію, Французы, по природѣ вѣтренники, одурѣли отъ чада Философіи, и—вспыхнула революція! Но когда описываютъ вамъ самыя событія, то Юмъ и Робертсонъ говорятъ вѣрно, точно: и Карамзинъ также описываетъ событія, какъ критикъ благоразумный, человѣкъ знающій подробности ихъ весьма хорошо. Только тамъ не можете положиться на него, гдѣ должно сообразить характеръ лица, духъ времени: онъ говоритъ по лѣтописцамъ, по своему основному предположенію объ Исторіи Русской, и нейдетъ далѣе. Къ тому присовокупляется у Карамзина, какъ мы замѣтили, худо понятая любовь къ отечеству. Онъ стыдится за предка, *раскрашиваетъ* (вспомнимъ, что онъ предполагалъ дѣлать это еще въ 1790 году); ему надобны герои, любовь къ отечеству, и онъ не знаетъ, что *отечество*, *добродѣтель*, *геройство* для насъ имѣютъ не тѣ значенія, какія имѣли они для Варяга Святославова, жителя Новагорода въ XI-мъ вѣкѣ, Черниговца XII-го вѣка, подданнаго Ѳеодора въ XVII-мъ вѣкѣ, имѣвшихъ свои понятія, свой образъ мыслей, свою особенную цѣль жизни и дѣлъ.

5. Замѣтимъ еще, что Карамзинъ, оставшись тѣмъже, чѣмъ былъ и при другихъ литтературныхъ занятіяхъ, не измѣняя своему духу, не выходя изъ условій своего времени, умѣлъ измѣнить внѣшнія формы. Логическій порядокъ его идей выше всѣхъ современниковъ; образъ мыслей благородный, смѣлый, въ томъ направ-

леніи, какое почитаетъ Карамзинъ лучшимъ. На каждую главу его Исторіи можно написать огромное опровер-женіе, посильнѣе замѣчаній г-на Арцыбашева; едва-ли не половину страницъ его творенія можно подвергнуть критикѣ во многихъ отношеніяхъ, но нигдѣ не отка-жете въ похвалѣ уму, вкусу, умѣнью Карамзина.

6. Наконецъ (припомнилъ: *главное*, по словамъ самого Карамзина) умъ его, вкусъ и умѣнье простер-лись на языкъ и слогъ Исторіи, въ такой сильной сте-пени, что въ семъ послѣднемъ отношеніи, для насъ, Рус-скихъ, Карамзина должно почесть писателемъ образцо-вымъ, единственнымъ, неподражаемымъ. Надобно учить-ся у него этому риѳму ораторскому, этому расположе-нію періодовъ, вѣсу словъ, съ какимъ поставлено каж-дое изъ нихъ. Н. И. Гречъ принялъ, при составленіи Грамматики Русскаго языка, все касательно сего пред-мета въ Исторіи Карамзина за основныя правила, ссы-лался на нее, какъ на авторитетъ и не ошибся. Кро-мѣ Пушкина, едва-ли есть теперь въ Россіи писатель, столь глубоко проникавшій въ тайны языка отечествен-наго, какъ проникалъ въ нихъ Карамзинъ.

Краснорѣчіе Карамзина очаровательно. Не вѣрите ему читая его, и убѣждаетесь неизъяснимою силою слова. Карамзинъ очень хорошо зналъ это, и пользо-вался своимъ преимуществомъ, иногда жертвуя даже простотою, вѣрностью изображеній. Такъ онъ изобра-жаетъ намъ царствованіе Іоанна IV-го, сперва тихо, спокойно, величественно, и вдругъ дѣлается суровымъ, порывистымъ, когда наступило время жизни, не супру-

га Анастасіи, не побѣдителя Казани, но Тиверія Александровской слободы, убійцы брата, мучителя Воротынскаго; ту же противоположность разительно замѣтите между 1-ю и II-ю главами XI-го, и I-ю и II-ю главами XII тома Но это замѣтное, слѣдственно, неловкое усиліе искуства могутъ-ли не выкупить безчисленныя красоты творенія Карамзина! Не говоримъ о IX, X и XI томахъ, гдѣ жизнь митрополита Филиппа, смерть Царевича Іоанна, самого Іоанна IV-го, избраніе Годунова, низверженіе Димитрія Самозванца суть мѣста неподражаемо написанныя: они станутъ наряду съ самыми краснорѣчивыми, безсмертными страницами Өукидидовъ, Ливіевъ, Робертсоновъ, и въ семъ отношеніи, слова почтеннаго Издателя XII-го тома Исторіи Государства Россійскаго: *Карамзинъ не имѣлъ несчастія пережить талантъ свой*, совершенно справедливы. Но и въ 12-мъ томѣ есть мѣста изумляющаго краснорѣчія, на примѣръ: Шуйскій передъ Королемъ Польскимъ и смерть Ляпунова. Уже рука Карамзина коснѣла, а духъ его все еще хранилъ юношескую бодрость воображенія.

Вотъ неотъемлемыя достоинства и заслуги нашего незабвеннаго историка. Если мы строго судили его недостатки, то, конечно, никто не можетъ сказать, чтобы мы не цѣнили и достоинствъ его. Сочинитель сей статьи осмѣливается думать, что посвятивъ себя занятію Отечественною Исторіею съ самой юности, нынѣ, послѣ многолѣтнихъ трудовъ, онъ можетъ съ нѣкоторою надеждою полагать, что имѣетъ предъ другими почитателями великаго Карамзина преимущественное право

говорить о достоинствахъ и недостаткахъ его.

Не будемъ поставлять въ заслугу Карамзину, что онъ, можетъ быть, не былъ такъ хорошо приготовленъ къ труду своему, какъ знаменитые Европейскіе его соперники. Карамзинъ получилъ образованіе не ученое, но свѣтское; онъ въ послѣдствіи самъ перевоспиталъ себя: тѣмъ болѣе ему чести, но намъ нѣтъ никакой надобности до частныхъ средствъ и способовъ писателя: мы судимъ только его творенія. Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ: были и теперь есть люди въ Россіи, болѣе Карамзина знающіе какую либо часть, къ Исторіи Русской относящуюся, но сіе частное знаніе поглощаетъ всѣ другія ихъ способности, и не даетъ имъ средства даже и подумать сравниться съ великимъ творцомъ Исторіи Государства Россійскаго: они каменьщики, Карамзинъ зодчій и великій зодчій. Зданіе, имъ построенное, не удивляетъ цѣлаго міра, подобно зданіямъ Микель-Анджеловъ, но тѣмъ не менѣе оно составляетъ честь и красу своего вѣка для той страны, въ коей оно воздвигнуто.

И современники-сограждане были справедливы къ великому Карамзину. Твореніе его еще долго будетъ предметомъ удивленія, чести и хвалы нашей. Карамзинъ научилъ насъ Исторіи нашей; идя по слѣдамъ его, мы со временемъ научимся избѣгать его погрѣшностей и недостатковъ, можемъ и должны сравнивать его съ геніальными творцами, и воздавать ему не безусловную хвалу крикливаго невѣжества, но въ то же время, съ

негодованіемъ отвергаемъ мы порицателей человѣка необыкновеннаго. Онъ былъ столь великъ, сколько позволяли ему время, средства, способы его и образованіе Россіи; благодарность къ нему есть долгъ нашъ.

Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ. *Часть III. Записки Маржерета и Президента де-Ту. СПб.* 1832 *г. Въ т. Акад. Наукъ, въ* 8, *XVI и* 243 *стр., съ древнею картою Россіи.*

Описаніе Украйны. *Соч. Боплана. Переводъ съ Французскаго. СПб.* 1832 *г., въ* 8, *въ т. Карла Крайя, XI и* 179 *стр., съ рисунками.*

Сказанія князя Курбскаго. *Часть I. Исторія Іоанна Грознаго. СПб.* 1833 *г., въ* 8, LXV *и* 315 *стр., съ потретомъ, снимкомъ и родословною.*

Два года тому, въ первый разъ имя г-на Устрялова узнали мы по изданному имъ переводу Маржеретовой книги. Привѣтствуя первый трудъ его, мы изъявили большія надежды на сего почтеннаго любителя отечественныхъ Древностей и Исторіи. Сознаемся, что переводчикъ Маржерета обманулъ надежды наши — но, даруй Богъ такихъ обмановъ! Въ послѣдніе два года, г-нъ Устряловъ превзошелъ трудами своими наши ожиданія, и заставилъ насъ удивляться своему трудолюбію, неутамимой ревности къ отечественной исторіи и древностямъ и ученому достоинству трудовъ своихъ. Если бы поболѣе было у насъ дѣлателей, столь трудолюби-

выхъ и тщательныхъ, по другимъ частямъ Русской Литтературы, если-бы они такъ-же быстро шли впередъ, какъ г-нъ Устряловъ, и столь-же безкорыстно, благонамѣренно дѣйствовали, то вскорѣ обогатилась-бы литтература наша и получила свое самобытное достоинство.

Въ оправданіе безпристрастнаго сужденія нашего напомнимъ то, что сдѣлалъ въ теченіе двухъ лѣтъ г-нъ Устряловъ. Когда первое изданіе перевода Маржерета все вышло изъ продажи, онъ издалъ его вновь, обогативъ новыми прибавленіями, и притомъ напечаталъ вмѣстѣ съ нимъ переводы рукописей Бера и Паерле, самовидцевъ событій въ Москвѣ во время Самозванцевъ, давъ названіе всему этому: *Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ*. Потомъ напечатано было г-мъ Устряловымъ Бопланово *Описаніе Украйны* (переведенное братомъ его, г-мъ Ѳ. Устряловымъ). Наконецъ, онъ приступилъ нынѣ къ труду, не менѣе первыхъ драгоцѣнному — изданію рукописи Курбскаго, и *первый томъ* сего изданія получили и прочитали мы съ живымъ любопытствомъ. Не *обѣщаетъ*, но *надѣется* приступить послѣ того г-нъ Устряловъ къ печатанію другихъ, столь-же драгоцѣнныхъ пособій для Русской Исторіи.

Краткія извѣстія о двухъ первыхъ томахъ *Сказаній о Димитріи Самозванцѣ*, читатели видѣли уже въ Телеграфѣ. Мы намѣревались представить имъ болѣе подробное разсмотрѣніе при выходѣ *третьяго* тома, коснувшись самой сущности сихъ *Сказаній*, съ чѣмъ соединяются любопытныя историческія изслѣдованія и выводы. Къ сему особенно подавали поводъ приложенія,

какія сдѣланы при 2-мъ и 3-мъ томѣ переводчикомъ. Но другія занятія отвлекаютъ насъ донынѣ отъ исполненія нашего намѣренія. По тому, на сей разъ рѣшаемся мы только собрать вмѣстѣ общія извѣстія о трудахъ г-на Устрялова, представивъ читателямъ Телеграфа объясненіе, вмѣстѣ съ прежними, о коихъ не было говорено нами, и о новой, издаваемой г-мъ Устряловымъ книгѣ. Всѣ подробности принуждены мы отложить до перваго удобства заняться оными, что исполнимъ съ истиннымъ удовольствіемъ и желаніемъ добра.

Третій томъ *Сказаній* о Самозванцѣ заключаетъ въ себѣ *второе* изданіе Русскаго перевода сочиненія Маржерета, съ исправленіями въ текстѣ и дополненіями въ примѣчаніяхъ. Къ тому вновь присовокупленъ переводъ отрывка изъ *Исторіи моего времени*, сочиненной де-Ту. Ученый мужъ сей, знаменитый писатель и юристъ XVI-го вѣка, помѣстилъ, между прочимъ, въ Исторіи своей (I. A. Thuani, historia sui temporis, Парижъ, 1604 — 1609 гг.) описаніе событій въ Россіи, съ половины XVI-го вѣка. Это описаніе важно для насъ особенно тѣмъ, что де-Ту имѣлъ въ рукахъ многіе матеріялы, нынѣ неизвѣстные намъ (какъ-то: письма Іезуитовъ, записку, или донесеніе какого-то Патерсона, и проч.). Не раздѣляя высокаго мнѣнія о достоинствѣ трудовъ де-Ту, какое изъявляетъ г-нъ Устряловъ (стр. 124), и почитая сіе мнѣніе слишкомъ преувеличеннымъ, мы соглашаемся однакожь, что отрывокъ изъ де-Ту имѣетъ для насъ свое большое достоинство историческое, и готовы благодарить почтеннаго переводчика за

изданіе онаго на Русскомъ языкѣ.

Еще болѣе драгоцѣнно для Русской Исторіи *Описаніе Украйны*, Боплановo. Авторъ его былъ Французскій инженеръ, и находился въ Польской службѣ, при Сигизмундѣ III-мъ и Владиславѣ IV-мъ, всего около 17-ти лѣтъ. Онъ былъ употребленъ для важныхъ препорученій Польскими Королями; долго жилъ въ Малороссіи, лично обозрѣвалъ ее, строилъ въ ней крѣпости сочинилъ потомъ большую карту видѣнныхъ имъ земель, и возвратясь во Францію издалъ свое: Description d'Ukranie, въ 1650 году. Посвящая свое сочиненіе, царствовавшему тогда въ Польшѣ, Королю Іоанну Казиміру, Бопланъ говоритъ о приложенной къ нему картѣ. Къ сожалѣнію, карта сія осталась намъ неизвѣстною, ибо дошедшая до насъ Бопланова карта (какъ справедливо замѣтилъ Лербергъ) вѣрно не та: она нехороша и неискусно сдѣлана, когда, напротивъ, описанія Боплановы отличаются вѣрностію и точностію. Любопытные могутъ видѣть эту Бопланову карту при *Исторіи Малой Россіи*, соч. г-мъ Бантышъ-Каменскимъ. Г-нъ Устряловъ не рѣшился приложить ее при изданномъ имъ переводѣ Боплана. Можно предполагать, что настоящая, большая карта Бопланова погибла, вмѣстѣ съ другими его рисунками, у вдовы гравера Гондіуса, которая продала ихъ Королю Польскому, послѣ смерти своего мужа. Можетъ быть, сіи драгоцѣнности находятся забытыя, гдѣ нибудь у насъ, въ пыли архивовъ. По нашему мнѣнію, всего надежнѣе искать ихъ въ богатомъ Депо картъ при Главномъ Штабѣ. Тамъ сохра-

нены неоцѣненныя сокровища историческія. Бывшій при семъ Штабѣ, П. О. Деріардъ подарилъ насъ однимъ изъ такихъ сокровищъ: картою Россіи, начертанною въ царствованіе Годунова, и гравированною Герардомъ въ 1614 году. Г-нъ Устряловъ отыскалъ, кажется, сію самую карту въ Theatrum orbis terrarum, изд. 1640-го года, въ Амстердамѣ. Находка г-на Устрялова дѣлается для насъ тѣмъ болѣе драгоцѣнною, что мы узнаемъ по ней сочинителя сей карты: это былъ юный Царевичъ Ѳеодоръ Борисовичъ, какъ видно изъ надписи (Tabula Russiae ex autographo, quod delineandum curavit Foedor, filius Tzaris Boris, etc). Съ особенною тщательностію сгравировалъ и приложилъ г-нъ Устряловъ сію карту къ 3-му тому *Сказаній о Самозванцѣ*.

Бопланово сочиненіе слишкомъ извѣстно ученымъ людямъ, но оно, какъ Маржеретъ, Герберштейнъ, Пурчасъ, сдѣлалось нынѣ весьма рѣдко въ подлинникѣ. Русскій Переводчикъ исполнилъ свое дѣло тщательно и прекрасно: передалъ подлинникъ слово въ слово, объяснилъ примѣчаніями темноты, и кажется, что замѣчанія о трудѣ его, подобныя тѣмъ, какія были въ Сѣверной Пчелѣ, надобно почесть неосновательными. Для людей незнакомыхъ съ Бопланомъ скажемъ, что Боплану не во всемъ должно довѣрять, какъ человѣку, бывшему приверженцемъ Поляковъ, и иногда ошибавшемуся, потому, что будучи военнымъ человѣкомъ, онъ не имѣлъ ни времени, ни средствъ входить въ критическія изслѣдованія и подробности. Но тѣмъ не менѣе, книга Боплана есть собраніе извѣстій о Малороссіи и

Польшѣ XVII-го вѣка, писанныхъ человѣкомъ самовидцемъ, весьма честнымъ и благонамѣреннымъ, и любопытныхъ въ высокой степени. Они раздѣлены на семь отдѣленій: одно посвящено изображенію Украйны, два Крыму и Татарамъ, одно Казакамъ, и три Польшѣ и ея дворянству.

Послѣдній трудъ г-на Устрялова важнѣе всѣхъ предшествовавшихъ. Известно, что князь Курскій, столь знаменитый въ Исторіи Іоанна Грознаго своими воинскими дѣлами, дружбою съ Адашевымъ, измѣною и бѣгствомъ въ Польшу, сдѣлался въ изгнаніи тѣмъ-же для Іоанна, чѣмъ былъ Прокопій для Юстиніана. Онъ написалъ Исторію Іоанна, и страшными красками изобразилъ дѣянія сего Царя. Еще любопытнѣе, что Курбскій и Іоаннъ взаимно переписывались и бранились. Какіе драгоцѣнные памятники для цѣлаго полувѣка Руской Исторіи! Но донынѣ сіи памятники оставались доступны весьма немногимъ, извѣстные въ маломъ числѣ списковъ, и то невѣрныхъ и неполныхъ. Мы должны были полагаться на разсказы нашихъ историковъ при ихъ ссылкахъ на Курбскаго, ибо не могли повѣрить хорошенько ни грубаго, ошибочнаго повѣствованія Щербатова, ни краснорѣчиваго изображенія Карамзина. Многіе почтенные люди давно уже думали издать Исторію Курбскаго. Такъ намъ извѣстно, что В. Ѳ. Тимковскій, братъ знаменитаго профессора Тимковскаго, нѣсколько лѣтъ занимался симъ трудомъ; другія занятія отвлекли его потомъ отъ окончанія труда, и намъ неизвѣстно: гдѣ теперь находится множество ма-

теріяловъ и изслѣдованій, собранныхъ симъ почтеннымъ знатокомъ отечественной Исторіи?

Г-нъ Устряловъ успѣлъ совершить, что только начинали другіе. При пособіи просвѣщенныхъ покровителей, особенно С. С. Уварова, онъ имѣлъ въ рукахъ своихъ списокъ Исторіи Курбскаго, отысканный въ Патріаршей библіотекѣ П. М. Строевымъ, сличилъ съ нимъ *шесть* другихъ списковъ, и напечаталъ текстъ его, означивъ внизу страницъ варіянты другихъ списковъ. Дабы вполнѣ и отчетливо обработать предметъ свой, г-нъ Устряловъ помѣстилъ передъ Исторіею Курбскаго жизнеописаніе сего замѣчательнаго человѣка, а самый текстъ Исторіи его снабдилъ множествомъ замѣчаній (болѣе 200). Кромѣ того, приложено изъясненіе неудобопонятныхъ Славянскихъ и Польскихъ словъ, находящихся у Курбскаго. Для читателей, любящихъ хорошія изданія, скажемъ, что книга г-на Устрялова издана не только опрятно, но даже великолѣпно — напечатана на веленевой бумагѣ, прекрасными, четкими буквами, и украшена превосходнымъ портретомъ Іоанна Грознаго: довольно сказать, что портретъ сей гравировалъ славный художникъ нашъ Н. И. Уткинъ; для знатоковъ упомянемъ о тщательности текста, планѣ Казанской осады, снимкѣ съ Патріаршей рукописи Исторіи Курбскаго, принятой издателемъ въ основаніе, и родословной Курбскихъ (составленной особенно при пособіи А. Ѳ. Малиновскаго). Намъ кажется, что издатель, тщательно наблюдая за вѣрностью текста, справедливо исключилъ грубыя ошибки правописанія. Давно казалось

намъ, что при изданіи древнихъ рукописей нѣтъ никакой надобности печатать: *Фаравоню*, *Моисее10*, *земля Еюпецка*, *моужю*, *Словеньску*, если явно видно, что должно стоять: *Фараоню*, *Моисею*, *земля Египетска*, *мужа*, *Словенску*. Не позволимъ издателямъ измѣнять тѣхъ словъ, гдѣ встрѣчается хотя малѣйшее сомнѣніе, но поблагодаримъ г-на Устрялова, что онъ вездѣ ставилъ: *куда*, *во предобрый*, и проч., вмѣсто: *куды*, *впредобрый*. Другіе поступали иначе, и чрезъ то безполезно затрудняли себя и читателей.

Во 2-й части *Сказаній Курбскаго* помѣстятся письма Курбскаго къ Іоанну, и отвѣты Іоанна также всѣ извѣстныя намъ сочиненія и переводы Курбскаго (кромѣ Бесѣдъ Златоуста). Въ исчисленіи *переводовъ* (стр. XXI) *Курбскаго* не упомянуто о переводахъ его изъ *Цицерона*. Но, сколько можемъ припомнить, въ одномъ спискѣ Курбскаго, мы именно видѣли отрывки изъ Цицеронова сочиненія, помнится, о Дружбѣ, переведенные Курбскимъ. Намъ желательно-бъ было, чтобы г-нъ Устряловъ не упустилъ изъ вида сего любопытнаго труда, если онъ точно существуетъ. Кромѣ того, кажется, должно-бы прибавить характеристическую черту въ жизнеописаніи Курбскаго о томъ, что Курбскій возбуждалъ негодованіе Поляковъ жестокимъ обращеніемъ съ людьми, которыми владѣлъ въ Польшѣ, женясь тамъ на княгинѣ Дубровицкой...

Имѣя теперь подъ рукою, послѣ трудовъ г-на Устрялова, Исторію Курбскаго вполнѣ, можно приступить

къ занятію тѣмъ, о чемъ мы выше сего упомянули, т. е. повѣркѣ и изслѣдованіямъ критическо-историческимъ. Курбскій былъ причиною страшнаго обвиненія, которое лежитъ на памяти Іоанна, и особенно сдѣлалось общимъ мнѣніемъ послѣ Карамзина. Тиранъ неслыханный, кровопійца, превосходящій свирѣпостью Калигулъ и Нероновъ, онъ только что не ѣлъ людей, но походилъ на кровожаднаго звѣря, который терзаетъ изъ наслажденія, для того, что любитъ видѣть текущую кровь человѣческую! И этотъ ужасный характеръ соединяютъ съ памятью Государя славнаго, умнаго, воина счастливаго и законодателя мудраго. Для чести Человѣчества надобно подробно излѣдовать сіе обстоятельство, и— достойнымъ презрѣніемъ наградить историка, если онъ изъ *хвастливости авторскаго краснорѣчія* осмѣлился безразсудно подтвердить клеветы современника, несбыточныя и нелѣпыя. Не будемъ опрометчивы въ Историческомъ судѣ, когда въ Земскомъ какомъ нибудь Судѣ ошибка считается наравнѣ съ преступленіемъ. Если Іоаннъ точно явится по приговору потомства уродомъ Человѣчества, въ коемъ были соединены высокія качества съ отвратительными пороками — горестно вздохнемъ объ немъ, и похвалимъ историка, указавшаго на сей нравственный феноменъ; но если Іоаннъ явится великимъ человѣкомъ, непревышавшимъ нравственностью свой вѣкъ, полудикій, свирѣпый, если будетъ притомъ доказано, что его жестокія свойства были необходимостью государственною, и слѣдствіемъ ожесточенія и презрѣнія, какое возбуждали въ немъ всѣ окружавшіе его, все, что онъ видѣлъ и испыталъ, если,

наконецъ, увѣримся мы въ нелѣпости многихъ обвиненій на Іоанна, то намъ слѣдуетъ возвыситься надъ риторическими фразами сантиментальности, и философски разсматривать Іоанна и вѣкъ его, какъ разсматриваютъ нынѣ другіе предметы бытія минувшаго, какъ безпристрастно судятъ нынѣ Макіавеля, Людовика XIV-го, Генриха, Наполеона, смотря съ новой точки на систему политики перваго, волокитство втораго, хвастливое щегольство добродѣтелью третьяго и честолюбіе послѣдняго. Читатели Телеграфа могли замѣтить, изъ многихъ статей, что вообще мы несогласны съ Карамзинымъ въ мнѣніи объ Іоаннѣ Грозномъ, и почитаемъ сіе мнѣніе его стольже ошибочнымъ, какъ ошибочны мнѣнія его о Мономахѣ и Олегѣ, Василіи Темномъ и Шемякѣ, Александрѣ и Андреѣ Ярославичахъ, Борисѣ Годуновѣ, Мстиславѣ Удаломъ, Ярославѣ, Владимірѣ, Всеволодѣ Георгіевичѣ, какъ несправедливы сотни другихъ невѣрныхъ мнѣній, которыя ввелъ Карамзинъ въ нашу Исторію, говоря о началѣ Руси, удѣльныхъ битвахъ, нашествіи Татаръ, Малороссійскихъ Казакахъ, и проч. и проч.

Для полнаго рѣшенія вопроса объ Іоаннѣ, слѣдуетъ рѣшить предварительно многое, и между прочимъ опредѣлить самую степень достовѣрности повѣствованій Курбскаго. Предоставляя себѣ опыты такихъ рѣшеній въ будущемъ, скажемъ, что г-нъ Устряловъ предлагаетъ намъ всѣ необходимые факты, но самъ онъ рѣшительно удаляется отъ всякихъ критическихъ вопросовъ Исторіи. Его мнѣнія, сказанныя мимоходомъ, есть что-то

среднее между Карамзинымъ и противниками Карамзина. Г-нъ Устряловъ вообще, какъ будто не смѣетъ договаривать того, на что намекаетъ въ Предисловіяхъ къ *Сказаніямъ о Самозванцѣ* и—*Сказаніямъ Курбскаго.*

Такая робость, такая недовѣрчивость, безъ сомнѣнія, похвальны, по крайней мѣрѣ — благоразумны. Но осудимъ-ли послѣ сего смѣлость тѣхъ, которые самонадежно идутъ противъ авторитета предразсудковъ и ложныхъ мнѣній? Не похвально-ли даже и пасть въ битвѣ противъ громкаго авторитета, бывши увѣренными, что мы пали за истину? Къ несчастію, таковъ удѣлъ человѣка, что добро сдѣлать ему трудно, а зло весьма легко. Такъ въ жизни, такъ въ наукахъ, и — въ Исторіи. Если-бы смѣльчаки избранные ни на что не осмѣливались, то ничего-бы и не дѣлалось. При лѣности и безпечности людской, при жалкой привычкѣ къ затверженному, пристрастіи, съ какимъ держатся люди за ошибки свои, повторяемъ — добро въ наукѣ сдѣлать столь-же трудно, а зло причинить столь-же легко, какъ и въ общественныхъ отношеніяхъ. Притомъ сообразите, что едва успѣваютъ люди управиться съ одною нелѣпостью, вырастаетъ десять новыхъ. Такъ иногда пожелалъ-бы, для пользы общей, одному негодяю литтературному отправиться на тотъ свѣтъ, но боишься, чтобы въ замѣну его не явилось ихъ десять новыхъ....

Сохрани насъ Богъ — обвинять почтеннаго г-на Устрялова въ потачкѣ заблужденіямъ, украшеннымъ громкими авторитетами, и въ скромности, недопускаю-

щей его сказать то, въ чемъ онъ, кажется, совершенно увѣренъ, какъ изъ всего это видно. Нѣтъ! мы желаемъ только, чтобы и то, что говоритъ онъ отъ себя, сообщая драгоцѣнные памятники старины, соотвѣтствовало внутреннимъ достоинствомъ прекраснымъ трудамъ его. Посему хотимъ мы теперь немного поговорить объ его *Предисловіи* къ *Сказаніямъ Курбскаго*, съ которымъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ, мы не совсѣмъ согласны. Да, приметъ слова наши почтенный г-нъ Устряловъ, какъ доказательство глубокаго нашего къ нему уваженія. Онъ самъ могъ замѣтить, что даже со многими людьми, которые пишутъ и издаютъ противъ издателя Телеграфа и трудовъ его цѣлыя книги, которые безпрерывно печатаютъ противъ него огромныя статьи, и тѣмъ вызываютъ его на отвѣтъ и споръ — онъ говорить не желаетъ.

Дѣло не о читателяхъ неопытныхъ, но о знатокахъ Исторіи и Древностей. Намъ даже пріятно попротиворѣчить г-ну Устрялову, думая, что истина можетъ выиграть, если противорѣчатъ другъ другу люди взаимно себя уважающіе, благонамѣренные, съ истиннымъ желаніемъ пользы.

Заблужденія человѣческія, по видимому, безконечны; они, какъ вечернія тѣни, слѣдуютъ безпрерывно за яснымъ днемъ. Русская Исторія уже много видѣла ихъ въ свой чередъ. Хвастливое невѣжество, желаніе отличиться на зло истинѣ, слѣпое пристрастіе къ родному, излишняя замысловатость учености — все это ис-

пытывала и испытываетъ еще донынѣ отечественная История наша. — Многое было такъ нелѣпо, что теперь съ трудомъ повѣрили-бы существованію того или другаго заблужденія, если-бы не осталось намъ объ нихъ вѣрныхъ доказательствъ. Каково, напримѣръ, то событіе, что когда Миллеръ началъ утверждать происхожденіе Руссовъ отъ Шведовъ, невѣжество ученыхъ современниковъ представило его врагомъ отчизны, унижающимъ славу Русскую, умышленно утверждающимъ происхожденіе Руских отъ враговъ, и — темною интригою, невѣжды довели до того, что Миллеру запретили говорить истину, въ послѣдствіи всѣми признанную? И въ Исторіи были свои Галилеи и Гуссы. — Можно-ли и тому повѣрить, что грубѣйшая выдумка Іоакимовой лѣтописи долго волновала умы нашихъ историковъ, и съ этою поддѣлкою (самого Татищева или неизвѣстнаго монаха, отъ котораго онъ получилъ ее) надобно было сражаться не шутя? А въ наше время — развѣ не было подобнаго? Не въ осужденіе людей, оказавшихъ незабвенныя заслуги нашей Исторіи, вспомнимъ ошибку почтеннаго Барона Розенкампфа, который думалъ видѣть въ грубыхъ припискахъ Никоновской лѣтописи слѣды древнѣйшихъ, погибшихъ для насъ лѣтописцевъ; вспомнимъ систему Хазарскаго происхожденія Руссовъ изобрѣтенную почтеннымъ Эверсомъ, распространенную Нейманомъ, и доведенную до смѣшнаго Фатеромъ; вспомнимъ Добровскаго, который въ церковныхъ книгахъ искалъ памятниковъ древнѣйшаго языка Славянскаго. Должно-ли говорить о частныхъ заблужденіяхъ, на примѣръ, того писателя, который, подобно Рудбе-

камъ и собратіи его, превратилъ Булгаровъ въ Славянъ, Аттилу въ Славянина, и недалеко сталъ отъ Тредьяковскаго, думавшаго, что и Адамъ былъ природный Славянинъ, или о гипотезъ Гольмана, нашедшаго родину Рурика въ Голштиніи? Явись такія мнѣнія подъ покровомъ славнаго авторитета — они не возбуждали-бы только улыбки, но могли-бы подать поводъ къ общимъ сомнѣніямъ и многолѣтнимъ повѣрьямъ. Развѣ Татищевъ въ старое время и Карамзинъ въ наше время не явные сему примѣры? Авторитетъ Карамзина все еще заставляетъ робѣть въ признаніи его ошибокъ и самыхъ невѣрныхъ понятій, какія прикрылъ онъ прекраснымъ разсказомъ и славою своею. Теперь уже многіе въ этомъ не сомнѣваются — не сомнѣваются, такъ, а открыто сказать все таки не смѣютъ, или—не хотятъ...

Но, все проходитъ, и, какъ мы сказали, многіе уже понимаютъ истину въ заблужденіяхъ Карамзина. Придетъ время, что всѣ открыто станутъ въ томъ сознаваться. Между тѣмъ неистощимый источникъ Историческихъ заблужденій начинаетъ уже проявлять намъ другія новости, несправедливыя не менѣе прежнихъ. Новыя ошибки въ Русской Исторіи долженствуютъ быть, естественно, противоположны старымъ: противодѣйствіе (reaction) всегда слѣдуетъ за дѣйствіемъ, и изъ одной крайности человѣкъ всегда впадалъ въ другую. Всего легче фанатику сдѣлаться вольнодумцемъ, и на оборотъ.

Кажется, что теперь нѣкоторые изъ занимающихся

Отечественною Исторіею хотятъ ввести къ намъ особенную, новую секту Историческаго Критицизма. Мы не упоминаемъ *именъ* сихъ нововводителей, дабы тѣмъ удалить всякое подозрѣніе въ личности. Наше желаніе: предупредить только ошибочныя мнѣнія, которыя начинаютъ появляться, и могутъ увлечь другихъ своею новостію.

Какъ прежде была у насъ вообще школа безотчетной Исторической довѣренности, такъ теперь многіе хотятъ кинуть насъ въ школу критическаго скептицизма. Уже появляются тамъ и сямъ, мимоходомъ сказанныя сомнѣнія, въ силу коихъ мы должны отвергнуть почти все то, чему вѣрили донынѣ. Читая и перечитывая Несторову Лѣтопись, критическіе скептики выводятъ наконецъ, что Несторъ совсѣмъ не писалъ сей лѣтописи; что она составлена въ позднѣйшія времена, и слѣдственно, содержитъ въ себѣ пустые вымыслы; что *Правда Русская* есть Нѣмецкое уложеніе, переведенное предками нашими изъ любопытства, и никогда не бывшее въ употребленіи. Все — и *Слово о полку Игоревомъ*, и старинные законы, и древнія лѣтописи — должно пасть въ забвеніе передъ грознымъ судомъ новаго скептицизма.

Такія идеи, высказанныя одними, ведутъ другихъ къ утвержденію дальнѣйшихъ скептическихъ положеній. Является странная мысль, что и самая Исторія древней Руси не заслуживаетъ никакого вниманія; что Исторія Русская начинается только съ Іоанна III-го,

а собственно говоря только съ Петра Великаго. Чтоже было прежде? Ничто: хаосъ пустыхъ сплетней, война, рѣзня, безумныя междоусобія, не представляющія никакой прагматической достовѣрности. Историку не стоитъ ими заниматься; художнику и поэту нѣчего тутъ извлечь.

Видите-ли во всемъ этомъ противодѣйствіе прежнимъ идеямъ объ Исторіи Русской и объ источникахъ Русскаго дѣеписанія? Татищеву и Щербатову казалось, что самые Скиѳы и Киммеріяне принадлежатъ къ нашей Исторіи, и что Рурикъ былъ такой-же Царь Русскій, каковы были Михаилъ и Алексій. Имъ въ голову не приходило сомнѣваться объ Уставѣ Церковномъ Владиміра, объ ерлыкахъ Батыя, данныхъ Петру Митрополиту, о томъ, что Олегъ прибилъ щитъ къ воротамъ Царяграда: какъ не вѣрить, когда это *написано* въ *старой* лѣтописи, и *напечатано* въ Степенной Книгѣ, или въ Вивліоѳикѣ? Въ Карамзинѣ видимъ уже критику дѣльную, разборъ, отдѣленіе нелѣпыхъ выдумокъ, повѣрку, но — идеи его все еще оставались старыя: онъ иногда самъ не вѣритъ, а повторяетъ. Новѣйшіе скептики хотятъ идти далѣе, и падаютъ въ бездну пустоты, подобно конямъ Омировыхъ боговъ, въ одинъ скачекъ проскочивъ черезъ весь міръ, и въ другой падая внѣ предѣловъ его.

Подождемъ до тѣхъ поръ, когда новые скептики станутъ говорить опредѣленно и точно. Теперь еще не стоитъ опровергать ихъ неопредѣленныхъ и неточныхъ намѣковъ. Мы согласны въ томъ, что недовѣрчивость

и критика необходимы историку; что могутъ быть сдѣланы въ Исторіи важныя, новыя открытія, но — здѣсь конецъ скептицизма нашего, — на благоразумной срединѣ. Столько-же нелѣпо вѣрить всему, что находится въ Лѣтописяхъ нашихъ, и не отличать позднѣйшихъ прибавокъ какой нибудь *Степенной Книги* или *Царственнаго Лѣтописца*, сколь нелѣпо думать, что какой нибудь Гизель, или Калнофойскій, сочинилъ наши древнія лѣтописи въ XV-XVI вѣкѣ, или, что Русская Правда есть переводъ Ганзейскаго уложенія XV-го столѣтія. Такъ и въ мнѣніи о первоначальной Исторіи Руси: столь-же ошибочно будутъ предполагать полное развитіе государственнаго быта во времена Рурика, Удѣловъ и Монголовъ, сколь и осуждать всю древнюю Русскую Исторію на безуміе и небытіе политическое. Это все равно, что толковать о цвѣтахъ, бросивъ въ сторону корни, стволъ, вѣтви и листья, или разсматривать голову и сердце, забывъ руки, ноги, тѣло, желудокъ человѣка. Одинъ вопросъ: можемъ-ли понимать нашу Исторію отъ Петра до нашего времени, если не знаемъ Варяговъ, Славянъ, отношеній Руси къ Греціи, Европѣ, Папѣ, Монголамъ, или событій въ періодѣ Удѣловъ? Не можемъ, ибо безъ того не узнаемъ мы основныхъ элементовъ, которымъ Петръ далъ только новую форму. Еще вопросъ: могло-ли явиться нѣчто прагматическое отъ временъ Петра, если до него было только безобразное броженіе стихій общественныхъ? Не могло, ибо Петръ не создалъ Россіи, но только далъ старому новое, сильное направленіе. Словъ недостаетъ на опровержніе той ошибочной мысли,

что первобытныя исторіи другихъ государствъ въ началахъ своихъ представляютъ болѣе живую, болѣе дѣятельную жизнь, болѣе обширный кругъ слѣдствій, какихъ не было въ Русской древней исторіи. Мы рѣшительно утверждаемъ, что относительнаго, превышающаго достоинства въ исторіи одного государства, или народа, противъ другихъ — нѣтъ и быть не можетъ. Разумѣется, что мы не принимаемъ здѣсь Исторіи Санъ-Маринской республики, Исторіи какого нибудь Бадакшана, или Саксенъ-Кобурга, въ противоположность съ Исторіею Рима, Греціи, Франціи; но поставляя передъ собою перспективу историческихъ важнѣйшихъ предметовъ, мы увѣрены, что Греція, Римъ, Франція, Персія, Монголія, Россія, въ глазахъ просвѣщеннаго наблюдателя, суть равно важны и велики. По нашему мнѣнію, столь-же важна и характерна борьба Мстислава Удалаго съ современниками, какъ война Пелопонезская, или смятеніе Гвельфовъ и Гибеллиновъ. Поэтъ и художникъ, если только у нихъ есть истинное дарованіе, найдутъ столько-же красокъ въ изображеніи Святослава, въ отношеніяхъ Руси къ Ганзѣ, Греціи, Монголамъ, въ Исторіи Новгорода и Кафы, Галича и Москвы, сколько нашелъ ихъ В. Скоттъ въ мѣлкихъ распряхъ Шотландскихъ горцевъ и Пуританъ, походахъ Ричарда и безразсудствѣ Карла Смѣлаго, или Куперъ въ войнѣ за независимость Америки, и въ изображеніяхъ Американскихъ дикарей и корсаровъ. Такъ истинный Историкъ всегда увидитъ въ древней Исторіи Русской стройное, систематическое, исполненное любопытства и уроковъ для Человѣчества развитіе духа

народнаго и быта общественнаго; всегда узнаетъ онъ характеристическія отличія главныхъ дѣйствователей Русской земли, не смотря на мнимое однообразіе и безпорядокъ, въ какомъ представляется намъ, съ перваго взгляда, Исторія Русская съ IX го до XVIII-го вѣка.

Совсѣмъ не о такихъ, совершенно несправедливыхъ и ложныхъ мнѣніяхъ хотимъ мы говорить, разсматривая *Предисловіе* г-на Устрялова къ *Сказаніемъ Курбскиго*.

Мы желали-бы прежде всего, чтобы *Исторіи*, въ самомъ началѣ Предисловія сдѣлано было г-мъ Устряловымъ опредѣленіе выше Карамзинскаго. Карамзинъ видѣлъ въ Исторіи какое-то поучительное уложеніе, съ коимъ справляются правители и государственные мужи, и которое простолюдины должны читать для того, чтобы утѣшиться въ непріятностяхъ своего настоящаго положенія; при томъ-же Исторія и довольно занимательное чтеніе, какъ увѣряетъ Карамзинъ, а если иногда и бываетъ она скучна, то надобно читать ее изъ уваженія къ памяти предковъ, какъ надобно не зѣвая слушать разсказы стараго дѣда, изъ уваженія къ его сѣдинамъ.

Почти тоже говоритъ, хотя нѣсколько иначе, г-нъ Устряловъ: Исторія наставница человѣковъ — «не одни правители государствъ почерпаютъ въ ней спасительныя наставленія; каждому, *и воину*, *и художнику*, *и ученому и купцу*, она служитъ надежнымъ путеводи-

телемъ; Исторія возвысила, облагородила Человѣчество; укоры ея страшатъ наглую силу; привѣтъ ея ободряетъ изнемогающую доблесть; въ ней находятъ подругу, утѣшительную, неизмѣнную, несчастныя жертвы рока.» Послѣднее такъ, но все первое едва-ли вѣрно! Къ сожалѣнію, не всегда почерпаютъ въ Исторіи спасительныя наставленія тѣ люди, которые составляютъ собою Исторію. Еще менѣе можно почесть Исторію *надежнымъ путеводителемъ воина, купца, ученаго, художника*, если не имѣть въ виду *частныхъ направленій Исторіи*, а только смотрѣть на высшее, *философическое* направленіе оной. Отъ того Исторія дробится на тысячу измѣненій, даже самыхъ ничтожныхъ; можетъ имѣть тысячи предметовъ и отношеній. Баранта читаете, какъ романъ, Винкельмана, какъ приложеніе практики къ теоріи Изящнаго, Иродота, какъ сказку, Фадель-Аллаха-Рашида, какъ типъ Восточнаго образованія. Извлеченіе-же истины для приложеній философскихъ — это верховное направленіе Исторіи, несоотвѣтствуетъ тому, что говоритъ г-нъ Устряловъ, ибо дѣйствіе такого направленія всегда будетъ непосредственно въ практикѣ жизни, какъ непосредственно дѣйствіе на практическую жизнь Философіи и Поэзіи. Исторія живетъ сама для себя, какъ Изящное есть само себѣ цѣль. Слова Де-Сеза, приводимыя г-мъ Устряловымъ, прекрасны, но — послушался-ли ихъ Конвентъ? Еще менѣе слушаются Исторіи люди въ частныхъ своихъ отношеніяхъ. Законъ и Нравоученіе говорятъ имъ гораздо положительнѣе уроковъ Исторіи, и тутъ безъ Уголовнаго Права, и безъ неумолимаго отчета совѣсти, дѣло не обходится.

Но если согласиться, что Исторія есть нравственное поученіе для человѣка, во всѣхъ званіяхъ и отношеніяхъ, то сіе косвенное и частное направленіе не есть произведеніе нашего времени, послѣ трудовъ Юма и Гердера (Пред. стр. V—VI). Кажется, что оно началось съ первой замѣтки человѣка о прошедшемъ, ибо именно, мнѣніе, что Исторія есть нравственное поученіе, было главною мыслію самыхъ древнихъ дѣеписателей. Возьмемъ родные примѣры: нашъ Авраміи Палицынъ говоритъ въ началѣ своей Лѣтописи: «Исторія въ память предыдущимъ родамъ, да незабвенны будутъ благодѣянія Божіи,» и проч. Такъ думали и говорили всѣ старинные лѣтописцы.

Слова г-на Устрялова о томъ, что истина почитается нынѣ основою, на которой воздвигаютъ Исторію, и что для сего-то стараются нынѣ извлечь изъ забвенія всѣ памятники старины, хотятъ слышать подлинныя слова самовидцевъ и стариковъ, кажутся намъ не совсѣмъ точны. Стараніе сохранять и издавать памятники было всегда предметомъ, большаго или меньшаго, попеченія всѣхъ просвѣщенныхъ, и даже непросвѣщенныхъ народовъ. Нынѣ приняло только оно направленіе особенное, *Художническое* и *Философское*.

То, что говоритъ Г-нъ Устряловъ о преимуществѣ Записокъ (mémoires) передъ Лѣтописями, и особенно *нашими* Русскими Лѣтописями, краткими, сухими, исполненными одинаково благочестиваго духа, набожности и какого-то фатализма — справедливо. Конечно, живой разсказъ самовидца, даже и пристрастный,

вводитъ насъ въ самую жизнь прошедшаго, ярче образуетъ передъ нами характеры и живѣе пишетъ портреты. Но совершенно-ли справедливо мнѣніе, что изъ Лѣтописцевъ нашихъ трудно, если не совсѣмъ невозможно, разгадывать причины и подробности событій, и что если-бы не отшельники писали ихъ, а какіе нибудь государственные люди, то одушевили бы ихъ жизнью полнѣе, далѣе-бы видѣли и лучше разсказывали? Съ этимъ мы не совсѣмъ согласны.

Во-первыхъ, опытный и умный критикъ и смѣтливый наблюдатель могутъ извлечь причины изъ самаго простаго разсказа нашихъ лѣтописцевъ. Онѣ таятся въ немъ, какъ искры подъ пепломъ, для тщательныхъ изысканій. Ссылка на Сатану, какъ на виновника всѣхъ ссоръ, была у стариковъ нашихъ только употребительною формулою, такъ, какъ была она общимъ повѣрьемъ нашей старины. Кромѣ того сотни примѣровъ можно показать, гдѣ замѣтки нашихъ лѣтописцевъ положительно показываютъ намъ истинныя причины событій, показываютъ ихъ ясно, добродушно и вѣрно. Въ нихъ нѣтъ той болтливости, той велерѣчивости, какою, отличаются Лѣтописи Западныя; за то, будучи скупы на слова, онѣ не впадаютъ и въ заблужденія, въ какія безпрестанно заводитъ западныхъ повѣствователей ихъ схоластика, краснорѣчивое многоглаголаніе и желаніе хвастать пустою ученостью. Въ этомъ излишествѣ всякихъ украшеній, по нашему мнѣнію, гораздо труднѣе доискиваться правды.

Вовторыхъ, мысль, что будто повѣствованіе, писан-

ное государственнымъ человѣкомъ, будетъ разительнѣе, сильнѣе писаннаго человѣкомъ ничтожнымъ по званію, не участвовавшимъ въ тайнахъ событій великихъ, кажется намъ невѣрною. Ее повторяютъ издавна многіе, и даже многіе говорятъ, будто Древніе потому именно лучше новѣйшихъ писали, что ихъ историки были дѣйствователями государственными. Если и допустить, что все это справедливо въ отношеніи къ современному, къ происходившему передъ глазами повѣствователя, то спрашиваемъ: въ *прошедшемъ* будетъ-ли это справедливо? Человѣкъ государственный, напротивъ, едва-ли можетъ быть великимъ дѣеписателемъ и критикомъ, извлекающимъ истину изъ пыли минувшаго. Почти всѣ примѣры Исторій (хотя ихъ и немного), писанныхъ людьми государственными, были неудачны. Для Исторіи также надобно родиться человѣку, какъ для Военнаго Искуства, для Политики, для Философіи, и рѣдко умъ, великій въ политическомъ направленіи, можетъ быть хорошимъ дѣеписателемъ. Робертсоны, Гиббоны, Тьерри, Юмы не были министрами, и на оборотъ — Гизо, Барантъ, Нибуръ, I. Миллеръ — великіе Историки, оказались министрами самыми плохими на практикѣ. Прочитайте Исторію Революціи, писанную Неккеромъ—это рѣшительно жалкое созданіе! Всеобъемлющіе геніи являлись: Юлій Цезарь и Наполеонъ были политическіе практики и Историки равно великіе, но — многихъ-ли еще прибавимъ къ этимъ *двумъ*?

И въ самыхъ современныхъ событіяхъ, въ замѣну живости, полноты разсказа, сколько неудобствъ являет-

ся для насъ въ повѣствованіи самовидца, отъ его ограниченнаго взгляда, личныхъ отношеній, страстей, эгоизма! Саллюстій, напримѣръ, не говоритъ о Цицеронѣ, главномъ дѣйствователѣ въ разрушеніи Катилинина заговора. Взгляните на современниковъ нашихъ, Савари, Сегюра, Бурьеня; разберите Данжо и Сенъ-Симона; даже Записки современниковъ, изданныя у насъ въ Руси. Вы увидите, что выгоды отъ нихъ почти всегда равняются съ неудобствами. Таковы люди, съ своими страстями, личностями, и ложнымъ, или неправильнымъ образомъ воззрѣнія.

Г-ну Устрялову хотѣлось-бы вовлечь въ чтеніе Историческихъ матеріяловъ не однихъ ученыхъ, но и всю образованную публику. Мысль похвальная, но вѣрна-ли она? Г-нъ Устряловъ ссылается на всеобщее чтеніе записокъ Сюлли, С. Симона и Бурьеня, и съ горестью прибавляетъ, что *хроники наши покоятся въ архивахъ не удостоиваемыя благосклоннымъ взоромъ.* Все это показываетъ прекрасное патріотическое стремленіе г на Устрялова, но желаніе его никогда не можетъ исполниться: никогда не привлечете *публики-собственно*, даже самой образованной, къ чтенію историческихъ матеріяловъ. Да этого и требовать отъ нея не льзя: чтеніе есть для нея отдыхъ, пріятное занятіе — рѣдко поученіе. Тогда только не ученый-собственно, поэтъ, художникъ, свѣтскій человѣкъ, государственный человѣкъ принимаются за чтеніе съ цѣлью особенною, когда встрѣтится въ томъ особенная надобность, или частная потребность. Чтеніе Записокъ Бурьеня, Герцогини Абрантской, Реца, С. Симона —

временная мода. И притомъ: *какъ* ихъ читаютъ? Какъ сказку просто, какъ разсказъ умнаго, бывалаго человѣка. Неужели изслѣдованіе высокихъ историческихъ истинъ, изысканіе фактовъ для познанія человѣка, глубокое испытаніе страстей и ихъ яркаго развитія, поученіе нравственное, уроки для дѣйствительной жизни бываютъ у читателей обыкновенныхъ цѣлью чтенія Бурьення и Сюлли, С. Симона и Реца? Не думаемъ. Наши хроники не представляютъ вѣглаго *интереса* обыкновеннымъ читателямъ, и онѣ никогда не дождутся читателей, кромѣ тѣхъ, которые посвятили уже себя Исторіи, какъ наукѣ, или должны заняться ими по охотѣ, либо особеннымъ потребностямъ.

Наконецъ, отъ того-ли только *хроники наши покоятся въ архивахъ*, что мы *едва удостоиваемъ благосклоннымъ взоромъ сказанія нашихъ праотцевъ*? Г-нъ Устряловъ приводитъ примѣръ: «Что сказали-бы Нѣмцы, или Англичане, если-бы они свѣдали, съ какимъ равнодушіемъ смотримъ мы на произведенія пера Курбскаго, оставляя оныя въ жертву тлѣнія, въ безобразныхъ спискахъ, въ недоступныхъ книгохранилищахъ, куда нерѣдко съ неимовѣрнымъ затрудненіемъ проникаетъ умъ, жаждущій познаній?» Нѣмцы и Англачане сами знаютъ, что обнародованіе Лѣтописей и у нихъ, большею частію, есть слѣдствіе великодушнаго пожертвованія какого нибудь любителя, плодъ трудовъ человѣка, жертвующаго всѣмъ предмету своей страсти, или роскошь правительства, которое иногда удѣляетъ для сего какую нибудь сумму, зная, что подобныя предпріятія

стоятъ недорого, а чести приносятъ много. Не говоримъ о трудности — сыскать въ одно время и средства для изданія, и человѣка, способнаго наблюсти за нимъ: люди могли-бы сыскаться, и средства изданія также (хотя ихъ отыскивать гораздо труднѣе!), но самъ г-нъ Устряловъ говоритъ о *недоступности книгохранилищъ*, куда нерѣдко и самый жаждущій познаній умъ *проникаетъ съ неимовѣрнымъ затрудненіемъ*. Увы! эту причину прежде всего надобно-бъ было выставить почтенному Издателю, говоря объ изданіи матеріяловъ для Русской Исторіи! Благо намъ, что при великодушномъ, просвѣщенномъ Монархѣ, любящемъ отечественныя бытописанія, спадаютъ уже замки и запоры съ архивовъ; трудолюбіе ученыхъ начинаетъ стирать пыль съ древнихъ хартій; являются достойные Монарха вельможи покровители, дающіе средства заняться тѣмъ, что гнило цѣлые вѣка въ архивахъ, жертвою времени и невѣжества. Но еще не во всѣ умы проникло столь благодѣтельное дѣйствіе просвѣщенія. Эгоизмъ, жадная скупость, мнимое сохраненіе тайнъ, безпечное невѣжество долго еще будутъ полагать преграды усердію и ревности тружениковъ. Долго еще многіе будутъ смотрѣть на занятія Историческими памятниками и храненіе ихъ какъ, на производство дѣлъ въ Гражданской, или Уголовной Палатѣ, требующее *канцелярской тайны*, и обязывающее ихъ поставлять препятствія безкорыстному желанію труда.

«Стеченіе разныхъ обстоятельствъ затрудняло досель изданіе Курбскаго, «говоритъ г-нъ Устряловъ, и

упоминаетъ о рѣдкости списковъ, тягости труда, неувѣренности въ успѣхѣ предпріятія. Все это правда, но не это было главное. — Кто посмѣлъ-бы приняться за Курбскаго, если-бы не царствовалъ Николай, Государь просвѣщенный и великодушный? Каков-то странное честолюбіе народное заставляло донынѣ стыдиться за пороки и преступленія нашихъ праотцевъ, и при такомъ странномъ честолюбіи, Курбскому не льзя было освободиться изъ мрака книгохранилищъ....

Съ особеннымъ удовольствіемъ читали мы слова г-на Устрялова, что преградъ, непреоборимыхъ другому, для него не было. «Вездѣ, куда ни обращался, встрѣчалъ я самое лестное участіе» — говоритъ г-нъ Устряловъ. Съ особенною признательностію упоминаетъ онъ послѣ сего имена А. Н. Оленина, С. С. Уварова, К. М. Бороздина, и А. Ѳ. Малиновскаго, мужей, извѣстныхъ уже просвѣщеніемъ и покровительствомъ начинаній полезныхъ. Мы осмѣливаемся послѣ сего надѣяться, что при участіи такихъ почтенныхъ покровителей, г-нъ Устряловъ будетъ имѣть средства къ дальнѣйшему продолженію полезныхъ и достойныхъ всякой признательности трудовъ своихъ. Поле необозримое предъ нимъ, за чтобы ни рѣшился онъ приняться, за Русскія-ли наши лѣтописи, за извѣстія-ли иностранцевъ о древней Руси, за дипломатическіе ли наши акты — все равно важно и драгоцѣнно. Не грустно-ли думать, что донынѣ не изданъ еще у насъ ни одинъ изъ важнѣйшихъ списковъ Лѣтописей, ни *Кіево-Волынскій*, ни *Лаврентьевскій*?

Мы полагаемъ, что замѣчанія наши, и несогласненія въ нѣкоторыхъ выводахъ, не оскорбятъ г-на Устрялова, и что ихъ, какъ мы выше сказали, приметъ онъ знакомъ особеннаго уваженія нашего къ трудамъ его, и пламеннаго желанія видѣть сіи труды во всемъ совершенными. По крайней мѣрѣ, сіи чувства руководствовали насъ при чтеніи всего, чѣмъ даритъ соотечественниковъ г-нъ Устряловъ, и при изложеніи противорѣчій нашихъ сему почтенному знатоку и любителю отечественныхъ Древностей и Исторіи.

Путешествие ко святымъ мѣстамъ, въ 1830 году. *Двѣ части.* Съ эпиграфомъ: *Благословенъ Господь отъ Сіона, живый во Іерусалимѣ.* СПб. 1832 г. въ т. III-го Отд. собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, въ 8, IV и 298, VI и 244 стр., съ планомъ Іерусалима.

Сердечными желаніями успѣха въ пути и благополучнаго возвращенія напутствовали мы юнаго соотечественника нашего, когда услышали, что по возстановленіи мира съ Турціею, отложивъ мечь воина, онъ взялъ посохъ паломника, и отправился поклониться святому Гробу Спасителя. Читатели припомнятъ пѣснь, какую прислалъ тогда поэтъ-воинъ, при отправленіи своемъ въ далекій, трудный путь (Телеграфъ, 1830 г. т. XXXI, стр. 314). Вѣра подкрѣпила силы его, и сохранила его среди опасностей. По возвращеніи своемъ, онъ разсказываетъ теперь своимъ соотчичамъ видѣнное, слышанное, испытанное имъ. Разсказъ его особенно любопытенъ. Въ нѣкоторомъ, его отношеніи, путешествіе по Европѣ не можетъ, ни быть для насъ предметомъ подобнаго любопытства, ни имѣть равной важности. Что хотѣлъ-бы сказать путешественникъ, то, или уже давно сказано, или не можетъ быть сказано, или не можетъ быть даже замѣчено, схвачено въ быстрой прогулкѣ путешественника. Остаются собственные взгляды странствователя, но много-ли такихъ людей, которымъ не сказанное еще никѣмъ прежде ихъ внушили-бы самые высокіе предметы природы, или че-

ловѣческаго общества — снѣга Альпійскіе, развалины Римскія, гражданственность Англійская, дикость Испанская? Избави насъ Богъ отъ поэтическихъ думъ и мыслей, какія многимъ внушаютъ Римъ и Греція; избави также отъ мыслей, просѣянныхъ сквозь рѣшето справокъ и цитатъ, и отъ описаній и открытій, заготовленныхъ по возвращеніи путешественника въ его кабинетѣ! Европа живетъ не на площадяхъ и не на улицахъ, и узнавать ее надобно не переѣздомъ изъ одного города въ другой. Но Востокъ иное дѣло. Онъ весь на показъ, и живетъ внѣшнею жизнію, какъ молодой наслѣдникъ стараго отца. Жизнь его не заключена въ тишинѣ кабинетовъ и въ пыльныхъ бумагахъ. Востокъ непремѣнно надобно видѣть, чтобы понять, и видя его понять можно многое, даже въ быстромъ обзорѣ. Кромѣ того, мы такъ мало слышимъ о Востокѣ. Путешествіе въ самую Испанію сдѣлалось прогулкою, а въ Лондонъ изъ Петербурга можете съѣздить въ концертъ — такъ поѣздка эта легка и недорога. Совсѣмъ другое Востокъ, гдѣ подлѣ развалинъ древняго образованія кочуютъ орды и чума, и жизнь общественная проявляется въ дикихъ, странныхъ формахъ.

Что сказали мы о Востокѣ вообще, то частно, можемъ примѣнить къ Палестинѣ. Какъ въ Египетъ беспрерывно пріѣзжаютъ торговцы Европейскіе, такъ въ Іерусалимъ всегда стремятся поклонники, со всѣхъ сторонъ свѣта. Въ рѣдкомъ № Московскихъ Вѣдомостей не найдете вы извѣстія объ отъѣзжающихъ въ Іерусалимъ поклонникахъ Русскихъ. Но что они, воль-

шею частію старики и старухи, люди низшихъ состояній и необразованные, скажутъ намъ? Одно, всепоглощающее чувство вѣры въ смиреніи ведетъ ихъ, часто заставляя въ пути питаться милостынею! Іерусалимъ все еще остается особенно любопытнымъ для насъ, по самой рѣдкости *Русскихъ*, и вообще *новыхъ* извѣстій о нынѣшнемъ его состояніи.

Правда, издревле имѣемъ мы и можемъ представить нѣсколько описаній Іерусалима, и рядъ ихъ продолжается до нашего времени. Еще въ XII-мъ вѣкѣ *Даніилъ Игуменъ* былъ тамъ, бесѣдовалъ съ Готтфридомъ, царствовавшимъ тогда въ Іерусалимѣ, и оставилъ описаніе (оно донынѣ не издано). Трифонъ Коробейниковъ описалъ Іерусалимъ въ XVI-мъ вѣкѣ (это описаніе было напечатано много разъ). Подробное описаніе, сдѣланное Сухановымъ, Келаремъ Троицкой Лавры, по которому Никонъ выстроилъ Воскресенскій Новый Іерусалимъ, относится къ половинѣ XVII-го вѣка. Пѣшеходъ Григоровичъ — Маркъ-Павелъ нашего простонародія (*шестое* изданіе его книги, СПб. 1819 г.), и Мелетій, монахъ Саровскій, писавшій подъ руководствомъ извѣстнаго іерарха Никифора Ѳеотокія (напеч. свою книгу въ М. 1800 г.), описывали Палестину въ XVIII-мъ вѣкѣ. Не упоминая о двухъ неважныхъ путешествіяхъ нашего времени (Вишнякова и Новикова. изд. въ М. 1813. г., и Вронникова, изд. въ М. 1824 г.), укажемъ на любопытные отрывки изъ путешествія просвѣщеннаго соотечественника нашего, которому, вѣроятно, важнѣйшія, государственныя занятія

не позволили издать его вполнѣ. Мы говоримъ о *Д. В. Дашковѣ*, помѣщавшемъ въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* отрывки изъ своего путешествія.

Кромѣ сихъ отрывковъ, почти все, что прежде и нынѣ писано объ Іерусалимѣ Русскими, состоитъ, или изъ сухихъ топографическихъ подробностей, или изъ благочестивыхъ возгласовъ и разсказовъ. Читаете Коробейникова, или Мелетія, и ни сколько не одушевляется передъ вами святое мѣсто страстей Господнихъ, колыбель нашего спасенія.

Противоположное тому представляетъ книга, изданная новымъ странствователемъ нашимъ. Онъ посѣтилъ святыя мѣста и описываетъ ихъ, какъ поэтъ, какъ просвѣщенный наблюдатель и какъ христіанинъ. Прибавимъ къ тому свѣжесть извѣстій и прелесть новости описаній. Если мы скажемъ еще, что авторъ умѣлъ уравнять объемъ разсказа о самомъ себѣ съ описаніемъ того, что не было сказано другими объ Іерусалимской топографіи; если мы скажемъ читателямъ, что хотя главный предметъ книги составляетъ *Іерусалимъ*, но авторъ описываетъ также путешествіе свое до Іерусалима и изъ Іерусалима обратно, то они, конечно, согласятся, что мы хотимъ указать имъ на книгу, точно достойную особаго вниманія.

Именно въ достоинство книги этой поставляемъ мы, какъ то, что Авторъ не собою, но тѣмъ, что видѣлъ, занимаетъ читателя, такъ и то, что онъ повѣствуетъ видѣнное и замѣченное имъ, а не составляетъ

своего путешествія изъ выписокъ. Послѣ Шатобріана, который для Русскихъ читателей высшаго разряда составляетъ то-же, что Григоровичъ для низшаго *, можетъ читать новое путешествіе въ поученіе себѣ и съ любопытствомъ.

Авторъ находился въ дѣйствующей арміи, бывшей подъ начальствомъ графа Дибича. Кратко описываетъ онъ въ началѣ переходъ черезъ Балканы, занятіе Адріанополя и миръ съ Турціею. «Тогда расположенный грустію и навыкомъ долгихъ лишеній (стр. 14) къ предпріятію тяжкому, рѣшился я (говоритъ онъ) слѣдовать наконецъ давнишнему влеченію сердца, и преодолѣвъ любовь къ родинѣ, которая меня къ себѣ манила, пуститься въ новый, дальній путь, отъ раннихъ лѣтъ начертанный въ моихъ мысляхъ, къ священной цѣли, которой уже не могъ миновать на жизненномъ поприщѣ.»

При такомъ скромномъ упоминаніи, авторъ не говоритъ намъ того, что не скрываютъ знавшіе его товарищи. Юная, пылкая душа увлекла его, сына родителя, уважаемаго по заслугамъ и душевнымъ свойствамъ, подъ знамена браноносныя, отъ тихихъ занятій ученіемъ и отъ досуговъ поэзіи. Судьба хранила юнаго поэта среди ужасовъ брани, и среди гибели, которая окружала воиновъ нашихъ въ войнѣ съ Турками. Онъ былъ утѣши-

---

* Книга Шатобріана: Itinéraire de Paris a Jérusalem, etc. переведена была дважды на Русскій языкъ, княземъ П. И. Шаликовымъ (М. 1815 г. 3 ч.) и свящ. Іоанномъ Гражданскимъ (СПб. 1815 г. 3 ч.)

телемъ собратіи, страдавшей, умиравшей окрестъ него, и чувство религіи всегда одушевляло его, и при одрѣ страдальцевъ и въ кровавыхъ сѣчахъ. Это глубокое чувство повело его въ послѣдствіи ко Гробу Господню. Трогателенъ разговоръ А[illegible]ра съ героемъ Забалканскимъ, у котораго просилъ онъ позволенія отправиться для поклоненія Святымъ мѣстамъ. Въ Бургасѣ простился нашъ странникъ съ товарищами, и наканунѣ 1-го Января 1830 года, изъ Сизополя отплылъ на Русскомъ военномъ кораблѣ въ Царьградъ.

Февраля 8-го, изъ Царьграда, на Венеціанскомъ кораблѣ, отправился путешественникъ нашъ въ Египетъ. Здѣсь, осмотрѣвъ Александрію, по Нилу прибылъ онъ въ Каиръ, видѣлся съ Мугаммедомъ-Али, взглянулъ на пирамиды, на остатки Мемфиса, и по Сирійской степи пробрался въ Палестину. Кратко описывая все до сего главнаго предмета своего странствованія (стр. 1—203), авторъ занимаетъ большую половину своего сочиненія (стр. 203—298, 1—160) описаніемъ Іерусалима и его окрестностей. Онъ возвратился чрезъ Акру, Тиръ, Бейрутъ, откуда отправился моремъ въ Смирну. Корабль его приставалъ еще къ Кипру. Изъ Царьграда отправился путешественникъ прямо въ Одессу.

Не ищите подробныхъ, систематическихъ описаній въ двухъ небольшихъ книгахъ, въ которыхъ заключается взглядъ на столь многое и разнообразное. Это, говоря собственно, замѣтки. Но многое изъ сихъ замѣтокъ поясняетъ обстоятельства лучше длинныхъ повтореній стараго, или общихъ мѣстъ.

Постоянно хранилъ въ сердцѣ своемъ нашъ странникъ память о родинѣ. Имя *Рускаго* доставляло ему уваженіе всюду. Русь оглушила теперь Востокъ громомъ побѣдъ, и фаталическое преданіе Востока, о томъ, что Русскіе возмутъ Царьградъ и низложатъ Турцію, получило почти положительную достовѣрность въ глазахъ Мусульманъ послѣ Адріанопольскаго мира. Нашему страннику, *Бейзаде Московскому*, часто не смѣли противорѣчить въ такихъ случаяхъ, гдѣ ничто другое не могло убѣдить гордаго Турка, ни деньги, ни просьбы. Передъ пріѣздомъ его въ Іерусалимъ разнесся даже странный слухъ объ немъ. Говорили, будто онъ начальникъ отряда Рускихъ, назначеннаго завоевать Іерусалимъ, и это встревожило Мусульманское начальство Іерусалима. Эмиръ племени Мугамметова, показывая ему домъ свой, сказалъ со вздохомъ: «Будьте къ намъ благосклонны. Чувствуемъ, что здѣсь все ваше, или будетъ вашимъ. Но, да исполнится воля Судьбы!» Іерусалимскій Мусселимъ вѣжливо разговаривалъ съ нимъ о родинѣ своей, Абхазіи. Услышавъ, что этотъ Мусселимъ родомъ изъ Сухумъ-Кале, нашъ соотечественникъ поздравилъ его землякомъ. «Какъ? давно-ли?» спросилъ изумленный чиновникъ. Узнавъ, что родина его уже подвластна Росіи, онъ изъявилъ радость, что видитъ Русскаго. *Народъ Московскій далеко оставилъ за собою всѣ племена Франковъ* — прибавилъ онъ.

Трогательны всѣ мѣста, гдѣ авторъ разсказываетъ о предметахъ, напоминавщихъ ему на Востокѣ милую

родину. При церкви Св. Гроба, въ Іерусалимѣ, онъ нашелъ нѣсколько Русскихъ монаховъ и послушниковъ. Одинъ изъ нихъ былъ нѣкогда вахмистромъ въ Конной Гвардіи, рѣшился, послѣ отставки, посвятить себя Богу, уѣхалъ въ Іерусалимъ и остался тамъ навсегда монахомъ. Онъ живо еще помнитъ Русь и былую службу свою. Вотъ забавный случай: садясь на лошадь, чтобы ѣхать съ путешественникомъ нашимъ къ Іордану, онъ никакъ не могъ приладить по ногамъ короткихъ Арабскихъ стремянъ, и съ досадою говорилъ; «Послалъ-бы я васъ, бусурмановъ, на ординарцы къ командиру нашей Конной Гвардіи, такъ онъ научилъ-бы васъ порядку, а то вамъ здѣсь своя воля!» — Другой Русскій монахъ, Паисій, бѣжалъ еще изъ Запорожской Сѣчи; теперь ему 80 лѣтъ, и онъ служитъ переводчикомъ для Рускихъ. Нѣсколько человѣкъ бѣжало изъ плѣна у Турковъ и Персіянъ, и осталось въ Палестинѣ. «Всѣ они, составивъ себѣ особенный, странный языкъ, смѣсь Греческаго и Русскаго, для объясненія съ духовенствомъ, приняли на себя различныя должности, и такимъ образомъ *живутъ*, хотя и скудно, среди всеобщаго голода и нищеты. Иной печетъ просфоры и хлѣбы, другіе смотрятъ за маслинами, огородами, лошаками. Въ обители Св. Саввы, изъ 17 монаховъ *половина Русскихъ*. «Всѣ они преклонныхъ лѣтъ, и облеклись въ схиму, по даннымъ обѣтамъ за изцѣленія отъ тяжкихъ болѣзней, или чумы.» Но въ келліяхъ у нихъ авторъ видѣлъ картинки, изображающія событія 1812 года. Иноки смотрятъ на эти картинки, вспоминаютъ иногда Россію, и утѣшаются памятью былаго, отрек-

шись міра, и стоя при дверяхъ могилы, безъ всякой уже надежды увидѣть когда нибудь свою родину. Въ сей-же обители авторъ видѣлъ портретъ Мазепы, писанный масляными красками, съ гербомъ его и Латинскою надписью. Преданіе говоритъ, что Мазепа приходилъ въ Іерусалимъ, испрашивать разрѣшенія въ проклятіи отъ четырехъ патріарховъ, а въ лаврѣ Св. Савы оставилъ богатые дары, и на память портретъ свой, прося братію молить о спасеніи души. — На дорогѣ изъ Іерусалима въ Наблусъ, Виѳлеемскій Арабъ встрѣтилъ нашего путешественника, ѣхавшаго со многими другими. Узнавъ, что онъ Рускій. — «Московскій Бейзадей!» сказалъ Арабъ, «я Христіанинъ. Скажи мнѣ: скоро-ли Царь вашъ освободитъ Святую землю? Мы всѣ его. О, да избавитъ онъ насъ отъ ига языческаго!» — Въ Египтѣ, близъ пирамидъ Сахарскихъ, кладбища Мемфисскаго, путешественникъ остановился въ хижинѣ отшельника, Француза. Этотъ пустынникъ былъ нѣкогда воиномъ Наполеона, участвовалъ въ грозномъ походѣ 1812 года, видѣлъ пожаръ Москвы и испыталъ ужасы Русской зимы.

Имя *Наполеона* неизгладимо врѣзалось въ пирамиды Египта и въ степи Сирійскія. Тамъ все еще говоритъ объ его походѣ, его имени, на ряду съ именами Римлянъ и Восточныхъ завоевателей. Востокъ облекъ и Наполеона въ свой миѳическій покровъ. «Нашествіе Наполеона сдѣлало эпоху въ Египтѣ, подобно, какъ въ Россіи 1812-й годъ.» Тамъ еще помнятъ Клебера. Идя однажды по улицамъ Александріи, ав-

торъ встрѣтился съ нищимъ, слѣпымъ Арабомъ. Проводникъ сказалъ слѣпцу, что это Франкъ, и слѣпецъ, чисто по-Французски, проговорилъ ему: «Гражданинъ! дайте милостыню бѣдному Арабу!» — Авторъ не упоминаетъ о преданіи, существующемъ въ Египтѣ, будто геній, извѣстный нѣкогда на землѣ подъ именемъ *Бонамберджи* (Бонапарте), является нынѣ на вершинахъ пирамидъ, сзываетъ и обозрѣваетъ воздушные полки свои. Такъ у насъ въ Россіи, простолюдины до нынѣ не вѣрятъ, что Наполеонъ, умеръ, и думаютъ что онъ только скрывается, и явится нѣкогда снова, въ новой, ужасающей силѣ, и всѣ цари земные соберутся опять сражаться съ нимъ Сколько поэзіи въ такихъ народныхъ повѣрьяхъ! Прекрасна мысль нашего путешественника, въ то время, когда онъ завидѣлъ «зубчатыя стѣны многовашенной Акры и ея легкія минареты. Это *одинъ конецъ* той завѣтной черты,» думалъ онъ, «которую Востокъ поставилъ предъ исполиномъ Запада; *другой конецъ* ея въ Кремлѣ, и объ эту завѣтную черту развился колоссъ его величія!»

Послѣднія событія на Востокѣ заставляютъ насъ съ особеннымъ вниманіемъ читать все, что говоритъ авторъ о нынѣшнемъ состояніи Египта и Сиріи. Жаль, что онъ не изобразилъ намъ замѣчательнаго Ибрагима-Паши, котораго видѣлъ въ Александріи. Мугаммедъ-Али пригласилъ его къ себѣ, на другой день по прибытіи его въ Каиръ. Вечеромъ отправился къ нему нашъ *Бейзадей*, со многими факелами и съ двумя ясакчи, которые еще не перестали въ Египтѣ носить имя Янычаръ. «Во вратахъ крѣпости Эль-Азабъ (гово-

ритъ авторъ) встрѣтилъ я малолѣтнаго внука Мугаммеда-Али, Авваса-Пашу, ѣдущаго на молитву въ мечешь Гассана, при свѣтѣ многочисленныхъ огней, озарявшихъ пышную свиту и богатоубранныхъ лошадей. Они мелькнули и исчезли, и дикія башни цитадели снова погрузились въ густой мракъ, который уже не прерывался до самаго дворца. Множество коней и лошаковъ, коихъ владѣльцы сидѣли на совѣщаніи въ государственномъ диванѣ, наполняли дворъ, и ихъ черные саисы, вмѣстѣ съ стражами Паши, толпились у крыльца. Я взошелъ въ верхнія залы. Тамъ, передъ пріемною комнатою Мугаммеда-Али, придворные его сидѣли на колѣняхъ, на разостланныхъ во всему полу цыновкахъ, и творили послѣднюю молитву рамадана, молясь вмѣстѣ и о благоденствіи Паши, который, по своему сану, былъ избавленъ отъ общей мольбы, и спокойно сидѣлъ въ концѣ обширной залы, куда ввели меня, по окончаніи духовнаго обряда. Крѣпкое сложеніе обѣщаетъ еще долгую жизнь шестидесятилѣтнему Пашѣ, если только не прервутъ оной Цареградскія Парки. Умное и пріятное выраженіе лица, и сѣдая окладистая борода, даютъ маститому старцу величавую наружность, которая становится еще привлекательнѣе при его ласковыхъ рѣчахъ и вѣжливомъ обращеніи. Чалма и одежда носятъ отпечатокъ любви его къ роскоши и ярко горитъ алмазами вся принадлежащая ему утварь. Онъ рѣдко окружаетъ себя многочисленнымъ дворомъ своимъ; болѣе склонный къ обществу Франковъ, любитъ бесѣдовать съ ними о своихъ заведеніяхъ и торговлѣ, вывѣдывая новости политическія, и въ ихъ кругу нашелъ я его при моемъ

представленіи. Всѣ стояли. — Еще издали привѣтствовалъ меня Паша, и посадилъ близъ себя на бархатномъ диванѣ, обкладенномъ парчевыми подушками, который окружалъ всю залу, устланную Египетскими, тонкими цыновками. Ему поднесли, на колѣняхъ, блестящій алмазами кальянъ, и намъ обоимъ подали кофе, въ чашкахъ усѣянныхъ брильянтами. Придворный драгоманъ служилъ между нами посредникомъ. Я просилъ его изъяснить Пашѣ, какъ сладостно для меня быть въ областяхъ его эхомъ нашего великаго народа, исполненнаго уваженія къ свѣтлому преобразователю сихъ древнихъ странъ, благодатная рука котораго, какъ второй Нилъ для Египта. — Мугаммедъ-Али, благодаря меня за привѣтствіе, сказалъ, что онъ всегда радуется посѣтителямъ Египта, особенно Русскимъ, въ которыхъ всегда находилъ людей отмѣнно пріятныхъ и благородныхъ, жалѣя только, что отдаленіе Россіи доставляло ему слишкомъ мало случаевъ знакомиться съ ея урожденцами, ибо и самые наши консулы всегда избираемы были изъ иностранцевъ. — Въ свою очередь благодарилъ я Пашу за то выгодное мнѣніе, которое онъ имѣетъ о моихъ согражданахъ, увѣряя его, что довольно было и немногихъ Русскихъ путешественниковъ, чтобы распространить въ Россіи молву о благосклонномъ пріемѣ и покровительствѣ, которымъ пользуются въ Египтѣ иностранцы. — Правда, я люблю чужеземцевъ, отвѣчалъ онъ, и вѣрно, во все теченіе моего владычества, никто изъ Франковъ не пожалуется въ Европѣ на притѣсненіе отъ Мугаммеда-Али. Тогда пожелалъ онъ знать причину моего пріѣзда. — Я бо-

гомолецъ, отвѣчалъ я. Иду поклониться Св. Гробу въ Іерусалимъ, но приставъ въ Александріи къ берегамъ Египта, хотѣлъ я на пути своемъ подивиться древнимъ чудесамъ его, и представиться его нынѣшнему владыкѣ, о которомъ столько слышалъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я просилъ у него средствъ и позволенія видѣть всѣ знаменитыя древности, какъ Египетскія, такъ и Арабскія, и покровительства его въ пустынѣ. — Все вамъ будетъ открыто, сказалъ Паша. Что-же касается до Бедуиновъ, то не страшитесь ихъ набѣга: я совершенно успокоилъ пустыню, и самъ ручаюсь за вашу безопасность. — Тогда начался живой разговоръ о событіяхъ последней войны Турецкой, о положеніи Султата, въ отношеніи союзныхъ Державъ, объ успѣхахъ нашего оружія и условіяхъ мира. Мугаммедъ-Али судилъ обо всемъ очень здраво и откровенно, старался узнать о числѣ войскъ и больныхъ, не вникая въ мѣлкія подробности битвъ, и всего болѣе дивился рѣшительности Султана объявить войну тремъ сильнымъ державамъ, когда, по словамъ его, едва-ли Востокъ, ежедневно совершенствуемый, по нынѣшнему своему направленію, чрезъ сто лѣтъ будетъ только въ силахъ бороться съ второстепенною державою Европы. О семъ пророчествуетъ онъ своимъ внукамъ, чтобы въ свое время, они отдали справедливость дѣду, при которомъ еще недавно правовѣрные умѣли только кричать: *нѣтъ божества, кромѣ Аллаха и Мугаммедъ его пророкъ*! — Не могу описать всѣхъ подробностей пріятной бесѣды, которая продолжалась около часа, оставивъ навсегда глубокое впечатлѣніе въ душѣ моей. Благосклонный Паша сдержалъ

данное слово, и на другой-же день явился ко мнѣ одинъ изъ его стражей, во все время отъ меня неотлучный. Вмѣстѣ съ тѣмъ были открыты для меня всѣ мечети столицы, и самый Мекасъ, или Нилометръ, на островѣ Роудѣ, не всѣмъ показываемый, но, къ сожалѣнію, я не успѣлъ воспользоваться симъ послѣднимъ позволеніемъ.»

Нашъ путешественникъ обозрѣвалъ потомъ многочисленный таборъ воиновъ Паши, на берегу Нила. «Послѣ мертвой тишины лѣваго берега Нила, наполненнаго только великими воспоминаніями развалинъ— страненъ былъ внезапный переходъ въ шумный станъ сей, гдѣ дикими толпами тѣснятся, вокругъ разсѣянныхъ вдоль рѣки шатровъ, войска Паши, ни въ какое время года не измѣняя кочующей жизни своей. Здѣсь, съ перваго шага, пропадаетъ очарованіе древняго Египта, и его новые обладатели являются въ своемъ истинномъ видѣ. Черныя, смуглыя, бѣлыя лица воиновъ пестрѣютъ вмѣстѣ съ ихъ разнообразными одеждами. Совершенный безпорядокъ царствуетъ въ семъ обширномъ полчищѣ, которое только въ строю заслуживаетъ названіе регулярнаго. Франки, посвятившіе себя его образованію, должны влачить горькую жизнь въ семъ невѣжественномъ кругу, не пользуясь уваженіемъ ни подчиненныхъ, ни самого Паши, который пренебрегаетъ ими, какъ наемниками, назначивъ большую плату, не всегда исправно выдаваемую; въ теченіе знойнаго лѣта, одинъ только наметъ защищаетъ ихъ отъ горящаго неба Египта. По ловкой осанкѣ, легко можно отличить ихъ отъ сей грубой толпы, но ихъ немного мелькаетъ на пространствѣ

всего лагеря, который тянется до самаго Каира. Около ста тысячь войска поддерживают могущественное имя Мугаммеда-Али; въ числѣ оныхъ до 50,000 одной пѣхоты, 10,000 артиллеріи и матрозовъ; столько-же конницы. Въ бытность мою, Паша набиралъ еще нѣсколько конныхъ полковъ изъ Негровъ и Нубійцевъ, особенно способныхъ къ сему роду службы, но мнѣ не удалось видѣть копей ихъ, потому, что въ весеннее время года они всѣ выпускаются на зелень, столь рѣдкую въ Египтѣ. До 30,000 Бедуиновъ готовы поднять оружіе на рубежѣ степи, при первомъ вызовѣ Паши, ибо ихъ шейхи находятся въ столицѣ. Вообще, войска Египетскія, обучаемыя нынѣ на Европейскій ладъ, къ которому легче привыкаютъ ловкіе и живые Арабы, нежели тяжелые Турки, могутъ смѣло состязаться съ полчищами Африки и Азіи.»

Ибрагимъ-Паша почти не выходилъ изъ Александрійскаго арсенала, во время пребыванія въ Александріи нашего соотечественника. «Онъ занимался прилежно устроеніемъ флота и войскъ, какъ будто Египетъ готовился къ сильной борьбѣ.» Въ Каирской цитадели, гдѣ живетъ самъ Мугаммедъ-Али, въ арсеналѣ работало до 1000 человѣкъ: лили пушки, ковали оружіе, готовили конскую сбрую. Мугаммедъ ласково простился съ нашимъ путешественникомъ, бесѣдовалъ съ нимъ болѣе часа, и по видимому, оставилъ глубокое впечатлѣніе въ душѣ обласканнаго имъ Русскаго странника. Конечно, для великихъ событій на Востокѣ потребны желѣзные люди, подобные Мугаммеду, и трудно

судить о немъ, потому, что онъ явился теперь однимъ изъ мощныхъ орудій провидѣнія. Но, намъ кажется, что все, сдѣланное Мугаммедомъ, всѣ плоды его дѣятельнаго генія, жизнь, возбужденная среди дикихъ развалинъ и степей, каналы, сады, торговля, крѣпости — слишкомъ уже закрыли въ глазахъ нашего соотечественника сущность дѣяній Египетскаго Паши. Отдавая справедливость его уму и трудамъ, почему не сказать въ то-же время, что Мугаммедъ возвысился кровью и измѣною, живетъ, какъ тиранъ, и мыслитъ не о благѣ — которое изведетъ провидѣніе изъ самыхъ злодѣйствъ его, безъ всякаго сомнѣнія—но объ удовлетвореніи только своего ненасытнаго властолюбія и эгоизма? Для этого роетъ онъ каналы, велитъ учиться, торговать, воевать, и наконецъ дерзаетъ положить свой мечъ и свою голову въ чашку тѣхъ вѣсовъ, у которыхъ въ другой чашкѣ лежитъ дряхлая мощь Оттоманской имперіи. Впрочемъ, съ нашимъ мнѣніемъ согласенъ и нашъ путешественникъ. «Уважаемый въ Сиріи, грозный въ Аравіи и покоренной Африкѣ, Мугаммедъ-Али (говоритъ онъ) высоко стоитъ между владыками Востока, и сталъ-бы еще выше, если-бы угнетенный трудами и налогами народъ не стеналъ подъ игомъ жестокой монополіи, обогащающей одну только казну Паши, недостаточную для его исполинскихъ замысловъ, ибо, склоняясь къ старости, онъ самъ хочетъ насладиться своими успѣхами, мало надѣясь на будущее тамъ, гдѣ ничего не принялъ отъ прошедшаго.»

О *Царьградѣ*, гдѣ нашъ путешественникъ прожилъ около мѣсяца, и былъ потомъ нѣсколько дней на воз-

вратномъ пути, онъ говоритъ мало новаго. «Святая «Софія, съ позолоченнымъ своимъ куполомъ; Царь-«градъ, сѣдящій на предѣлахъ двухъ міровъ; мрачныя «уединенія кипарисныхъ бесѣдокъ, и на противополож-«ныхъ берегахъ величественное чело Олимпа, къ небе-«самъ подъятое, и двѣнадцать острововъ, на волнахъ «моря раскинувшіе свою зелень — неподражаемое зрѣ-«лище, восхитительная картина!» Сіи слова Байрона обхватываютъ почти всѣ описанія Царьграда, сто разъ повторенныя путешественниками всѣхъ странъ. Должно быть въ самомъ дѣлѣ очаровательно зрѣлище Царяграда съ моря, потому, что никто безъ восторга не можетъ говорить объ немъ. И нашъ путешественникъ говоритъ о немъ съ особенннымъ восторгомъ. Разительно описываетъ онъ послѣ сего разочарованіе, какое всюду преслѣдуетъ странника, когда ступилъ онъ въ самый Царьградъ, и остроумно называетъ нынѣшнюю, дряхлую, обгорѣлую, обвалившуюся столицу Султана «временны-«ми слѣдами всемірной ярмарки, на которой стекавшіеся «народы воздвигали себѣ жилища по разсчету дней, а «не столѣтій.» Любопытны еще: описаніе маскерада, даннаго Французскимъ Посломъ въ Перѣ, и Греческой церковной службы, но всего замѣчательнѣе показалось намъ описаніе шествія Султана въ мечеть. «По пятни-цамъ всегда можно было видѣть прежде сего, нѣкогда грознаго владыку» — говоритъ нашъ путешественникъ — «и любопытная толпа стекалась около полудня въ Рамисъ-Чифликъ, чтобы взглянуть на торжественное шествіе Махмута, по внутренней галлереѣ казармъ, въ полковую мечеть. Но съ перемѣною нравовъ и одеждъ,

сіе шествіе утратило свое великолѣпіе. Два ряда солдатъ гвардіи, едва вышедшихъ изъ малолѣтнаго возраста, на которыхъ лежала вся надежда Оттоманская стояли по обѣимъ сторонамъ верхней галлереи, начиная отъ покоевъ Султанскихъ, кругомъ четвероугольнаго зданія, до противолежащей имъ мечети; молодые полковники и адьютанты, большею частію изъ любимцевъ Султана, и не старше 20-ти лѣтъ, приводили въ порядокъ нестройную толпу сію. Махмутъ, не надѣясь преодолѣть упорства Мусульманъ, въ которыхъ предразсудки утверждены были годами, окружилъ себя, для большей безопасности, молодежью, въ уединенномъ Рамисъ-Чифликѣ, который предпочитаетъ многолюдному Сералю, ибо тамъ былъ-бы онъ стѣсненъ обычаями двора Оттоманскаго, искони установленными.

«При появленіи Султана, музыка заиграла маршъ, *Мальбругъ въ походъ поѣхалъ*; двѣнадцать придворныхъ чиновъ, попарно, открывали ходъ, съ потупленною головою, сложивъ крестообразно руки. Передъ ними шелъ начальникъ черныхъ эвнуховъ, съ мечемъ; позади-же еще двое, съ курящимся фиміамомъ, и наконецъ самъ Султанъ, въ сопровожденіи Рейсъ-Эффендія, Сераскира, и другихъ важныхъ лицъ. На немъ была Турецкая военная шинель, оливковаго цвѣта, съ капишономъ, шитая вся шелковою цыфровкою и золотыми снурками; двѣ бриліантовыя звѣзды, съ полумѣсяцомъ, украшали широкую грудь, и сей военный знакъ отличалъ почти всѣхъ его приближенныхъ; высокая красная скуфья, въ видѣ митры, шитая золотомъ, съ богатѣй-

шимъ бриліантовымъ перомъ, дополняла странный нарядъ сего Государя, въ которомъ пышность Востока мѣшалась съ Европейскою простотою. Орлиный носъ и большіе черные глаза давали величественное выраженіе блѣдному лицу его; онъ медленно озиралъ толпу, слегка кивая головою, и въ чертахъ его были написаны внутренняя тоска и убійственное сознаніе своего униженія. — Таково было сіе царственное шествіе, болѣе подобное торжеству погребальному.»

Впечатлѣніе, производимое взглядомъ на берега Египта, упавшая въ ничтожество Александрія, гдѣ «воображаете увидѣть развалины, и находите только прахъ,» плаваніе по каналу, очищаемому руками Египтянъ, созданный Исламизмомъ Каиръ — все это весьма любопытно въ описаніяхъ нашего странника. Если-бы не боялись мы длинной выписки, то пожелали-бы передать нашимъ читателямъ все, что говорится о Каирѣ, на стр. 114 — 120.

Еще издалека, во время плаванія по Нилу, два синіе холма затуманились вдали: то были безсмертныя *пирамиды*, сдѣлавшіяся символомъ Египта! За два часа ѣзды до нихъ, онѣ казались уже въ нѣсколькихъ шагахъ, по оптическому обману. «Когда-же, доѣхавъ до рубежа степей, мы поднялись на высоты, нѣкогда каменистыя, на которыхъ онѣ стоятъ, занесенныя мятелью песковъ — очарованіе на время исчезло, и пирамиды представились намъ совершенно обыкновенными зданіями въ неизмѣримости пустынной. Но сія самая

безпредѣльность, посреди которой все кажется ничтожнымъ, и однообразный цвѣтъ пустыни и пирамидъ, и волны песковъ, изъ коихъ онѣ возстаютъ, какъ-бы изъ бурнаго моря, заливающаго правильныя черты ихъ основанія — все это препятствуетъ имъ отдѣлиться рѣзко отъ поверхности степи. Даже самая ихъ обширность скрываетъ ихъ высоту, ибо множество тесаныхъ камней сей массы обманываетъ взоры стоящаго у ихъ подошвы, и все зданіе принимаетъ видъ неправильной груды кирпичей, удаляющаяся вершина которой теряется за наклономъ»... Въ основаніи каждая сторона главной пирамиды 109 саженъ; отвѣсная высота пирамиды до 70-ти саженъ — громада ужасающая! И внутри ея, долго скитавшись по длиннымъ, узкимъ переходамъ, странникъ приходитъ наконецъ въ маленькую комнату, и въ сей комнатѣ находитъ — только пустой гранитный саркофагъ! «Ничтожное ядро столь обширной оболочки, мрачными переходами завлекающее любопытное воображеніе къ сей горькой разгадкѣ всего житейскаго — ко *гробу*, столь хитро поставленному въ сердцѣ одного изъ семи *чудесъ свѣта*, какъ-бы въ урокъ и ядовитую насмѣшку для очарованныхъ ими!... Не сей-ли гробъ тайна и мудрость пирамидъ?» —

Описаніе пустыни, по которой нашъ странникъ ѣхалъ отъ Бильбеиса до Газы, исполнено думъ поэтическихъ. «Не знаю отъ чего (слова путешественника) воспоминанія цѣлой моей жизни, все мое прошедшее, такъ горько тѣснились въ душѣ моей во дни моего странствованія по пустынѣ! Медленно качаясь на верблюдѣ, или тяжело ступая по песку, я переносился

духомъ въ отдаленную родину, къ близкимъ и друзьямъ; въ сжатомъ сердцѣ не было мѣста для будущихъ надеждъ, и мысленно, я вновь пережилъ всю мою молодость, вновь перечувствовалъ всѣ ея пылкія страсти, скитаясь одиноко по сей чуждой и безпріютной степи' гдѣ я самъ, пришлецъ другаго края и вѣка, и гдѣ все бытіе мое были совершеннымъ оазисомъ, въ отношеніи окружавшихъ меня людей и предметовъ. — По ночамъ разбивалъ я шатеръ свой близъ какого нибудь песчанаго бугра; вокругъ складывали мои вьюки и ложились верблюды, а проводники сказками провождали ночь, въ опасеніи скитающихся Бедуиновъ, которыхъ десять колѣнъ кочуетъ по сей пустынѣ. Нѣкогда грозные своими разбоями, не только одинокимъ путникамъ, но и цѣлымъ караванамъ, нынѣ трепещутъ они отъ имени Мугаммеда-Али, и если гдѣ должно благословлять его, то всего болѣе въ сихъ дикихъ мѣстахъ, доселѣ непроходимыхъ...» Близъ Эль-Ариша степная дорога идетъ по морскому берегу. «Трудно выразить то грустное чувство, которое стѣсняетъ сердце при видѣ сей пустыни волнъ, соединяющейся съ двумя другими, воздуха и песковъ, какъ-бы для того, чтобы еще болѣе дать постигнуть путнику его одиночество, и поразить его мертвымъ величіемъ трехъ стихій, въ безпредѣльности коихъ — что человѣкъ?... Гулъ валовъ, набѣгающихъ на безжизненную степь, подъ безпріютнымъ небомъ, наводитъ мрачное уныніе на сердце и борьба моря и земли, какъ-бы жизни и смерти, сихъ двухъ огромныхъ силъ вселенной, грозна своимъ исполинскимъ уединеніемъ бренному созданію!»

Въ Эль-Аришѣ явился къ страннику шейхъ Салехъ, вождь скитающихся въ пустыни Бедуиновъ—глава пустынь, въ полномъ величіи своего сана, въ богатой одеждѣ, съ лицомъ дикимъ и звѣрскимъ, съ глазами огненными, черною, густою бородою, быстрый, развязный въ тѣлодвиженіяхъ, оставивъ внѣ крѣпости гнѣдаго, борзаго коня, который не слышитъ подъ собою песку. Онъ дивился, что видитъ передъ собою не *Инглиза*, не *Франка*, но *Москова*. На вопросъ: какъ могутъ Бедуины переносить зной пустыни въ душныхъ шатрахъ своихъ? гордо отвѣчалъ шейхъ: «Тебѣ душны шатры наши, бекъ, а мнѣ эта крыша, и я не могу постичь, какъ могутъ люди тѣсниться въ городахъ, когда есть привольная пустыня!» Хищный Арабъ—онъ корыстолюбиво требовалъ потомъ дани съ проѣзжавшаго, и только имя грознаго Мугаммеда-Али заставило его удалиться, съ притворнымъ смиреніемъ и дружелюбіемъ.

Въ Газѣ увидѣлъ нашъ странникъ Турецкаго муселима, или градоначальника, судящаго народъ предъ вратами крѣпости, среди толпы, на площади. Грекъ, переводчикъ, съ трепетомъ разговаривалъ съ этимъ маленькимъ деспотомъ, видя, что Бейзаде Московскій не цѣлуетъ руки его и края одежды, и удивляясь, какъ можно не исполнять такого священнаго долга! Христіяне Арабы окружили потомъ нашего Бейзаде, спрашивали о мирѣ Россіи съ Турціею, и о томъ: освобожденъ-ли наконецъ Іерусалимъ и Гробъ Господень? «Единственная, вѣчная цѣль желаній Христіанскаго »Востока!» Игуменъ монастыря въ Рамѣ таинственно

показывалъ страннику какое-то пророчество монаха Агаѳангелла, жившаго въ XII-мъ вѣкѣ, о судьбѣ Царяграда и взятіи его Руссами. Такъ въ Царьградѣ указывали ему на закладенныя ворота въ городской стѣнѣ, и скрытный тайникъ, по которому нѣкогда прошли Турки при взятіи Царьграда. Султаны заложили потомъ сіи ворота и тайникъ, ибо, какъ прежде у Грековъ было преданіе гибели о сихъ воротахъ съ именемъ Турковъ, такъ у новыхъ властителей Царяграда пророчество это осталось при нихъ, соединенное съ именемъ Русскихъ. — Подъ тѣнью смоковницъ, близъ Іерусалима, увидѣлъ нашъ странникъ грознаго шеиха Абу-Гота, покровителя Феллаховъ, или осѣдлыхъ Арабовъ, защитника ихъ отъ набѣга Бедуиновъ. Страшный силою многихъ подвластныхъ ему колѣнъ, сей воинъ заставляетъ трепетать Іерусалимъ. Онъ шумно пировалъ со своими друзьями, и велѣлъ пропустить Русскаго странника безъ взноса дани.

Ярко видится вамъ во всемъ этомъ Востокъ, съ его таинственными символами, его дикими ордами, палящимъ зноемъ, и кровью, кипящею въ жилахъ обитателей!

Мы не будемъ слѣдовать за нашимъ странникомъ по Іерусалиму и окрестностямъ сего святаго града; не будемъ описывать по слѣдамъ его мѣстъ, освященныхъ благочестивыми воспоминаніями; не будемъ говорить о чувствахъ, какія душа странника испытывала при видѣ святыхъ предметовъ, знаменующихъ память Страстей

Богочеловѣка и великіе слѣды первобытнаго Христіанства;

Три эпохи, эпохи великія, хотя между ними нѣтъ никакой соразмѣрности, врѣзали неизгладимые слѣды свои въ Іерусалимъ.

Эпоха первая—свершеніе Ветхаго Завѣта, явленіе великой, божественной религіи, въ лицѣ *избраннаго народа*, таинственный Кивотъ Завѣта, храмъ Эговъ, воздвигнутый премудрымъ Соломономъ.

Эпоха вторая, отъ вѣковъ предположенная, совершеніе дивныхъ пророчествъ: воплощеніе Богочеловѣка, примиреніе ветхаго Адама, смерть Неистижимаго; начало новаго періода человѣческаго бытія; жизнь духа.

Эпоха третья была политическимъ возрожденіемъ гражданскихъ обществъ, начавшимся борьбою Азіи и Европы, когда казалось, что «Европа, поколебавшись въ своемъ основаніи, падаетъ на Азію»—время Крестовыхъ походовъ, чудное стремленіе духа, объясняемое кликомъ Крестоносцевъ: «*Такъ хощетъ Богъ!*»

Слѣды всѣхъ сихъ періодовъ напечатлѣны на поляхъ, горахъ, водахъ Святой Земли. Здѣсь *Теревинеъ*—говорятъ страннику—вотъ струится *Іорданъ*—тамъ видишь ты потокъ *Кедрона*—это *долина Іосафатова*. Преклони колѣна и главу: се онъ, сей дивный Гробъ, гдѣ Бого-человѣкъ почилъ плотскимъ, таин-

ственнымъ сномъ смерти и воскресъ во славѣ духа! А здѣсь символъ спасенія, Крестъ, былъ окропленъ Его божественною кровію! —

Все это описываетъ намъ странникъ; ко многому присоединяетъ онъ историческія воспоминанія; многое излагаетъ съ большою подробностью. Вотъ порядокъ статей заключающихъ въ себѣ пребываніе его въ Іерусалимѣ: «Прибытіе въ Іерусалимъ — Гефсиманія — Крестный путь — Пустынножители — Юдоль плача — Лавра свят. Саввы — Іосафатова долина — Храмъ Воскресенія — Часовня Св. Гроба — Соборъ — Голгоѳа — Лѣтопись храма — Вѣроисповѣданія — Страстная недѣля, Великая Пятница, Великая Суббота и Пасха въ Іерусалимѣ — Обитель Св. Іакова — Сіонъ — Гора Элеонская — Геэнна — Царскія пещеры — Монастыри Іерусалимскіе — Виѳлеемъ — Горняя — Виѳанія. —

Каждое мѣсто, освященное историческими, поэтическими, религіозными воспоминаніями, почти всегда, возбуждаетъ два чувства, сильно превозмогающія всѣ другія. Одно изъ нихъ: грусть о томъ, что время и невѣжество людское разрушаетъ, искажаетъ предметъ нашего благоговѣнія. Обставленный ничтожными памятниками мѣлкаго бытія, обезображенный самыми украшеніями, которыя лѣпитъ на него грубое усердіе людей, предметъ удивленія нашего всего чаще внушаетъ намъ скорбную мысль о невѣжествѣ и безсмысліи человѣческомъ. Другое чувство, не менѣе прискорбное, ощущаемъ мы, видя, что почти всегда и вездѣ, самые

священные предметы памяти и благоговѣнія дѣлаются источникомъ мѣлкихъ разсчетовъ корыстолюбія, нетерпимости, страстей человѣческихъ! Рѣдко, посѣтивъ какой нибудь великій, памятный предметъ, сохраните вы въ душѣ своей безпримѣсное, чистое чувство восторга!

Гдѣ-же болѣе можетъ быть все это ощущаемо, если не въ Іерусалимѣ, надъ которымъ тяготѣли вѣка, сверкалъ мечъ Римлянъ, блистала сабля Мусульманъ, гремѣло копье Рыцаря, гдѣ и нынѣ иго рабства унизительнаго возлегаетъ надъ святынею мѣстъ и надъ обитателями ихъ, и гдѣ притомъ самое усердіе къ великой святынѣ порождаетъ ненависть и страсти между разновѣрными народами?

Все это сильно изображено нашимъ странникомъ. Съ горестію говоритъ онъ объ униженіи, какому иго Мусульманское подвергаетъ святыню мѣстъ и христіанъ, жителей Іерусалима. Тяжкія дани обременяютъ ихъ; неоплатные долги превышаютъ всѣ средства и способы; духъ упадаетъ отъ вѣковой привычки къ рабству, и допускаетъ нарушеніе всякаго велелѣпія и благоговѣнія, чтобы сохранить, по крайней мѣрѣ, жалкое бытіе свое и существованіе святыни. Такъ на торжествованіи Пасхи, храмъ Св. Гроба, въ виду нашего странника, былъ наполненъ дикими Арабами - христіанами, позорившими святые обряды воплемъ и пляскою, безобразно спавшими по всему храму, и превращавшими

его въ буйное сонмище и торжище. Надъ самымъ алтаремъ находился гаремъ Турецкаго Мусселима: жены его, съ эвнухами, стояли тамъ, чтобы удобнѣе смотрѣть на нисшествіе Св. огня. Деньги, собираемыя Турками въ сей день, сбрасывали въ блюдо, поставленное на камнѣ, отваленномъ Ангелами отъ Св. Гроба, и обращенномъ въ престолъ церкви! Руку и полу одежды Мусселима — мелкаго чиновника, опредѣляемаго Пашею Дамасскимъ — цѣлуютъ Митрополиты христіанскіе, со страхомъ и благоговѣніемъ. Стражи гоняютъ и бьютъ палками христіанъ въ самыхъ алтаряхъ, дерзко входя въ оные Царскими дверями.... Въ то же время, самые буйные споры между различными вѣроисповѣданіями христіанъ нарушаютъ святыню мѣста. Извѣстно, что пять различныхъ вѣроисповѣданій раздѣлили и занимаютъ церковь Св. Гроба: Сиріяне и Копты (послѣдователи Несторія и Евтихія), Армяне, Католики и Греки. Всѣ они взаимно ненавидятъ другъ друга, и часто ничтожными, низкими происками своими усиливаютъ тягость общаго бѣдствія. Сильнѣе всѣхъ нынѣ Армяне, успѣвшіе богатыми дарами взять первенство надъ другими, со времени возстанія Грековъ. Они давно уже купили себѣ все, что принадлежало въ Св. храмѣ Грузинамъ. Марониты присоединились къ Католикамъ, которые усилились было во время Наполеона. Греки нынѣ чрезвычайно унижены въ Іерусалимѣ. Бывши прежде богаты дарами, отвсюду вносимыми, и усердіемъ поклонниковъ, отвсюду стекавшихся, они имѣли возможность возобновить на свое иждивеніе Св. храмъ, послѣ пожара, опустошившаго оный въ 1808 году. Гори

стно слышать, что въ то время употребляли они силу свою на жестокое гоненіе другихъ исповѣданій. Такъ при возобновленіи храма, послѣ пожара 1808 года, они выбросили изъ него останки Готтфрида и Балдуина (т. II, стр. 21), и разрушили гробницы сихъ героевъ, какъ Латинскихъ Государей, осквернившихъ собою храмъ Божій.... Гробъ Балдуина находился подлѣ Голгоѳы, и шесть вѣковъ протекало, а на могилѣ вождя, воспѣтаго Тассомъ, великаго Царя Іерусалимскаго, читали: Hic jacet inclytus dux Godefridus de Bulion, qui totam istam terram acquisivit cultui christiano, cujus anima regnet cum Christo. Amen. Теперь нѣтъ уже гробницы Готтфрида, и исчезъ древній трофей Христіанской побѣды и власти надъ Іерусалимомъ! Тщетно послѣ 1808 года Католики искали достопамятныхъ гробницъ. Греки отвѣчали имъ, что гробницы разрушились въ пожарѣ. Еще прискорбнѣе читать описаніе неистовства, учиненнаго въ Геѳсиманіи, гдѣ Священникъ Арабскій ужасно поругался Латинскому алтарю (см. т. I, стр. 233)... Удалимъ отъ себя всѣ сіи горестныя картины. Ихъ могутъ видѣть въ описаніяхъ нашего соотечественника. «Кто не былъ самъ поклонникомъ въ Іерусалимѣ, тотъ не въ силахъ ясно себѣ представить бѣдственнаго положенія его святыни!» — говоритъ онъ. «Кто былъ, и молился надъ Гробомъ Спасителя, посреди позора и безчестія, которымъ онъ преданъ, кто оросилъ его слезами тщетной горести, тотъ — не можетъ постигнуть равнодушія Европы къ сему основному камню ея спасенія... (т. II, стр. 130).

Мы уже упоминали, что нашъ соотечественникъ возвращался изъ Іерусалима чрезъ Акру, Тиръ и Бейрутъ. «Нѣкоторые изъ монаховъ Греческихъ, и всѣ поклонники Русскіе, обоего пола, провожали меня за городскія ворота, гдѣ, со многими слезами и цѣлованіями, мы разстались. . . Я вспомнилъ, какая горькая участь ожидала сихъ поклонниковъ подъ игомъ Арабскимъ, посреди нищеты и гоненій, и дивился силѣ ихъ духа, и смиренію, съ какимъ обрекли себя они служенію святыни, заживо погребаясь въ чужбинѣ, хотя много близкаго ихъ сердцу осталось на родинѣ, ибо каждый надѣлялъ меня письмами, просилъ сказать своимъ, что онъ еще живъ и за нихъ молится. . . Глубоко тронутый, спѣшилъ я исторгнуться отъ ихъ прощаній. . .»

Появленіе чумы заставило странника отказаться отъ посѣщенія горъ Ливанскихъ и Дамаска. Изъ Кипра, онъ съ товарищами плылъ на Греческомъ кораблѣ. Цвѣтущая, роскошная природа, ужасное состояніе Архипелагскихъ Грековъ во время борьбы Пелопонеза, и бѣдствіе, отяготѣвшее нынѣ на тѣхъ мѣстахъ, которыя не защищены освобожденіемъ Греціи, живо изображены нашимъ соотечественникомъ. Богатый Кипръ, опустошенный мечемъ и казнями, гибнетъ, пустѣетъ. Самосъ, грозно противившійся Туркамъ, ожидаетъ той-же участи. Корабль странниковъ плылъ мимо Самоса, и начальникъ судна съ торжествомъ указалъ ему поприще знаменитой битвы между всѣмъ флотомъ Турецкимъ и легкими судами Грековъ, когда, вскорѣ по раззореніи Хіоса, Капитанъ Паша хотѣлъ

сдѣлать высадку на Самосъ. Онъ описывалъ, какъ мужественно отстояли островъ его жители, и какъ вспыхнули корабли Оттоманскіе, принужденные удалиться послѣ многократныхъ, тщетныхъ усилій. — Радостно повторили матрозы разсказъ своего начальника, ибо каждый изъ нихъ могъ гордиться какимъ либо блестящимъ подвигомъ въ отечественной войнѣ, и многіе лично прицѣпили огненные челноки къ кораблямъ непріятельскимъ. «Одинъ только изъ числа ихъ стоялъ въ глубокой задумчивости, устремивъ неподвижно взоры на приближавшійся къ намъ Самосъ. Я спросилъ у него о причинѣ грусти: «Бейзадей Московскій!» уныло отвѣчалъ онъ, «ты плывешь на свою родину, а вотъ *моя!* Посмотри: еще флаги Эллинскіе развѣваются въ той малой пристани, близъ пролива, но скоро ихъ не будетъ; семилѣтняя независимость Самоса только отягчитъ для него прежнее иго. Мы бились на жизнь и смерть. Самосъ былъ страшенъ своими набѣгами Смирнѣ и поморью Анатоліи, и хотя ты сей часъ увидишь, какъ тѣсенъ проливъ, отдѣляющій насъ отъ берега Турецкаго, но вражья нога не ступала донынѣ на островъ! За что-же исключили насъ изъ границъ свободы, подобно Хіосу, позволившему раззорить себя, подобно Родосу, Станхіо и другимъ, которые, остались равнодушными въ общемъ подвигѣ? Отъ чего-же освободили сосѣднюю Ипсару? — И она внѣ предѣловъ Цикладскихъ. Намъ достались однѣ голыя скалы; всѣ плодоносные острова еще подъ игомъ; я не объ нихъ жалѣю: они не заслужили освобожденія, но — Кандія, но Самосъ? Какъ помирять

въ нихъ два племени, взаимно обагрившіяся самою драгоцѣнною кровью?..» Я старался успокоить пылкаго юношу, представляя ему, что первый шагъ сдѣланъ, ибо главный вопросъ состоялъ въ признаніи независимости Греціи, и она признана всею Европою. «Какъ видно,» возразилъ Грекъ, «что у тебя нѣтъ ничего близкаго въ Самосѣ! У меня-же тамъ жена, у другаго дѣти и дряхлые родители... Что намъ до признанія Европы, когда мы всѣ подвергнемся игу — быть можетъ, и плахѣ? Что скажешь? — Переселись съ семействомъ въ Элладу! — Но какъ и съ чѣмъ? Дѣйствіе труднѣе слова, да и легко-ли покинуть родину!....»

Приставъ въ Скала»Новѣ, сухимъ путемъ отправился странникъ нашъ въ Смирну. На восходѣ солнца подъѣхалъ онъ къ какой-то рѣкѣ, извивавшейся по живописной долинѣ; вдали видны были на горахъ остатки какихъ-то башенъ. »Что тамъ мелькаетъ въ отдаленіи?» спросилъ онъ у своего проводника, сѣдаго Турка. «Безумныя зданія!» отвѣчалъ старикъ, качая головою — «безумныя! ихъ строили люди, которые думали вѣчно жить. Тамъ тысяча бань, тысяча дворцовъ, тысяча мечетей и ни одной живой души!» Рѣка извивавшаяся передъ странникомъ, была — *Каистръ*; развалины, вдали мелькавшія — *Эфесъ*!...

Нѣкогда было свернуть въ сторону и посѣтить славную отчизну Геростратову. Впрочемъ, опустошенный вѣками, людьми, природою, мечами побѣдителей, и наконецъ жадностью путешественниковъ, наполняющихъ обломками его музеи и кабинеты, Эфесъ представляетъ теперь однѣ безобразныя груды развалинъ, среди

коихъ уцѣлѣло только немного колоннъ, еще твердыхъ и неупавшихъ, подземелья храма Діаны и часть воротъ городскихъ. Знаменитый барельефъ снятъ уже съ нихъ, недавно, какимъ-то Агличаниномъ, и увезенъ въ Лондонъ. «Стада пасутся въ густой травѣ, покрывающей обломки Эфеса; легкія козы скачутъ по капителямъ его низергнутыхъ столповъ, и веселы ихъ дикія игры на высотѣ оставленныхъ портиковъ; ночью загоняютъ ихъ въ какое нибудь изъ древнихъ капищъ, гдѣ убогіе пастыри смѣло замѣнили вытѣсненныхъ временемъ боговъ. Иногда звонкіе колольчики оживляютъ уединеніе развалинъ; караванъ лошаковъ медленно тянется отъ сосѣдняго города Эддина, съ трудомъ прокладывая себѣ стезю промежъ разсѣянныхъ обломковъ; съ его удаленіемъ вновь водворяется безмолвіе. Безпечные рыбари, на длинныхъ челнокахъ, подымаются и спускаются по живописному Каистру; они привязываютъ ладьи свои къ ветхимъ столбамъ, еще стоящимъ на берегахъ рѣки, и равнодушно поютъ свои пѣсни тамъ, гдѣ гремѣли свободою ихъ предки. Восходящее солнце проникало густой туманъ, облекавшій синюю даль Эфеса, озаряя окрестныя вершины горъ. Стая шакаловъ выла промежъ развалинъ; ихъ дикій, по вмѣстѣ дѣтскій плачъ, странно соотвѣтствовалъ пустынѣ развалинъ. Старецъ, удрученный годами, дѣлается младенцемъ: такъ и Эфесъ, достигшій до крайняго предѣла древности, по сходству судьбы царствѣ съ судьбою человѣковъ, прилично былъ оглашаемъ воплемъ младенческимъ, ибо сердцу нашему всегда лестно уподоблять себя предметамъ большимъ, и видѣть въ

лицѣ своимъ образецъ участи цѣлой державы. И кто-же это новое племя дѣтей, которому дикою колыбелью служатъ зданія совѣта, гробы мужей, капища?.. Шакалы... Эфесъ! вотъ наслѣдники твоей славы!»

Авторъ *Путешествія ко святымъ мѣстамъ* видитъ изъ всей статьи нашей, что не осужденіе (по мнѣнію многихъ, цѣль всякой рецензіи) было желаніемъ, руководившимъ насъ. Напротивъ, мы желали указать публикѣ на все то, почему книга юнаго Автора должна обратить на себя вниманіе соотечественниковъ. Жалѣемъ, что предѣлы статьи не позволили намъ войти въ подробности. Мы указывали на весьма немногія мѣста, гдѣ отсвѣчивается поэтическая душа нашего странника. Таковы изображеніе чувствъ его при видѣ горы Иды, на поляхъ Трои; чувства, когда онъ приближался къ Патмосу, и встрѣченъ былъ «бурною ночью и бурнымъ моремъ, какъ-бы таинственными стражами Апокалипсиса.» Всѣ сіи, и множество другихъ, пропущенныхъ нами, поэтическихъ мѣстъ, замѣтятъ сами читатели.

Послѣ сего, мы почитаемъ себя въ правѣ, безъ упрека, сдѣлать замѣчаніе, что *во многихъ мѣстахъ* слогъ автора, и многія отдѣльныя выраженія и слова, носятъ на себѣ отпечатокъ поспѣшности, или небреженія, слѣда которыхъ мы не желали-бы встрѣтить въ книгѣ, столь любопытной и замѣчательной. Приведемъ примѣръ: «Главнокомандующій подъѣхалъ къ обширнымъ казармамъ, устроеннымъ внѣ города, которыя по условіямъ должны были для насъ очистить полки Турецкіе,

оставивъ свое оружие и городъ. Еще онъ были наполнены солдатами, но появление вождя навело на нихъ тревогу—все бросились,» и проч. (т. I, стр. 4). Слова здѣсь перемѣшаны, и по смыслу ихъ, то, что хочетъ сказать Авторъ о *людяхъ*, говоритъ онъ о *казармахъ*. Вотъ еще примѣръ подобной, неправильной разстановки: (т. 1. стр. 58) «Патріархъ Агаѳангелъ... *исполненный страха Турокъ*, онъ не пользовался любовію и довѣренностію своего народа...» Вотъ странныя, или несвойственно употребленныя слова, останавливавшія насъ: (стр. 8)« онъ (сводъ) казался-бы *природнымъ* сводомъ голубаго неба — (стр. 26) четыре минарета опозорили нынѣ ея (Св. Софіи) *вотическую* (?) громаду — (стр. 38) всѣхъ примѣчательнѣе, и по *остаткамъ*, и по славѣ основателя, столбъ великаго Константина — (стр. 78) *легость* груза — (стр. 124) другимъ противникомъ *имѣлъ* онъ — (стр. 211) отечество *благаго* разбойника.» Нѣсколько галлицизмовъ также пестрятъ слогъ въ иныхъ мѣстахъ; напримѣръ: (стр. 201) «*не доходя до него, встрѣчается* на высотѣ горъ малое озеро» — (стр. 175) «*я слишкомъ быстро обѣжалъ ихъ, чтобы* подробно описать — (стр. 149) на рубежѣ пустыни Ливійской съ жадностію *внималъ о Русскихъ снѣгахъ* — (стр. 112) «*проѣхавъ* раздѣленіе двухъ вѣтвей Нила, *открылась* мнѣ великолѣпная картина — (стр, 63) «немногіе *искали вступить* въ униженное званіе,» и т. п.

Почтенный Авторъ пишетъ: *Магомметъ*, *Баязидъ*, *Муратъ*, *Рихардъ*, *Велисарій*, *Мануилъ*. Мы слышали,

что онъ руководствовался совѣтами опытнаго оріентадиста въ правописаніи Восточныхъ именъ, и потому не споримъ въ нихъ, хотя привыкли сами писать: *Баязетъ*, *Амуратъ*, *Мугаммедъ* (последнее слѣдуя правописанію г-на Френа). Но другія изъ означенныхъ нами именъ, кажется, должно писать: *Ричардъ*, *Велизарій*, *Эммануилъ*. Замѣтимъ еще: на чемъ основываясь пишутъ многіе, и авторъ слѣдуетъ имъ: *угольный*, вмѣсто *угловой*, и *Турокъ*, въ *родительномъ множественнаго*, вмѣсто: *Турковъ*? Въ последнемъ случаѣ, какъ прикажете сей падежъ отличать отъ *именительнаго единственнаго*? Почему также авторъ пишетъ: *цитадель*? Неужели нѣтъ на то Русскаго слова? —

Подобныя замѣчанія мѣлочны. Но при хорошемъ можно требовать, чтобы и всѣ подробности были хороши. Въ иной книгѣ не только не станете искать подобныхъ мѣлочей, но и о цѣломъ-то говорите мимоходомъ — по обязанности журналиста.

— **Царствование царя Михаила Феодоровича и взглядъ на междоцарствие.** *Сог. В. Н. Берха,* 2 *гасти. СПб.* 1832 *г. въ т. Хр. Гинце, въ* 8, 301 и 260 *стр., съ планомъ, портретомъ, снимками и рисунками.*

— **Царствование царя Алексия Михайловича.** *Сог. В. Н. Берха,* 2 *гасти. СПб.* 1831 *г. въ т. Хр. Гинце, въ* 8, 314 и 270 *стр., съ снимкомъ.*

— **История Петра Великаго.** *Сог. Вен. Бергмана. Пер. съ Нѣм. Е. Аладьинъ. Ч. I. СПб.* 1833 *г. въ т. Конр. Вингебера, въ* 8, 333 *стр.*

— **Обозрѣние царствования и свойствъ Екатерины Великия.** *Павломъ Сумароковымъ, пог. гленомъ, и прог.* 3 *гасти. СПб.* 1832 *г. въ т. М. Деп. М. В. Д., въ* 8, 263, 240 и 254 *стр., съ портретомъ.*

Величайшимъ для себя наслажденiемъ почли-бы мы, если бы, извѣстивъ недавно публику о прекрасныхъ трудахъ, касательно Русской Исторiи, г-на Устрялова, могли теперь извѣстить ее въ другъ о *гетырехъ историгескихъ книгахъ* г-дъ Берха, Бергмана и Сумарокова, равно превосходнаго достоинства. Тѣмъ драгоцѣннѣе могли-бъ быть сiи литтературныя явленiя, что до сихъ поръ не было у насъ *даже ни одной книги,* которая, хотя-бы въ нѣкоторой стройной полнотѣ, изображала намъ *Исторiю Русскую отъ Шуйскаго до нашего вре-*

мени. Шуйскимъ кончилъ Щербатовъ; на немъ остановился Карамзинъ. Только одинъ трудолюбивый, незабвенный *Голиковъ* сиротѣетъ на обширномъ поприщѣ Русскаго дѣеписанія съ начала XVII столѣтія съ своимъ недостаточнымъ сочиненіемъ. Издавъ *Дѣянія Петра Великаго*, Голиковъ описалъ въ *Дополненіяхъ* Исторію Россіи со временъ Іоанна Грознаго до Петра. Вотъ *все*, что мы имѣемъ *историческаго* о Мининѣ, Михаилѣ, Алексіи, Өеодорѣ II-мъ!

Но Голиковъ не былъ историкъ. Ни время, въ которое жилъ онъ, ни образованіе, ни средства, ни самая жизнь его не давали ему способовъ удовлетворить своею книгою желаніямъ *даже современниковъ*. Голиковъ откровенно сознавался въ этомъ, и съ надеждою указывалъ на Князя Щербатова (*Доп.* т. III, 202). Надежда его не исполнилась: Щербатовъ дописалъ (худо-ли, хорошо-ли другой вопросъ) только до паденія Шуйскаго.

Царствованіе Петра представляетъ намъ также *одного Голикова*. Все другое, что прежде и послѣ него писано Петрѣ, не стоитъ добраго слова. Не говоримъ о взглядѣ, о направленіи трудовъ Голикова, но сочиненіе его, какъ *собраніе матеріяловъ* (исключивъ тѣ мѣста, гдѣ онъ принимался разсуждать и бралъ на себя обязанность историка), неоцѣненно. Должно-ли намъ упоминать о сочиненіяхъ Клаудіуса, Галема, или книгѣ Вольтера Histoire de Russie sous Pierre le-Grand? Нѣтъ! Также лучше промолчать о началѣ *Исторіи Русской* со временъ Годунова, Г. Ф. Миллера, знаменитаго археографа, но болѣе нежели

плохаго историка [1], и о началѣ *Исторіи Петра Великаго*, Туманскаго [2]. Ничего не скажемъ мы и о книгахъ Өеодози, Катифора, Өеофана Прокоповича, Рубана, Воробьевскаго: это сборники, панегирики, всякая всячина, что угодно—только не Исторія! Сегюръ въ наше время бросилъ нѣсколько остроумныхъ, яркихъ идей въ своей Histoire de Russie et de Pierre-le-Grand (Парижъ, 1829 г.). Но въ историческомъ достоинствѣ книга его есть недостаточный сборникъ, подобный написанной Сальванди *Исторіи Собіескаго*. Словомъ: Петръ до нынѣ *не имѣлъ историка*, и *Исторіи его*, кромѣ Голикова книги, не было.

Еще менѣе занимались новою Русскою исторіею отъ временъ Петра до Екатерины: тутъ уже рѣшительно ничего нѣтъ, кромѣ Нехачинскаго *Ядра* [3], и никакихъ, краткихъ, учебныхъ изложеній исторіи Русской.

Наконецъ, слѣдуетъ *Екатерина*. Нѣчто подобное тому, что составилъ Голиковъ о Петрѣ, объ Екатеринѣ составилъ Колотовъ, только гораздо недостаточнѣе [4]. Клеветы Кастера такъ же никуда не годятся, какъ и про-

---

1. См. его начало въ *Сочиненіяхъ и переводахъ, къ пользѣ и увеселенію служащихъ* (1761 г.).

2. Жизнь и Дѣянія Петра Великаго, Ч. I. СПб. 1788 г.

3. Новое Ядро Росс. Исторіи, изд. 2-е, М. 1809 г. 2 части.

4. Дѣянія Екатерины II, 6 частей, СПб. 1811 г.

тивная тому книга Таппенберга (Русскій переводъ: *Жизнь Екатерины Великой*, М. 1801 г.).

Каково-же является новое, обширное, необработанное поле для трудолюбія, для исторической философіи, для изысканій, поле, на которомъ видимъ мы теперь появленіе трехъ новыхъ сподвижниковъ, г-дъ Берха, Бергмана, Сумарокова?

Они явились смѣло: издавъ Исторію Царя Алексія Михайловича, г-нъ Берхъ даритъ теперь насъ Историческимъ изображеніемъ Междоцарствія и Исторіею Михаила Ѳеодоровича. Трудолюбію г-на Аладьина мы обязаны Русскимъ переводомъ Исторіи Петра Великаго, сочиненной ученымъ Германцемъ, г-мъ Бергманомъ. Наконецъ, г-нъ Сумароковъ предстоитъ съ Исторіею Екатерины. Если приложимъ къ симъ новымъ явленіямъ книгу г-на Вейдемейера [1], недавно вышедшую, но уже достигшую 2-го изданія — вотъ цѣлый рядъ сочиненій *нашего времени*, составляющихъ собою почти непрерывную цѣпь повѣствованія историческаго, *отъ Шуйскаго до XIX-го вѣка*.

Но, увы! Книгу г-на Вейдемейера, хоть-бы она была напечатана *двадцать вторымъ* изданіемъ, смѣло можете почесть недостаточною, несвязною выборкою, и исключить изъ числа новыхъ пріобрѣтеній Русской литтературы. Мы уже говорили объ ней, и отсылаемъ

---

1. Обозрѣніе дѣлъ, и проч. 2 части. СПб. 1831 г.

читателей къ прежнему нашему отзыву, готовые подкрѣпить его обширными доказательствами, если-бы они потребовались.

Къ отряду книгъ, подобныхъ сочиненію г-на Вейдемейера, можете отнести также и книгу г-на Сумарокова: она собраніе отрывковъ изъ немногихъ книгъ, писанное безъ всякой критики, наполненное странными, превратными изображеніями событій вѣка Екатерины, восклицаніями и похвальными возгласами, недостойными важности Исторіи. Прибавимъ къ тому, что книга г-на Сумарокова писана столь неправильнымъ языкомъ, имена собственныя въ ней такъ исковерканы, что ее почти невозможно читать, и во многихъ мѣстахъ не доберетесь, что хочетъ сказать авторъ. Все однакожъ выкупается для насъ въ книгѣ г-на Сумарокова однимъ важнымъ достоинствомъ: авторъ приводитъ въ ней отъ себя столько любопытныхъ чертъ и анекдотовъ изъ жизни Екатерины, предлагаетъ намъ столько подробностей частныхъ объ ея семейной, домашней жизни, вовсе доселѣ неизвѣстныхъ, что книга его, въ семъ отношеніи, становится весьма замѣчательною. Еслибы, вмѣсто трехъ, г-нъ Сумароковъ издалъ *одну* книгу, назвалъ ее: *Разсказы о Екатеринѣ Великой*, и выкинулъ все, что говоритъ онъ о политической и военной исторіи Россіи, о государственныхъ распоряженіяхъ Екатерины, о законахъ ея и политическихъ событіяхъ въ Европѣ, то его книжка была бы пріобрѣтеніемъ драгоцѣннымъ. Вышло-бы нѣчто въ родѣ *Записокъ* (Mémoires): *воспоминанія* современника Екатерины о томъ, что онъ

самъ видѣлъ, и что слышалъ отъ другихъ, знавшихъ лично знамѣнитую Монархиню.

Приступая къ книгамъ В. Н. Берха, чувствуемъ, что прежде всего насъ невольно останавливаетъ вопросъ: долженъ-ли каждый писатель, не начиная еще труда своего, отдать самому себѣ полный отчетъ въ томъ, что хочетъ онъ дѣлать? Кажется, *долженъ*. Но, почтенный, уважаемый нами за его неусыпное трудолюбіе, В. Н. Берхъ отдавалъ-ли себѣ такой отчетъ до написанія Исторіи Алексія и Исторіи Михаила? По всѣмъ вычетамъ вѣроятностей, мы осмѣливаемся отвѣчать за него: *нѣтъ!*

Уже нѣсколько разъ случалось намъ говорить въ Телеграфѣ о сущности различныхъ историческихъ сочиненій. Но одно изъ двухъ: или не хотятъ понимать словъ, говоренныхъ съ чистымъ желаніемъ добра, или не вѣрятъ имъ? Дѣлать нѣчего! Просимъ послѣ сего не гнѣваться, если мы принуждены теперь доказывать слова наши осужденіемъ неправильныхъ явленій въ исторической литтературѣ. Тутъ никто, ни за что сердиться не долженъ; дружба дружбой, уваженіе личное само по себѣ, а дѣло дѣломъ. Неужели авторъ, подобный почтенному В. Н. Берху, будетъ цѣнить дороже нѣсколько мимолетныхъ строчекъ газеты какой нибудь, гдѣ выскажутъ ему нѣсколько *общихъ мѣстъ*, наряду съ писачкою глупой поэмы, или издателемъ вздорнаго альманашищка, нѣсколько словъ, въ родѣ слѣдующихъ: «Почтенный, извѣстный учеными трудами, В. Н. Берхъ подарилъ насъ новымъ, любопытнымъ произведеніемъ; сей трудъ

обязываетъ насъ новою благодарностію,» и проч. и проч., будетъ, говоримъ, цѣнить *такой отзывъ* лучше и дороже, нежели голосъ строгой, но безпристрастной Критики? Кромѣ того, напомнимъ, что мы осмѣлились уже скромно сказать Автору свое мнѣніе, слегка, мимоходомъ, при выходѣ первой его книги. Онъ выдалъ теперь другую —*такую—же*. Будемъ-же нѣсколько строже и поговоримъ обстоятельнѣе.

Вы хотите заниматься Исторіею? спросимъ мы у всякаго кандидата въ историки. Доброе дѣло, особливо при недостаткѣ у насъ дѣлателей. *Какъ* же и *гдѣ* хотите вы заниматься: отдѣльною-ли какою нибудь, вспомогательною частію Исторіи, сборомъ матеріяловъ или Критикою Историческою? Мы будемъ за все вамъ благодарны; во всѣхъ сихъ отдѣленіяхъ Исторіи вы можете быть полезны и достигнуть большой литтературной чести. Вспомните труды г-дъ Круга, Лерберга: одинъ занимался Хронологіею, другой Историческою Географіею, и труды обоихъ навсегда будутъ незабвенны. Вспомните Миллера, Вихмана, Новикова, Митрополита Евгенія, Кеппена, К. Ѳ. Калайдовича, Строева, Бантыша-Каменскаго — почтенныхъ собирателей матеріяловъ; кто не благодаритъ ихъ? О. Іакинѳъ, доставляющій намъ матеріялы изъ Китайскихъ источниковъ; г-нъ Устряловъ, передающій намъ малоизвѣстныя Западныя пособія историческія; г-нъ Френъ, очищающій для насъ Арабскіе и Татарскіе матеріялы—всѣ достойны благодарности великой. Общая Историческая Критика работала у насъ мало, но одно имя Шлецера доказываетъ вамъ,

что занятія ею можетъ достойно прославить память на шуръ

Но вы хотите непремѣнно быть историческимъ повѣствователемъ; въ стройномъ разсказѣ хотите вы излагать минувшія событія. И здѣсь добрая воля, безъ дальнѣйшихъ требованій, доставитъ вамъ мѣсто почетное. Мы сей часъ только вспоминали о Голиковѣ. Будьте Голиковымъ для Алексія Михайловича, Михаила Ѳеодоровича — даже, можете еще быть Голиковымъ и для того, что уже описалъ Карамзинъ. Собирайте матеріялы; приводите ихъ въ порядокъ; ищите ихъ у Шведовъ, Поляковъ, Татаръ, Монголовъ, Грековъ, въ старинныхъ архивахъ Москвы и Ватикана, Парижа и Стокгольма, Петербурга и Варшавы; приводите ихъ въ хронологическій порядокъ, сличайте; да будетъ притомъ девизомъ вашимъ: *безпристрастіе* и *полнота*, сколько возможно болѣе, и вы напишете намъ *Исторію*, не философскую, не прагматическую, даже — если угодно — не критическую, но такую однакожъ, безъ которой, какъ безъ труда Голикова, говоря о Петрѣ Великомъ, не обойдется ни одинъ послѣдователь, когда будетъ излагать предметъ, уже занимавшій васъ.

Идти далѣе никто не препятствуетъ, но знайте, что за тою степенью, на которой стоитъ Голиковъ, начинается для васъ обязанность тяжелая. Вы должны будете соединить въ себѣ обязанности изыскателя матеріяловъ, критика, прагматика, мыслителя. Полнота, Философія Исторіи, копотливость Археографіи, множе-

ство приготовительныхъ свѣдѣній — все потребуется отъ васъ, особливо нынѣ, когда принимаютъ Исторію въ объемѣ высшемъ, и обширнѣйшемъ противъ прежнихъ идей объ Исторіи.

Намъ кажется, что такія соображенія не были предварительно приведены въ ясность г-мъ Берхомъ. Вотъ какъ объяснялся онъ, издавая Исторію Царя Алексія Михайловича: «Случайно отыскалъ я *очень много* любопытныхъ матеріяловъ, относящихся къ вѣку Царя Алексія Михайловича, и какъ *большая часть оныхъ* заключалась въ рукописяхъ, или *весьма рѣдкихъ иностранныхъ книгахъ*, то и рѣшился я, *для сохраненія ихъ потомству* написать Царствованіе сего мудраго Монарха.»

Теперь г-нъ Берхъ говоритъ: «Царствованіе А. М. издалъ я для того въ свѣтъ, что желалъ сохранить случайно доставшіеся мнѣ о Царѣ семъ матеріялы. Царствованіе-же Мих. Ѳеодор. и Ѳеодора Алексіевича въ послѣдствіи потому, что *имѣлъ много свободнаго времени и хотѣлъ удовлетворить желанію нѣкоторыхъ, много уважаемыхъ мною лицъ.*» За симъ, почтенный авторъ сожалѣетъ, что не могъ *съѣздить въ Москву* «гдѣ надѣялся сыскать много любопытныхъ матеріяловъ,» оживилъ-бы мысли свои, взирая на тѣ мѣста, гдѣ *герой повѣсти его* родился, наслаждался жизнію и окончилъ оную. Съ *благоговѣніемъ къ священной памяти добродѣтельнаго Царя*, обозрѣлъ-бы онъ (авторъ говоритъ о себѣ) храмы, *гульбища, чертоги* и *зданія, сему Царю современныя.* Въ Саввинскомъ монастырѣ *осмотрѣлъ-бы съ умиленіемъ одежды, утварь, послѣ Царя оставшіяся,*

украсилъ-бы сочиненіе свое многими любопытными извѣстіями,» и проч.

Мы откровенно сказали-бы, еслибъ авторъ потребовалъ предварительно совѣта нашего: «Разсмотрѣвъ ваше: *очень много любопытныхъ матеріяловъ* для Исторіи Царя А. М., признаемся, почтеннѣйшій В. Н., что почти всѣ они уже извѣстны, а неизвѣстнаго находимъ мы у васъ немного, да и то не важно. Издайте это *немногое*, но не пишите Исторіи Царя А. М., ибо къ ней вообще вы новаго ничего не прибавите. Что-же касается до *свободнаго времени*, то оно не оправданіе. Употребите его на что нибудь другое. Съѣздите въ Москву, если вы точно можете *получить* тамъ много любопытныхъ матеріяловъ, недоступныхъ другимъ, хотя *существованіе ихъ всѣмъ извѣстно*. Но отъ взгляда на Москву, на утвари, одежды, гульбища, вы не вдохновитесь много, да и не вдохновеніе вамъ нужно, ибо вы не поэтъ. А исторіи не напишете вы хорошо, если и будете сидѣть въ Коломенскомъ, въ стулѣ Царя Алексія, и глядѣть на ветхій кафтанъ Царя Михаила. Для исторіи надобно другое, совсѣмъ другое! Когда вы издадите, ваши Исторіи Царей Алексія и Михаила, то много уважаемыя вами лица защитятъ-ли васъ отъ нарѣканій Критики за то, что вы составили *два недостаточные, расположенные по годамъ сборника, вдѣ не истощили даже всѣхъ извѣстныхъ матеріяловъ, сказавъ нѣсколько новыхъ, неважныхъ подробностей* (напримѣръ: о Морозовскомъ паникадилѣ, и тому подобномъ), *и въ тоже время надѣлавъ погрѣшностей важныхъ?*

Таковы точно оба сочиненія, изданныя почтеннымъ В. Н. Берхомъ, въ *четырехъ томахъ* (которые сошли-бы однакожъ на двѣ небольшія книжки, если-бъ были напечатаны поуютнѣе, безъ немилосердой типографической разбивки).

Самымъ краткимъ, лѣтописнымъ образомъ проходитъ въ нихъ авторъ событія, отъ 1582-го до 1677 года. Лишенныя простоты разсказа старциннаго, не возведенныя въ достоинство стройнаго историческаго повѣствованія, изрѣдка только подкрѣпляемыя выписками изъ иностранныхъ, немногихъ авторовъ, погодныя замѣтки (иначе назвать не льзя) почтеннаго В. Н. Берха составляютъ собою цѣпь происшествій, связанныхъ безъ системы, безъ соображенія важности предметовъ. Это ни лѣтопись, ни исторія, ни собраніе матеріяловъ. Для перваго оно слишкомъ перехитрено, для втораго несовершенно, для третьяго недостаточно.

Впрочемъ, почему же непозволено, если автору хотѣлось, издать погодный, краткій реэстръ событій за Междоцарствіе и царствованія Михаила и Алексія, какъ сдѣлалъ г-нъ Берхъ? Разумѣется позволено, но здѣсь и *не главное* обвиненіе наше противъ почтеннаго В. Н. Нѣтъ! главное обвиненіе состоитъ въ томъ, что отрекаясь отъ правъ историка, отъ полноты собирателя матеріяловъ, онъ переходитъ однакожъ за предѣлы хронологическаго реэстра, и притомъ составляетъ его весьма плохо, а послѣ сего Критика должна вмѣшаться въ его занятія непремѣнно, ибо авторъ печатаетъ ихъ, и вотъ что ей необходимо замѣтить:

1. Совершенное отсутствие Критики въ выборѣ и разборѣ матеріаловъ. Автору все равно; онъ одинаково ссылается на Ядро Хилкова, Лѣтопись Палицына, Исторію города Смоленска (изд. Мурзакевичемъ), Исторію Щербатова, Исторію Холмогоръ Крестинина, Лѣтопись Сумокакова, Исторію Левека, работу Мальгина—все у него хорошій матеріялъ и все идетъ въ дѣло! Нѣкоторымъ компиляціямъ, каковы: Theatrum Europaeum, les Fastes de la Pologne, авторъ, кажется, не смѣетъ даже не вѣрить.

2. Пристрастіе автора къ нѣкоторымъ лицамъ, иногда непостижимо, а иногда нестерпимо. Ему показалось, напримѣръ, что бояринъ Морозовъ былъ геній и великій человѣкъ; что князь Д. Т. Трубецкой былъ праводушный герой и патріотъ, и—онъ въ восторгѣ отъ такихъ ничтожныхъ и вредныхъ для отечества эгоистовъ. Напротивъ, почтенный авторъ вовсе не разгадалъ политическаго характера Никона, и возложилъ на него опалу строже судей его, Патріарховъ Греческихъ. Такъ онъ, какъ о полубогѣ говоритъ вездѣ о Царѣ А. М., и—превратно, во все несправедливо судитъ о безсмертномъ сынѣ его, не понимая величія и подвиговъ сего генія, безпримѣрнаго въ лѣтописяхъ міра, не только Россіи.

3. Недостатокъ историческаго и критическаго взгляда явенъ во всѣмъ, и въ цѣломъ и въ подробностяхъ. Укажемъ на мнѣнія автора о состояніи Россіи при Михаилѣ и Алексіи. То говоритъ онъ о Россіи, какъ о государствѣ, которое жило въ тѣ времена пол-

ною политическою и гражданскою жизнію, было побѣдоносно, грозно, образовано, и вдругъ сказываетъ намъ что въ Россіи существовала государственная администрація, ибо въ ней были *Приказы.* «Это доказываетъ» — говоритъ авторъ — что въ Россіи *существовалъ благоустроенный порядокъ, и всѣ дѣла текли предназначеннымъ имъ путемъ.*» Да, скажите, ради Бога, кто-же въ томъ сомнѣвался? Сомнѣнія подобнаго не льзя имѣть даже о Томбукту.

4. Повсюду видѣнъ у почтеннаго автора какой-то странный патріотическій жаръ, и этотъ жаръ заставляетъ его великолѣпно говорить и разсказывать о дѣлахъ самыхъ обыкновенныхъ. »Мы видѣли (говоритъ въ одномъ мѣстѣ авторъ) незабвеннаго Царя сего, пирующаго съ главнымъ духовенствомъ, боярами, и прочими государственными чинами, какъ во дворцѣ, такъ и въ патріаршихъ палатахъ, но не имѣли ни разу случая упомянуть: пользовался-ли Царь полнымъ здравіемъ и всегда ли онъ былъ чуждъ болѣзнямъ? Виною сего недостатокъ извѣстій отечественныхъ и иноземныхъ. Но судя вообще по ходу дѣлъ, надобно полагать, что Царь не имѣлъ никакихъ тѣлесныхъ недуговъ.» Такъ не пишутъ Исторіи. Угодно-ли, напротивъ, видѣть, какимъ образомъ авторъ выражается, говоря объ иноплеменникахъ? Выбираемъ важное политическое обстоятельство: избраніе Сигизмунда III-го въ Польскіе Короли. Изобразивъ Поляковъ въ семъ дѣлѣ почти сумасшедшими, авторъ заключаетъ свое описаніе слѣдующимъ: «Наскуча наконецъ шумѣть, ссориться и драться, положили избира-

тели водрузить три *знамени*, дабы удостовѣриться, къ которому изъ нихъ пристанетъ большинство голосовъ. Первое изъ нихъ была *Московская шапка* (?), *второе* Нѣмецкая шляпа, а *третье* Шведская *селедка*. Малая и незначительная рыбка сія одержала верхъ, и въ Короли Польскіе избранъ былъ Шведскій Принцъ Сигизмундъ.» И вотъ вамъ описаніе важнѣйшаго политическаго обстоятельства, отъ котораго произошли неисчислимыя слѣдствія на судьбу Польши, Швеціи и Россіи! Заключимъ забавною выходкою автора: въ одномъ мѣстѣ онъ досадуетъ, что много Русскихъ женщинъ ушло въ Польшу съ удальцами Польскими, но за то спѣшитъ сказать, что многіе Русскіе, возвратясь изъ плѣна, привезли съ собою Полячекъ! Замѣчаній столь забавныхъ можно привести десятки изъ обѣихъ книгъ г-на Берха.

Сказывать послѣ того, что при сихъ недостаткахъ, почтенный авторъ не разсматриваетъ предмета своего ни критически, ни философически; что у него не найдете ни новаго взгляда на дѣла, ни критическихъ изысканій и соображеній — кажется, нѣтъ надобности. Но сказать, что многія ошибочныя мнѣнія автора, и несправедливость многихъ, описанныхъ имъ подробностей могутъ вовлечь въ ошибки и несправедливость неопытныхъ, излишнимъ не будетъ. Въ семъ отношеніи книги почтеннаго г-на Берха могутъ быть поводомъ къ заблужденіямъ, и долгъ Критики быть строгою къ его книгамъ. Всего непростительнѣе ошибки умышленныя, а ихъ нечуждъ почтенный В. Н. — Какъ, напримѣръ,

можно ему было позволить себѣ сказать то, что сказано имъ въ концѣ 30-й стр. II-го тома Исторіи Царя Алексія, и на стр. 47 й 1-го тома той-же Исторіи? Прочитавъ всю книгу, хорошо поймете мысль Автора, и его, мысль *неподтвержденная никакими доказательствами*, невольно заставляетъ негодовать на него. Говорить безъ доказательствъ не позволено историку, а утверждать противное истинѣ не позволено никому! Тѣмъ болѣе, если мы говоримъ о предметѣ великомъ, передъ которымъ должны благоговѣть. А что найдемъ великаго, болѣе памяти того, о комъ говоритъ г-нъ Берхъ въ приведенныхъ нами мѣстахъ? Не глядите на солнце, если у васъ не орлиный глазъ, но не дерзайте и судить объ немъ!

Вотъ безпристрастное мнѣніе наше о книгахъ почтеннаго В. Н. Берха. Если Исторія Ѳеодора Алексіевича, которую обѣщаетъ онъ издать, будетъ такова-же, какъ Исторіи Царей Михаила и Алексія, то напередъ можно поздравить Русскую литтературу съ такою книгою, о цѣли и пользѣ которой — трудно отдать отчетъ.....

Заключимъ усердною просьбою, чтобы почтенный авторъ не смѣшивалъ строгаго сужденія нашего съ личнымъ уваженіемъ къ нему, и съ тѣмъ, что думаемъ мы о прежнихъ его трудахъ. Прежнія книги его были собранія матеріяловъ, безъ всякихъ дальнѣйшихъ требованій, и въ пользѣ ихъ мы никогда не сомнѣвались и теперь не сомнѣваемся.

О книгѣ, переводимой г-мъ Аладьинымъ, надобно поговорить нѣсколько подробнѣе, ибо она представляетъ намъ большія требованія автора на названіе *историка*. Онъ смѣло беретъ на себя сей важный титулъ. Признаемся, что Нѣмецкій подлинникъ сочиненія г-на Бергмана намъ вовсе неизвѣстенъ, и странно, что Переводчикъ совсѣмъ не упоминаетъ: когда и гдѣ былъ онъ изданъ, не говоритъ отъ себя даже ни одного слова о подлинникѣ. Впрочемъ, бѣда не велика. Сказавъ, что книга г-на Бергмана является въ хорошо написанномъ Русскомъ переводѣ, и весьма хорошо напечатана, мы обращаемся собственно къ *сочиненію г-на Бергмана*, хотя и будемъ судить о нёмъ по *Русскому переводу*.

Авторъ начинаетъ переборомъ своихъ предшественниковъ, историковъ Петра Великаго; онъ справедливо осуждаетъ книги Галема, Клаудіуса и Вольтера, и — вовсе несправедливо говоритъ о Голиковѣ. Привязки его ничтожны. Не зная ни одного иностраннаго языка, Голиковъ могъ дѣлать ошибки въ иностранныхъ словахъ; не думая сочинять философской и прагматической исторіи, писавши за 50-лѣтъ до нашего времени бывши человѣкомъ неученымъ, и издавая свою книгу безъ порядка, долженъ-ли Голиковъ быть осуждаемъ столь жестоко, какъ осуждаетъ его г-нъ Бергманъ, и справедливо-ли то будетъ? Знаетъ ли г-нъ Бергманъ, что послѣ строгаго суда надъ Голиковымъ, принимая на себя всѣ обязанности *настоящаго историка современнаго*, онъ тѣмъ взыскательнѣе заставляетъ насъ судить его самого?

Впрочемъ, сказать теперь вообще мнѣнiе наше о трудѣ г-на Бергмана, когда мы видимъ только *одинъ первый томъ* его, еще невозможно. Только по выходѣ всѣхъ шести томовъ Русскаго перевода, мы увидимъ: составляетъ-ли трудъ г-на Бергмана достойную Петра Великаго Исторiю, замѣняетъ-ли онъ для насъ чувствительный недостатокъ Исторiи сего безсмертнаго генiя, вполнѣ-ли обнялъ авторъ все величiе подвиговъ Петра, и то, что онъ сдѣлалъ съ Россiею и для Россiи?

Первый томъ заключаетъ въ себѣ событiя только отъ рожденiя и начала царствованiя Петра Великаго до 1700 года. Тутъ еще ничто не развито, не выведено. Правда, читая сей томъ мы готовы были сдѣлать нѣсколько замѣчанiй, о томъ, напримѣръ, что осудивъ Голикова, авторъ *почти все* выбиралъ изъ него и *весьма немного* имѣлъ другихъ источниковъ; что онъ вовсе не изобразилъ характеристики дѣйствующихъ историческихъ лицъ въ своемъ разсказѣ; что онъ слишкомъ много занимался ничтожными подробностями о казни Стрѣльцовъ, о пирушкахъ и веселостяхъ юнаго Царя, и слишкомъ довѣрчиво повторялъ сказанiя Кохена и Корба; что онъ худо понялъ духъ вѣка, въ которомъ жилъ Петръ, и потому взглядъ его на многiя подробности невѣренъ, и что онъ совсѣмъ не роскрылъ намъ политическихъ основанiй въ дѣлахъ и живой игры дворскихъ партiй при началѣ царствованiя Петра Великаго. Но все это мы побережемъ до выхода въ свѣтъ труда г-на Бергмана вполнѣ. Обратимся къ тому, о чемъ мо-

жемъ судить основательно теперь — по *первой книгѣ* I-го тома, имѣющей заглавіемъ слова: *Россія до Петра Великаго*. Авторъ раздѣлилъ ее на *семь* главъ, и — каждая глава, каждая страница сей книги изумляла насъ своею неполнотою, несообразностію, ошибками, непростительными, не только ученому историку, но и простому собирателю Историческихъ матеріяловъ. Не будемъ по введенію судить о всей книгѣ, но, признаемся, что *введеніе* никуда не годится.

Начнемъ съ того, что матеріялы почерпалъ г-нъ Бергманъ изъ *Болтина*, *Татищева*, всего болѣе изъ *Голикова* (расхуливши напередъ его историческія свѣдѣнія!), и изъ ученной книжечки г-на *Эверса* (о послѣднемъ говоритъ самъ авторъ, стр. III). Карамзинъ, и что нибудь другое, едва-ли были въ рукахъ автора, хотя кое-гдѣ онъ цитуетъ Карамзина, Вивліоѳику, и проч. Но какъ-же ему не знать, что *Татищевъ* и *Болтинъ* нынѣ исключены *уже* изъ круга историческихъ матеріяловъ, и что ихъ словамъ и разсказамъ вѣрить не должно, *если они не указываютъ источника, откуда что берутъ*. Если-же гдѣ они и указываютъ источники, то надобно внимательно разсмотрѣть сіи источники, ибо часто имъ казались вещи вовсе не тѣмъ, что онѣ суть въ самомъ дѣлѣ. Притомъ старинные историки наши (какъ и въ другихъ земляхъ) не имѣли понятія о Критической достовѣрности и Исторической точности, ни въ сылкахъ, ни въ выпискахъ, ни въ выводахъ; даже, часто выдумывали иное отъ себя и пускали въ міръ безъ зазрѣнія совѣсти. Въ семъ случаѣ Татищевъ былъ

смѣлѣе всѣхъ. На Голикова ссылаться въ историческихъ изслѣдованіяхъ еще болѣе странно: онъ самъ выбиралъ историческія факты изъ другихъ (на примѣръ, главное, что касается до военнаго и гражданскаго устройства чиновъ въ Россіи, изъ Миллеровой книги о Дворянствѣ, съ прибавкою вздора изъ другихъ, что все смѣшивалъ онъ безъ разбора и критики). Не менѣе странно современному историку, какимъ является г-нъ Бергманъ, быть столь мало знакому съ своимъ предметомъ, что Эверсову небольшую (и довольно пустую), учебную книжечку считать основаніемъ и источникомъ своихъ выводовъ, не позаботясь ближе ознакомиться съ лѣтописями, законами и первоначальными источниками Русской исторіи, изъ коихъ бралъ Эверсъ. Не говоримъ уже о томъ, что послѣ Татищева, Голикова, Болтина, и даже Эверса и Карамзина, издано множество новыхъ матеріяловъ, и на многое взглядъ совершенно измѣнился, ибо и со времени Исторіи Карамзина прошло болѣе 15-ти лѣтъ. Въ это время не совершенными-же сиднями сидѣли Русскіе и иностранцы....

Далѣе, составляя изображеніе Россіи до Петра Великаго, заключая сіе изображеніе въ 74-хъ страницахъ, и стараясь представить въ такомъ маломъ размѣрѣ картину *политическаго, гражданскаго и военнаго устройства и состоянія образованности и духа народнаго*, разумѣется, авторъ долженствовалъ ограничиться одними обширными, самыми общими выводами и очерками, удаляя всѣ подробности и мѣлочи. Напротивъ, все общее забыто, и начертанное г-мъ Бергманомъ

изображеніе Россіи до Петра, есть несвязный сборъ мѣлкихъ подробностей о всякой всячинѣ, раздѣленный на семь отдѣленій: Духовенство, Дворянство и войско, Судъ, Торговля, Земледѣліе и Промыслы, Искуства и Науки, Нравы. Если надобны примѣры хорошаго, чтобы видѣть недостаточность введенія г-на Бергмана, то мы укажемъ на Робертсоново введеніе въ *Исторію Карла V-го*, и попросимъ, кого угодно, рѣшить: такъ-ли составилъ свое введеніе г-нъ Бергманъ, и *вводитъ* ли онъ читателей въ величіе подвиговъ и преобразованій Петровыхъ, подобно Робертсону?

Онъ долженъ былъ — первоначальное и главное дѣло — изобразить политическую и гражданскую жизнь Россіи по всѣмъ ея періодамъ. Безъ того не поймемъ, ни мы автора, ни онъ самого себя. Россія испытала періодъ первобытности и феодализма, перешедшій въ Удѣльную систему; потомъ періодъ Монгольскаго порабощенія и единодержавія, соединеннаго съ борьбою аристократическихъ и ѳеократическихъ партій. Сей періодъ подраздѣлялся на начало, когда Россія боролась съ Монголами (отъ Калиты до Василія), и на событія до Михаила и послѣ Михаила, когда образовалось въ Россіи правленіе монархическое. Россія не была сплошь одна и та-же отъ Рурика до Петра, и въ ея изображеніе не льзя брать безъ порядка факты изъ княженій Святослава и Мономаха, Іоанна Грознаго и Алексія Михайловича. Авторъ долженъ былъ постепенно перейдти всѣ сіи періоды и подраздѣленія ихъ, показать въ каждомъ политическій и гражданскій бытъ Россіи,

разныя вліянія Востока и Запада, Нордманновъ, Грековъ, Монголовъ, Литвы, Польши, и въ каждомъ переходѣ обозрѣвать притомъ Россію съ нравственной и физической стороны. Тогда только, освѣтивъ притомъ картину свою изображеніями сильныхъ характеровъ, отъ Святослава до Минина, отъ Мстислава Удалаго до Бориса Годунова, отъ Алексія Митрополита до Ермогена, могъ онъ изъяснить намъ государственный возрастъ, котораго достигъ исполинъ Русскій въ концѣ XVII-го вѣка, и въ который, для начатія новаго періода, родился Петръ. Не у Эверса и Голикова, но въ душѣ Русской и въ памятникахъ историческихъ надобно было ему искать красокъ для своей картины, а въ собственномъ мышленіи отыскать черты, какими должно было обрисовать сію картину.

Ничего такого нѣтъ у г-на Бергмана. Каждая изъ главъ его введенія представляетъ отдѣльно по нѣскольку фактовъ, взятыхъ безъ разбора изъ разныхъ вѣковъ, безъ всякой отличительной характеристики. Для примѣра, разсмотримъ одну главу.

Духовенство. Вотъ содержаніе всего, что говоритъ здѣсь г-нъ Бергманъ: іерархія Русская взята съ Греческой; она равнялась силою своею силѣ Государей; Черное духовенство преимуществовало; обогащеніе монастырей; Церковный Уставъ Владиміра; монахи оказываютъ благодѣянія, но за то тучнѣютъ въ роскоши, невѣжествѣ и развратѣ; Соборъ Кирилла; мысли Іоанна Грознаго о монахахъ; но сіи мысли не мѣшали

ему издать *Стоглавъ*, обремененный нелѣпостями; сей *Стоглавъ* есть доказательство тогдашняго невѣжества; исправленіе книгъ было почтено ересью; исчисленіе Патріарховъ; исторія Никона; отверженіе Стоглава произвело расколы; власть Патріарха; терпимость вѣръ.

Кромѣ ошибокъ (о которыхъ поговоримъ далѣе), что слѣдуетъ изъ такой смѣси, такого набора фактовъ? Гдѣ тутъ отличительныя, характерическія черты Русской іерархіи? Означены-ли слѣдствія вліянія Византіи и Монголовъ, или то, что представляло собою Духовенство въ Русской Исторіи, въ теченіе семи вѣковъ? Показано-ли безпрерывное стремленіе Запада овладѣть Россіею, и позднѣйшее вліяніе его, черезъ Кіевъ, на Россію? Словомъ сказать: видите-ли вы *исторію* и *характеръ* Духовенства Русскаго? Нимало.

И таково все введеніе г-на Бергмана. Мы не будемъ разбирать подробно всѣхъ главъ его, позволивъ себѣ сказать, что оно совсѣмъ не даетъ понятія о Россіи до Петра, но, для доказательства, какъ плохо оно составлено, укажемъ мы на частныя ошибки, коими введеніе г-на Б. изобилуетъ выше всякой мѣры.

«Въ *первые семь* вѣковъ, владыки Россіи, какъ *титуломъ*, такъ и *самою властію*, немного превышали вельможъ своего государства.» (ст. 4).

Семь вѣковъ, слѣдовательно, съ половины IX-го до половины XVI-го (до 1550-хъ годовъ)? Но когда

же *вельможи*, т. е. *подвластные сановники*, назывались въ Россіи *Князьями*, и еще *Великими*, какимъ титуломъ означались главные властители въ Россіи? О *Свѣтлыхъ Князьяхъ* Игоря и Олега говорить нѣчего, и имя Князей *безъ княжества* появилось только съ уничтоженіемъ Удѣловъ, съ пріѣздами въ Россію Князей Литовскихъ и Мурзъ Татарскихъ. — Притомъ, *когда* власть подвластныхъ сановниковъ *почти равнялась* власти государей? Они были подвластные люди, какъ и другіе, только отличены были почетными званіями, и — все тутъ!

«Послѣдовавшее *за тѣмъ* (*послѣ семи вѣковъ*? Навѣрно ошибка!) раздробленіе государства на Удѣлы, и яремъ Монголо-Татарскаго господства, ослабивъ еще болѣе силы Князей, увеличили вліяніе Бояръ на дѣла общественныя, породили непокорство и мятежи, даже въ то время, когда завоеваніемъ Казани и Астрахани, вмѣсто Велико-Княжескаго титула, введено и упрочено въ Россіи титло Царей, когда могущество сихъ послѣднихъ обуздывало уже честолюбіе ближнихъ родственниковъ, и когда только право первородства открывало путь къ трону.» (стр. 4).

Раздробленіе на Удѣлы ослабило *силы княжествъ* но не увеличило *власти вельможъ*; иго Татарское напротивъ, усилило власть Князей; непокорства и мятежи были одинаковы; *титулъ* Царскій принятъ былъ Іоанномъ до завоеванія Казани и Астрахани; право *первородства* искони было путемъ къ трону и вѣчною причиною княжескихъ междоусобій. Сколько-же тутъ ошибокъ, и — какихъ!

»Цари вступали въ бракъ съ дочерьми своихъ подданныхъ» (стр. 4). Но Іоаннъ III-й былъ женатъ на Греческой Царевнѣ; сынъ его Іоаннъ на Молдавской Княжнѣ; другой сынъ, Василій, на Княжнѣ Глинской; одна изъ женъ Іоанна Грознаго была Черкесская Княжна; Борисъ искалъ супруги сыну своему изъ Европейскихъ Принцессъ.

«Бунты нерѣдко нарушали спокойствіе Царей, которые усмиряли оные не безъ внутренняго сознанія въ своемъ безсиліи» (стр. 5). — Это совсѣмъ не было *отличительною чертою народнаго характера*, напротивъ, всегда рабски покорнаго, и благоговѣйно сносившаго даже страшное свирѣпство Іоанна. Смятенія при Самозванцахъ, Стрѣлецкіе бунты, и разныя частныя волненія, были производимы особенными обстоятельствами, но не заключались на въ сущности государственныхъ постановленій Руси, ни въ духѣ народа.

Въ Греціи и Россіи, «санъ и власть Духовныхъ Владыкъ равнялись съ саномъ и властію Государей» (стр. 7). Опять такая-же несправедливость, какъ выше сего о санѣ и власти вельможъ! Будучи владыками совѣсти, духовные іерархи имѣли сильное вліяніе, и личное достоинство дѣлало нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ-то: Алексія Митрополита, Патріарха Филарета, Патріарха Никона государственными людьми, но, собственно, всѣ іерархи были подданные, избирались по произволу и согласію Князей, и никогда не представляли собою Русскихъ Папъ. Никонъ хотѣлъ было усилить ѳеократію, и — быстро палъ въ неравной борьбѣ.

«Еще Леонтій (1008), преемникъ Михаила (982) перваго Кіевскаго митрополита, увѣдилъ Владиміра къ изданію Устава, извѣстнаго подъ названіемъ *Устава по Греческимъ Номоканонамъ*» (— стр. 9). Авторъ хочетъ сказать: *Устава о Церковныхъ Судахъ.* Но, кажется, надобно ему знать, что *Михаилъ и Леонтій* никогда не были Русскими митрополитами, и что *первый* митрополитъ на Руси былъ Ѳеопемптъ, поставленный въ первой трети XI-го вѣка, при Ярославѣ. Нѣтъ также сомнѣнія, что сущность Устава Церковнаго была въ дѣйствіи въ Россіи, но *самый Уставъ* поддѣланъ въ послѣдствіи.

На стр. 9-й, авторъ жестоко осуждаетъ монаховъ древней Россіи, и смотритъ на нихъ глазами не историка, но сатирика. Что годилось прежде, теперь никуда не годится. Безспорно, что суевѣріе и передача имѣній въ монастыри долженствовали быть истреблены Петромъ I, но какъ не вѣдать автору, что религіозное направленіе умовъ было однимъ изъ главныхъ, если не *единственнымъ* спасеніемъ Россіи въ бѣдахъ, и притомъ, что ни въ какой другой землѣ исторія Духовенства не была такъ блистательна, и одушевлена такими высокими добродѣтелями и подвигами, какъ въ Россіи? Болтина тутъ нѣчего слушать: онъ просто говоритъ вздоръ. Надобно понимать дѣло самому. Кто станетъ въ наше время писать исторію Папъ такъ, какъ писали ее въ XVIII-мъ вѣкѣ? Обогащеніе монастырей было слишкомъ увеличено прежними нашими писателями. Обители, конечно, отличались украшеніями

церквей, и монахи во многихъ изъ нихъ жили не бѣдно, но много-ли было у всѣхъ монастырей крестьянъ? спросимъ мы. Когда отбирали монастырскія имѣнія, въ половинѣ прошлаго вѣка, всего оказалось 850 тысячь, а между тѣмъ одинъ Шереметевъ владѣлъ тогда 150-ю тысячами, и другимъ вельможамъ вдругъ давали по 25,000 душъ. Каково было, на примѣръ, богатство Меньшикова, или прежде его Годунова? Нарышкину, тестю Царя Алексія, вдругъ дали около 110,000 душъ. Вотъ настоящій взглядъ на обвиненіе Русскаго монашества въ безмѣрномъ его богатствѣ.

«Замѣтивъ, что гордость и безнравственность монаховъ возрастали съ ихъ богатствомъ, Іоаннъ IV-й запретилъ впредь уступку деревень Духовенству, безъ согласія на то свѣтской власти» (стр. 10). Авторъ нашелъ это у Голикова и Болтина, и — ошибся, ибо этого никогда не было. Также невѣрно письмо Іоанна къ архіепископу Гурію: его, вѣроятно, выдумалъ Татищевъ. Все, что говоритъ далѣе авторъ о суевѣріяхъ и Стоглавѣ не есть голосъ историка-философа, который умѣетъ понимать духъ прошедшаго времени. Замѣтимъ и тутъ ошибку (стр. 12): Максимъ Грекъ сосланъ былъ не за исправленіе книгъ, но по причинамъ политическимъ.

«По случаю *нашествія* Монголовъ (какъ-же: по случаю *нашествія*, когда Кириллъ поставленъ въ митрополиты въ 1250-мъ году), Кириллъ перенесъ свою

столицу авторъ хочетъ сказать: *митрополію* во Владиміръ на Клязьмѣ» (стр. 13).

Нѣтъ! перенесъ ее не Кириллъ, но Максимъ, въ 1299 г., видя опустошеніе Кіева.

Паденіе Никона авторъ приписываетъ *пощечинѣ*, которую далъ одинъ изъ Царскихъ любимцевъ слугѣ его, за что и былъ проклятъ Никономъ (стр. 15)! Не у Болтина-ли нашлось это? И читалъ-ли, соображалъ-ли самъ авторъ исторію Никона?

«Рурикъ, надѣливъ отличнѣйшихъ вождей своихъ *городами* (?) и землями, *укротилъ* тѣмъ неномѣрное ихъ честолюбіе и *собственныя свои заботы*» (стр. 20). Неужели авторъ вѣритъ разсказамъ Татищева, и вовсе не знаетъ исторіи Нордманновъ и ихъ феодальной системы?

«Владиміръ возвышалъ только мужей, одаренныхъ возвышенными качествами духа.» (стр. 19). Но вѣдь исторія не сказка? Вообще, на стр. 20-ю и 21-ю можно написать два листа опроверженій. Пропустимъ сіи страницы, для которыхъ надовно-бъ было излагать здѣсь исторію аристократіи Русской, отъ Рурика до Петра.

«*Бояре*. Названіе сіе, *извѣстное еще во времена Нестора*, вѣроятно, происходитъ отъ слова: Бое — борьба, подвигъ» (стр. 22).

Название *Бояръ* известно было *гораздо прежде Нестора*: авторъ можетъ заглянуть въ Memoriae populorum (т. II, стр. 525). За то мы попросимъ его сказать намъ: на *какомъ языкѣ* слово: Вое, значитъ *подвигъ*, *борьбу*? Извѣстно-ли ему также, что прежде говорили не *Бояринъ*, но *Болляринъ*?

Слѣдуетъ на 14-ти страницахъ исчисленіе чиновъ и званій, придворныхъ, военныхъ, гражданскихъ: Бояре, Окольничіе, Конюшіе, Дворецкіе, Стольники, Стряпчіе, Жильцы, и проч. — Доказывать безполезность сихъ мѣлкихъ подробностей для изображенія Россіи, и опровергать ошибки автора, на сихъ страницахъ сдѣланныя, мы не станемъ, ибо авторъ все взялъ цѣликомъ изъ Голикова, который самъ списалъ у Миллера, прибавивъ ошибокъ изъ Болтина и Татищева, какъ мы выше объяснили. И все — безъ поправокъ — повторяетъ ученый Германецъ, черезъ 50-ть лѣтъ! Но что было простительно неученому Курскому купцу, за 50-ть лѣтъ до насъ жившему, то непростительно ученому историку въ наше время.

«Мирные договоры Великихъ Князей съ Византійскимъ Дворомъ доказываютъ, что въ Россіи *существовали издавна законы*» (стр. 36). — Но какая-же дикая земля не имѣетъ законовъ? Они есть у Чукчей, у Колошъ, у Киргизовъ.

«Они (законы) имѣли немалое сходство съ законами Германскихъ народовъ того времени» (стр.

36.). — Но *кто* были Великіе Русскіе Князья, заключавшіе договоры съ Византіею? Нордманны? Чему-же дивиться, видя сходство древнихъ Русскихъ законовъ съ Германскими?

«Законы сіи, впослѣдствіи времени, сдѣлались полнѣе, сперва духовными постановленіями Владиміра, а потомъ, *дарованною Новгородцамъ* отъ Ярослава, *Русскою Правдою*» (стр. 37) — и авторъ ссылается здѣсь уже прямо на Голикова и Татищева!! Говорить не хочется о вздорномъ мнѣніи, будто Ярославъ *написалъ* и *далъ* Новгородцамъ Уложеніе, извѣстное подъ названіемъ *Русской Правды!* Упоминая о Судебникѣ, авторъ опять ссылается на Татищева и Болтина, какъ на важный авторитетъ (стр. 38). Новѣйшее о сихъ предметахъ остается для него невѣдомо.

«Никонъ дополнилъ Уложеніе своею *Кормчею Книгою* (стр. 49).» — И такъ всѣ новѣйшія изслѣдованія о *Кормчей Книгѣ* остались автору неизвѣстны?

Остальная часть главы о законахъ состоитъ изъ мѣлкихъ замѣчаній, какія авторъ выбралъ изъ Татищева. Оставимъ ихъ въ покоѣ.

Все, что говоритъ авторъ о торговлѣ до Іоанна Грознаго, заключено въ 20-ти строчкахъ, гдѣ на ряду съ договорами Олега стоятъ слова: «*между тѣмъ* Казань промѣнивала Татарамъ товары,» (стр. 48). Но *кто жилъ* въ *Казани?* Не *Татары-ли?* Когда Казань

сдѣлалась городомъ важнымъ? Въ концѣ XV го вѣка. А Олегъ когда ходилъ къ Царьграду? Въ X мъ вѣкѣ!

«Іоаннъ IV-й распространилъ торговлю на сѣверъ» (стр. 48). Напротивъ, тогда подорвалась Ганзейская торговля. Развѣ пріѣздъ Чанселора авторъ почитаетъ распространеніемъ торговли?

Во времена стариннаго историческаго добродушія можно было повторять, что Царь Алексій воспретилъ торговлю Англичанамъ, разсердясь на казнь Карла 1-го и на Кромвеля-цареубійцу. Но какъ можно нынѣ утверждать это (стр. 40), не заглянуть въ дипломатическіе акты, по сему случаю писанные, не вспомнить, что Англичане торговали безпошлинно, что Голландцы вытѣсняли ихъ, обязавшись платить пошлину, а Русскій Царь радъ былъ тому, и откровенно говорилъ о томъ?

«Прежде введенія въ употребленіе монетъ, цѣнность товаровъ опредѣлялась различнымъ образомъ. Греки употребляли для сего *рогатый скотъ*» (стр. 51). Здѣсь, мы только поставимъ знакъ *удивленія—!*

Авторъ утверждаетъ, что Русское слово: *деньги*, произошло отъ Татарскаго: *теньга* (стр. 52). Жаль только, что у Татаръ не было слова *теньга*, а было слово *тамга*, и выходитъ совсѣмъ не то!

Гдѣ отыскалъ авторъ геральдическое извѣстіе

(стр. 52), что *гербы* были известны на Руси, и что *гербъ Россійскій* состоялъ въ изображеніи всадника?

«Бѣдность раждаетъ презрѣніе: въ старину называли у насъ земледѣльцевъ *смердами*, въ XVI вѣкѣ *крестьянами*, т. е. *христіанами*, но въ *худомъ*, *варварскомъ*, смыслѣ, ибо долговременные наши тираны, Батыевы Монголы, *поносили* Россіянъ симъ именемъ» (стр 58). И такъ авторъ думаетъ, что имя *смерда* происходило отъ глагола *смердѣть*? Не постигаемъ и того, какъ, читавши Нестора, онъ не нашелъ, что слово: *крестьянинъ*, означало у насъ, по введеніи христіанской вѣры, и задолго до Монголовъ, *всѣхъ Русскихъ крещеныхъ*. Оно *никогда* не было унизительнымъ именемъ, и даже Великіе Князья гордились имъ.

«Во времени Ярослава были уже въ Россіи *отличные пѣвчіе*» (стр. 62.) Гдѣ нашелъ ихъ авторъ? Мы знаемъ одно, что Ярославъ ввелъ *демественное* пѣніе, но каково оно было, никому не извѣстно.

«Нестору обязано потомство Русскимъ лѣтописцемъ, который доведенъ самимъ Несторомъ до 1110 г., и былъ продолжаемъ Сильверстомъ, епископомъ Переяславскимъ, а послѣ него *двумя неизвѣстными до 1203 года*» (стр. 61). Читалъ-ли самъ авторъ Нестора? Если читалъ, то какъ не замѣтилъ онъ, что Несторъ кончилъ 1093 г., и что послѣ того лѣтописатель называетъ же себя *Василіемъ*? Съ 1124 года мы не можемъ означить, кто продолжалъ Несторову лѣтопись. Откуда авторъ,

авторъ взялъ, что *два продолжателя* довели Несторову лѣтопись *до* 1203 *года?* На какомъ спискѣ основываясь, авторъ указываетъ на сей 1203-й годъ? *Кенигсбергскій* кончится 1207-мъ, Пушкинскій 1303-мъ, другіе всѣ идутъ далѣе, и сливаются съ частными продолженіями, Волынскимъ, Новгородскимъ, и проч., такъ, что переходовъ замѣтить невозможно.

Къ литтературнымъ древнимъ произведеніямъ авторъ относитъ *вопросы Нифонту* (стр. 63)! Желаемъ еще слышать: о какихъ *Бесѣдахъ о монашествѣ* говоритъ онъ? Намъ онѣ невѣдомы.

«Одинъ изъ Русскихъ Игуменовъ, бывшій съ Балдуиномъ въ Крестовыхъ походахъ, писалъ о Палестинѣ» (стр. 63). Вѣроятно, авторъ хочетъ сказать о *Паломникѣ Русскаго Игумена Даніила*, но Даніилъ *не ходилъ съ Балдуиномъ*, а только *видѣлъ* его въ Палестинѣ. — Вообще все, что говоритъ авторъ о древней литтературѣ Руссовъ—нестерпимо! Онъ не знаетъ, напримѣръ, что все сказанное имъ о Константинѣ Всеволодовичѣ есть пустая выдумка Татищева. Таковы-же извѣстія автора о Художествахъ въ древней Россіи. Не знаемъ: отъ чего комнатные часы монаха Лазаря (стр. 64), автору вздумалось превратить въ *башенные?* Онъ говоритъ, что Іоаннъ обвелъ Кремль, вмѣсто деревянной, каменною стѣною. Но еще Димитрій Донской построилъ каменныя стѣны Кремлевскія. Представленія нѣсколькихъ духовныхъ мистерій, авторъ почитаетъ учтежденіемъ театра, коего директоромъ былъ Матвѣевъ. «Духъ людскости распространился среди

придворной жизни, съ тѣхъ поръ, какъ введены были при Дворѣ драматическія представленія» (стр. 75) — прибавляетъ онъ, будто говоритъ дѣло! Исторію Славянскихъ типографій ему надобно передѣлать вовсе. Не понимаемъ: о какихъ Русскихъ писателяхъ — *монахъ Кантавасіи*, *Князь Кемскомъ* и *Князь Симеонъ Курбскомъ*, говоритъ авторъ, утверждая, что первые двое *описали дѣла Новгородскія*, а третій *Исторію Іоанна Грознаго?* Мы знаемъ Исторію Іоанна, писанную княземъ *Андреемъ Курбскимъ*, но авторъ говоритъ объ Андреѣ особо, увѣряя, что Андрей *описалъ взятіе Казани*. Новое недоумѣніе! Отдѣльнаго описанія взятія Казани, составленнаго Андреемъ Курбскимъ, мы совсѣмъ не вѣдаемъ; также совсѣмъ неизвѣстны намъ *изданія*, будто-бы *Царственной книги*, *Лѣтописи о мятежахъ*, и какой-то *подробной хроники*, *изданной съ согласія Патріарха Никона* (стр. 68). Спѣшимъ выйти изъ лабиринта всѣхъ сихъ ошибокъ, гдѣ нѣтъ конца невѣроятностямъ и пропускамъ, и укажемъ только на три замѣчательныя вещи въ послѣдней главѣ введенія г-на Бергмана, названной имъ: *Духъ и нравы вѣка*. Здѣсь, обвиняя стариковъ нашихъ въ невѣжествѣ и шалостяхъ чувственныхъ, авторъ утверждаетъ, что священники въ старину читать не умѣли, и когда Царь Іоаннъ жаловался на то, ему отвѣчали: «Что-жъ намъ дѣлать, когда нѣтъ у насъ лучшихъ!» — Далѣе, что по неумѣнію грамотѣ, знатнѣйшіе въ государствѣ люди *намазывали ладонь чернилами и прикладывали ее къ бумагамъ*, отъ чего и произошло выраженіе: *руку приложить*; наконецъ, что мужьямъ въ старов

время позволялось *мѣняться женами*! По сему судить и о прочемъ.

Сообразивъ недостаточность взгляда, неразборчивость въ матеріялахъ и источникахъ, непростительныя ошибки, какими исполнено введеніе г-на Бергмана, мы охотно скажемъ: какъ можетъ онъ исправить свое введеніе? Вотъ какъ, по мнѣнію нашему: надобно уничтожить его рѣшительно; написать новое, систематическое, полное, соображаясь со всѣми новѣйшими открытіями, съ новою критикою, съ новымъ взглядомъ на Русскую исторію, и это *новое введеніе* приложить къ книгѣ, вмѣсто стараго. Русскій переводчикъ потрудится перевесть его, и можетъ напечатать при одномъ изъ слѣдующихъ томовъ Исторіи Петра Великаго, увѣдомивъ, что прежнее введеніе г-на Бергмана читатели должны почитать уничтоженнымъ.

Мы уже сказали, что Русскій переводъ книги г-на Бергмана писанъ хорошо и издается хорошо. Замѣтимъ однакожъ почтенному переводчику, на прощаньи до будущихъ томовъ его труда, что за корректурою не худо-бы ему смотрѣть прилежнѣе. Непріятно видѣть опечатки, напримѣръ, слѣдующія: *Стоглавый* Соборъ (стр. 11), *Афонская* гора (стр. 12), *Ирасафъ* (стр. 14), *Кіафа* (стр. 16), *Ферапонтскій* монастырь (стр. 16), *Іосафъ* (стр. 18), *Троица* (стр. 18), *Псеудо-Димитрій* (стр. 34), *сектикъ* (стр. 47), Regim. (стр. 42), *Ордынъ* (стр. 54), *Олимпій* (стр. 62), *Кузьма* (стр. 64), *Арвангелъ* (стр. 66), *Псалтырь* (стр. 67), *Помбо-Берюнда* (стр. 68), *Теологъ* (стр. 68), carveaux (стр. 73), и проч. —

Пѣснь ополченію Игоря Святославича, князя Новгородъ-Сѣверскаго. *Переведено съ древняго Русскаго языка XII-го столѣтія, Александромъ Вельтманомъ. М.* 1833 *г. въ т. Селивановскаго, въ* 8, *VI и* 50 *стр.*

Странная участь достается, не только людямъ, но и книгамъ. Что можетъ быть страннѣе участи *Слова о полку Игоревомъ!*

Вотъ *единственный* самородный памятникъ древней Руской Словесности *до нашествія Монголовъ.* Имя Сочинителя его неизвѣстно. Этого мало: *одинъ* только списокъ его уцѣлѣлъ въ старинномъ *сборникѣ,* принадлежавшемъ графу А. И. Мусину-Пушкину; съ этого списка *Слово* было напечатано симъ любителемъ отечественной старины, и сборникъ, въ которомъ находилось оно — *погибъ послѣ того безвозвратно!*

Слово о полку Игоревомъ производило уже много разнообразныхъ мнѣній и литтературныхъ предпріятій.

Одни сомнѣвались въ подлинности *Слова,* почитая его новѣйшею подделкою. Другіе вѣрили ему безотчетно, и видѣли въ немъ памятникъ поэзіи, равный пѣснямъ Оссіана и рапсодіямъ Омира.

Нѣсколько литтераторовъ, съ малопонятнаго языка, на которомъ писано *Слово,* переводили его на нынѣшній Рускій языкъ, въ прозу, и даже въ стихи.

Сіи переводы были сдѣланы, но одно ученое Общество спрашивало между тѣмъ: на *какомъ* языкѣ писано *Слово*?

Многіе подробно разбирали красоты *Слова*, а между тѣмъ текстъ его донынѣ остается совершенно неразгаданнымъ во многихъ мѣстахъ.

Въ *Исторіи Русскаго народа*, говоря о древней Русской Поэзіи, мы сказали уже мнѣніе наше о *Словѣ о полку Игоревомъ*, и въ слѣдующихъ томахъ Исторіи надѣемся еще говорить объ немъ, подробнѣе. Здѣсь, по поводу книги, изданной г-мъ Вельтманомъ, мы изложимъ мысли наши о семъ важномъ предметѣ, самымъ краткимъ образомъ.

Намъ думается —

1-е, что *Слово о полку Игоревомъ* есть неподдѣльное твореніе древней Русской Словесности. Почему одно это *Слово* могло уцѣлѣть среди истребленія всѣхъ другихъ памятниковъ оной? По странной судьбѣ, которая столько вѣковъ скрывала лучшее твореніе Цицерона въ палимпсестахъ, до трудолюбиваго Анджело Маіо: мы говоримъ о Цицероновой *Республикѣ*. Изъ многихъ сотенъ драматическихъ произведеній Греческихъ и Латинскихъ, много-ли дошло до насъ? Десятки! Удивительно-ли, что при бѣдствіяхъ Руси, при игѣ Монгольскомъ, при религіозномъ направленіи, которое отклоняло предковъ нашихъ отъ списыванія

произведеній чисто-поэтическихъ, всѣ памятники древней Поэзіи нашей погибли? Что *Слово* о полку Игоревомъ было извѣстно до изданія его, можемъ доказать положительно *. Изъ того выводятъ однакожъ доказательство противнаго: если есть слѣды существованія издревле *Слова о полку Игоревомъ*, почему-же нѣтъ слѣдовъ бытія другихъ подобныхъ поэмъ? Они есть, только мы не умѣемъ отличать ихъ. Такъ напримѣръ, въ *Волынской Лѣтописи*, приводятся слова

---

* На примѣръ, на харайтеномъ Апостолѣ, находящемся въ Московской Синодальной Библіотекѣ, подъ № 19-мъ, въ припискѣ сказано: «Вда Св. Пантелеймону Изосимъ, Игуменъ сего-же монастыря. Сего-же лѣта бысть бой на Русской землѣ Михаилу съ Юрьемъ о княженье Новгородское. При сихъ Князехъ сѣяшется и растяше усобицами, гыняше жизнь наша въ Князехъ, которыя вѣци сократишася человѣкомъ!» Это выписка изъ Слова о Полку Игоревомъ. Выписки изъ него находимъ и въ Сказаніи о Задонскомъ побоищѣ (изд. И М. Снегиревымъ, въ Русскомъ Зрителѣ, 1829 г., особо тогда-же). Пантелеймоновскій монастырь былъ въ 3-хъ верстахъ отъ Новгорода, близъ озера Мячина, на Горкѣ, и въ послѣдствіи упраздненъ (Ист. Іерархіи, Т. V, 454). Другой монастырь Пантелеймоновскій, Краснодворскій, былъ во Псковѣ, на Красной улицѣ. Третій во Псковѣ-же въ бору, при устьѣ рѣки Черехи. Митрополитъ Евгеній полагаетъ, что изъ сего послѣдняго взятъ Апостолъ, надписанный Зосимою (Ист. Княж. Псковскаго, Т. III, 117). Не отсюда-ли достался и графу А. И. Мусину-Пушкину сборникъ, въ которомъ нашелъ онъ Слово о полку Игоревомъ? Въ такомъ случаѣ понятно, что только на сѣверѣ, въ уголкѣ Псковскомъ, могла уцѣлѣть сія драгоцѣнность, забытая грабежами и пожарами, временемъ и людьми, истребившими всѣ другіе списки ея.

поэта *Митуса*. Въ *Сказаніи о Задонской битвѣ* упоминается пѣвецъ Уранъ *. Многія описанія въ лѣтописяхъ, до XIII-го вѣка, носятъ на себѣ слѣды поэтическихъ разсказовъ. Таковы, напримѣръ: завоеваніе Кіева Хазарами; смерть Аскольда и Дира; походъ Олега къ Царьграду; смерть Олега; походъ Игоря къ Царьграду; смерть Игоря; походъ Святослава въ Болгарію; приключенія Рогнѣды; нашествіе Печенѣговъ на Кіевъ; спасеніе Бѣлгорода киселемъ; походъ Мстислава на Касоговъ. Это совершенныя *саги* **. Прибавимъ, изъясняя *одиночество* списка *Слова о полку Игоревомъ*, что весьма многіе памятники древности уцѣлѣли у насъ въ *одномъ*, или *немногихъ* спискахъ. Такъ договоры Олега и Игоря внесены ни во всѣ списки Лѣтописи Несторовой; Духовная Мономаха сохранилась только въ *Пушкинскомъ* спискѣ, и гораздо позднѣе, напримѣръ, важный договоръ Новгорода съ Польшею (въ 1471 году) не находится въ Государ-

* «Сія повѣдай, Оуранъ, како случися на Дону», и проч., въ самомъ началѣ. Въ Вол. Лѣтописи, подъ 1241 годомъ: «Слыша Константинъ Андрея грядуща, избѣже ночью. Андрей-же не удоси его, но удоси Владыку, и слуги его гордые разграби, и тулы ихъ бобровые раздра, и прилбицѣ ихъ волчья и борсуковыя раздраны быша, яко словутного пѣвца Митусу древле.» Явно, что Лѣтописецъ приводитъ здѣсь слова пѣвца Митуса. Ни одна изъ Лѣтописей нашихъ не писана такъ поэтически, какъ Волынская. Сочинитель ея зналъ Омировы творенія. Но гдѣ она! Трепещемъ за участь драгоцѣнности, вспоминая погибель безцѣнной Троицкой Лѣтописи. . .

** См. подробности въ Ист. Р. Н., Т. II, стр. 260-276.

ственныхъ Архивахъ, а уцѣлѣлъ только въ частномъ собраніи Двинскихъ грамать. Драгоцѣнный Судебникъ Вел. Князя Іоанна III-го знали мы только по Герберштейнову переводу, и уже въ 1817 г. отыскали Русскій списокъ его. Наконецъ, просимъ сомнѣвающихся показать намъ *примѣты* поддѣлки. Кто хорошо знакомъ съ памятниками Русскими, тотъ знаетъ, какъ грубо поддѣлывали у насъ лѣтописи, уставы, граматы, и какъ легко отличать въ нихъ позднѣйшія вставки и поддѣлки. Напротивъ, *Слово о полку Игоревомъ* выдерживаетъ строжайшій разборъ историческій и критичческій; ни одно имя, ни одна рѣчь не измѣняють въ немъ своему вѣку, и самая темнота многихъ мѣстъ есть доказательство священной его древности.

Мы полагаемъ, что народная Поэзія *Русская*, при соединеніи Нордманновъ съ Славянами, образовалась въ видѣ *сагъ*, или поэмъ, которыя были пѣты Русскими *Боянами*, или *Баюнами* *. Славянскій образецъ такихъ поэмъ находимъ мы въ древнихъ пѣснопѣніяхъ Сербовъ и Чеховъ; Нордманскій въ пѣснопѣніяхъ Скандинавскихъ Скальдовъ. Русскія *саги* есть именно *среднее* между тѣмъ и другимъ. Характеръ ихъ какое-то добродушное, свирѣпое удальство, совершенное уда.еніе отъ Восточнаго многоглаголанія и ви-

* Имя Бояна невольно напоминаетъ сказочника-кота Баюна, въ нашихъ старинныхъ сказкахъ: «Стоятъ два дуба зеленые; отъ одного дуба къ другому висятъ цѣпи золотныя; по тѣмъ цѣпямъ ходитъ котъ Баюнъ; впередъ идетъ пѣсню заводитъ; назадъ идетъ сказку сказываетъ.»

тиватости Схоластической; простота образовъ; жаръ души; сила слова; повторенія одного и того-же; повтореніе нѣсколько извѣстныхъ выраженій, какъ будто пословицъ и поговорокъ. Все это совершенно въ духѣ Русскомъ.

Со введеніемъ Христіанской вѣры, миѳологическо-героическая Поэзія Руссовъ казалась неумѣстною. Ее изгоняли вовсе, почитая Язычествомъ, или она должна была облекаться въ формы Христіанства: вотъ періодъ *Слова о полку Игоревомъ* — миѳо-героической поэмы, съ формами Христіанства. Тутъ являются: *Хорсъ*, *Даждь-богъ* и — *Пирогощая Богоматерь*; герои Христіане, но ихъ окружаютъ сны, видѣнія, дивы; они взываютъ къ солнцу, рѣкамъ; море смерчами идетъ на нихъ.

Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе Русскія саги принимали схоластическую и религіозную форму, въ какую облекалась тогда вся *письменность* Русская (не смѣемъ сказать: *Литтература*). Когда Платонова Греческая Философія являлась у насъ въ видѣ благочестивыхъ посланій (см. *Ист. Русск. народа*, т. II, стр. 256, и слѣд.), Поэзія переходила въ религіозно-героическій характеръ и прозаическую форму. Рядъ поэмъ продолжался непрерывно. Такъ, напримѣръ походъ Мстислава Удалаго на Суздаль носитъ на себѣ всѣ признаки поэтическаго повѣствованія *; Сказаніе о жи-

* *Соф. Врем.* Т. I, стр. 220. Мнѣ всегда казалось, что память о *Мстиславѣ Удаломъ* долженствовала остаться въ народныхъ пѣсняхъ.

тіи Александра Невскаго, внесенное въ наши Лѣтописи, есть явная поэма, только въ прозѣ *, а Ска-

---

Какъ же былъ я обрадованъ извѣстіемъ, доставленнымъ мнѣ отъ одного почтеннаго любителя древностей, что въ *Торопцѣ*, семъ достопамятномъ городѣ, гдѣ началъ свои подвиги Мстиславъ, *донынѣ осталась хороводная игра, въ которой изображаются дѣянія и походы Мстислава*, и поются пѣсни, въ коихъ *упоминается его имя!* Сіи пѣсни, если онѣ точно существуютъ между жителями Торопца, должны относиться къ XII-му вѣку. Къ величайшему моему сожалѣнію, болѣе ничего узнать я не могъ. Осмѣливаюсь отнестись къ почтеннымъ обитателямъ Торопца, и его окрестностей, и покорно прошу ихъ развѣдать: *точно ли хороводныя пѣсни о Мстиславѣ существуютъ въ тамошнихъ мѣстахъ между народомъ, представляются и поются на святкахъ?* Если-бы это оказалось справедливо, то любитель, списавшій пѣсню о Мстиславѣ, сдѣлаетъ драгоцѣннѣйшій подарокъ для исторіи древней Русской Поэзіи. Сообщивъ извѣстіе свое о семъ въ Телеграфъ, соотчичи Мстислава Удалаго обяжутъ меня величайшею благодарностію.

* Вполнѣ представляю сіе *Сказаніе* въ IV-мъ томѣ *Исторіи Русск. народа*, выписывая его и приводя въ порядокъ, изъ *Соф. Временника*. Варваръ-переписчикъ спуталъ его безчеловѣчно (См. *Соф. Врем.*, т. I. отъ стр. 249-й до 274-й). Тутъ смѣшаны поэтическій разсказъ и лѣтописное повѣствованіе изъ *Новгор. Лѣтописи*, съ другими извѣстіями. Удивительно, что Карамзинъ не разобралъ двоякости разсказа объ Александрѣ Невскомъ, и—*всю поэму внесъ въ Исторію!* Такъ, напримѣръ, *Историческое* описаніе Невской битвы найдемъ мы въ *Нов. Лѣт.* (М. 1781, стр. 132, годъ 1240-й). Но то, которое помѣстилъ Карамзинъ, на стр. 25, 27, III-го т. *Ист. Г. Р.* принадлежитъ поэмѣ, и совершенно иначе разсказано, съ подробностями совершенно баснословными. Ученый Лербергъ давно замѣчалъ, согласно Портану, что такое баснословіе недостойно Исторіи [см. *Изслѣдованія* Лерберга, стр. 127].

заніе о Задонской битвѣ Димитрія Іоанновича есть образецъ совершеннаго упадка поэтическихъ разсказовъ, перешедшихъ въ прозу. Монголы и туга и тягота ихъ владычества подавили Русскую Поэзію въ письменности. Она является намъ только въ такихъ повѣствованіяхъ, каковы: Умильная Повѣсть о нашествіи Батыя, разсказы о кончинѣ Михаила Черниговскаго и Михаила Тверскаго, нашествіи Тохтамыша, чудесахъ, явленіяхъ. Духъ Поэзіи могъ воскреснуть послѣ Монголовъ въ письменности Русской, ибо элементъ ея не погибалъ въ изустныхъ преданіяхъ и душѣ народа. Въ то время, какъ Поэзію гнали изъ княжескихъ чертоговъ и боярскихъ теремовъ, она укрылась въ хижины и шалаши. Здѣсь она являетъ намъ три видоизмѣненія. *Первое* смѣшанно, грубо, невѣжественно повторяетъ старинныя саги героическія, сбивая въ нихъ древнее съ новымъ, и описывая кратко современныя событія: таковы поэмы о Владимірѣ и богатыряхъ Русскихъ (извѣстныя подъ именемъ собирателя ихъ, *Кирши Данилова*, удалаго пѣвца, горькаго гуляки, Казака Сибирскаго), баллады народныя о Гришкѣ Отрепьевѣ, о Князѣ Романѣ, Стенькѣ Разинѣ, пѣсни о Стрѣльцахъ, сатиры Историческія, пѣсни о Татарахъ, Казакахъ, и проч. — *Второе* Сказки, самородно-Русскія и перешедшія съ Востока и съ Запада. Таковы: взятая изъ Тысячи одной ночи, о Акирѣ Премудромъ, и Западныя сказки о Бовѣ, Еруслане, и другія, а также Русскія *сказочныя импровизаціи*, которыя обновляетъ въ наше время Сочинитель сказокъ Казака Луганскаго.—*Третіе*, наконецъ, простая пѣсня

Русская, народная, на которой видны три отличительныя, характеристическія черты: постоянное уныніе, какъ снѣгъ Русскій, какъ зима и холодъ Сѣверный; разгульная забывчивость, радость съ горя, какъ ласточка, какъ журавли, прилетѣвшіе на мгновенное лѣто Русское, и вскорѣ стадами, вереницами летящіе къ теплому Югу; насмѣшливость, облеченная въ образы, какую видимъ въ басняхъ Крылова, или (беремъ безъ выбора примѣры) въ пѣснѣ о Чурилѣ Игуменьѣ, Попѣ Саввѣ, Гостѣ Терентьищѣ.

Весь этотъ негибнущій элементъ Поэзіи могъ бы, говоримъ, возстать въ созданіяхъ болѣе великихъ, но Схоластика, производившая при Монголахъ *Сказанія* о Задонской битвѣ и *Умильныя Повѣсти*, послѣ нихъ была уже систематически укрѣплена новою *Западною Схоластикою*, перешедшею къ намъ изъ Польши, съ своими варварскими *мистеріями*, *силлабическими стихами*, *виршею*, *поэматами*, *апологіями*, *казаньями*, *акростишами*. Тогда *народная* Русская Поэзія, сдѣлавшись *простонародною*, надолго отдѣлилась отъ испорченной, наносной Поэзіи, чуждой по формѣ и по духу. Чуждая Поэзія, разцвѣтшая подъ ферулою Кіевскихъ школъ, среди Калнофойскихъ, Барановичей, Галятовскихъ, Копыстенскихъ, Словвницкихъ, привѣтствовала Царя Алексія въ Полоцкѣ и сына его въ Москвѣ и Кіевѣ, послѣ Азова и Полтавы, тѣшила Царей *Комедіями о Блудномъ сынѣ* и *Навуходоносорѣ*; хитрила словами съ Симеономъ Полоцкимъ; писала Исторію въ стихахъ варварскихъ; подносила Софіи Уставъ

Славено Греко-Латинской Академіи, и пѣла для народа Псальмы и стихиры, когда въ то же время ложная ученость того вѣка выводила Іоаннов и Гедиминовъ отъ Августа Цезаря и Палемона, и заставляла Славянъ переписываться съ Александромъ Македонскимъ *златопернатыми буквами*. Потомъ Схоластика перерядилась въ *Классическій* парикъ придворнаго Людовика XIV-го, послѣ преобразованія Россіи Петромъ и паденія силы Ѳеократичекой; наконецъ переходила она, отдѣльно отъ народа, отъ Ломоносова до Карамзина черезъ разныя степени, до нашихъ временъ, когда *Романтизмъ* (также намъ не родной) напалъ на нее, разбилъ, разогналъ ея полчища, и отъ нѣчего дѣлать, сталъ знакомиться съ грубою поселянкою, *простонародною поэзіею Русскою*. Увидимъ, что родится отъ ихъ союза.

Мы обозначили *Исторію новѣйшей Русской Словесности* въ статьяхъ о *Державинѣ*, *Жуковскомъ* и *Пушкинѣ*, напечатанныхъ въ Телеграфѣ 1832 и 1833-го годовъ. Изложивъ подробно въ *Исторіи Русскаго народа* первоначальное образованіе Русской народной Поэзіи, мы будемъ имѣть возможность развить вполнѣ всѣ періоды ея въ послѣдующихъ томахъ означенной *Исторіи*, и доказать примѣрами и подробностями то, что излагаемъ здѣсь, какъ можно короче.

3-е. Опредѣливъ мѣсто *Слова о полку Игоревомъ* въ Исторіи нашей Поэзіи, скажемъ, что *языкъ*, на какомъ писано сіе *Слово*, есть языкъ Русскій, Юга Русскаго, коимъ говорили въ XII-мъ вѣкѣ въ Кіевѣ и Черниговѣ, тогдашнемъ мѣстопребываніи Олеговичей; ихъ

и славитъ неизвѣстный Пѣвецъ Игоря. Въ Южныхъ Лѣтописяхъ сей языкъ былъ излишне обремененъ подражаніемъ искуственному Славяно-Церковному языку; въ договорахъ и граматахъ Сѣверныхъ слишкомъ подчиненъ варварской формѣ приказныхъ людей и дипломатовъ тогдашнихъ, а также и грубой мѣстности Сѣвернаго нарѣчія; въ Историческихъ-же актахъ Волыни и Литвы подвергался излишнему вліянію Польскаго языка, изъ чего составились потомъ письменный *Бѣлорусскій* и разговорный *Малороссійскій* языки.

Прибавимъ, что *Слово о полку Игоревомъ* писано *на Русскомъ языкѣ, какимъ въ XII-мъ вѣкѣ говорили въ Русской Украйнѣ, Кіевѣ, Черниговѣ, Курскѣ*, но только языкъ его возведенъ на ту поэтическую степень изящества, до которой достигаетъ и нынѣ языкъ простолюдина въ народной пѣснѣ. Послушайте, что говоритъ простолюдинъ:

Какъ ведутъ-то молодца, крыльцо зыбается,
А муравлены валясы разсыпаются.

Или, вы хотите знать, какъ высказываетъ грусть свою Русская дѣвушка?

У сыра дуба, у скрыпучаго,
Нѣтъ ни корня, ни отросточка;
Отъ моего-ли мила друга
Нѣтъ ни вѣсточки, ни граматки,
Ни словеснаго челобитьица.

Узнаете ли вы здѣсь языкъ простаго, грубаго *мужика* Русскаго? Узнаете, и поймете отношеніе языка Пѣвца

Игорева къ языку его современниковъ. Г-нъ Востоковъ, первый пояснившій намъ метръ Русскаго пѣсеннаго языка, первый также сказалъ и о томъ, что *Слово о Полку Игоревомъ* писано метромъ, изъ коего образовались потомъ метръ разсказовъ Кирши Данилова (Соловей Будимеровичъ, Дюкъ Степановичъ, и проч.) и метръ народныхъ пѣсенъ нашихъ — вотъ переходы нашего народнаго стихотворенія. Въ *Словѣ о полку Игоревомъ* размѣръ явенъ, и стоитъ только вспомнить, что тутъ считать надобно *не стопами*, вы тотчасъ поймете его разнообразную, пѣвучую музыкальность:

А встона, братіе, Кіевъ тугою, а Черниговъ напастьми;
Тоска разліяся по Руской землѣ;
Печаль жирна тече средь земли Русскія;
Князи сами на себя крамолу коваху,
А погании, сами нарыщуще на Русскую землю,
Емляху дань по бѣлѣ отъ двора. . . .

Вотъ еще другой мелодическій переходъ его:

О Днѣпрѣ словутицю!
Ты провилъ еси каменныя горы, сквозѣ землю Половецкую;
Ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли насады до полку Кобякова!
Взлелѣй, господине, мою ладу ко мнѣ,
А быхъ не слала къ нему слезъ на море рано!
О вѣтре, вѣтрило! чему, господине, насильно вѣеши!
Чему мычеши Хановскія стрѣлки,
На своею не трудною * крильцу,
На моея лады вою!

---

* Здѣсь: *нетрудною* значитъ: *беззаботною, безпечальною*, но слово *трудъ*, значило прежде: «печаль, скорбь.»

Мало ти бяшетъ горъ * подъ облаки вѣяти,
Лелѣючи корабли на синѣ морѣ!
Чему, господине, мое веселіе по ковылію развѣя!

Должно-ли намъ говорить о *поэтическомъ* достоинствѣ *Слова о полку Игоревомъ?* Его всѣ признали и признаютъ созданіемъ истинной Поэзіи, гдѣ видите элементы Нордмандскихъ *сагъ* и Русской пѣсни. Сила языка, простота чувства, изображенія природы явны равно для Классика и Романтика, понятны и въ несовершенныхъ переводахъ иностранцовъ**

Мы сказали, что *Слово о полку Игоревомъ* возбуждало уже у насъ много споровъ и шума. Но при всѣмъ томъ, и съ нимъ, какъ и со всѣмъ другимъ въ литтературѣ нашей, мы поступили одинаково: шумѣли много, а дѣла порядкомъ не сдѣлали. Рѣшали участь *Слова*, а сомнѣвающіеся не высказали еще донынѣ всѣхъ доказательствъ своихъ и сомнѣній, слѣдственно, сіи сомнѣнія остаются еще подъ спудомъ. Впрочемъ, кто же виноватъ? Зачѣмъ молчатъ такъ упорно скептики наши? Si, sinas, dicam— думаютъ они, и Sine, sino!— говоримъ мы имъ. Но виноватѣе ихъ поборники Слова. До сихъ подъ кричавши объ немъ такъ много, никто

* А не *горъ*, какъ думали другіе, какъ и самъ я думалъ прежде.

** Лучшій Французскій переводъ былъ помѣщенъ въ журналѣ Барона Экштейна, Le Catholique; кромѣ того есть еще нѣсколько Французскихъ переводовъ; Нѣмецкихъ также нѣсколько; кажется, есть и Польскій. Надобно ли доказывать несовершенство всѣхъ сихъ переводовъ?

не собралъ еще положительныхъ свѣдѣній: *откуда* былъ полученъ и *куда* дѣвался сборникъ, въ которомъ нашли его? *Кто* видѣлъ его? *Кто* и *что* именно о немъ знаетъ? Между тѣмъ большая часть очевидцевъ по сему дѣлу уже перешли въ вѣчность: первые Издатели *Слова*, и занимавшіеся имъ Карамзинъ, Р. Ѳ. Тимковскій, К. Ѳ. Калайдовичъ; другіе *безмолвны*, какъ *хладныя могилы* *! — Далѣе, мы не изъяснили вполнѣ текста донынѣ, хотя разводили его великословіемъ Славянина, водою стихотворства, и цѣлыми томами примѣчаній. Опыты первыхъ издателей *Слова*, Карамзина, Калайдовича, Грамматина, Пожарскаго, А. С. Шишкова, безъ сомнѣнія, всѣ похвальны, но ни одинъ неудовлетворителенъ.

Г-нъ Вельтманъ является съ новымъ опытомъ *переложенія* и *изъясненія* текста. Его горячая Русская душа хотѣла подать свой голосъ въ дѣлѣ, достойномъ участія всякаго, кто любитъ отчизну и въ чьей душѣ не застыла любовь къ поэзіи. Оказываясь непритворнымъ поэтомъ въ своихъ собственныхъ созданіяхъ, хорошо понимая Русь поэтическую (что видимъ мы изъ опытовъ прелестной Сказки его: *Кощей Безсмертный*), г-нъ Вельтманъ поступилъ и съ *Словомъ о полку Иго-*

* Впрочемъ, я слышалъ нѣкогда отъ К. Ѳ. Калайдовича, что Р. Ѳ. Тимковскій подробно занимался изслѣдованіями о *Словѣ Игоревомъ*, не сомнѣваясь въ подлинности его, такъ-же, какъ и самъ К. Ѳ. Калайдовичъ. Карамзинъ имѣлъ въ рукахъ *сборникъ* Пушкинскій, разсматривалъ его, и не оказалъ никакихъ сомнѣній [см. *Ист. Г. Р.* т. III, прим. 212.]

ревомъ, какъ поэтъ. Въ краткомъ предисловіи, онъ рѣшаетъ прежде всего вопросъ о языкѣ *Слова*, тѣмъ, что Русская душа сознаетъ въ немъ свое неподдѣльное родное. Вѣримъ такому чувству, но укрѣпляя договоры записями и долги актами въ общественной жизни, признаемся, что и въ литтературномъ дѣлѣ, особливо, если оно соединено съ сомнѣніемъ, мы находимъ рѣшеніе г-на Вельтмана недостаточнымъ. Намъ—и не намъ, ибо мы готовы даже согласиться, а скептикамъ нашимъ — надобны доказательства болѣе положительныя, акты, пыль Лѣтописей, сухость изысканій. Безъ харатейнаго запачканнаго Сборника, они не повѣрятъ даже ни одному великому дѣлу и слову предковъ. И они правы, хотя и доходятъ до излишества!

Потомъ слѣдуетъ у г-на Вельтмана текстъ *Слова* (какъ онъ былъ напечатанъ, въ 1800-мъ году, графомъ А. И. Мусинымъ-Пушкинымъ), и въ рядъ съ текстомъ идетъ переложеніе его, мѣрною, поэтическою прозою, которою столь хорошо владѣетъ г-нъ Вельтманъ, и которою написалъ онъ въ *Странникѣ* своемъ *Искандера* и *Разговоръ Августа съ Овидіемъ*. Наконецъ авторъ прилагаетъ нѣсколько замѣчаній на трудныя мѣста, изъясняя ихъ критически и филологически.

О *переложеніи* мы скажемъ только, что оно, отдѣльно взятое — прекрасно, но въ сравненіи съ подлинникомъ становится блѣдно, и иногда слишкомъ изысканно. Примѣръ: «Начати-же ся той пѣсни *по былинамъ* сего времени, а не по *замышленію* Бояню. *Боянъ-бо вѣщій*, аще кому хотяше *пѣснь творити*, *то*

растекашется мыслію по древу *, *сърымъ волкомъ по земли*, сизымъ орломъ подъ облаки.» Переводъ: «Былое воспѣть, а не вымыслъ Бояна, котораго *мысли текли въ вышину, такъ, какъ соки по древу*, какъ сѣрые волки *неслись по пространству*, и сизымъ орломъ въ *поднебесьи парили*.» Простота потерялась, хотя переложеніе выходитъ изящно.

Въ *примѣчаніяхъ*, мы несогласны съ нѣкоторыми мнѣніями г-на Вельтмана. Прежде всего о *Траянѣ*. Намъ кажется, что о *Траянѣ Императорѣ* не должно тутъ думать, хотя валъ Трояновъ цѣлъ въ Бессарабіи, и всѣ донынѣ твердили, что нашъ Пѣвецъ разумѣлъ *Императора Траяна*. Зная, что Владиміра называютъ въ одномъ древнемъ Русскомъ памятникѣ *Траяномъ*, не должно-ли скорѣе искать *тропу* Трояню и *вѣци* Трояни на Руси, или у Половцевъ? — Также не льзя согласиться съ г-мъ Вельтманомъ, чтобы *кметь* значило *начальникъ* или *старшина*. Слово: *туга*, отъ чего глаголъ *тужить* **, не можетъ быть *судорога*, или *корга*, но *печаль, скорбь*.

---

* Думаю, здѣсь что разумѣется отнюдь не *мысль*, а *что нибудь другое*. Простая догадка иногда лучше мудреной: не звѣрокъ-ли, не птичка-ли какая, ибо тутъ видимая постепенность сравненій — *облака, земля, дерево — орелъ, волкъ* — мысль?

** Простой видъ его: *туждать*, потерянъ, но сохранился въ сложныхъ: *стуждать, стужать*, что часто встрѣчаемъ въ Лѣтописяхъ. Въ Ярославлѣ, на берегу Волги, кладбище, близъ коего умеръ Патріархъ Никонъ, донынѣ называется: Туговая гора.

Не входя въ подробности всѣхъ замѣчаній г-на Вельтмана (изъ коихъ многія остроумны и вѣрны, какъ-то, о словахъ: *харалужный*, *бологомъ*, и другія), обратимся къ кажущемуся намъ сомнительнымъ.

Въ именахъ: *Карна* и *Жля*, думаемъ, должно подразумѣвать не народы, а Половецкихъ Воеводъ. Такъ выходитъ и по смыслу: «*Игорева полка* не кресити; за *нимъ* (за полкомъ) кликну *Карна* и *Жля*, поскочи по Русской землѣ, смагу мычучи въ пламянѣ розѣ.» Послѣднее напоминаетъ *бесерменина*, *стрѣлявшаго живымъ огнемъ*, и приходившаго на Русь съ *треклятымъ* Кончакомъ (Ист. Русск. Н. т. III, 129). Половцы совсѣмъ не были «*заняты Игоремъ*:» послѣ разбитія его, они тотчасъ явились мстить, и только ссора Кончака и Кзы отвратила дальнѣйшія опустошенія ихъ.

Слово: *Кощей*, переводили *отрокомъ* (воинъ) потому, что *отрокъ* прежде значилъ *воина*. Не говоря о смыслѣ, какой приданъ *Кощею* въ позднѣйшихъ (пришедшихъ съ Востока) сказкахъ, замѣтимъ, что въ *Словѣ Игоревомъ*, названіе: *Кощей*, не означало еще сего смысла. Говорится: «сѣдло *Кощіево—чага* по ногатѣ, а *Кощей* по рѣзанѣ;» наконецъ Кончака называютъ *поганымъ Кощеемъ*. *Чага* значитъ *броню*, а не *дѣвицу*, или *женщину*, какъ думали другіе *. Г-нъ Вельтманъ

* По Половецки, Хаga — броня, cuirasse, а дѣвица—chaton. См. Половецкій Словарь, въ Mém. relatifs à l'Asie, Клапрота (т. III). Въ немъ найдемъ и Сайгатъ, Sageth по Латински Arma. Впрочемъ, дѣвицы Половецкія и въ *Словѣ о полку Игоревомъ* называются просто *дѣвки* — «и помчаша красныя дѣвки Половецкія.»

берет *отрока* въ смыслѣ *мальчика* — отъ того все недоразумѣніе.

При словахъ: *Были*, *Могуты*, *Татраны*, *Шельбиры*, *Топчаки*, *Ревуги*, *Олберы*, и помышлять не должно о *Мордвѣ*, *Финнахъ* и *Вотякахъ* — это былъ міръ отдѣльный отъ Чернигова! Вѣроятно, всѣ сіи названія суть имена дружинъ Торкскихъ и Берендейскихъ, подобныя именамъ: *Бастиги*, *Каепичи*, *Тудоры*, *Сатмозы* *Хорахозы*, *Міюзы*, *Конеи*, *Олбыры*, *Шерешн*, и проч. (см. Ист. Р. Н. т. III, 131).

Заключимъ изъясненіемъ темнаго мѣста, гдѣ, согласно съ г-мъ Вельтманомъ, мы видимъ приводимыя Пѣвцомъ Игоря слова Бояна: «Тяжко ти, головы, кромѣ плечю; зло ти, тѣлу, кромѣ головы.» Г-нъ Вельтманъ читаетъ сіе мѣсто такъ: «Боянъ, пѣснопѣвецъ временъ Ярослава, Олега, Когана, въ воззваньи своемъ къ Святославу, сказалъ; тяжко тебѣ, голова, безъ плечъ; горе тебѣ, тѣло, безъ головы!» — Мы читаемъ подлинникъ такъ: «Рекъ Боянъ и *ходы* (говоря о походахъ) на *Святославля*, (по подобію) пѣснотворца стараго времени Ярославля, *Ольгова*, *Коганя*: хотя тяжко ти голова, кромѣ плечу, зло ти тѣлу безъ головы.» — Смыслъ, кажется намъ, тотъ: «Рекъ-же Боянъ, *по примѣру Когана, пѣснотворца стараго времени Ярославова*, походы на Святослава Олеговича, и примолвилъ: хоть тяжко головѣ *безъ рукъ*, но зло совершенное тѣлу безъ головы.»—Время житія Боянова во времена славнаго Олега Черниговскаго опредѣляется словами: «Пѣ-

ти было пѣснь Игорю, *того Ольга внуку»* (зачѣмъ не ты поешь внука, пѣвши дѣда его, Олега), и тѣмъ, что Боянъ пѣлъ Всеслава (тому вѣщій Боянъ и *пръвое*) (правое, первое) припѣвку, смысленный, рече, и проч). Полагаемъ что имя: *Кованъ*, означаетъ *пѣвца*, *живщаго при Ярославѣ*, и славнаго, подобно Бояну. Слово: *хоти*, мы переводимъ здѣсь словомъ: *хотя*, относя его къ слову: *тяжко*, а не къ предшествовавшимъ словамъ. Слово: *плеґо*, вѣроятно, прежде не значило только *плеґа* (die Achseln), но вообще *руки* (die Arme, les bras), а *руками* означались собственно les mains, die Hände. Иначе, какой смыслъ будетъ: *ґолова безъ плеґъ?* Или, еще разительнѣе, въ словахъ: *плещма* своима *осѣнитъ* тя?

Мы хотѣли написать библіографическое извѣстіе о книгѣ г-на Вельтмана, но любезный поэтъ увлекъ насъ въ замѣчанія подробныя. Безъ дальнѣйшихъ развитій, они могутъ показаться не совсѣмъ ясны, составляя только часть труда, который намѣрены мы дополнить со временемъ, и предметъ коего есть изслѣдованіе *Слова о полку Игоревомъ*. Въ бесѣдѣ съ уважаемымъ человѣкомъ становишься невольно разговорчивъ, а мы, не только уважаемъ, но и любимъ г-на Вельтмана, какъ литтератора и какъ человѣка. Притомъ, въ Русской Литтературѣ такъ мало случаевъ для критика быть словоохотнымъ, что книгѣ, подобной новому труду г-на Вельтмана, радуешься, будто новому знакомству съ умнымъ человѣкомъ, хотя и не соглашаешься со многимъ, что онъ говоритъ.

— **ПОѢЗДКА КЪ ЛЕДОВИТОМУ МОРЮ, ФР. БЕЛЯВСКАГО.** *М.* 1833 *г. Въ т. Лазаревыхъ, въ* 8, *XV и* 256 *стр., съ рисунками.*

— **ПОѢЗДКА ВЪ ЯКУТСКЪ.** *Изд. Н. Щ. СПб.* 1833 *г., въ т. Конр. Вингебера, въ* 8, 231 *стр., съ таблицею.*

Любите-ли вы читать путешествія? Признаюсь, я люблю. Не станемъ говорить о пользѣ, но какъ весело, какъ занимательно! — Конечно, никто не будетъ спорить о томъ, что всякому изъ насъ не худо бы посмотрѣть на земли и страны, находящіяся за Камеръ-Коллежскимъ валомъ бѣлокаменной Москвы, далѣе Троицкой Лавры, и даже далѣе предѣловъ Русскихъ. Сколько тутъ выгодъ: *бывалому* больше почета, больше средствъ разсказывать въ бесѣдахъ о чудесахъ и диковинкахъ, и въ дѣлѣ онъ считается лучше другаго, по старой Русской пословицѣ: *не спрашивай стараго, а спрашивай бывалаго.* Изъ сей пословицы видно, что человѣкъ, который не *изъ семи печей хлѣбъ ѣдалъ,* и у нашихъ стариковъ находился въ уваженіи, даже болѣе самихъ стариковъ. И такихъ *бывалыхъ* людей въ старину немало встрѣчалось въ Руси. Не думайте, чтобы наши старики сидѣли сиднями. Нѣтъ! у нихъ только сборы въ дорогу были не легки. Кто ѣхалъ изъ Москвы на Макарьевскую ярмарку, съ тѣмъ прощались, какъ съ умершимъ. Не смотря на то, домосѣдами старики наши не засиживались. Дорога въ

Царьградъ, въ Іерусалимъ, была имъ знакома, какъ всякому нынѣшнему Москвичу въ Новый Іерусалимъ и на Перерву. И только-ли Царьградъ и Іерусалимъ! Еще въ XI-мъ вѣкѣ Новогородцы ѣзжали въ далекую Югрію, за Мурманское море, къ поганой Лопи, къ Самоѣдамъ. Аѳанасій Тверитянинъ, въ XV-мъ вѣкѣ, посѣщалъ Гурмызъ, Кучзрятъ, Певгу (Ормусъ, Гузуратъ, Пегу). Русскіе ѣзжали и въ Римъ великій, гдѣ разумѣется *видали и Папу*; ѣзжали они туда черезъ Нѣмецкую землю, дивились въ ней снѣговымъ горамъ, и вельми чуднымъ городамъ: *Афрату*, *Нурбеху*, *Жунбрюху*, (Эрфурту, Нюренбергу, Инспруку). Сколько находимъ путешественниковъ въ Богдойскій городъ Камбалыкъ (Пекинъ), съ XVII-го вѣка! Старики наши заѣзжали въ самый глубокій сѣверъ: мрачный *Грумантъ* (Шпицбергенъ) былъ имъ хорошо извѣстенъ; даже, на сѣверѣ, заходили они въ *Рай земной, неизглаголанный и пречудный*. Не вѣрите? Прочтите въ *Степенной Книгѣ* путешествіе Новгородца, который видѣлъ чудесъ не менѣе Юрьи Твароговича, разсказывавшаго Кіевскому Лѣтописателю о нѣмыхъ людяхъ и проклятыхъ народахъ, загнанныхъ въ полунощныя страны Александромъ Македонскимъ, прорубающихъ гору, гдѣ они заключены, и долженствующихъ выйдти при кончинѣ міра.

•

Извините: желая доказать, что и старики наши любили путешествовать, путешествовали любили, и уважали разсказы о путешествіяхъ, или странствованіяхъ, я хотѣлъ подкрѣпить слова свои примѣрами, и загово-

рился о старинѣ. Какъ-же намъ не любить и не читать разсказа странниковъ, особливо *нашихъ Русскихъ*, хоть изъ уваженія къ памяти предковъ, если не изъ пользы и удовольствія? Слѣдуя всему этому, я часто откладываю романъ самый новый, разсхваленный въ объявленіяхъ книжныхъ, и принимаюсь читать какое нибудь путешествіе. За книги, изданныя г-мъ Бѣлявскимъ и г-мъ Шукинымъ, взялся я съ особеннымъ удовольствіемъ еще по особенной причинѣ: они напомнили мнѣ мою родину — *Сибирь*. Извѣстное и уже неоспоримое *правило*, или *максима*, какъ говаривали въ старину ученые: *и дымъ отечества непремѣнно долженъ быть быть намъ сладокъ и пріятенъ!*

Что знать не одну свою сторону полезно, справьтесь хоть у Байрона, который утвердительно говорилъ: «Кто видѣлъ только одну землю, или страну, тотъ читалъ только одну страницу въ великой книгѣ Природы.» Но изъ географій и статистикъ много-ли вы узнаете страницъ сей великой книги? Сомнѣваюсь. Всего лучше самому поѣздить по свѣту, объѣхать цѣлый міръ, если только есть на то охота. Предугадываю вашъ отвѣтъ: «Разумѣется, лучше-бы видѣть самому, нежели читать скучное какое нибудь статистико-географо-этнографическое описаніе, расположенное въ графахъ и параграфахъ, которые голыми цыфрами и холодными *дефиниціями*, не могутъ передать намъ картинъ ни природы, ни быта жителей той или другой страны. Но у всякаго-ли есть досугъ и средства мыкаться по бѣлому свѣту, если и предположимъ, что нынѣ способы

путешествія упрощены, удешевлены, можно сказать, превращаютъ путешествія въ прогулку увеселительную? —Вы правы, но что-же дѣлать? Какъ горю пособить? *Читайте путешествія*: они замѣнятъ вамъ всѣ труды, всѣ издержки, потребныя для собственныхъ вашихъ странствованій. И какая выгода притомъ: вы не подвергаетесь ни опасностямъ, ни скукѣ переѣздовъ, а узнаете многое лучше, нежели когда-бы вы сами посѣтили то или другое мѣсто.

Странное дѣло однакожь: нынѣ гораздо менѣе является на Русскомъ языкѣ путешествій, нежели являлось ихъ прежде. Загляните въ старыя библіотеки: Ансонъ, Кукъ, Вальянъ, Мунго-Паркъ, Соннини, Мирсъ — все это было переводимо. Не боялись и огромнѣйшихъ книгъ; забудемъ-ли 22 толстые тома *Исторіи о странствованіяхъ вообще*, или 27-мь томовъ *Всемірнаго путешественника*, три раза изданные? Самыя путешествія по Россіи Крашенинникова, Палласа, Зуева, Гмелина, Лепехина, Рычкова, Фалька, Озерецковскаго, были печатаемы. Теперь, напротивъ, многое-ли извѣстно въ Россія изъ новѣйшихъ путешествій, когда притомъ ни одно время не представляло путешествій столь любопытныхъ, столь многочисленныхъ, какъ наше время? Египетскія экспедиціи Французовъ, Клаппертонъ, Лейонъ, Ландеръ, Фрейсине, Гумбольдтъ, Россъ, Парри, Бичей, Риппель, Бургхардтъ, Марціусъ, Фразеръ, Галль — выставляемъ имена не по чинамъ—и сотни другихъ, должны-бы увлекать вниманіе Русскихъ читателей, и, слѣдственно,

Русскихъ переводчиковъ. И о Россіи, когда ее во всѣхъ направленіяхъ посѣщаютъ иностранцы, и сами Русскіе, мы ничего не видимъ печатнаго! Едва, едва дождались мы изумительнаго путешествія Беллингсгаузена ко льдамъ Южнаго полюса. Матюшкинъ, Врангель, Парротъ, Литке, Хромченко, Мейендорфъ, Бороздинъ, и проч., и проч., остаются для насъ невѣдомыми. Безъ болтливости, хотя довольно рѣдкой, нѣкоторыхъ Журналовъ Русскихъ, мы даже ничего не знали-бы о путешествіяхъ и подвигахъ иностранцевъ и соотечественниковъ, упомянутыхъ нами, и множествѣ другихъ, неупомянутыхъ. — Любопытно поискать всему этому причину. Неужели читатели наши охолодѣли къ чтенію путешествій? Но отъ чего-же? Или наши переводчики и наши путешественники не находятъ ничего достойнаго къ свѣдѣнію своихъ соотечественниковъ? Несправедливо. Будемъ говорить только о путешествіяхъ по Россіи. Россія, цѣлый міръ, *особая часть Свѣта*, какъ думалъ Петръ Великій *, чего не представитъ она наблюденію путешественника? Что знаемъ мы о самыхъ близкихъ къ намъ, подмосковныхъ, такъ сказать, мѣстахъ? А Кавказъ, Финляндія, Остъ-Зейская сторона, Сѣверъ Россіи, Молдавія, наконецъ—*Сибирь*? Одна Сибирь, гдѣ на югѣ подходи-

* Есть карта, на которой рукою Петра Великаго надъ Россіею надписано ея имя, такими же крупными буквами, какъ и другихъ частей свѣта; имя Азіи зачеркнуто и подвинуто далѣе къ югу, а имя Европы далѣе къ западу. Мы слышали о сей картѣ отъ достовѣрнаго человѣка.

те къ Китаю и родинѣ Чингиса, на сѣверъ упираетесь въ полюсъ, на востокъ въ Америку, на западъ въ Европу, чего она не представитъ нашему любознанію?

Затрудняясь въ рѣшеніи вопроса, по какой именно причинѣ, въ наше время, въ Россіи выходятъ въ свѣтъ описанія путешествій своихъ и чужихъ гораздо рѣже, нежели прежде, я признаюсь, тѣмъ искреннѣе радуюсь рѣдкому явленію путешествій въ современной Русской Литтературѣ, ибо, какъ я сказалъ выше, люблю читать путешествія, и по собственной охотѣ, и по примѣру предковъ. Люблю я особливо, сидя спокойно въ креслахъ, ѣздить съ путешественниками — не по Европѣ, гдѣ все сглажено и образовано, и въ природѣ и въ людяхъ, но — по какой нибудь части Азіи, Африки, Америки, Австраліи. Какая неистощимая прелесть въ описаніяхъ дѣвственной тамошней природы, въ изображеніяхъ дикарей, полудикарей, новаго образованія народовъ полудикихъ, устройства небывалыхъ прежде обществъ въ Новой Голландіи, Отаити, Боливіи! Эти коралловыя горы по морямъ, эта сила произрастанія въ Индійскихъ пальмахъ и Сенегальскихъ баобабахъ, эти страшныя бури на моряхъ, чудеса на землѣ: горы, далеко выше облаковъ, моря песчаныя, съ ихъ зелеными, пальмовыми оазисами.... даже бѣдствія, опасности, затрудненія странника, какая прелесть — *для читателя*! Какъ, иногда, не простить даже прикрасы страннику, если онъ увлекаетъ васъ описаніемъ!

Путешественникъ по Россіи можетъ усладить чи-

тателя всѣми подобными прелестями странствованій. Будучи цѣлою частію міра, Россія можетъ представить намъ своихъ полудикарей, свое полуобразованіе, свои Гиммалаи, Везувіи, Нилы, Амазоны. Сельская свирѣль Малороссіянина можетъ звучать для путешественника, вмѣстѣ съ унылою кобзою Башкира и звонкою дудочкою Черкеса. Передъ нимъ рыжеволосый Чухонецъ и стройный Абазинецъ, бродящій Цыганъ, раскрашенный Индіецъ въ Астрахани, Татаринъ на своемъ роскошномъ Казанскомъ диванѣ, или подъ виноградниками Сальгира. Передъ нимъ остатки Кіева, могилы Булгарскія, кирпичныя груды Сарая, степной курганъ Екатеринославскій, съ безобразнымъ своимъ идоломъ; передъ нимъ и смѣсь алебастра и гранита въ роскоши Петербурга, и шести-вѣковая громада Москвы, и древнія наши обители, съ остатками великихъ и памятныхъ людей! Поэтъ, Историкъ, Географъ, Естествоиспытатель могутъ наполнить портфейль свой любопытными описаніями и рисунками. Какъ не ѣздить по Россіи, какъ ѣздивши не писать, какъ писавши не печатать?

Сибирь, золотое дно, для предковъ нашихъ и для насъ, можетъ быть *золотымъ дномъ* и для наблюдательнаго путешественника. И тамъ, Историкъ, Географъ, Поэтъ найдутъ для себя много работы. Хотите-ли наблюдать природу и человѣка? Они передъ вами, отъ ледяныхъ, мшистыхъ тундръ и песчаныхъ степей, до огнедышащихъ и снѣговыхъ горъ, отъ первобытности Остяка и Чукчи до европеизма Русскаго, и Восточнаго, страннаго образованія Китайца, кочевой полудикости Киргиза, мистическаго фанатизма Ламайскаго.

Благодаря г-дъ Бѣлявскаго и Щукина за то, что они записывали что видѣли, и напечатали что записали, скажемъ, что имъ, въ свою очередь, можно было многое замѣтить, и потомъ многое разсказать. Одинъ проѣхалъ отъ Тобольска въ Обдорскъ, и жилъ между Самоѣдами и Остяками; другой съѣздилъ изъ Иркутска въ Якутскъ, и вблизи видѣлъ Якутовъ и Тунгусовъ.

Путешествія, какъ и всѣ роды книгъ, дѣлятся также на множество разрядовъ. Къ какому разряду принадлежатъ два путешествія, о которыхъ мы хотимъ теперь говорить нашимъ читателямъ? Что такое они: *ученыя, поэтическія*? Ни то, ни другое. Г-нъ Бѣлявскій, бывши членомъ Врачебной Управы въ Тобольскѣ, ѣздилъ въ Обдорскъ наблюдать ужасную болѣзнь, жестоко свирѣпствующую между тамошними жителями, и особенно между Остяками. Г-нъ Щукинъ былъ въ Якутскѣ по препорученіямъ начальства, какъ чиновникъ. Описанія того и другаго весьма сходны по ихъ расположенію: это *путевыя замѣтки*; къ нимъ приложено еще путешественниками по нѣскольку отдѣльныхъ статей о разныхъ предметахъ. Не будучи ни поэтическими, ни учеными вполнѣ, путешествія гг. Бѣлявскаго и Щукина должны быть однакожъ причислены къ книгамъ замѣчательнаго достоинства, хотя описанія того и другаго вообще легки и кратки: въ картинахъ природы у нихъ мало жизни поэтической, недостаетъ и важности науки; въ этнографіи нѣтъ вѣрнаго взгляда философскаго и историческаго.

Все замѣняется для читателя другими выгодами. Описанія нашихъ путешественниковъ должны быть тѣмъ правдивѣе, чѣмъ они самобытнѣе, чѣмъ менѣе прикрашены чужою ученостью и списываньемъ чужихъ замѣчаній. Мы тѣмъ вѣрнѣе можемъ на нихъ полагаться, если путешественники наши сказываютъ только собственное свое. Они имѣли случай глядѣть на многое вѣрнѣе, судить о многомъ справедливѣе другихъ, оба имѣя средства для наблюденій, какъ чиновники, уваженные на мѣстахъ, гдѣ производили свои наблюденія. Правда, тутъ была и невыгода: съ ними не всегда говорили *искренно*, но они могли повѣрять слова однихъ разсказами другихъ и собственнымъ взоромъ.

Не надобно воображать себѣ Сибири однообразною, дикою страною. Она удивительно разнообразна, климатомъ, мѣстоположеніемъ, мѣстностью. Поѣзжайте изъ Москвы въ Иркутскъ. Васъ поразитъ только величіе Сибирской природы, и дикое отличіе ея отъ природы Россіи-собственно, но она удивительно однообразна по всей дорогѣ. Въ гражданственности, вы даже не замѣтите никакой перемѣны противъ Россіи: Пермь, Екатеринбургъ, Тюмень, Томскъ, Красноярскъ, Иркутскъ — это Русскіе города. Широкою полосою проѣзжей дороги пролегаютъ до самаго Иркутска Русское современное образованіе, Русскій языкъ, Русскіе нравы, съ небольшими оттѣнками *. Отъ сей по-

* Напримѣръ, въ языкѣ. Далѣе прибавимъ, что путешественника изумятъ быстрая Сибирская ѣзда, гостепріимство, какого нѣтъ въ Россіи, и проч.

лосы идутъ вѣтви дороги въ обѣ стороны, на югъ и на сѣверъ, одинакаго качества съ большею проѣзжею дорогою. Но въ промежуткахъ сихъ вѣтвей, едва свернете въ сторону — чего вы не встрѣтите! Золотоносные пески, исполинскія рѣки, горы, кочевые и полукочевые народы; различіе вѣръ, нравовъ, обычаевъ, памятники до-историческихъ временъ. Къ числу такихъ любопытныхъ промежутковъ Сибирскаго пространства принадлежитъ сторона, которую описываетъ г-нъ Бѣлявскій. Мы постараемся представить нашимъ читателямъ главныя характеристическія черты его описаній.

Пространство земель къ сѣверу отъ Тобольска (отъ 58° 11' 43'') носитъ на себѣ всѣ признаки арктическихъ холодныхъ странъ. До самаго Березова (около 1000 верстъ) непроходимыя тундры и болота, отъ чего лѣтомъ нѣтъ сообщенія сухимъ путемъ: плывутъ по Иртышу и обширной Оби, которая, по сліяніи съ Иртышемъ, прямо стремится на сѣверъ. На берегахъ сихъ, и впадающихъ рѣкъ, разбросаны уединенныя селенія. Г-нъ Б. описываетъ: село *Бронниково* (35 верстъ отъ Тобольска), Татарское селеніе *Карбинскъ*, село *Уватъ* (125 в. отъ Тобольска. Здѣсь кончатся поселенія Татаръ), село *Юровское*, село *Демьянскъ*, деревню *Деньщиковскую*, село *Самарово*. (Здѣсь начинается Березовскій округъ, идущій до Обской губы Къ западу онъ граничитъ съ Ураломъ, отдѣляющимъ его отъ Мезенскаго уѣзда, Архангелогородской губерніи). Верстъ на сто отъ Самарова живутъ еще Русскіе. Далѣе обитаютъ Остяки, смѣсь коихъ съ Русскими на-

чинается съ самой Денщиковской деревни. Отъ начала Березовскаго округа прекращается совершенно природа средней Сибири, и передъ взорами путешественника стелются необозримыя тундренныя степи; кое-гдѣ на нихъ колышется лѣсъ и растетъ мѣлкій тальникъ. Дорога идетъ берегомъ Оби. Иртышъ вливается въ Обь за Самаровымъ. Село *Кондійское* (250 верстъ далѣе) населено Рускими, но это былъ знаменитый нѣкогда городъ *Кондійскъ*; 226 верстъ далѣе отъ Кондійска лежитъ *Березовъ* (63° 50′ с. ш.). Только одна Русская деревня находится на семъ пути, близъ Шеркалинскаго Остяцкаго селенія. За Березовомъ нѣтъ уже конной, или санной дороги, даже и зимою: ѣдутъ въ Остяцкой *нартѣ*, запряженной оленями. Природа дика, мрачна: вездѣ болотистыя, зимою глубокимъ снѣгомъ покрытыя поля — ни горъ, ни даже пригорковъ; изрѣдка мѣлкій сосновый лѣсъ и тальникъ; мертвое однообразіе томитъ путешественника. Такъ ѣдутъ, или плывутъ водою, лѣтомъ въ прямомъ направленіи 600 верстъ отъ Березова до Обдорска.

Вотъ топографія пути отъ Тобольска до крайняго предѣла населенности Рускихъ къ сѣверу — *городка Обдорскаго*. Г-нъ Б. вообще невыгодно описываетъ Рускихъ поселенцовъ по сему пути. Не имѣя земледѣлія, или имѣя его очень малое, они питаются только рыбною, птичьею ловлею и звѣриными промыслами, но вообще безпечны, лѣнивы, бѣдны, склонны къ тяжбамъ и пьянству. Объ Остякахъ, которыхъ г-нъ Б. наблюдалъ особенно въ Обдорскѣ, куда сходятся также и Само-

ѣды, платить ясакъ въ казну и торговать съ Русскими, мы будемъ говорить въ послѣдствіи.

Хотите-ли видѣть общую картину природы сихъ странъ? Унылыя, безпредѣльныя пустыни простираются здѣсь до глубокаго сѣвера, примыкаясь къ ледянымъ пустынямъ, только лѣтомъ, на короткое время, разбиваемымъ волнами моря подлѣ береговъ и опять замерзающимъ. Глубокое безмолвіе царствуетъ на снѣжныхъ пространствахъ, гдѣ странникъ изрѣдка только видитъ бѣдныя юрты дикарей. Олени, спутники и питатели сѣверныхъ племенъ, спокойно пасутся многочисленными стадами на мшистыхъ тундрахъ, покорные голосу человѣка, который здѣсь обязанъ имъ всѣмъ, и которому они не должны ничѣмъ. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцовъ надъ сими странами длится почти безпрерывная ночь. Но тогда земля бываетъ утѣшена величественнымъ зрѣлищемъ неба: великолѣпныя, неизвѣстныя Европѣ картины *сѣвернаго сіянія*, невидимою, огненною кистью разцвѣчаютъ небосклонъ. Тысячи другихъ метеоровъ, сгарая въ воздушныхъ пустыняхъ, разсыпаются разнообразными блестками и освѣщаютъ тьму нощпую. Но не всегда безмолвствуютъ здѣсь пустыни земныя, не всегда глубокая тишина почиваетъ на холодномъ ложѣ снѣговъ: встаетъ *буранъ*, и гладкая, охрусталенная поверхность снѣжная приходитъ въ волненіе. Пронзительный свистъ раздираетъ воздухъ, лѣса гудутъ, звѣри пугаются ужасовъ бури, вѣтеръ громоздитъ сугробы; смиряясь подъ грозою стихій, человѣкъ, застигнутый внѣ жилища, ложится подлѣ своего оленя и загребаетъ себя снѣ-

гомъ, пока настанетъ тишина и дастъ ему средства выйдти изъ временной могилы, и опять начать жить и дѣйствовать, преслѣдуя по лѣсамъ звѣря, также искавшаго спасенія отъ неизбѣжной смерти въ снѣгу. Но и здѣсь, въ сихъ оледенѣлыхъ странахъ, бываетъ праздникъ природы, хотя мгновенный: это весна и *лѣто* — мимолетное, но пламенное. Тогда въ сіи пустыни, подъ вѣрную защиту непроходимыхъ болотъ, слетаются съ юга неисчислимыя стада разнородныхъ пернатыхъ. Рѣки, какъ моря величественныя, пробуждаются отъ долгаго сна. Жизнь кипитъ въ водахъ. Несмѣтныя стада рывъ движутся въ нихъ. Дикій обитатель оставляетъ промыселъ звѣроловца, становится рыболовомъ; за тѣмъ настаетъ для него время, благопріятное ловлѣ птицъ. Нужда научаетъ его искуству. Онъ изумляетъ странника изобрѣтательностью способовъ, и умѣньемъ, съ какимъ заманиваетъ, сторожитъ и ловитъ жителей водъ, лѣсовъ и воздуха, изъ коихъ свирѣпый медвѣдь составляетъ предметъ его добычи и обожанія, содѣлываясь попеременно, то жертвою, то богомъ Остяка и Самоѣда.

Г-нъ Б. несправедливо относитъ опознаніе и покореніе сихъ отдаленныхъ странъ ко временамъ Ермака, и послѣ него (стр. 60). Первое предпріятіе Ермака было въ 1580-мъ году. Искеръ завоеванъ былъ въ 1581-мъ году. Тюмень и Тобольскъ построены въ 1585-мъ году. Послѣ сего распространялись Русскіе далѣе къ сѣверу, построили Сургутъ и Обдорскъ въ 1595-мъ году, Березовъ и Пелымъ въ 1593-мъ году. Все это такъ, но еще задолго до Ермака, Новгородцы, съ рѣки Печоры, хо-

дили въ сіи страны. Издревле извѣстны были три дороги съ Печоры въ *Югрію*: по рѣкѣ Усѣ, на верховья Соби; по Щугорѣ на Сыгву и на Сосву; по Илишѣ на Вогулье до Сосвы. Среднею изъ сихъ дорогъ шелъ князь С. Ѳ. Курбскій, въ 1499-мъ году, посланный Іоанномъ III-мъ для совершеннаго покоренія странъ по рѣкѣ Оби. Въ *Ляпинѣ* (что на верховьѣ) пріѣхали къ нему Обдорскіе Князья. Но Курбскій, на оленяхъ и собакахъ, ѣхалъ далѣе, воевалъ и покорялъ *кары*, или городки Остяцкіе по самой Оби. Еще гораздо прежде, въ 1465-мъ году, съ Выми и Вычегды, Русскіе ходили походомъ на Югру, и привезли въ Москву добычу и плѣнныхъ Князей Остяцкихъ, Вогуличскихъ, Самоѣдскихъ, а въ 1483 г. на устьѣ Пелыми Русскіе разбили толпы дикарей, и шли по Тавдѣ, по Иртышу, на Обь, «рѣку великую.» Василій Іоанновичъ писался уже Государемъ *Обдорскимъ* и *Кондійскимъ*.

Въ настоящее время, кромѣ Остяцкихъ и Самоѣдскихъ селеній, въ Березовскомъ округѣ, заключающемъ въ себѣ древнюю Обдорію и большую часть Кондіи, находится три отдѣленія Русскія: Обдорское, Кондійское, и четыре Русскія общества (волости): Березовское, Кондійское, Елизаровское и Сургутское.

Березовъ, коего имя напоминаетъ славнаго несчастливца *Менщикова*, маленькій, миловидный городокъ, гдѣ 891 человѣкъ жителей, двѣ каменныя церкви, 5 деревянныхъ лавокъ, 141 домъ и уѣздное училище. Во всемъ городѣ только 2 кузнеца и 3 плотника. Но жите-

ли по своему выдѣлываютъ однакожъ оленьи кожи: главное ихъ занятіе торговля мягкою рухлядью, рыбою, птицею. Иное покупая у Остяковъ, другое ловя и приготовляя сами, они сбываютъ потомъ все это у себя, въ Тобольскѣ и въ Ирбити, на ярмаркѣ. Опыты завести въ Березовѣ землледѣліе были неудачны. Климатъ убиваетъ всѣ покушенія. — Донынѣ показываютъ въ Березовѣ мѣсто, гдѣ стоялъ домъ Менщикова. Деревянная церковь, имъ построенная, сгорѣла въ 1808-мъ году. Подлѣ церкви Вознесенія видна *могила* его, и *могила дочери его* — обрученной невѣсты Петра II-го! Въ церквахъ Березовскихъ сохраняются еще ветхія ризы священническія, на которыхъ нашиты орденскія звѣзды Менщикова. Въ Спасской церкви показываютъ книги присланныя княжною Еленою Долгорукою, по возвращеніи ея въ Россію.

Упраздненный городъ *Сургутъ* лежитъ на востокъ, въ сторонѣ, между Тобольскомъ и Березовомъ. Онъ былъ нѣкогда знаменитъ. Князья Львовы, Гагарины, Козловскіе бывали тамъ Воеводами. Сынъ несчастнаго Артемія Измайлова, сподвижника Трубецкаго и Пожарскаго, казненнаго потомъ вмѣстѣ съ Шеинымъ, умеръ Воеводою въ Сургутѣ.

Обдорскъ лежитъ въ 7-ми верстахъ отъ Обской губы; въ немъ находятся ветхая деревянная церковь и нѣсколько домовъ; жители, большею частію, временно живущіе торговцы и нѣсколько Сибирскихъ Казаковъ, служащихъ переводчиками тамошнему Засѣдателю въ

дѣлахъ и сношеніяхъ съ Остяками и Самоѣдами, которые съѣзжаются сюда на ярмарку, въ Январѣ, и отдаютъ притомъ ясакъ, или казенную подать мѣхами. Мѣстоположеніе Обдорска пріятно. Обь течетъ мимо него, съ множествомъ протоковъ, и рѣками: Вахомъ, Трялом, Югапомъ, Пимомъ и Сосвою. Весною, все это сливается въ одно необозримое море воды; вдали видѣнъ тогда снѣжный хребетъ Урала; высочайшая изъ Уральскихъ горъ, *Павдинскій камень*, горитъ въ лучахъ солнца, ярко отражающихся на ледяной головѣ я; между рѣками растутъ лѣсъ и кустарникъ, зеленѣя прелестнымъ ландшафтомъ. Но лѣто коротко въ Обдорскѣ: начинаясь въ Іюнѣ, оно кончится въ Іюлѣ. Жары доходятъ иногда до 28°, но земля оттаиваетъ только на четверть аршина; глубже сего лежитъ вѣчный ледъ. Осень бываетъ мрачна: все пустѣетъ, дичаетъ; облака рисуются тогда по небосклону фантастическими фигурами *; всюду налегаетъ туманъ; вѣтеръ свирѣпѣетъ, крѣпчаетъ. Съ Сентября начало зимы, и зима бываетъ ужасна: морозы доходятъ до 40°; бураны взвиваютъ снѣгъ, подымая его въ воздухъ непроницаемою тмою; ночная темнота прерывается только сѣверными сіяніями.

---

* Это происходитъ отъ преломленія солнечныхъ лучей въ разныхъ туманахъ и облакахъ, покрывающихъ тогда небосклонъ. Въ воздухѣ являются горы, рѣки, зданія, моря съ кораблями — изумительные обманы оптическіе, разнообразные, какъ воображеніе поэта, и — обманчивые, какъ оно.

Мы упомянули о ѣздѣ на оленяхъ зимою, далѣе Березова. Не подумайте, чтобы это было нѣчто въ родѣ прогулокъ Даны. Нѣтъ: надобно, или сидѣть въ жесточайшій морозъ на неловкой, валкой, узкой нартѣ, сдѣланной въ видѣ длиннаго ящика, или залѣзть внутрь ея. Безпечный Остякъ запираетъ васъ въ такомъ подвижномъ гробѣ, и погоняетъ оленей; они бѣгутъ; не смотря на толчки, удары, холодъ, вы должны безмолвно пролежать длинную станцію. Напрасно хотите вы выйдти, кричите, чтобы остановились. Закутавъ голову шапкою, занятой оленями, самъ замерзающій отъ холода, Остякъ гонитъ, мчитъ васъ, пока доѣдетъ до станціи, закричитъ: *лая* (стой)! и угрюмо скажетъ вамъ полузамерзшимъ голосомъ, отворяя нарту: «*Неки, неки, вадась, вадась* (очень холодно, очень вѣтрено)!.» Нерѣдко пріѣзжаютъ на станцію съ отмороженными членами. Спутникъ г-на Б. едва было не замерзъ, когда во время сильной вьюги, они ѣхали 40-ка-верстную станцію, отъ Вайкарта къ Шуришкару.

Довольно подробно описываетъ г-нъ Б. *Остяковъ*. Они живутъ на большомъ пространствѣ земель, и называются, по мѣсту пребыванія, *Нарымскими, Туруханскими, Обскими* (между Сургутомъ и Тобольскомъ) и *Березовскими*. Сіи послѣдніе дѣлятся на 17-ть волостей, приписанныхъ къ Обдорску и Сургуту. Ихъ считаютъ во всѣхъ семнадцати волостяхъ около 16,000 человѣкъ. Сами себя называютъ они: *Кондахо* (*Хо*—человѣкъ, *Конда*—имя рѣки) и *Асьяхо* (*Яхъ*—имя рѣки). Не отъ послѣдняго-ли происходитъ имя: *Остякъ?* По

г-нъ Б. производитъ его отъ Татарскаго: *Уштякъ — невѣжда*, какъ называютъ Остяковъ Татары, или Тунгусскаго *Остекелъ*. Вогуличи называютъ Остяковъ *Манси*, Самоѣды *Таѣъ*. То и другое значитъ *человѣкъ*. Г-нъ Б. не входитъ въ историческія изслѣдованія; говоритъ однакожь, что «*всѣ историки* согласно производятъ Остяковъ *отъ Финновъ*(стр. 61).» Внизу сдѣлана ссылка: *Карамзина, Исторія о Сѣверныхъ народахъ*. Такой книги, кажется, нѣтъ на свѣтѣ, и вовсе несправедливо, чтобы *всѣ* Историки приписывали Остякамъ Финнское происхожденіе. Напротивъ, тщательно разсматривая Остяковъ и языкъ ихъ, вообще почитаютъ нынѣ сей народъ, и Самоѣдовъ, древнѣйшимъ отродіемъ Турецкихъ племенъ, во времена невѣдомыя Исторіи, можетъ быть, ушедшимъ, или загнаннымъ въ сѣверъ. Самъ г-нъ Б. подтверждаетъ сіе мнѣніе тѣмъ, что Остяки, ни языкомъ, ни видомъ и ничѣмъ не похожи на Финновъ.

Обмерзшіе, такъ сказать, въ сѣверномъ холодѣ, жители неблагодарной земли, бѣдные кочующіе звѣроловы, обижаемые издревле сильнѣйшими народами, потомъ болѣе 300 лѣтъ покорные Русскимъ, Остяки, разумѣется, теперь не похожи на своихъ южныхъ родичей, великорослыхъ, красивыхъ Турковъ. Они малорослы, грубы, смирны, неопрятны, добры, гостепріимны, молчаливы, удивительно ограничены въ понятіяхъ; даже не помнятъ и не умѣютъ считать далѣе 10-ти лѣтъ; вѣрятъ, что было когда-то для нихъ блаженное время, но грѣхомъ почитаютъ помышлять и говорить о томъ времени, чтобы не возбудить въ себѣ скорби и сожалѣ-

нія, за что Богъ, по волѣ коего находятся они въ настоящемъ положеніи, накажетъ ихъ. Языкъ Остяцкій бѣденъ. Они дѣлятъ годъ на 13-ть лунныхъ мѣсяцовъ. Одѣваясь звѣриными шкурами, Остяки живутъ зимою въ ямахъ, надъ которыми сверху дѣлаютъ грубый шалашъ, обкладенный дерномъ. Снѣгъ, заваливая такую *юрту*, спасаетъ обитателей ея отъ холода. Въ *гуваль*, или каминѣ, находящемся въ каждой юртѣ, безпрерывно горитъ огонь. Въ одной юртѣ живетъ иногда по нѣскольку семей; тутъ находятся и собаки. Олени бродятъ на свободѣ стадами. Вокругъ юрты разставляютъ нарты, на коихъ снѣгъ и пустыня берегутъ имѣніе Остяка, непомѣщаемое въ юртѣ его, какъ-то: рыболовные снаряды, и проч. — Остяки любятъ ѣсть хлѣбъ, но онъ дорогъ для нихъ. Только богатые лакомятся мучною похлѣбкою, или лепешками хлѣбными, вымѣнивая для сего муку у Рускихъ. Обыкновенная пища Остяка — рыба, мерзлая, сушеная, сырая. Зимою Остяки ходятъ на промыселъ звѣрей; лѣтомъ разселяются по рѣкамъ ловить рыбу и птицъ. Богатство Остяковъ составляютъ главнѣйше стада оленей. Только издохшаго оленя ѣстъ Остякъ; убить оленя заставитъ его послѣдняя крайность. Кромѣ платы ясака, Остяки обязаны содержать почтовую гоньбу по дорогамъ. Правительство запрещаетъ возить къ нимъ водку и хлѣбное вино, ибо они чрезвычайно склонны къ пьянству, готовы все отдать за водку, и пьяные приходятъ въ совершенное неистовство.

Остяки вообще считаются крещеными, но они пло-

кіе Христіане, и Русское духовенство, по причинѣ разсѣяннаго и перемѣннаго кочеванья Остяковъ, не можетъ наблюдать за надлежащимъ исполненіемъ ими Христіанскихъ обрядовъ. Каждому новокрещеному Остяку дается крестъ и рубашка; послѣднее нерѣдко бываетъ причиною, что Остякъ приходитъ нѣсколько разъ принимать крещеніе, увѣряя, что онъ никогда еще не былъ крещенъ. Г-нъ Б., въ проѣздъ свой черезъ Тюгутскую станцію, увидѣлъ въ юртѣ Остяка закоптѣлый образъ. «Что это такое?» спросилъ онъ. Остяки переговорили между собою и отвѣчали: «*Кола*, Русскій Богъ,» т. е. Николай Русскій Богъ *.—«А вашъ гдѣ?»— Остяки указали на тотъ-же образъ. — Они особенно стараются укрывать отъ крещенія малолѣтныхъ дѣтей, и воспитываютъ ихъ въ своей вѣрѣ. Вѣра Остяковъ есть Шаманское идолослуженіе. Обряды при свадьбахъ' похоронахъ и богослуженіе Остяковъ обстоятельно описаны г-мъ Б.—Онъ самъ не могъ видѣть всего, что разсказываетъ, ибо Остяки тщательно скрываютъ нынѣ шамановъ своихъ и идоловъ, боясь преслѣдованій. Но г-нъ Б. пользовался достовѣрными свѣдѣніями г-на Шаврова, бывшаго нѣсколько лѣтъ Березовскимъ окружнымъ лекаремъ. Вообще Остяки признаютъ единаго

* Уваженіе всѣхъ Сибирскихъ дикарей къ Николаю Чудотворцу удивительно. Они почитаютъ его наравнѣ съ Богомъ. И не въ одной Сибири это повѣрье. Черкесы, разграбивъ церковь въ Кизлярѣ, не тронули образа Николая Чудотворца, ибо уважаютъ его наравнѣ съ Богомъ. Тунгусы и Якуты не рѣдко даютъ обѣты Николаю Чудотворцу, идя на промыселъ; потомъ они приходятъ въ церковь, и кладутъ передъ образомъ его часть добычи, въ знакъ благодарности.

вѣчнаго Бога (Торымъ), но ему придаютъ они множество подвластныхъ, злыхъ и добрыхъ боговъ, которымъ поручено отъ Торыма управлять землею и людьми. Самъ онъ ни во что не вмѣшивается, и потому его никогда не изображаютъ въ видѣ кумира. Кромѣ боговъ всякаго разбора, есть еще у Остяковъ множество низшихъ пенатовъ и божковъ, которыхъ иногда они сѣкутъ и бьютъ, если просьба не бываетъ ими услышана. Медвѣдь, близкій сосѣдъ и драгоцѣнность для Остяка, пользуется также нѣкоторыми божественными правами. Остякъ убиваетъ его, но проситъ за то прощенія, радуясь однакожь, что обманулъ и убилъ своего бога. Съ добродушною хитростью, Остякъ намазываетъ жиромъ болвана, въ его юртѣ находящагося, въ знакъ благодарности, съ умысломъ подчиваетъ его добычею, кушаньемъ, и видя, что болванъ ничего не ѣстъ и не беретъ, говоритъ: «Ну! ты не хочешь, я самъ съѣмъ и себѣ возьму, а ты не жалуйся потомъ.» Множество суевѣрныхъ обрядовъ пугаетъ воображеніе дикаря, но строго наблюдается имъ. О будущей жизни Остяки знаютъ только одно, что она будетъ. — Женщины у нихъ совершенныя рабыни; за нихъ платятъ калымъ при женитьбѣ; невѣрность не почитается между Остяками стыдомъ, но соблазнитель долженъ заплатить мужу безчестіе.

Съ самыхъ древнихъ временъ, мы находимъ у Остяковъ и Самоѣдовъ князей, или властителей. Кажется, они никогда не были соединены подъ властью одного *Князя*, или *Хана*, однакожь мѣлкіе Князьки

ихъ повиновались другимъ старѣйшимъ, или главнымъ. Сихъ главныхъ Русскіе старались покорить и уничтожить разными образами. Вотъ одинъ любопытный примѣръ: Князь Кондійскій, крещеный Остякъ, Дмитрій Алачеевъ, пожалованный Стольникомъ, и долго жившій или удержанный въ Москвѣ, наконецъ выпросился на свою родину. Его свободно отпустили, но взвели на него важное дѣло: онъ былъ уличаемъ въ томъ, что стрѣлялъ въ Кондійскѣ въ церковный крестъ. Послали священника привезти крестъ и самого Князя въ Тобольскъ; въ 1642 мъ г. торжественно осматривали крестъ въ Тобольскѣ и открыли слѣды выстрѣла («пулечныя язвы знать, и ножемъ вырѣзываны пульки»). Алачеевъ признался, что стрѣлялъ въ птицу, на крестѣ сидѣвшую. Его отдали подъ смиреніе, продержали шесть недѣль въ домѣ Архіепископа и цѣлый годъ въ Тобольскомъ Знаменскомъ монастырѣ; потомъ оставили подъ присмотромъ въ Тобольскѣ. Въ 1645-мъ г. дали ему наконецъ во владѣніе Ленскую волость, близь Яренска, и увезли его туда. Кондійскъ отписали съ тѣхъ поръ на Царя. Алачеевъ не возвращался уже болѣе въ Сибирь. Мѣлкіе Князьки донынѣ остаются у Остяковъ, но они не имѣютъ почти никакой власти. Остяками управляютъ выборные *Старшины* и *Мировщики*. Первые ведутъ счетъ народу и собираютъ ясакъ; другіе суть судьи Остяцкіе. Одному изъ Остяцкихъ князьковъ, *Тайшину*, Императрица Екатерина подтвердила нѣкогда грамату Царя Алексія Михайловича на званіе князя, и прислала малиновое бархатное платье; притомъ голубой платокъ, сафьянные, шитые золотомъ

сапоги, красную шапку и кортикъ. Это заставило Самоѣдовъ и Остяковъ почитать Тайшина главнымъ надъ всѣми. Сынъ Тайшина пользовался правомъ и одеждою своего родоначальника, и внукъ по сему самому донынѣ уважается Остяками и почитается главнымъ. Онъ богатъ, имѣя до 5000 оленей и до 20,000 рублей деньгами, которые бережетъ, самъ проводя бѣдную жизнь наравнѣ, съ другими Остяками. Императоръ Александръ велѣлъ Самоѣдамъ выбрать себѣ особаго, главнаго, безсмѣннаго Старшину. Нынѣшній главный Старшина ихъ есть Самоѣдъ *Пайволь*, старикъ лѣтъ девяноста. Другіе, младшіе Старшины избираются ежегодно. Они обязаны вносить за себя ясакъ въ десятеро болѣе противъ нечиновныхъ, простыхъ Самоѣдовъ. Но таково честолюбіе въ человѣкѣ: каждый Самоѣдъ добивается чести быть избраннымъ въ Старшины, хотя сіе званіе, кромѣ убытка и пустой чести, ничего ему не приноситъ. При вступленіи на престолъ Русскихъ Государей, Остяковъ приводятъ къ присягѣ слѣдующимъ образомъ: кладутъ топоръ и медвѣжью шкуру на землю, и каждому Остяку даютъ съ ножа по куску хлѣба. Они поочередно говорятъ: «Если я не буду Государю вѣренъ, не стану платить ясака, или изъ своей земли уйду, то пусть медвѣдь меня съѣстъ, топоръ отрубитъ мнѣ голову, ножъ меня заколетъ, и кускомъ хлѣба я подавлюсь.» — Г-нъ Б. видѣлся съ Княземъ Тайшинымъ на станціи за Березовомъ. Князь ничѣмъ не отличался отъ подвластныхъ ему Остяковъ, и самъ правилъ своею нартою, но былъ учтивъ, и говорилъ г-ну Б. нѣсколько разъ: «*Дорова*, *дорова*, *братъ*, *до-*

рова, дорова!» — Въ Обдорскѣ, онъ пришелъ къ г-ну Б., пилъ у него чай, но не умѣлъ взять въ руки чашки, и прихлѣбывалъ наклоняясь къ скамьѣ, на которой она стояла. Онъ признавался, что вино кажется ему лучше чаю, и давалъ знать, чтобы его поподчивали водкою, говоря: *Иски, иски* (холодно)! Потомъ приходилъ онъ разодѣтый въ платье, подаренное Императрицею Екатериною его дѣду, и чрезвычайно гордился своимъ нарядомъ передъ Остяками. — Тремъ Старшинамъ Самоѣдскимъ, въ награду за хорошее поведеніе, присланы были изъ Санктпетербурга кортики, въ серебряной оправѣ. При г-нѣ Б. вручили имъ это Государево жалованье. Одинъ изъ нихъ вынялъ кортикъ изъ ноженъ, осмотрѣлъ его, и съ важностью сказалъ: «Хорошъ ножикъ, только не остеръ, а то хорошо-бы имъ рыбу скоблить.»

Угнетаемые суровымъ климатомъ, тяжкимъ занятіемъ звѣроловства, при дурной пищѣ и недостаткахъ, Остяки вообще недолговѣчны. Ихъ губятъ также наносныя отъ Русскихъ болѣзни, особливо оспа. Но съ 1816-го года ужасное опустошеніе производитъ между ними *сифилитическая зараза*: родъ любострастной болѣзни, соединенной съ цынгою и ревматизмомъ— почти тоже, что называютъ Англичане: sibbens. Г-нъ Б., издавшій объ ней особое сочиненіе, называетъ сію губительную болѣзнь: Lues Asiatico borealis Beresoviensis Описаніе сей болѣзни, сдѣланное г-мъ Б., приводитъ въ содроганіе! Не скроемъ здѣсь именъ благодѣтелей человѣчества, которые старались спасти несча-

стныхъ дикарей отъ страданій и гибели, неизбѣжной и ужасной. Бывшій въ Тобольскѣ губернаторъ, А. М. Тургеневъ, первый обративъ вниманіе на истребленіе Остяковъ сифилитическою болѣзнію, просилъ г-на Аурбаха, Московскаго Аптекаря, прислать потребныя лекарства. Сей почтенный гражданинъ немедленно отправилъ лекарствъ на нѣсколько тысячь рублей, не взялъ за то денегъ, и съ тѣхъ поръ донынѣ ежегодно посылаетъ лекарствъ на большую сумму, безъ всякаго возмездія. *Блажени милостивіи!* — Д. Н. Бантышъ-Каменскій, бывшій въ Тобольскѣ губернаторомъ послѣ г-на Тургенева, вошелъ во всѣ возможныя подробности, и отправлялъ искусныхъ лекарей въ Обдорскъ и Березовъ; испросилъ притомъ облегченіе Остякамъ въ податяхъ; наконецъ самъ ѣздилъ въ Обдорскъ, и до того довелъ заботливость свою, что въ началѣ 1828-го года, ужасная болѣзнь была почти истреблена. Изумленные невиданнымъ зрѣлищемъ Губернатора, Остяки еще болѣе удивлялись его ласковости, кротости, попечительности. Они окружали его толпами и говорили ему: *Большой Дмитрій хорошъ, и ты, малый Дмитрій, хорошъ!* — *Большимъ* Дмитріемъ называли они бывшаго у нихъ честнаго, ласковаго Земскаго Засѣдателя Обдорскаго, г-на Скорнякова, человѣка высокаго роста; *Малымъ* своего добраго Губернатора, видя его небольшой ростъ. Послѣ отъѣзда г-на Бантыша-Каменскаго изъ Тобольска, страшная болѣзнь между Остяками усилилась, и болѣе прежняго начала губить сихъ несчастныхъ жителей Сѣвера. — Любопытно, что услышавъ о пріѣздѣ какихъ нибудь чиновниковъ въ свои селенія,

Остяки бѣгутъ къ шаманамъ и просятъ у нихъ совѣта, какъ отвратить имъ новую, неожиданную бѣду (см. соч. г-на Б. стр. 108). Не дивитесь, вспомнивъ глупость и невѣжество бѣдныхъ Остяковъ. Пріѣздъ приказнаго человѣка кажется имъ бѣдою, наравнѣ съ голодомъ и неудачею на охотѣ.

Г-нъ Б. описываетъ и *Самоѣдовъ*, которыхъ видѣлъ онъ на Обдорской ярмаркѣ. Но его описаніе весьма кратко, и большею частію, основано на разсказахъ другихъ самовидцовъ. Мы не будемъ распространяться въ выписках изъ него.

Самоѣды живутъ далѣе въ сѣверъ, за Обдорскомъ. Кочевья ихъ вообще занимаютъ протяженіе самыхъ береговъ Ледовитаго моря, отъ Мезени до Хатанги, въ губерніяхъ Архангелогородской, Тобольской и Енисейской. Самоѣды, живущіе по сю сторону Уральскихъ горъ, обращены въ Христіанство. Но Сибирскіе, удаленные отъ жилищъ Русскихъ, суть грубые идолопоклонники. Удаленіе спасаетъ однакожь Самоѣдовъ отъ многаго, что терпятъ Остяки, и Самоѣды всячески стараются скрываться отъ Русскихъ, выѣзжая только за взносомъ ясака въ Обдорскъ *. Они называютъ себя: *Хазово* (*Хасъ* — самъ; *ово* — одинъ). Языкъ ихъ

* Когда прибыла къ нимъ экспедиція, посланная изъ Архангельска, для описи береговъ Ледовитаго моря, Самоѣды испугались ея прибытія, и говорили начальнику: «Зачѣмъ ты сюда идешь? Тутъ земля никуда не годится; даже моху для оленей нѣтъ на ней!» —

отличенъ отъ Остяцкихъ нарѣчій (которыя опять различны одно отъ другаго). Вообще, уединенное кочеванье Самоѣдовъ дѣлаетъ то, что они здоровѣе, богаче, добродушнѣе и самобытнѣе Остяковъ. Они живутъ не въ юртахъ, но въ *чумахъ*, или коническаго вида палаткахъ, укрытыхъ оленьими кожами. Замѣчательно, что Самоѣды нигдѣ не собираются въ селенія, и не живутъ обществами подобно Остякамъ. Напротивъ, только по два, по три семейства Самоѣдскія кочуютъ вмѣстѣ, никогда не болѣе, и такимъ образомъ на обширномъ пространствѣ покрыты одинокими жилищами сихъ дикарей тундренныв, мертвые берега Ледовитаго моря.

Мы не выписываемъ здѣсь многихъ любопытныхъ подробностей изъ книги г-на Б., предоставляя самимъ читателямъ узнать вполнѣ это путешествіе, замѣчательное, сколько по откровенности, съ какою говоритъ авторъ, столько и по многимъ ученымъ наблюденіямъ касательно естествопознанія сѣверной оконечности Сибири, по теченію Оби до Ледовитаго моря. Такъ, например, г-нъ Б. прилагаетъ къ книгѣ своей наблюденія и очерки, относительно кристаллизаціи сѣверныхъ снѣговъ; таблицы растеній, произрастающихъ отъ Обдорска до Ледовитаго моря; таблицы звѣрей, птицъ, тамъ водящихся, или туда прилетающихъ. Ему любопытно показалось приложить еще письмо, писанное Гумбольдтомъ изъ Берлина, къ г-ну Альберту, Инспектору Тобольской Врачебной Управы. Впрочемъ, письмо не важно, и лучше-бы подарить читателей *снимкомъ* это-

го письма, если уже имя Гумбольдта должно придавать важность каждой строчкѣ, начертываемой перомъ сего знаменитаго ученаго. — Г-нъ Б. присовокупилъ еще къ книгѣ своей нѣсколько рисунковъ; этими рисунками мы остаемся недовольны. Они литографированы и раскрашены не дурно, но ловкая рука художника, писавшаго ихъ, (г-на Жерена), кажется, уже слишкомъ слѣдовала правилу Классиковъ: *украшать грубую природу*. Остяки и Самоѣды являются у г-на Жерена какими-то щеголями, одѣтыми въ маскерадъ, а не грубыми, запачканными дикарями отдаленнаго сѣвера. Князь Тайшинъ, судя по портрету его, прекрасный, щегольски одѣтый мужчина; юрты и чумы Остяковъ и Самоѣдовъ годятся для театральныхъ декорацій и для альбомныхъ пейзажей; послѣ сего, нечего уже и говорить, что они не даютъ настоящаго понятія о предметѣ.

Лингвистика пріобрѣтаетъ въ книгѣ г-на Б. драгоцѣнный подарокъ: собраніе 360-ти словъ Остяцкихъ, притомъ небольшое собраніе фразъ и переводъ молитвы *Отче нашъ*. Сличая Остяцкія слова, представляемыя г-нъ Б., съ Остяцкими словами, какія передалъ намъ Палласъ, мы находимъ нѣкоторую разницу. Такъ, напримѣръ: счетъ Остяковъ у Палласа — от, кеттö снolум, ниl, öт, оснот, labut, nuul, jirte'n, ljani; у г-на Бѣлявскаго — *итъ*, *катъ*, *холымъ*, *нель*, *ветъ хотъ*, *лабытъ*, *ніилъ*, *ерт-янъ*, *янъ*. — Слово *солнце*, Палласъ переводитъ: nai, а *день* — chatl: у г-на Б. *хатль*, значитъ *солнце*, а день — *хитль*. — Мы охотнѣе вѣ-

римъ г-пу Б., ибо Палласъ, будучи иностранцемъ, худо зная Русскій языкъ, на которомъ объяснялся съ переводчиками, легко могъ ошибаться. — Замѣчательно, что при переводѣ Молитвы Господней, никакъ не могли передать па Остяцкій языкъ фразы: *избави насъ отъ лукаваго*. Для этой идеи, у Остяковъ *нѣтъ словъ*. Выписываемъ для любопытныхъ Остяцкій переводъ вполнѣ: «*Му азе ну воль но мыль*; *хутлись номенъ ны*; *шотга тагенъ нынъ*; *волягенъ нынъ*, *хазпа номынъ и мууоктына*; *нянъ мунемъ серна міяму-ненъ интамъ*; *и хызипта муемъ артны*, *и сиды муемъ хызипта артна*; *лу* альессла мыгытъ мыемъ куль ельты.» Послѣдняя фраза показываетъ, что слова: *и не введи насъ во искушеніе*, переведены *перифразически*, по причинѣ трудности заключеннаго въ ней понятія. Жаль, что не объяснено *каждое Остяцкое слово* отдѣльно и подробно, и потому мы не знаемъ: какъ понимали и въ какомъ порядкѣ становили переводчики слова—буквально съ Русскаго, или слѣдуя свойствамъ Остяцкаго языка?

Отъ сѣверныхъ береговъ Кондійскихъ и Обдорскихъ, напоминающихъ первоначальное покореніе Сибири во время Іоанна, Василія, Ермака, и бѣдствіе знаменитаго Меншикова, мы попросимъ теперь читателей нашихъ перейдти на сѣверо-востокъ, въ другую сторону Сибири. *Якутскъ* — средоточіе сборки дорогихъ Сибирскихъ мѣховъ, мѣсто, откуда расходятся пути въ Охотскъ, Камчатку, Америку, и къ Ледовитому морю, по рѣкамъ Ленѣ, Индигиркѣ и Колымѣ, обратитъ на себя наше вниманіе. Здѣсь менѣе-ли *историческихъ* воспоминаній? Нѣтъ!

Разложите передъ собою карту Сибири, и отправимся въ Якутскъ, не тѣмъ путемъ, по которому нынѣ ѣздятъ въ сей отдаленный городъ: намъ надобно-бы для того отъ Обдорска опять ѣхать въ Тобольскъ, и на почтовыхъ скакать потомъ въ Томскъ, Красноярскъ, Иркутскъ. Разсмотримъ *первобытный* путь въ Якутскъ.

Задолго до существованія Иркутска и Нерчинска, въ началѣ XVII-го столѣтія, послѣ утвержденія за Россіею завоеваній Ермака, власть Русскаго Царя понемногу раздвигалась около Тобольска, на югъ и востокъ. Управлявшіе Сибирью воеводы разстанавливали *острожки*, или городки, безпрерывно далѣе и далѣе. Такъ построены были ими: *Нарымъ* и *Кетской* 1596 г., *Туруханскъ*, или Мангазея 1600 г., *Туринскъ* 1601 г., *Томскъ* 1604 г., *Кузнецкъ* 1618 г., *Енисейскъ* въ 1619 г., *Красноярскъ* въ 1627 г. Но сіи раздвиженія были медленны, тихи, слишкомъ осторожны для Русскаго духа. Смотря на карту, вы увидите, что въ постройкѣ упомянутыхъ нами городковъ, въ теченіе 25-ти лѣтъ, собственно сдѣлано было два главныя распоряженія; по теченію Оби Рускіе шли далѣе и поставили *Нарымъ*, *Томскъ* и *Кузнецкъ*; потомъ перебрались въ сѣверѣ на другую большую рѣку, и построили на ней *Туруханскъ* *, *Енисейскъ* и *Красноярскъ*. Тутъ вездѣ встрѣчались они съ кочевыми и осѣдлыми Сибирскими

* Или *Мангазею*. Какъ жаль, что это имя, столь памятное по лѣтописямъ, замѣнено нынѣ простонароднымъ именемъ — *Туруханскъ*

народами, дрались съ ними, прогоняли, били ихъ. Отдаленность отъ Москвы мѣшала наблюденіямъ за дѣйствіями правителей Сибири. Вспомните и то, какое время было тогда для Россіи: время Годунова, Самозванца, Шуйскаго, первыхъ лѣтъ Михаила! Тогда требовали тяжкихъ пособій отъ Сибири; не думали о томъ, чтобы дать помощь тамошнимъ воеводамъ. Къ тому присоединялись корыстолюбіе и своевольство воеводъ, самовластныхъ повелителей дикой и богатой страны. Кому было на нихъ жаловаться? *До Бога высоко, до Царя далеко*: эта пословица едва-ли не въ Сибири началась. И какъ было жаловаться бѣдному дикарю, или какому нибудь казаку, надъ которыми власть воеводы была, по необходимости, безгранична? И что было сдѣлать съ воеводою, когда онъ исправно присылалъ въ Москву богатые ясаки Сибирскіе, умножалъ число ихъ, а посланный судить его торговался съ нимъ на соболяхъ и лисицахъ объ оправданіи? Не смотря на то, рѣдкій изъ воеводъ Сибирскихъ оканчивалъ свое служеніе безъ суда и безъ наказанія *.

Пока все это дѣлалось тихо и медленно, съ пересылкою множества приказныхъ бумагъ и грамотъ, удалый Русскій духъ умѣлъ найдти себѣ занятіе. И въ

---

* Первый посланный въ Сибирь воевода, послѣ покоренія нынѣшняго Тобольска, былъ Князь Семенъ Болховской, отправившійся изъ Москвы въ 1583 году. Послѣ того, до преобразованія управленія Сибири Петромъ Великимъ, было въ Тобольскѣ *сорокъ три* воеводы. Пересмотрите любопытное исчисленіе дѣлъ ихъ въ Сибирскомъ Лѣтописцѣ, который помѣщенъ въ III-мъ т. *Россійской Вивліоѳики* Новикова [стр. 104—288].

Сибири являлся онъ такимъ-же чуднымъ Русскимъ духомъ, какимъ былъ на Новгородскимъ вѣчѣ, на полѣ Куликовскомъ, на Нижегородскомъ базарѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Ермакъ открылъ Сибирь (*завоевалъ*, кажется, будетъ сказано слишкомъ много), она сдѣлалась притономъ множества выходцевъ изъ Россіи. Подобно Ермаку, одни шли туда снова заслуживать себѣ *честное имя*; другихъ привлекала корысть: хотѣли обогатиться, думали найдти въ Сибири *золотое дно*; третьихъ переселяли туда нарочно, и они принимали образъ жизни и духъ первоначальныхъ завоевателей Сибири; наконецъ, множество народа бѣжало туда, спасая голову отъ плахи. Какъ будто нарочно, смутныя времена, отъ Годунова до 1620-го года, породили въ Россіи неисчетныя толпы бездомныхъ *Казаковъ* и *Черкесовъ*: такъ обыкновенно называли ихъ въ Россіи. Михаилъ принужденъ былъ даже посылать цѣлыя войска противъ людей, привыкшихъ не знать ни чести, ни отчизны въ буйныхъ набѣгахъ, подъ предводительствомъ Сапегъ, Рожинскихъ, Лисовскихъ, Заруцкихъ, Болотниковыхъ, Баловцей, Лапщей, Сагайдачныхъ. Они проходили для добычи, потомъ для спасенія жизни своей, въ лѣса Олонца и Неноксы, въ горы Терки и Дербента, и толпами бѣжали отвсюду въ Сибирь. Вообразите: чего могло устрашиться все это вольное населеніе Сибири? Чего могли побояться такіе люди, для которыхъ *смерть* была истинно *копѣйка*, по Русской поговоркѣ? Пока настоящіе *рядовые* Казаки отстрѣливались изъ своихъ острожковъ отъ

Татаръ, Остяковъ, Киргизовъ, Калмыковъ, и ждали приказа воеводскаго чтобы идти далѣе, или сбирать ясакъ, тысячи новыхъ Ермаковъ являлись изъ среды *Казаковъ вольныхъ*, и ихъ подвиги, забвенные Исторіею, могутъ изумить воображеніе, даже въ наше время, когда его не изумляютъ никакіе новые Французскіе романы и драмы.

Обыкновенно, сіи искатели приключеній собирались небольшими партіями, запасались оружіемъ, какимъ могли *, служили молебенъ Николаю Чудотворцу, и пускались по рѣкамъ, въ какихъ нибудь дрянныхъ суденышкахъ. Сибирь казалась нескончаемою: сколько ни шли впередъ, все конца ей не было; рѣка являлась за рѣкою, лѣсъ за лѣсомъ, народъ за народомъ, и вездѣ нѣсколько Казаковъ гнали тысячи дикарей, и всюду дорогіе мѣха обильно доставались въ добычу **. Пройдя нѣкоторое разстояніе, иногда весьма обширное, Казаки останавливались, строили *зимовье*, укрѣпляли его, и посылали звать къ себѣ новыхъ товарищей. Вскорѣ они обогащались, начинали дорожить жизнію и спокойствіемъ, шли далѣе медленно, для того только, чтобы покорить окрестныхъ сосѣдей и обезопасить свое жилище; новые удальцы замѣняли ихъ, и неутомимо

---

* *Жеванная*, не литая пуля была самымъ обыкновеннымъ дѣломъ. И донынѣ въ Якутскѣ сохранились патроны, вмѣсто пуль, съ звѣриными когтями. Объ нихъ упоминаетъ г-нъ Щ.

** Донынѣ у Якутовъ осталось первоначальное названіе, данное ими Русскимъ: *Луча*, т. е. лѣшій. Какъ много высказываетъ одно это слово!

проходили по рѣкамъ впередъ. Прежніе, уже усталые, осѣдлые, зажиточные, посылали къ Царскимъ воеводамъ, сказать, что *милостію Божіею, а Государевымъ счастіемъ*, они обрѣли новый народъ, новую землю. Ихъ подкрѣпляли войскомъ, брали занятыя ими земли на имя Царя, и нерѣдко изъ нихъ-же дѣлали первыхъ воеводъ и заселенцовъ новой страны *.

Такъ производились всѣ завоеванія въ Сибири, и отъ того столь неровно и непостепенно шла Русская власть по Сибирской землѣ. Всего чаще, вольнымъ удальцамъ далеко впереди удавалось сдѣлать то, о чемъ долго послѣ нихъ даже не смѣли помышлять Царскіе воеводы, дѣйствуя осторожно и отчетливо.

Сообразите, что только около 1630 года утвердилась Царская власть на предѣлѣ нынѣшней Иркутской губерніи, при рѣкѣ Канѣ, простираясь по Оби и Енисею. Но въ то время, какъ уже смѣло и далеко шли, воевали и торговали вольные Казаки и кочевые купцы, ибо за покорителями слѣдовали отважные торговцы Устюга, Тотьмы, Ваги, Яренска, Соликамска, Каргополя. Какъ Аника Строгоновъ указалъ путь Ермаку, такъ сіи торговцы указывали дорогу, давали средства

* Донынѣ во многихъ городахъ Сибирскихъ найдете потомковъ отъ основателей сихъ городовъ, извѣстныхъ по лѣтописямъ и запискамъ Сибирскимъ.

его послѣдователямъ, и въ покоренныхъ ими земляхъ заводили торговлю и промышленность *.

Мы упомянули объ изумительныхъ предпріятіяхъ Сибирскихъ завоевателей. Укажемъ на нѣсколько примѣровъ. Изъ Енисейска, по Верхней Тунгускѣ, пробрались они къ прибрежью Лены. Изъ Туруханска отправились по Нижней Тунгускѣ соперники ихъ, узнавшіе объ успѣхѣ, и прошли на Киренгу и Вилюй. Въ 1632 году, уже заложенъ былъ ими *Якутскій* острогъ, а въ 1639 г. по Алдану пробрались они до Яблоннаго Хребта, и узнали о существованіи Амура. Въ 1638 году, отвага Перфильевъ ходилъ по Витиму и провѣдалъ Шилку, родоначальницу Амура, а казакъ Москвитинъ, въ 1639 году, по Алдану, Маѣ и Юдомѣ, выплылъ въ Охотское море. Въ Илимскій острогъ, на Ленскій волокъ, присланъ былъ первый воевода въ 1647 г., но въ Якутскѣ былъ уже воевода съ 1640 года. *Илимскъ* и *Якутскъ* сдѣлались главными точками Царской власти на востокѣ Сибири. Между тѣмъ, въ 1643 г. Поярковъ уже проплылъ до самаго устья Амура, и моремъ шелъ оттуда къ Охотску. Сольвычегодскій торгашъ Хабаровъ въ 1649 г. отправился закладывать Албазинъ,

---

* И въ послѣдствіи, почти всѣ отважные купцы, мореплаватели въ Америку: Поповы, Протасовы, Лапины, Кульковы, Шапкины, Пановы, были изъ сѣверной Россіи. Москва и другіе города гораздо менѣе сѣверныхъ участвовали въ торгахъ Сибирскихъ, и только геніальный Шелеховъ, съ 1776 года, открылъ путь въ Сибирь купцамъ Курска и Рыльска, и другихъ южныхъ городовъ.

и отчаянно дрался съ Катайцами (Богдойскими людьми), когда съ юга Сибири узнали оффиціяльно о Китаѣ многими годами позднѣе *. Но пока Поярковы и Хабаровы шли на югъ, отважность увлекала другихъ удальцовъ въ самый глубокій сѣверъ. До 1646 года, они узнали въ сѣверѣ рѣки Яну, Индигирку, Алазею, Колыму. Въ 1647 г. *Семенъ Дежневъ*, простой казакъ, совершилъ то, чего не могли до нынѣ совершить въ наше время, при всѣхъ пособіяхъ науки: изъ устья Колымы, онъ обогнулъ Чукотскій Носъ, *первый* прошелъ проливомъ между Азіею и Америкою, который несправедливое потомство назвало по имени жалкаго Беринга, и приплылъ въ Анадырь, съ 25-ю человѣками; остальные его товарищи всѣ погибли дорогою. Тутъ Дежневъ дрался съ дикарями, не зная: гдѣ онъ, куда идти, чѣмъ питаться? Уже въ 1650 году, его нашла на Анадырѣ партія удальцовъ, отправясь изъ Нижне-Колымска, и сухимъ путемъ прошедши по рѣкѣ Анадыру. Отсюда пустились Казаки въ Камчатку, и Морозко, черезъ 40 лѣтъ послѣ Дежнева, узналъ уже о Японіи и положеніи Курильскихъ острововъ.

Такъ огибались повсюду отважныя путешествія

---

* Первый посолъ въ Китай былъ Ѳедоръ Байковъ, отправившійся изъ Тобольска въ 1654 году. Прежде, сношенія съ Китаемъ производились, и вѣсти оттуда доходили, черезъ Калмыцкихъ и Монгольскихъ Хановъ. Воевода Петръ Годуновъ составилъ изъ свѣдѣній, собранныхъ имъ въ Тобольскѣ, довольно подробное описаніе Китая, около 1670 года. Сіе любопытное описаніе см. въ *Продолж. Россійской Вивліоѳики*, т. VII, стр. 198.

Казаковъ и торговцевъ Сибирскихъ, и постоянное завладѣніе Сибирью не успѣвало слѣдовать за ними. *Колымскъ*, *Анадырскъ*, *Албазинъ* уже существовали, и имя Царя Русскаго было уже извѣстно Чукчамъ, Камчадаламъ, Японцамъ и Китайцамъ, когда рѣшились наконецъ соединить ближайшею дорогою земли между *Албазиномъ* и *Енисейскомъ*, главнѣйшимъ мѣстомъ управленія восточною Сибирью. Только въ 1660-хъ годахъ, воевода Пашковъ заложилъ городки *Иркутскій*, *Нерчинскій*, *Теленбинскій*; только въ 1711-мъ году въ первый разъ поплыли въ Камчатку изъ Охотска моремъ, до того времени сообщаясь съ Камчаткою через Анадырскъ.

Такова Историческая сѣтка, которою дѣеписатель можетъ означить покореніе Сибири и подвиги нашихъ Пизарровъ, Кортезовъ, Алмагровъ, отвергнувъ ложную мысль, будто у насъ иначе дѣлалось, нежели въ другихъ земляхъ *. Просимъ прощенія у читателей, что имя *Якутска* увлекло насъ въ область Историческихъ воспоминаній отъ настоящаго состоянія сего мѣста, которое изображаетъ въ *Поѣздкѣ* своей г-нъ Щукинъ. Краткій очеркъ нашъ можетъ однакожъ показать, какую обширную и прекрасную картину долженъ имѣть въ виду будущій Историкъ Сибири! Принимаясь за трудъ свой, онъ сообразитъ природу и мѣстность Сибирскую, громадную, разнообразную, и въ предвари-

* Ист. Гос. Росс. V., стр. 359 (2-го изданія).

тельномъ очеркѣ покажетъ намъ Исторію Сибири до XV-го вѣка. Онъ подумаетъ о томъ: когда зашли въ сѣверъ племена древнихъ *Саковъ* или Турковъ (Остяки, Вогуличи, Самоѣды); когда пришелъ на Лену Турецкій народъ *Якутовъ*; когда изъ Америки перешли въ уголъ Сибири *Чукчи*; остановится надъ древними могилами и неизъяснимыми надписями Сибирскими; разберетъ смѣшеніе Азійскихъ аборигеновъ (*Тунгусовъ*) съ Монгольскими племенами (*Бурятами, Калмыками*) и съ Турецкими (*Киргизами, Башкирами*); взглянетъ на *Камчадаловъ*, *Коряковъ*; вспомнитъ и исчезнувшія нынѣ племена Сибирскія; наконецъ изобразитъ основаніе *царства Чингизидовъ* въ Сибири. Тутъ явится движеніе Руских въ сѣверъ Сибири, когда Іоанъ III-й положилъ основаніе самобытности Русскаго царства. Съ другой стороны изобразится картина кочевой Казацкой жизни на югѣ Россіи, вольной удалости Новгородскихъ *ушкуйниковъ* *, и то, какъ торговля и удаль ведутъ въ Сибирь Строгоновыхъ и Ермаковъ, и какъ за ними слѣдуютъ граждан-

* Въ то время, когда на югѣ образовались удалыя *Казацкія* общества, въ Новгородѣ, Устюгѣ, Вяткѣ удаль Русская проявляла себя *ушкуйничествомъ*: такъ назывались вольные походы людей, плававшихъ на сѣверъ и на югъ въ *ушкуяхъ* [особеннаго рода лодкахъ), и грабившихъ и опустошавшихъ Ордынцевъ, сѣверныхъ дикарей, иногда и православныя области, а иногда заходившихъ даже далеко въ Сибирь. Подробности мы объяснимъ въ *Ист. Русск. Народа*, сказавъ здѣсь только, что *ушкуйничество* донынѣ не обратило на себя надлежащаго вниманія Русскихъ историковъ.

ское образованіе Сибири и Христіанская религія. Какая богатая рама для руки опытной, мастерской, для человѣка, видѣвшаго Сибирь, ибо безъ того картина его будетъ мертва! Мы увидимъ въ сей картинѣ отважнаго Хабарова и смѣлаго Толбузина на Амурѣ, Дешнева и Стадухина на Ледовитомъ морѣ, переходы, постепенно испытанные Сибирью, и происшедшее отъ того нынѣшнее ея состояніе. Сколько тутъ красокъ: *Китайцы* осаждаютъ Албазинъ съ тысячами, гдѣ сотнями Рускихъ предводительствуетъ *Англиганинъ* Бейтонъ; *Шведъ*, плѣненный подъ Выборгомъ въ 1706 г., строитъ корабль въ Охотскѣ и плыветъ въ Камчатку; *Рыльскій мѣщанинъ* Шелеховъ отправляется на корабль, не лучше какого нибудь Скиѳскаго, и открываетъ Америку; герой Павлуцкій бьется съ Американскими Чукчами; Остяки, Якуты, Тунгусы, Буряты, Коряки осаждаютъ Русскіе городки и жестоко сражаются за свою независимость; Русскіе караваны идутъ въ Китай; Мунгальскій Алтынъ-Ханъ посылаетъ въ Москву, ударить челомъ Бѣлому Царю, изъ степей, гдѣ нѣкогда стояли побѣдительныя юрты Чингиса; наконецъ Петръ мыслитъ объ исполинскомъ предпріятіи: *покорить Китай*, между тѣмъ, какъ онъ-же посылаетъ Беринга *искать проѣзда между Азіею* и *Америкою* и пути по Ледовитому морю въ Архангельскъ и въ Индію, Бековича добывать золото въ Аму-Дарьѣ, Вильстера покорить Мадагаскаръ *, а самъ идетъ отнять богатые Закавказскіе края у Персіянъ!

* Къ удивленію, до сихъ поръ не обращено ни чьё вниманіе на

Все прошло, все постепенно влилось въ предѣлы политическаго образованія Россіи, которая послѣ Петра увлечена была силою времени и обстоятельствъ въ систему Запада Европы. *Сибирь* сдѣлалась *Россіею*; ее узнали всю. Удальцы кончили свои предпріятія и мирно почили, иной среди волнъ Ледовитаго Океана, другой въ лѣсахъ Америки, третій въ долинахъ Монголіи. Америка перестала привлекать последовавшихъ за тѣмъ чрезъ Сибирь искателей приключеній, подчиненная владѣнію привиллегированной торговой Компаніи; съ Китайцами мирно торгуютъ Русскіе на Кяхтѣ; на становищахъ Кучума спокойно промываютъ теперь золото изъ песковъ; дикари смиренно покорствуютъ владычеству Русскихъ; отъ Петербурга до Нижне-Камчатска постоянно звенитъ почтовой колокольчикъ, и въ Охотскѣ пьютъ Шампанское, привезенное изъ Петербурга черезъ 10,000 верстъ. Такъ и должно быть. Пожелаемъ однакожъ, чтобы прошедшее было для насъ оживлено мастеромъ своего дѣла въ достойной картинѣ, а въ ожиданіи того, взгля-

изслѣдованія объ экспедиціи, которую предполагалъ Петръ Великій, войдя въ сношенія съ славнымъ Флибустіеромъ Вилліамомъ Морганомъ и думая основать *Русскія колоніи на Мадагаскарѣ*. Голиковъ говоритъ объ этомъ въ XIV-мъ томѣ *Дополненій*, подъ 1724 годомъ. Но его извѣстія недостаточны. Мы просили-бы почтеннаго В. Н. Берха, знакомаго подробно съ матеріялами для Исторіи Россійскаго флота, сообщить публикѣ дальнѣйшія и болѣе подробныя свѣдѣнія о предпріятіи, которое весьма сильно занимало Петра Великаго. Никто лучше г-на Берха не можетъ удовлетворить въ семъ отношеніи справедливаго любопытства соотечественниковъ.

немъ на *нынѣшній Якутскъ*, какъ онъ есть, послушаемъ, что скажетъ намъ объ Якутской сторонѣ почтенный нашъ путешественникъ, и дозволимъ себѣ повѣрить нѣкоторыя изъ его извѣстій другими свѣдѣніями, и тѣмъ, что мы сами знаемъ объ Якутскѣ и сторонѣ Якутской.

Г-нъ Щ. былъ въ Якутскѣ лѣтомъ 1830 года, и провелъ тамъ зиму. Онъ описываетъ цѣлый годовой кругъ быта Якутскаго, въ 36-ти небольшихъ письмахъ. Содержаніе сихъ писемъ разнообразно. Если они въ самомъ дѣлѣ были писаны на мѣстахъ путешествія, то напрасно потомъ Авторъ не придалъ имъ болѣе стройности и порядка, напрасно многаго онъ не дополнилъ, оставивъ на замѣткахъ своихъ слѣды легкости впечатлѣній первыхъ, которыя въ послѣдствіи могли быть изглажены наблюденіемъ болѣе прилежнымъ и болѣе основательнымъ.

Нынѣшній путь отъ Иркутска до Якутска довольно извѣстенъ. Читатели могутъ видѣть топографію его въ путешествіи Сарычева, и особенно въ путешествіи Хвостова и Давыдова *. Недавно въ Повѣстяхъ и Разсказахъ Марлинскаго мы прочитали живописный очеркъ дороги изъ Якутска въ Иркутскъ, яркій, блестящій, неподражаемый очеркъ! Не выписываемъ здѣсь

* *Двукратное путешествіе въ Америку* Хвостова и Давыдова, изд. А. С. Шишковымъ (СПб. 1810 — 1812 гг., 2 ч.).

изъ него ни одной черты, ибо читатели Телеграфа видѣли его вполнѣ *.

Какъ за Тобольскомъ къ Березову, мы замѣтили прекращеніе полнаго общественнаго образованія не въ дальнемъ разстояніи отъ сей Сибирской столицы, такъ, собственно говоря, оно прекращается при верховьяхъ Лены недалеко отъ Иркутска. Здѣсь, гдѣ хребетъ горъ Байкальскихъ, обогнувшись на западъ, поворачиваетъ на сѣверо-востокъ, можете провесть прямую черту на сѣверъ, къ западному краю Якутской области, и по рѣкѣ Анаваръ до Ледовитаго моря: вы означите сею чертою *собственно-Якутскую область*, прибавивъ къ ней не большую восточную часть Иркутской губерніи.

Путь въ ту сторону, на разстояніи 275-ти верстъ отъ Иркутска, обыкновенный, большею частію идетъ чрезъ Бурятскія селенія. Въ *Качугъ* пристань: здѣсь рѣка Лена, шириною уже съ Волгу подъ Тверью, ждетъ васъ; это нынѣшній единственный путь далѣе на востокъ отъ Иркутска. Лѣтомъ, вы плывете по Ленѣ до Якутска; зимою ѣдете по льду ея, подымаясь для перемѣны лошадей къ селеніямъ, разсѣяннымъ по лѣвому берегу Лены, и опять спускаясь на ледъ сей рѣки.

По сей водяной полосѣ, на разстояніи 2500 верстъ, вся населенность тѣснится по лѣвому берегу рѣки;

---

*Письмо къ Доктору Эрдману (*Телеграфъ*, 1831 г. книжка 17-я).

кутъ находятся и города, *Киренскъ*, *Олекминскъ*, и—между ними упраздненный городъ *Витимъ*. Вся правая сторона отъ рѣки Лены до Яблоннаго Хребта къ югу, и къ юго-востоку до Охотской дороги — пустыня, которую можно назвать *Тунгусіею*: здѣсь только около Якутска живетъ немного Якутовъ, но собственно по ней разсѣяны, и кочуютъ Тунгусы, простираясь на юго-западъ за Байкалъ, и сближаясь тамъ съ Монгольскими поколѣніями, Бурятами. Смотря на сію пустыню, путешественникъ, плывущій по Ленѣ, видитъ только уединенныя жилища Якутовъ и мѣлкія кочевья Тунгусовъ. Три вѣковѣчные обитателя сей пустыни привѣтствуютъ еще его шумомъ волнъ своихъ: это три рѣки— *Киренга*, *Витимъ*, *Олекма*; двѣ послѣднія, и третья *Алданъ*, текутъ почти параллельно съ юга на сѣверъ, и впадаютъ въ Лену — Витимъ и Олекма при городахъ, по ихъ именамъ названныхъ, Алданъ ниже Якутска, изогнувшись къ сѣверо-востоку, и потомъ круто повернувъ на западъ. Это суть три пути, по которымъ наши удальцы нѣкогда хаживали на Амуръ.

Лена (по Якутски *Орюсъ*, т. е. рѣка, или *Эббе* — бабушка) есть величайшая изъ Сибирскихъ рѣкъ, хотя несправедливо похитила это право у Витима. Здѣсь можно сдѣлать любопытное замѣчаніе: у насъ на Руси есть *три* примѣра такихъ географическихъ похищеній: *Волга*, *Енисей*, *Лена*. Во всѣхъ географіяхъ вы читаете, что *Ока* впадаетъ въ *Волгу*, *Ангара* въ Енисей, *Витимъ* въ Лену, когда повѣрка на мѣстахъ доказываетъ противное, и надобно-бы говорить, что *Волга*

впадаетъ въ Оку, *Енисей* въ Ангару и *Лена* въ Витимъ. Отъ чего такое недоразуменіе? Отъ того, что Руссы, простираясь съ севера къ юго-востоку, шли по Волгѣ, не замѣтили Оки, и продолжили имя *Волги* по сліяніи ея съ Окою. Тоже было съ Ангарой. Русскіе шли по Енисею, и долго потомъ не знали, что бѣдная *Тунгуска*, впадающая съ правой стороны, есть громадная *Іоандези*, или *Ангара*. Съ Леною была таже исторія. Руские узнали Витимъ, когда далеко впереди они называли уже теченіе его Леною. Ни одной изъ этихъ рѣкъ такъ не жаль, какъ *Ангары*. Если-бы предки наши не сдѣлали географической ошибки, и правильно назвали Ангарою рѣку, *вытекающую изъ Байкала, поглощующую въ себя Енисей, и впадающую потомъ въ Ледовитое море*, то честь имѣть въ предѣлахъ своихъ *самую величайшую рѣку въ мірѣ* принадлежала-бы Россіи. Теперь этой чести мы лишаемся несправедливо, и должны уступать ее Африкѣ и Америкѣ. Но чѣмъ пособить? Какъ прикажите передѣлать Исторію и Географію, гдѣ *Енисей* торжественно течетъ въ Океанъ, а исполинская *Ангара* смиренно уступаетъ ему свое имя?

Г-нъ Щ. невыгодно изображаетъ все Русское населеніе къ Ленѣ отъ Иркутска и по самой Ленѣ. Жители сихъ мѣстъ бѣдны, невѣжественны, склонны къ пьянству и ябедѣ. Приходскія училища были открыты по всѣмъ волостямъ Иркутскаго и Киренскаго уѣздовъ, когда П. А. Словцовъ находился Директоромъ Иркутской Гимназіи. Но послѣ него подумали, что со-

держаніе сихъ Училищъ тягостно, и «легко можетъ статься, что крестьяне, выучившись читать и писать, сдѣлаются ябедниками» (слова г-на Щ., стр. 21). Въ слѣдствіе сего Училища были закрыты. Но теперь, по Высочайшему повелѣнію, велѣно вновь открыть ихъ. Приленскіе звѣриные промыслы становятся годъ отъ году хуже; звѣри постепенно удаляются въ глубь лѣсовъ и пустынь; крестьянскія занятія у жителей ничтожны *. Городъ *Киренскъ* не что иное, какъ бѣдное селеніе, гдѣ менѣе 100 домовъ и двѣ церкви. Даже горшки возятъ сюда изъ Иркутска; здѣсь нѣтъ даже мяснаго ряда, и жители запасаются провизіею на цѣлый годъ отъ торговцевъ, которые весною плывутъ въ Якутскъ цѣлыми караванами и на пути останавливаются подлѣ Киренска.—Селеніе *Витимъ* замѣчательно тѣмъ, что въ немъ средоточіе добыванія слюды. Нѣкогда слюда составляла важный предметъ здѣшней торговли. Сибиряки не знали употребленія для окошекъ

* Климатъ не благопріятствуетъ земледѣлію, однакожь оно можетъ быть и на *Ленѣ*; только безпечность жителей совершенно лишаетъ ихъ выгодъ земледѣлія и особенно скотоводства. Бывало много примѣровъ, что трудолюбивый, дѣятельный крестьянинъ, поселясь на *Ленѣ*, дѣлался зажиточнымъ и даже богатымъ семьяниномъ. Такъ и г-нъ Щ. Стр. 60) упоминаетъ о почетномъ крестьянинѣ *Леонтіи Яныгинѣ*, который, 45-ть лѣтъ тому, былъ поселенъ близъ нынѣшней Харатикской станціи. Неутомимымъ прилежаніемъ достигъ онъ до того, что разжился, и даже обогатился, и теперь, будучи родоначальникомъ цѣлаго селенія, *блаженствуетъ*, по словамъ г-на Щ., будучи уваженъ за свое примѣрное поведеніе, и живя не только достаточно, но даже роскошно.

стекла и предпочитали ему слюду. Въ прежнія времена даже щеголяли въ Сибири большими слюдяными окнами, искусно набранными изъ кусочковъ слюды. Теперь она главнѣйше употребляется только для оконницъ на флотскіе корабли, но въ Сибири выходитъ изъ общаго употребленія. Между Точильною и Березовскою станціями, Русское остроуміе дало названіе *Гусельной горы* двумъ горамъ, у которыхъ въ береговомъ изломѣ обозначились пласты разноцвѣтнаго песчаника, правильными полосами; эти полосы назвали *струнами*, а всю гору *гуслями*. Городъ *Олекминскъ* состоитъ изъ 60 домовъ и юртъ. — Г-нъ Щ. съ восторгомъ описываетъ послѣ сего, такъ называемые, *Ленскіе столбы*. Противъ Синей станціи, гдѣ Лена въ ширину около пяти верстъ, на протяженіи 2-хъ верстъ берега, находятся сіи *столбы*; потомъ прерываются они лѣсомъ, и идутъ опять верстъ на 15-ть. Это собственно уклонъ прибрежной горы къ рѣкѣ, составленный изъ огромныхъ обломковъ, крѣпкаго, какъ мраморъ, известковаго сланца, сѣраго, краснаго, желтаго, бѣлаго цвѣтовъ. Сіи обломки отъ вершины прибрежныхъ горъ, идутъ въ нѣсколько рядовъ до самой рѣки, пробиваются потоками, отѣняются лѣсомъ, и составляютъ собою такія своевольныя, прихотливыя изображенія, что изумляютъ путешественника, какъ громадностью, такъ и разнообразіемъ самыхъ странныхъ фигуръ, башенъ, замковъ, колоннъ, крѣпостей, оцвѣчиваясь притомъ чудною мозаикою цвѣтовъ и оттѣнковъ, какая видна въ сихъ громадахъ. Въ пустыняхъ отдаленной Сибири, такому дивному явленію природы изумляется только нерѣдка

являющійся, наблюдательный странникъ; воображеніе жителей не соединяетъ съ нимъ ни какой волшебной сказки. Люди, занятые хлопотами жизни, ѣдутъ и плывутъ мимо съ стоическимъ равнодушіемъ.

Якутскъ (62° 1′ 50″ ш. и 147° 23′ 45″ д., отъ СПбурга 8,807, отъ Иркутска 2,648 верстъ) построенъ на долинѣ при рѣкѣ Ленѣ, теченіе которой отошло теперь отъ города версты на двѣ, такъ, что находясь на берегу громадной рѣки, жители Якутска чрезвычайно нуждаются въ водѣ, и употребляютъ большею частію ледяную воду изъ зимняго запаса льду. Въ Якутскѣ считаютъ до 300 домовъ. Г-нъ Щ. полагаетъ число жителей до 1811 человѣкъ, но по извѣстіямъ г-на Миницкаго (*Журн. М. В. Д.* т. III, стр. 155) ихъ 2626, именно: 1560 м. и 1066 женскаго пола (не постигаемъ, отъ чего такая разница въ счисленіи г-на М. и г-на Щ.). Семь церквей, богато украшенныхъ, и одна правильно обстроенная улица, придаютъ Якутску видъ значительнаго города, послѣ пустынь и бѣдныхъ селеній, какія путешественникъ видѣлъ по берегамъ Лены. Старинная деревянная крѣпость Якутская почти разрушена. Ея не поддерживали, не поправляли, а конечное разрушеніе нанесъ ей какой-то городничій, употребившій часть бревенъ ея на заборъ; еще болѣе погубила ее мысль — построить въ Якутскѣ *клубъ*, для котораго не пожалѣли единственной достопамятности города (г-нъ Щ. стр. 130). Г-нъ Щ. грустилъ надъ развалинами сей достопамятности, которой нынѣ минуло 200 лѣтъ. Описывая подробно остатки ея, онъ сообщаетъ намъ также не менѣе

грустное известіе о драгоцѣнномъ Якутскомъ архивѣ. Этотъ архивъ догниваетъ теперь, безъ всякаго призрѣнія, въ ветхомъ анбарѣ. Множество рукописей изъ него растаскано, и свертками изъ архива во многихъ домахъ заклеены окошки: въ какой-то юртѣ г-нъ Щ. списалъ съ окошка драгоцѣнное донесеніе Якутскому воеводѣ объ открытіи Охотскаго моря (г-нъ Щ. стр. 138). Къ счастію, трудолюбивый Миллеръ, сопровождая Беринга во второй его экспедиціи, успѣлъ разобрать Якутскій архивъ, и какъ изъ Чердынскихъ и Соликамскихъ, такъ и изъ Якутскихъ бумагъ извлекъ свои многочисленныя извѣстія, драгоцѣнныя не только для Исторіи Сибири, но даже и Россіи *. Нынѣшніе остатки Якутскаго архива занимали г-на Щ., и ихъ еще сохранилось такъ много, что въ теченіе двухъ мѣсяцевъ г-нъ Щ. не успѣлъ перебрать ихъ половины; одно слѣдственное дѣло о первомъ Якутскомъ воеводѣ Головинѣ, смѣненномъ въ 1645 году, составляетъ собою свертокъ около аршина въ діаметрѣ. Впрочемъ, можемъ-ли мы упрекать въ небреженіи Якутскихъ ар-

---

* Многое осталось-бы для насъ неизвѣстнымъ, напримѣръ, въ Исторіи Междоцарствія и Самозванцевъ, безъ матеріяловъ, извлеченныхъ Миллеромъ изъ Сибирскихъ архивовъ. Не говоримъ уже о драгоцѣнныхъ свѣдѣніяхъ, касательно исторіи самой Сибири, послѣ Миллера не обращавшей на себя почти ни чьего вниманія. Его-же извѣстія перевирали и выдавали за *новость* люди, печатавшіе подъ своими именами въ новѣйшее время свѣдѣнія историческія о Сибири и не только такъ дѣлали Русскіе писатели, но даже иностранцы (на примѣръ, извѣстный Клапротъ).

ꙗеографовъ, зная состояніе многихъ драгоцѣнныхъ архивовъ... въ Римѣ и Парижѣ?

Г-нъ Ш. подробно изображаетъ климатъ Якутскій: онъ вообще одинаковъ съ климатомъ другихъ сѣверныхъ мѣстъ Сибири. Лѣтомъ жары, доходящіе до 28° въ тѣни и 45° на солнцѣ. Въ $10\frac{1}{2}$ часовъ вечера, солнце закатывается за горизонтъ, красное, какъ рубинъ, втрое болѣе обыкновенной величины своей; роса падаетъ на землю; жаръ спадаетъ на 12°, а къ восхожденію солнца на 8°.—Это время дѣятельности жителей, которые днемъ прячутся въ домы свои отъ жара; въ часъ по полуночи природа засыпаетъ; пѣніе птичекъ умолкло; свѣтло бываетъ во всю ночь, какъ въ лѣтній пасмурный день, и въ 2 часа ночи солнце, бѣлымъ огромнымъ шаромъ восходитъ снова на небосклонъ, почти на сѣверѣ. При такихъ жарахъ лѣтомъ земля не оттаиваетъ однакожь болѣе $1\frac{1}{2}$ аршина, но сила произрастанія въ то время бываетъ ужасающая. Съ первыхъ чиселъ Августа наступаетъ осень; вода мерзнетъ; въ первыхъ Октября уже наступаютъ 15-ти градусные морозы; съ половины Сентября все бываетъ покрыто снѣгомъ. Въ юртахъ и бѣдныхъ домахъ куски льду замѣняютъ тогда окошки, и морозы въ Декабрѣ доходятъ до 40 градусовъ, обыкновенно, но бываютъ въ 46, и даже болѣе 50 градусовъ! Ртуть замерзаетъ зимою на воздухѣ; солнце едва явится на небѣ, и уже, тусклое, блѣдное, скрывается за небосклонъ. Глубокая продолжительная ночь тяготѣетъ тогда надъ Якутскомъ, Дыханіе человѣческое видимо мерзнетъ на воздухѣ,

журча, какъ сухая трава, раздираемая руками. Все тихо, душно; отъ густоты застывшаго воздуха, какъ будто въ туманѣ, вы ничего не видите въ трехъ саженяхъ. Но сѣверныя сіянія горятъ въ то время великолѣпными фейерверками, необъятными пожарами. Постепенно потомъ холодъ уменьшается, снѣгъ исчезаетъ. Въ началѣ Мая, съ верховья Лены плывутъ уже *павозки* и *барки*, неся на себѣ годовое продовольствіе Якутской области и роскошь Запада. Тогда въ Якутскѣ открывается ярмарка. Покупаютъ, что привезли изъ Иркутска, продаютъ, что добыли, скупили у Якутовъ и Тунгусовъ; тутъ собираются торговые караваны въ Охотскъ; тогда отправляются туда и казенные транспорты, ибо всѣ берега Охотскаго моря и Камчатка существуютъ только тѣмъ, что доставляется туда изъ Якутска и Иркутска. Привезенное остается въ Якутскѣ до слѣдующаго года, и въ Апрѣлѣ отправляется по льду до Алдана, ибо иначе должно топуть въ болотахъ до сей рѣки. Вообще путешествіе и перевозка тягостей въ Охотскъ, простираясь на 1114 верстъ, представляютъ собою нѣчто похожее на странствованія пустынныхъ карагановъ, какіе до нынѣ ходятъ въ Азіи и въ Африкѣ. Тележной дороги нѣтъ. Черезъ рѣки и горы ѣдутъ верхомъ на лошадяхъ, и везутъ во вьюкахъ все, что слѣдуетъ въ Охотскъ: казенныя вещи, купеческіе товары, запасы для селеній Россійско-Американской Компаніи. Въ Охотскѣ ожидаютъ сего привоза транспортныя суда, и плывутъ потомъ въ Ижигинскъ, Камчатку и Америку. *Вьюкомъ* по Охотской дорогѣ называютъ двѣ коженныя сумы, перекинутыя на спинѣ лошади,

такъ, что каждая лошадь везетъ слишкомъ пять пудовъ. Въ такихъ сумахъ все перевозится въ Охотскъ — мука и водка, сукно и ленты. При каждыхъ 12-ти лошадяхъ бываетъ *проводникъ* Якутъ; 100 и 150 лошадей называютъ *конвоемъ*. Ежегодно по Охотской дорогѣ употребляется для перевоза тягостей отъ 7-ми до 12,000 лошадей. Купцы, ѣдущіе въ Охотскъ, уподобляясь древнимъ странникамъ Аравіи, кочуютъ впередъ и обратно подъ открытымъ небомъ, везя съ собою всѣ дорожные запасы, и палатки, въ которыхъ останавливаются ночевать, пуская лошадей искать подножнаго корма. Въ другое время года, въ Охотскъ ходитъ только почта, разъ въ мѣсяцъ, зимою слѣдуя до Алдана въ обыкновенныхъ повозкахъ; потомъ 120 верстъ верхомъ на лошадяхъ, 260 верстъ верхомъ на оленяхъ, и 160 верстъ въ нартахъ на собакахъ.

Такъ-же, какъ для Охотска и Камчатки, Якутскъ есть средоточіе сношеній казенныхъ и торговыхъ съ другими мѣстами Восточной Сибири, кои суть *Жиганскъ*, *Зашиверскъ*, *Средне-Колымскъ* (гдѣ бываетъ въ Февралѣ мѣсяцѣ торговля съ Чукчами). Сношенія съ сими мѣстами производятся обыкновенно зимою. Здѣсь, въ безмѣрныхъ снѣговыхъ пустыняхъ, путешественникъ останавливается ночевать въ снѣгу, разгребая себѣ яму, разводя въ ней огонь, и закапывая платье свое въ снѣгъ, пока огонь отогрѣваетъ его самого, ибо иначе платье замерзнетъ и скоробится, разогрѣтое отъ огня.

Мы должны-бъ были написать не журнальную статью, но цѣлую книгу, если-бы рѣшились представить читателямъ наши замѣчанія обо всемъ томъ, къ чему даетъ поводъ поговорить сочиненіе г-на Щ., принимая притомъ для соображеній описанія другихъ путешественниковъ и самовидцевъ. Мы могли-бы представить читателямъ нашимъ вообще картину безмѣрной дикой пустыни Восточной, составляющей *Якутскую Область*, гдѣ на *сто тысячахъ* квадратныхъ верстъ пространства обитаетъ всего жителей мужескаго пола съ небольшимъ *семдесятъ* тысячь. Въ семъ числѣ, въ Якутскомъ уѣздѣ собственно полагается болѣе 50,000, (Якутовъ болѣе 47,000, Тунгусовъ болѣе 2,700, остальное Русскіе; пространство уѣзда составляетъ до 20 т. кв. верстъ). И такъ на остальныя 80 т. кв. верстъ остается жителей *тысячь двадцать*! Разсыпьте-же ихъ по такому страшному пространству; соедините ихъ около рѣкъ, въ мѣлкихъ селеніяхъ*; проложите между ними дикія пустыни, которыя, начиная съ 70°, далѣе къ сѣверу, вовсе безлѣсны, тундренны; протяните по этому пространству *рѣку Бабушку* (какъ называютъ Якуты Лену) и другія громады водныя: *Анабару*, *Оле-*

---

* По извѣстіямъ г-на Миницкаго (Ж. М. В. Д. т. III, стр. 156), число селеній въ Якутской области простирается до 260, въ коихъ вообще дворовъ считается до 1½ тысячь. Но только въ *одномъ* селеніи находится болѣе 50-ти дворовъ, и только 52 селенія, въ коихъ находится *отъ десяти до пятидесяти* дворовъ; остальныя 200 селеній заключаютъ въ себѣ каждое *менѣе десяти* дворовъ.

неть, *Яну*, *Индигирку*, *Колыму*, все прямо и параллельно къ сѣверу; присовокупивъ съ юга обширную Тунгусію, лѣсную, дикую, съ *Алданомъ*, *Олекмою*, *Витимомъ*, ограничьте все это съ сѣвера безмѣрнымъ, Ледовитымъ, подполюснымъ Океаномъ. Углубляясь въ оледенѣлую, только на поверхности оттаивающую почву сихъ пустынь, помыслите и о *допотопныхъ* животныхъ, и подземныхъ лѣсахъ, заключенныхъ въ глубинѣ земли у самаго сѣвернаго края сей дикой, мертвой страны. Четыреста верстъ далѣе отъ Якутска къ сѣверу, солнце *лѣтомъ* не заходитъ уже за небосклонъ; за то *зимою* два мѣсяца продолжается въ сихъ мѣстахъ глубокая ночь, прерываемая только сѣверными сіяніями. Стада дикихъ оленей, иногда до 10,000 въ одномъ стадѣ, свободно ходятъ здѣсь по сѣвернымъ тундрамъ береговъ Ледовитаго моря, и населеніе лѣсовъ, кромѣ звѣрей, составляютъ только отважные звѣроловы, не дающіе покоя ни рѣзвой бѣлкѣ, ни свирѣпому медвѣдю, не страшащіеся переходовъ на сотни, тысячи верстъ, ни удушливыхъ морозовъ, ни безлюдныхъ пустынь сѣверныхъ. Какая природа, какая картина!..

И въ сіи пустыни проникъ *человѣкъ*: и сюда зашли толпы дикарей изъ Америки и средины Азіи; сюда прошелъ за ними Русскій, влекомый корыстью, и покорилъ туземцевъ, которые для него сражаются съ дикими звѣрями, и для роскоши Запада истребляютъ обитателей сѣверныхъ лѣсовъ и тундръ, звѣрей, награжденныхъ отъ природы драгоцѣнными шкурами. И здѣсь человѣкъ умѣлъ ужиться съ ужасающею природою, не страшиться 50° мороза, ѣздить по безконечнымъ

снѣгамъ, плавать по безмѣрнымъ рѣкамъ, и изъ своихъ маленькихъ жилищъ, распространить обладаніе на пространства, приводящія въ изумленіе обширностью!

Народонаселеніе Якутской области, кромѣ небольшаго числа Русскихъ, вообще составляютъ только два народа собственно, *Якуты* и *Тунгусы*.

Тунгусы обитаютъ по теченію Нижней, Подкаменной и Верхней Тунгуски (въ Енисейской губерніи), далѣе въ Якутской области къ юго-западу, по Ленѣ, Байкалу, и отъ него къ Удскому острогу. Якуты вообще живутъ по Ленѣ, далѣе Олекминска. Они *обольнули*, такъ сказать, теченіе Лены, и потомъ въ сѣверѣ протянулись на западъ, по низовью Анабары къ Самоѣдамъ и къ востоку до Колымы къ Чукчамъ, гдѣ *Юкагиры* и *Ламуты* (на югъ къ Охотскому морю) суть смѣшенія Якутовъ съ Тунгусами.

Мы полагаемъ, основываясь на историческихъ и лингвистическихъ выводахъ, что Тунгусы суть абориrены сѣвера Азійскаго, какъ Финны суть оборигены сѣвера Европейскаго. По всему видно, что нѣкогда они занимали весь сѣверъ Азіи, но были стѣснены пришельцами, Турецкими и Монгольскими племенами. Нынѣ ихъ вообще въ Сибири считаютъ не болѣе 16,000 душъ муж. пола, положенныхъ въ ясакъ. Впрочемъ, будучи разсѣяны во глубинѣ пустынь, и подобно Самоѣдамъ, не собираясь въ селенія, кочуя болѣе отдѣльными юртами и не выходя къ Русскимъ, многіе Тунгусы избѣгаютъ ясака; нѣкоторые-же изъ нихъ живутъ на землѣ Китайской. Но все число ихъ должно быть не велико, и смотря на мирный бытъ Тунгусовъ,

вообразить невозможно, что *нѣкогда* они сильно сопротивлялись Рускимъ, и составляли собою сильныя орды. Въ Якутской области считается Тунгусовъ, по извѣстіямъ г-на Щ., до 5,000 душь м. п. — Въ Прилѣнскую пустыню, названную нами *Тунгусіею,* ежегодно ѣздитъ изъ Олекминска чиновникъ, верстъ за 1000, на рѣчку *Жугжу,* гдѣ сбираются Тунгусы, отдаютъ ясакъ и торгуютъ съ Рускими; другіе роды ихъ выходятъ такимъ-же образомъ къ Рускимъ въ условное время, въ крѣпостцу Горбицу, въ Удской острогъ, въ мѣста по рѣкѣ Маѣ, и т. д. — Остальное время года Тунгусы бродятъ съ своими оленями по дикимъ лѣсамъ, бьютъ и ловятъ звѣрей, и чрезвычайно довольны своимъ философическимъ уединеніемъ, по крайней мѣрѣ, не стараются перенять нравовъ и образа жизни Рускихъ. Они вообще тихи, кротки, средняго роста, черноволосы; нѣкоторые изъ нихъ крещены, но большая часть слѣдуетъ Шаманской вѣрѣ. Г-нъ Щ, видѣлъ Тунгусовъ на Лѣнѣ, противъ станціи Санаяхтахъ, и занимательно описываетъ свиданіе съ ними (стр. 82).

Якуты суть позднѣйшіе пришельцы на востокъ Сибири. Они Турецкій народъ, втѣснившійся между Тунгусами. Въ преданіяхъ Якутовъ сохранились до нынѣ вѣсти объ ихъ переселеніи (см. г-на Щ. стр. 193, и Миллера *Сиб. Исторіи*, т. 1. стр. 28). Якуты называютъ себя *Соха,* или *Саха* — имя Турковъ, извѣстное намъ по Иродоту; они говорятъ Турецкимъ, или, какъ мы несправедливо называемъ, *Татарскимъ* языкомъ. Названіе *Якутъ,* Рускіе переняли отъ Тунгусовъ. Якуты нынѣ всѣ крещены, покорны Рускимъ, управля-

ются мѣлкими князьками своими, живутъ маленькими селеніями, рѣдко отдѣльно; зимою обитаютъ въ рубленыхъ *юртахъ*, лѣтомъ въ берестяныхъ шалашахъ, или *урасахъ*. Они всего болѣе находятся около Якутска (какъ уже мы говорили выше), и тутъ отправляютъ почтовую гоньбу, возятъ тягости въ Охотскъ и другія мѣста, нанимаются въ работники къ Рускимъ, какъ Буряты, живущіе около Иркутска. Якуты вообще хитры, лукавы, пронырливы; роста небольшаго, но гораздо стройнѣе Тунгусовъ, носящихъ на себѣ, подобно Чухнамъ, отпечатокъ дикой первобытности человѣка. Не смотря на крещеніе, Якуты не оставляютъ шаманства. Шаманы до нынѣ почитаются у нихъ лекарями и предвѣщателями. Якуты прилежно занимаются скотоводствомъ *, и особенно звѣроловствомъ. Предѣлы статьи нашей не дозволяютъ намъ распространится здѣсь выпискою прибавленій, кафія Географія и Статистика могутъ получить изъ книги г-на Щ., касательно Якутовъ.

Г-нъ Щ. приложилъ къ книгѣ своей таблицы звѣриныхъ промысловъ по Якутской области, съ 1825-го до 1831 года. Изъ сихъ таблицъ видно, что сборъ звѣрей въ Якутскѣ ежегодно уменьшается: соболей вывезено было оттуда, въ 1825 году 18,600, въ 1826 году 15,500, въ 1827 г. 12,400, въ 1828 г. 10,500, въ 1829 г. 7,520, въ 1830 г. 6,000. Число лисицъ уменьшилось въ сіи годы отъ 14,250 до 7,485, бѣлокъ отъ 455,000

* По извѣстіямъ г-на Миницкаго [Ж. М. В. Д. т. III, стр. 158], количество рогатаго скота въ Якутскомъ уѣздѣ можно положить до 125,000 штукъ, и лошадей болѣе 100,000, да оленей у Тунгусовъ и Якутовъ до 3,000.

до 332,500, горностаевъ отъ 25,000 до 18,500, песцовъ отъ 18,850 до 9,000, струи кабарожьей отъ 15,000 штукъ до 8,000, кости мамонтовой отъ 1950 пудъ до 1520 пудъ. Хотя нѣтъ сомнѣнія, что число звѣрей должно вообще постепенно убавляться въ Сибири, но столь быстраго погоднаго умаленія нельзя приписать сему обстоятельству. Здѣсь дѣло совсѣмъ другое: мануфактурные товары вытѣсняютъ нынѣ годъ отъ году пушной товаръ изъ торга съ Китайцами, а послѣдняя война Турецкая прекратила требованіе соболей и другаго звѣря въ Турцію, куда прежде сбывали пушнаго товара большое количество. Наконецъ, непомѣрное употребленіе зимняго платья на ватѣ, и вообще бумажныхъ издѣлій, распространившееся въ Россіи въ послѣднее время, нанесло жестокій ударъ звѣринымъ промысламъ Сибирскимъ. Купцу не для чего покупать звѣриной шкуры, если она не требуется въ Россіи, или въ Кяхтѣ. Впрочемъ, Сибирская торговля, многосложная и оригинальная, требуетъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія, для понятія оной вполнѣ.

Отсылаемъ читателей къ самой книгѣ г-на Щ. для узнанія множества подробностей, которыхъ мы не выписываемъ. Читатели не потеряютъ времени, даже слушая разсказы г-на Щ. о проказахъ медвѣдей (стр. 65), соображая справедливыя мысли его о правахъ Россіи на Амуръ (стр. 79), плывя съ нимъ по Лене, и наблюдая замерзаніе ртути и великолѣпіе сѣверныхъ сіяній въ Якутскѣ (стр. 182). Заключимъ общимъ взглядомъ на книгу г-на Щ.

Кромѣ библіографическихъ дѣленій, не надобно-ли еще дѣлать вообще всѣ путешествія на веселыя и уны-

лыя, или, лучше сказать, *ласковыя* и *сердитыя*? Мы говоримъ, разумѣется, для шутки; но не назовете-ли и не шутя описаній одного путешественника веселыми, а другаго сердитыми? Одному все нравится, другому напротивъ; одному всѣ люди, встрѣченные имъ въ путешествіи, кажутся добрыми, другому напротивъ. Это происходитъ отъ взгляда путешественниковъ, отъ обстоятельствъ, въ которыхъ тотъ или другой изъ нихъ находился, и нѣтъ сомнѣнія, что тотъ и другой странствователь равно ошибаются. Такъ островитянъ Южнаго моря, одни изображали намъ красавцами, счастливцами, добрыми дѣтьми природы; другіе описывали ихъ дикими, гадкими, уродами, злыми, безнравственными, глупыми варварами. Въ поѣздкѣ г-на Щ. вообще замѣтенъ *мрачный* взглядъ на все видѣнное имъ. Немилостиво говоритъ онъ вообще объ Якутахъ, и особенно о Ленскихъ приказныхъ, которые по его словамъ, весьма любятъ хватать *синицъ* и *снигирей* (стр. 44). Мы и не споримъ объ этомъ, но, да позволитъ намъ г-нъ Щ. заступиться за жителей *Якутска*; и *вообще за Якутскъ*, ибо онъ вовсе несправедливъ въ своихъ общихъ замѣчаніяхъ о нравственности его обитателей.

Бѣда не велика, если г-нъ Щ. жестоко нападаетъ (стр. 33 и 164) на *провинціализмы* Якутскаго нарѣчія. Въ Якутскѣ называютъ капусту *щами*, муку *провьяномъ*, кабакъ *прошкою*; говорятъ: *пять шабонъ*, *запотпать огонь*. Впрочемъ, право, это не стоило насмѣшки, ибо, во первыхъ, что это большею частію суть древніе идіотизмы, занесенные въ Сибирь изъ сѣвера Россіи, а во вторыхъ, Сибирякъ, употребляя гласную *О*,

вмѣсто *А* (*говорилъ*, вмѣсто: *гаварилъ*, *офца*, вмѣсто: *афца*) или принявъ слова: *шаберъ*, *турсукъ*, *туезъ*, *лонись*, *унты*, *гебакъ*, *ушканъ*, *яманъ*, чѣмъ грѣшнѣе Великороссіянъ, гораздо немилосердѣе ломающихъ Русскій языкъ? Гдѣ, кромѣ образованнаго общества, говорятъ у насъ *гистымъ Русскимъ языкомъ*? Въ самой Москвѣ не встрѣтите-ли вы людей, употребляющихъ свои провинціялизмы и идіотизмы *? Сибиряки еще гораздо правѣе Великороссіянъ въ семъ случаѣ, ибо ихъ сѣвернымъ нарѣчіемъ говоритъ въ Россіи гораздо большее число народа, нежели *Южнымъ*, *Московскимъ* и *Бѣлорусскимъ* нарѣчіями.

Г-ну Щ. (стр. 135) странно кажется, что никто въ Якутскѣ не помнитъ Войнаровскаго или Миллера. Но, Боже мой! много-ли преданій осталось въ самой Москвѣ о важныхъ событіяхъ, гораздо болѣе близкихъ, напримѣръ: о пріѣздѣ въ Москву Іосифа II-го, казни Пугачева, Московской чумѣ?

Г-нъ Щ. (стр. 121) немилосердо насмѣхается надъ хоромъ пѣвчихъ Якутскихъ. Но правильное, хорошее пѣніе вообще часто-ли можетъ понѣжить слухъ его въ Москвѣ — даже въ Петербургѣ, даже на сценѣ Петер-

---

* На примѣръ, между людьми довольно образованными, услышите въ Москвѣ употребленіе звуковъ *И* и *Я*, вмѣсто *Е* [*иму*, *яму*, *пищаный*, *пящаный*, вмѣсто; *ему*, *пещаный*): или сокращеніе звука *Э* въ короткое *И*: *пойтому*, вмѣсто: *по этому*, наконецъ употребленіе буквъ *М* вмѣсто *В*, *У*, вмѣсто *В*, и обратно (*взямши*, *узнялъ*, *вшолъ*, вмѣсто *взявши*, *взялъ ушолъ*), и проч. — Въ Петербургѣ вообще нарѣчіе весьма дурно.

вурскаго театра? За чѣмъ-же, напротивъ, не упомянулъ онъ о большомъ мастерствѣ Сибиряковъ пѣть народныя пѣсни и охотѣ ихъ къ простому пѣнію? Между простонародіемъ Сибири и теперь еще услышите старинныя пѣсни, уже давно исчезнувшія въ Россіи.

Забавно, что г-нъ Щ. ожидалъ большихъ успѣховъ ученія въ Якутскихъ Училищахъ (стр. 169), забывъ удаленіе края, недостатокъ средствъ, и не соображая состоянія тамошнихъ Училищъ съ ближайшими къ центру просвѣщенія! Но мы хотимъ поговорить о важнѣйшемъ. Мы рѣшительно несогласны съ г-мъ Щ. въ его изображеніи *нравственности жителей Якутска вообще*. Пусть-бы еще г-нъ Щ. подсмѣивался надъ скукою Якутскихъ собраній, надъ тѣмъ уваженіемъ, какое оказываютъ тамъ богатымъ людямъ, надъ тѣмъ, что тамъ пьютъ много чаю, садятъ гостей по чинамъ и любятъ сплетни (стр. 161—165). Мы только спросили-бы его: гдѣ почти всего этого нѣтъ? Гдѣ мѣшку съ деньгами не даютъ преимущества передъ безсребреннымъ умомъ? Гдѣ не сплетничаютъ? Гдѣ не убиваютъ времени за картами и гдѣ предпочитаютъ книги картамъ? Укажите намъ такую блаженную сторону и послѣ того, какъ вамъ угодно осуждайте Якутскъ. Но г-нъ Щ. не довольствуется мѣлкою насмѣшкою, и говоритъ слѣдующее (стр. 161): «Господствующій классъ (въ Якутскѣ) есть купцы. *Сіи люди извѣстны по ихъ стремленію къ богатству, къ деньгамъ*, а какъ маленькій вездѣ подражаетъ большому, то и выходитъ, что общій характеръ здѣшнихъ жителей есть *купеческій*. *Повсюду видно ко-*

лишняя бережливость, вездѣ стремленіе къ деньгамъ, съ пренебреженіемъ чести. Здѣсь говорятъ: «Вѣдь все равно будутъ судить, какъ за рубль, такъ и за тысячу? *Пусть-же буду варнакомъ, но съ деньгами!*» Слово: *скупой*, употребляютъ здѣсь въ похвальномъ смыслѣ. Слова: *богатъ, имѣетъ деньги,* значатъ уже болѣе нежели *уменъ,* но соединеніе ума съ образованностію. Если-бы сказалъ кто нибудь, что такой-то *пустой человѣкъ.*—«Какъ: *пустой?*» — отвѣчали-бы ему. — «Да, у него тысячъ пятдесятъ денегъ наличныхъ, да въ долгахъ на Якутахъ столько-же!» Наклонность къ тяжбамъ и ябедамъ (слова г-на Щ.) нигдѣ, кажется, такъ не господствуетъ, какъ въ Якутскѣ: сею болѣзнію заражены Русскіе и Якуты. Говорятъ, *что здѣсь есть люди, которые ходятъ по домамъ, спрашивая:* «Нѣтъ-ли какого иска? Подумай-ка, не найдешь-ли чего нибудь?» Люди сіи носятъ названіе дѣльцовъ. Подавъ ябеду, или доносъ, они воображаютъ, что уже погубили своего противника, уже гордятся своимъ поступкомъ. *Здѣшніе дѣльцы, живущіе въ Иркутскѣ, друзьямъ своимъ и знакомымъ, какъ рѣдкость или новость, присылаютъ копіи съ ябедъ и прошеній своихъ.* Говорятъ, что въ прежніе времена не проходило ни одной пирушки, гдѣ-бы нѣсколько человѣкъ не подрались между собою въ сильной подгулкѣ, и чтобы на завтра не подали другъ на друга прошеній.»...

Мы смѣемъ увѣрить г-на Щ., что если все это замѣтивъ въ Якутскѣ *у кого нибудь,* онъ выдаетъ публикѣ свое описаніе *изображеніемъ общаго характера*

жителей Якутска, то онъ, по крайней мѣрѣ, ужасно ошибается.... Налагая печать отверженія на *купцовъ вообще*, заставляя всѣхъ жителей Якутска быть явеедниками, и такими людьми, что никто изъ нихъ не страшится суда и наказанія, и не жалѣетъ чести для денегъ, г-нъ Щ. отнимаетъ только вѣру къ другимъ своимъ описаніямъ, и заставляетъ насъ жалѣть, что на его полезной книгѣ находится пятно, произведенное, можетъ быть, какими нибудь частными отношеніями. И безъ нашего опровержения, конечно, никто не повѣритъ его словамъ, а мы, кромѣ того, можемъ увѣрить читателей, что все сказанное г-мъ Щ. — совершенная несправедливость! Пороки и слабости есть вездѣ, но мы лично знали многихъ почтенныхъ Якутскихъ граждан, и всякій изъ бывавшихъ въ Якутскѣ поспѣшитъ увѣрить, что въ Якутскѣ, какъ вездѣ, *есть добрые, есть и худые люди*, но общій характеръ Якутска чисто-Русскій, какой найдете вы въ Москвѣ, Иркутскѣ, Казани, и всѣхъ другихъ городахъ Сибири и Россіи, кромѣ нѣкоторыхъ, свойственныхъ каждому городу оттѣнковъ, и худыхъ и хорошихъ. Что касается до осужденія характера *купцовъ вообще*, то принадлежа самъ къ сему почтенному сословію, и не только не стыдясь того, но и не желая перемѣнять его на какое нибудь другое званіе, сочинитель сей статьи не можетъ быть судьею въ собственномъ дѣлѣ. Думаетъ онъ однакожъ, что и въ семъ отношеніи, слова г-на Щ. не могутъ ни кѣмъ быть почтены основательными.

Говоря объ ошибкахъ г-на Щ., мы отнесемъ къ

числу ихъ слѣдующее: (стр. 113) онъ говоритъ, что въ Ленѣ водятся *омули*; (стр. 179) что *хіузомъ* называютъ въ Сибири *тихое движеніе воздуха* зимою. Въ Ленѣ омулей, кажется, во все нѣтъ: они водятся *только въ Байкалѣ*, и входятъ только въ рѣки, впадающія въ Байкалъ. *Хіузомъ* называютъ въ Сибири *тонкій и рѣзкій вѣтеръ зимній*.

Гораздо болѣе можно-бъ было распространиться о томъ, что говоритъ г-нъ Щ. о *Шаманствѣ* и *Шаманахъ*. Утверждая, что Шаманы суть просто *грубые фигляры*, и что Шаманское богослуженіе никогда и нигдѣ не составляло народной религіи (стр. 220 и 91), г-нъ Щ. доказываетъ тѣмъ одно, что онъ *вовсе не видалъ настоящихъ Шамановъ*; отъ него, какъ отъ чиновника, Якуты, вѣроятно, скрывали своихъ Шамановъ, выставляя ему своихъ фокусниковъ, надъ которыми они сами смѣются, которыхъ обыкновенно они показываютъ, если надобно шаманить *по приказу*, для удовлетворенія чьего либо любопытства. Слова-же г-на Щ. о Шаманской вѣрѣ есть доказательство, что ему вовсе неизвѣстны изслѣдованія и мнѣнія ученыхъ людей и философовъ о Сѣверныхъ Миѳологіяхъ и Фетишизмѣ Азіи, Африки и Америки.—Не менѣе ошибочно мнѣніе г-на Щ. о психологическомъ явленіи, которое называютъ въ Якутскѣ *омирягествомъ* (стр. 172, отъ слова: *омирякъ*, или *иморехъ*, какъ говоритъ г-нъ Щ.). Впрочемъ, мы не станемъ привязываться къ тому, что легко можетъ замѣтить каждый знающій дѣло, и за-

ключимъ, что *Поѣздку въ Якутскъ* г-на Щ. можно рекомендовать вниманію просвѣщенныхъ читателей, хотя она во многомъ уступаетъ *Поѣздкѣ къ Ледовитому морю* г-на Бѣлявскаго.

Хозяйственная Статистика России, *составленная Васильемъ Андросовымъ*, и проч. М. 1827 г. въ 8.

Хотя кругъ Историческо-Политическихъ Знаній опредѣленъ уже въ наше время общими рѣзкими чертами, но мы видимъ еще не точнаго распредѣленія сихъ знаній, вѣрныхъ границъ ихъ и полноты взаимныхъ отношеній. Такъ Политическая Экономія подвергается разнымъ системамъ; такъ и Статистика до нынѣ не опредѣлена и не отдѣлена вполнѣ и безспорно. Французскіе ученые почти не принимаютъ сего званія, соединяя его съ Политическою Географіею; Англичане относятъ его къ весьма ограниченному, а Нѣмцы къ весьма обширному кругу. Ахенваль, почитаемый родоначальникомъ Статистиковъ, называетъ ее * *познаніемъ дѣйствительныхъ достопамятностей какого нибудь государства*; Мейзель *наукою настоящаго состоянія государствъ* **; не приводимъ другихъ определеній, ни остроумнаго (но несправедливаго) опредѣленія, что *Статистика есть остановившаяся Исторія*, *такъ какъ Исторія есть текущая Статистика*. Мы видимъ, что въ понятіи Нѣмецкихъ ученыхъ предѣлы Статистики чрезвычайно раздвигаются. Англичане, какъ мы сказали, сближаютъ ихъ. Со времени Дж. Синклера (1790 г.), оказавшаго столько за-

---

* Abriss der Staatswissenschaft der europaischen Reiche, Геттингенъ, 1746 г.

** Anleitung zur Kentniss der europaischen Staaten historie, Лейпцигъ, 1810 (5 изд.).

слугъ на поприщѣ Политическихъ Знаній, почти установилось у Англичанъ опредѣленіе Статистики, и сіе опредѣленіе можно выразить такъ, что *Статистика составляетъ у нихъ практику Политической Экономіи*, точно какъ Полит. Экономія составляетъ *теорію Статистики*. Со времени Адама Смита тѣмъ легче можно было опредѣлять такимъ образомъ Статистику, ибо основные предѣлы Полит. Экономіи были означены симъ великимъ писателемъ. Нѣкоторые изъ новѣйшихъ Французскихъ писателей, какъ-то: Дюпенъ, Шапталь и другіе, принимаютъ почти подобное опредѣленіе. Здѣсь не встрѣчаемъ такой темноты, какъ у Ахенваля и его послѣдователей, ибо къ чему другому, если не къ смѣшенію понятій, ведутъ предметы, включенные въ Статистику Ахенвалемъ: Исторія, Право наслѣдства, Государственное чиносостояніе, или Шлецеровъ остроумный парадоксъ, что предметы Статистики опредѣляются словами: vires unitae agunt? — Отнеся въ объемъ Политической Географіи полный status государствъ, должно необходимо *собственно-Статистику* назвать начертаніемъ *вещественной жизни народа*. Иначе, должно совершенно уничтожить Географію, отнеся къ Космографіи Географію Математическую, къ Геологіи Естественную и къ Статистикѣ, въ обширнѣйшемъ смыслѣ, Политическую.

Не входя въ разсмотрѣніе удобствъ и неудобствъ того и другаго раздѣленія, скажемъ, что можно разсматривать Статистику тѣмъ и другимъ образомъ; въ сочиненіяхъ иностранныхъ ученыхъ мужей находимъ

ова рода воззрѣнія. У насъ въ Россіи, гдѣ всѣ знанія еще не такъ зрѣлы, ничего общаго и положительнаго о Статистикѣ не было издано донынѣ, и тѣмъ менѣе не было полнаго приложенія Статистики къ Россіи. Наши курсы Статистики суть сокращенные, и большею частію, неудачные переводы Нѣмецкихъ, а иногда смѣсь изъ множества разнородныхъ книгъ. Всѣ-же труды нашихъ Статистиковъ, касательно приложеній къ Россіи, суть частные опыты. Такихъ опытовъ мы имѣемъ довольно, и довольно есть изъ нихъ удачныхъ. Сочиненія Германа, Шторха и Зябловскаго заслуживаютъ наше *преимущественное* вниманіе, *особенно* двухъ первыхъ, обработывавшихъ отдѣльныя части точно и систематически. Есть-ли нынѣ возможность составить что нибудь общее, полное о Россіи? По нашему мнѣнію, у насъ матеріяловъ можно сыскать весьма большое количество, и весьма драгоцѣнныхъ. Множество актовъ издано отъ Правительства; много находится важныхъ извѣстій въ путешествіяхъ по Россіи, Газетахъ, Журналахъ Русскихъ, и проч. и проч.

Но при всемъ томъ, нельзя не сознаться, что сочиненіе статистическаго описанія Россіи есть дѣло весьма немаловажное. Кромѣ того, что должно собирать матеріялы изъ множества отрывковъ и свѣдѣній, разбросанныхъ въ тысячѣ книгъ (впрочемъ на это и жаловаться не надобно, ибо какой ученый предметъ можно обработать порядочно, если не будемъ имѣть подъ рукою сколько возможно большаго количества матеріяловъ?), важнѣйшее заключается въ приготовле-

ніи самаго статистика нашего. Ему въ высшей степени должно знать теорію Политическихъ Знаній вообще и опредѣлить себѣ вѣрную систему науки. Этого большею частію не достаетъ у насъ. Мы, кажется, донынѣ думаемъ, что безъ всякаго приготовленія можно сдѣлаться историками, географами, статистиками: совершенно несправедливое предположеніе, которое вредитъ успѣхамъ знаній! Статистикъ долженъ имѣть глубокія предварительныя познанія вообще, и кромѣ того большую опытность въ способахъ воззрѣнія на предметы; быть чуждъ многихъ народныхъ предразсудковъ, простительныхъ въ простомъ гражданинѣ и неизвинительныхъ въ ученомъ наблюдателѣ; сверхъ всего, не должно ли ему и практически знать изслѣдываемый имъ предметъ?

Мы думаемъ, что безъ сихъ предварительныхъ приготовленій нельзя приниматься за Статистику Россіи, ибо иначе авторъ умножитъ число книгъ, безпрестанно выходящихъ у насъ подъ именемъ Статистикъ, Географій, Исторій, заключающихъ повтореніе стараго, сборники безъ системы и цѣли, ни сколько не распространяющіе круга въ себѣ познаній нашихъ, и ни приводящіе насъ ни къ какимъ важнымъ результатамъ.

Ученое сочиненіе есть рѣшеніе какой нибудь задачи. Что слѣдуетъ рѣшить статистику Россіи? Настоящее состояніе государства сличить съ способами и средствами его; руководствуясь фактами, представить Россію, *какъ она есть*, дабы политикъ могъ рѣшить, *что она можетъ быть*, а полит. эконом, *какъ она*

должна достигать высшей степени жизни государственной, если не живетъ еще полною жизнію въ настоящемъ времени.

Обозрѣвая книгу изданную г-мъ Андроссовымъ, подъ названіемъ: *Хозяйственная Статистика Россіи*, мы надѣялись найдти въ ней цѣль, подобную предположеной нами и стараніе достичь сей цѣли, стараніе всегда похвальное, хотя бы оно и не было сопровождаемо полнымъ успѣхомъ. Судя по объему книги г-на Андроссова, подробностямъ въ нее включеннымъ и образу воззрѣнія на предметы, нельзя предполагать, чтобы Авторъ хотѣлъ составить только легкую ручную книгу для учениковъ. Такимъ образомъ, будемъ мы разсматривать сочиненіе г-на Андроссова, какъ *сочиненіе ученое*.

Авторъ принимаетъ Статистику въ меньшемъ объемѣ, слѣдуя статистикамъ Англійскимъ, но названіе книги его довольно темно. Разумѣется, что называя свою Статистику *Хозяйственною*, авторъ имѣлъ въ виду *Государственное Хозяйство*; въ такомъ случаѣ, главное, намъ кажется, что онъ не обнялъ своего предмета вполнѣ. Въ Государственномъ Хозяйствѣ представляются два отношенія: *производящее*, т., е. Правительство и Народъ, дѣйствующіе на физическія средства общественнаго благосостоянія, и *производимое*, т. е. самыя средства сіи, разсматриваемыя, какъ отдѣльный предметъ отъ производящаго. Въ такомъ объемѣ входитъ въ Статистику разсмотрѣніе государства, какъ члена семейства народовъ, по *времени* его Существо-

ванія, и *мѣсту*, имъ занимаемому; потомъ, status in statu, части государства, какъ члены общей машины его; послѣ того средства физическія, коими и чрезъ кои дѣйствуетъ государство. Наконецъ, *образъ дѣйствія*, (*промышленность* во всѣхъ отношеніяхъ).

Авторъ объясняется во Введеніи, что предметъ его гораздо сокращеннѣе: *дѣйствительная степень хозяйственныхъ отношеній государства*, *настоящій бытъ народной промышленности*, отъ чего совершенно *отдѣляется* (по мнѣнію автора) *политическій составъ государства*, *постановленія*, *коими дѣйствуетъ Правительство для достиженія цѣли гражданственности*. — О *политическомъ* состояніи ни слова, но какимъ-же образомъ можно отдѣлить статистическое образованіе *производящаго* отъ *производимаго*? Анатомія, разсматривающая мертвое тѣло, будетъ изображеніемъ такой Статистики, когда, напротивъ, Статистика должна походить на Физіологію: говорить о вещественности, но вмѣстѣ и объ оживляющемъ ее духѣ. Видимъ, что авторъ не отдалъ себѣ полнаго отчета въ цѣли своей книги. Вотъ весь объемъ его:

А. *Мѣстность*: положеніе, величина, горы, равнины, воды, почва, климатъ.

Б. *Промышленность*: 1-е, производящая. 2-е, обработывающая, 3-е, передающая. Подъ именемъ 1-й авторъ разумѣетъ промышленность, собственно такъ называемую, *агрикольную*; подъ именемъ 2-й *мануфактурную*; подъ именемъ 3-й *торговлю*. Вотъ все

содержанiе хозяйственной Статистики г-на Андроссова. Изъ него можно уже видѣть недостатокъ плана. Авторъ не ввелъ главнѣйшаго въ свое сочиненiе, именно: *народа*. Мѣстность есть *производимое*; промышленность *образъ произведенiя*; но гдѣ же *то, что производитъ*? Гдѣ мѣрило духовнаго дѣйствователя на вещественность? А безъ него можно-ли изобразить картину быта государственнаго? Это завело автора въ дальнѣйшую сбивчивость. Предложивъ географическое описанiе мѣстности, на которой существуетъ Россiя, онъ не говоритъ потомъ отдѣльно, *что* на этой мѣстности производитъ природа. Прямо отъ географическаго обзора переходитъ онъ къ *промышленности*, и исчисляетъ состоянiе земледѣлiя, садоводства, лѣсоводства, скотоводства, звѣроловства, птицеводства, шелководства, рыболовства, горныхъ и соляныхъ промысловъ, что все входитъ у него въ *производящую* промышленность. Отъ того теряется изъ вида, *что дѣлается* и *что можетъ дѣлаться въ Россiи*; статистика сбивается въ реэстры посѣвовъ и обработки полей, и высшiе взгляды потеряны для автора и читателей.

Если-бы авторъ, обозрѣвши мѣстность *статистически*, обозрѣлъ потомъ, что производятъ всѣ три царства природы на сей мѣстности, одушевилъ картину, изобразивъ намъ состоянiе, гражданскiй бытъ народа, и наконецъ перешелъ къ изображенiю промышленности народной, обративъ взоръ первоначально на *производителей*, и потомъ раздѣливъ производимость на агрикольную, мануфактурную и торговую, разсматри-

валъ все, и частно и обще, Россію, какъ гражданина въ семействѣ народовъ и каждое званіе Русскихъ, какъ граждан одного частнаго семейства, тогда все пришло-бы у него въ свой порядокъ и сочиненіе его могло-бъ быть предметомъ особеннаго вниманія. Въ настоящемъ-же его видѣ и расположеніи оно мало обогащаетъ нашу литтературу. Думаемъ, что почтенный авторъ увѣдится нашими замѣчаніями, и почтя книгу свою первымъ опытомъ Хозяйственной Статистики Россіи, постарается со временемъ усовершенствовать ее и тѣмъ сдѣлать истинный подарокъ своимъ соотечественникамъ. Въ сей пріятной надеждѣ мы осмѣливаемся на нѣсколько частныхъ замѣчаній.

Мы сказали, что авторъ описываетъ мѣстность *географически*. Разность Географіи отъ Статистики собственно въ томъ, что Статистика смотритъ на все относительно статум государства, и потому номенклатура рѣкъ и горъ совсѣмъ не относится къ Статистикѣ, и ей нѣтъ дѣла, на прим., до 37 названій рѣкъ (стр. 18), впадающихъ въ Волгу, а надобно знать только сообщенія по рѣкамъ приволжскимъ. Не странно-ли, что вводя въ Статистику Географическую подробность, совсѣмъ ненужную, авторъ только *наименовываетъ* моря Россійскія; не вводитъ въ Статистику острововъ Тихаго и Сѣвернаго Океановъ; забываетъ царство Польское, Бессарабію, Грузію, Финляндію? У него находимъ, напротивъ, исчисленіе земледѣльческихъ орудій, рыболовныхъ снастей, рѣчныхъ судовъ (стр. 75, 133, 233), и проч., какъ будто это Статистика!

Отъ неполноты системы произошло то, что всѣ почти статьи у г-на Андроссова перемѣшиваются, повторяются, и вездѣ замѣтенъ недостатокъ. По видимому, авторъ, не то, чтобы хотѣлъ упустить что нибудь, но не имѣлъ плана, въ слѣдствіе коего все стало-бы на свое мѣсто. За чѣмъ ему было вводить въ торговлю исчисленія съ кѣмъ торгуетъ Россія, если нѣтъ взгляда на физическія средства торговли нашей? Къ чему представлять реэстры таможенъ, портовыхъ городовъ, управленій путями сообщенія, тарифовъ, обществъ торговыхъ, обществъ для поощренія промышленности, если нѣтъ взгляда на гражданское состояніе быта народнаго и степень образованности; или статьи о банкахъ и монетной системѣ, если нѣтъ обзора *капиталовъ народныхъ* или представлять таблицы привоза и вывоза товаровъ изъ Россіи въ 1825 и 1826 гг., если нѣтъ общихъ обзоровъ Россійской торговли?

Система, высшій взглядъ: вотъ два требованія наукъ, необходимыя въ нынѣшнемъ ихъ высокомъ состояніи. Вообще выходящія у насъ ученыя сочиненія страдаютъ недостаткомъ въ семъ отношеніи. Мы привыкли повторять одно и тоже не раздвигаемъ предѣловъ знанія, мало трудимся сами, мало стараемся не отставать отъ современнаго состоянія наукъ въ другихъ странахъ. Но списываніе стараго не есть новое пріобрѣтеніе, повтореніе обветшалаго не можетъ обогатить насъ. Потому и авторъ Хозяйственной Статистики заслуживаетъ строгій приговоръ критики, за тотъ *способъ*, *какимъ онъ собралъ факты своей книги*. Надобно ска-

зать откровенно, что автор составил большую часть своей книги просто *списывая* у своих предшественников, слово в слово, целыми страницами, дополняя кое-где вставками из новейших журналов, газет и актов, без всякой системы. От того находим у него противоречия, особливо потому, что автор сокращает многое, выкидывает, и потому-то, что у предшественника его было ясно, делается темным и сбивчивым. Статья: *Почва*, вся целиком, на 18 страницах выписана из статьи Германа: Sur l'état actuel de l'agriculture en Russie, помещенной в 1-м т. Memoires de l'académie de S. Pétersbourg (см. стр. 685—711). Из сей-же статьи взято описание Земледелия в России. Но все это в иных местах неверно переведено, в других перемешано с прибавками, так, что оставляет читателя в совершенном недоумении. На прим., Герман говорит: Les terres des Cosaques du Don forment une plaine élevée où l'on ne voit de collines qu'aux bordes rivières; Автор переводит: «Земля Донских Казаков образует возвышенную равнину, где видны *только холмы* при берегах рек». Герман, говоря единственно о Европейской России, систематически разделил всю поверхность ея на *семь равнин* (plateaux); Автор, списывая у Германа, переводит слово: plateau, *полосой*, чрез то совсем сбивает понятия, и кроме того, высчитав *шесть* равнин, уничтожает *седьмую*, считаемую Германом, и присовокупляет свою; но какую же? *всю Сибирь*, вероятно, выписывая эту прибавку из какой нибудь книги, ибо в одной этой новоприбавленной равнине находим у автора *четыре*

Авторъ забылъ между тѣмъ, чту за 13 страницъ, онъ уже описывалъ Сибирь и Южноюю Россію, въ статьѣ: *равнины*, и какъ это описаніе вѣроятно выписка еще изъ какой нибудь книги, то и насчиталъ онъ *девять* равнинъ въ одной Сибири и Сѣверной и Южной Россіи!

Описаніе фабрикъ взяты авторомъ изъ сочиненія г-на Зябловскаго: *Статистическое описаніе Россійск. Имперіи*, 5 частей, 2-е изданіе Спв. 1815 г. — Къ нимъ прибавляетъ авторъ иногда новыя свѣдѣнія. Но все это сдѣлано въ совершенномъ безпорядкѣ, измѣнено, такъ, что едва-ли можетъ дать полное понятіе о фабричной нашей промышленности.

Не выходя въ дальнѣйшія подробности, скажемъ что такое смѣшеніе разнородныхъ выписокъ составило довольно странную пестроту, особливо при выпускахъ автора. Для большаго понятія, *какъ* заимствовалъ авторъ, приводимъ примѣръ.

Хоз. Стат. (стр. 1). «*Не имѣя картъ*, точно означающихъ весь берегъ Сѣвернаго Ледовитаго моря, восточныхъ острововъ и южныхъ границъ государства, географы не согласились въ пространствѣ Россіи.

Это выписано изъ статьи Германа (Memoir. de l'Acad. de S. Pétersbourg., т. I, стр. 663); но Германъ писалъ въ 1807 г., а послѣ того *въ теченіе* 20-*ти лѣтъ* вышли прекрасныя карты, и если только *не имѣніе*

картъ Ледовитаго моря и проч. препятствовало узнать пространство России, то препятствие это давно уничтожено. За тѣмъ авторъ выписываетъ далѣе изъ Германовой статьи: «Крафтъ полагаетъ оное (пространство Россіи) въ 330,000, Эбелингъ въ 350,000, *Жоржъ* — неопредѣленно — вдвое противъ Европы; Германъ въ 320,000.» — Вотъ подлинныя слова Германа: Büsching »(1787) lui donne 309,000, mill. carrés, Hermann (1790) »320,000, Krafft 330,006, Ebeling 350,000, Georgi (1797) se »borne a dire que la Russie est au moins deux fois aussi »grande que toute l'Europe.» Тутъ г-нъ Андросовъ, по ошибкѣ, Академика *Георги* назвалъ *Жоржемъ*. Германъ далѣе упоминаетъ объ исчисленіи пространства Россіи, коимъ занимался Шубертъ въ 1794 году, и которое помѣщено было въ Tableau de la Russie, Шторха, а также объ исчисленіи приобрѣтеній Русскихъ, съ 1794 по 1803 г., которое сдѣлалъ генералъ Оппермамъ. Изъ обоихъ вычисленій Германъ все пространство Россіи выводитъ въ 310,113 миль кв.—Г-нъ Андроссовъ оставляетъ здѣсь на время Германа и предлагаетъ отъ себя слѣдующее: «Зябловскій въ 310,000; Мальтебренъ, Европ. часть въ 75,154, Сибирь *съ посторонними владѣніями* (?) въ 295,339. . . »

Это говоритъ совсѣмъ *не Мельтебренъ*, а *Гассель*, у котораго заимствовалъ Мальтебренъ (см. Précis de la géogr. Мальтебрена, T. VI, стр. 680); Гассель-же опять взялъ у Крафта, Максимовича и Зябловскаго (см. Гасселя, Bollsténdiges Handbuch der neuesten Erbeschreibung T. XI, стр. 9).

За симъ авторъ опять переводитъ Германа, слѣд. образомъ: «А Шубертъ, по послѣднимъ исчисленіямъ.» . . . Но въ выпискѣ изъ Германовой статьи мы видѣли, что этому *послѣднему исчисленію* прошло 24 года. Гдѣ-же собственныя соображенія автора? И притомъ тутъ, на 2-й стр., авторъ находитъ въ Европейской Россіи 476,652,604 десятины, а на 76-й стр. 420,353,431 дес.—Куда дѣвались 50,000,000 десятинъ?

Много можно-бы сдѣлать подобныхъ замѣчаній на книгу г-на Андроссова; но не входя въ подробности, мы заключимъ, что всѣ *ошибки въ подробностяхъ* происходятъ отъ того, что авторъ мало трудился самъ, не соображалъ старыхъ извѣстій съ новыми и переписывалъ все безъ дальнѣйшихъ справокъ. *Такъ* не должно дѣлать! Мы сказали уже, что Царство Польское, Грузія, Финляндія, Бессарабія, какъ будто и несоставляютъ частей Россіи, если судить по Статистикѣ г-на Андроссова, а отъ чего это? Отъ того, что предшественники ничего не говорили, а самъ авторъ не потрудился сообразить и изложить всѣхъ статистическихъ фактовъ заново.

При будущемъ изданіи автору непремѣнно должно привесть въ большій порядокъ расположеніе, улучшить систему, свѣдѣнія сообразить, исправить, поновить, обратить вниманіе на выводы, уничтожить противорѣчія. Надобно, чтобы все составило у него нѣчто цѣлое, и чтобы въ этомъ цѣломъ не было видно слѣдовъ компиляціи. Не худобы вообще на точность ученыхъ сочи-

пеній обратить болѣе вниманія. Для чего въ нашихъ ученыхъ сочиненіяхъ не прилагаютъ реэстра матеріяламъ, изъ коихъ что взято? Это необходимо и важно для показанія цѣны свѣдѣній. Извѣсто-ли нашимъ Историкамъ, Статистикамъ и Географамъ, что взглянувши только на такой реэтръ, можно уже судить о достоинствѣ сочиненія? Г-нъ Андроссовъ не хотѣлъ приложить даже означенія страницъ въ реэстрѣ статьямъ, отъ чего въ книгѣ его съ трудомъ сыскиваете, что надобно. Замѣтимъ еще удобство имъ забытое: цыфирные выводы непремѣнно должно печатать въ видѣ таблицъ, ибо помѣщаемыя въ текстѣ исчисленія и неясны и затрудняютъ въ соображеніяхъ. Всѣ подобныя, такъ сказать, *типографическія* удобства давно извѣстны въ Европѣ; долго-ли мы еще будемъ не знать ихъ?

Мы хотѣли-было поспорить съ г-мъ Андроссовымъ о мнѣніяхъ его касательно теоріи Государственной промышленности Россіи, на примѣръ, нашедши на стр. 47, будто *Россія есть Государство земледѣльческое*. Не уже-ли у насъ должно еще опровергать такія устарѣлыя мнѣнія? Автору Статистики должно знать основанія Политической Экономіи. Иначе это похоже будетъ на нѣкоторыя частныя ошибки въ книгѣ г-на Андроссова, когда, на примѣръ, онъ подробно описываетъ неуспѣшное шелководство наше въ Южной Россіи и забываетъ, что у насъ *матка шелку* Грузія: заставляетъ Русскихъ торговать въ Кантонѣ (стр. 120); заставляетъ ловить *Камчатскихъ бобровъ* въ Архангель-

ской и Вятской губерніи (стр. 119); полагаетъ, что рыбная ловля потому важна для Россіи, что у насъ много постныхъ дней (стр. 127), и полагаетъ привозъ сельскихъ издѣлій на Коренную ягмарку въ 30 т. р., когда самъ-же говоритъ, что однихъ крестьянскихъ кушаковъ продается въ ней на 150 т. рублей (стр. 242). Такія ошибки слишкомъ явны, и ихъ можно извинить развѣ только поспѣшностью работы, хотя, кажется, никакой причины не было автору спѣшить своимъ трудомъ.

АКТЫ, СОБРАННЫЕ ВЪ БИБЛІОТЕКАХЪ И АРХИВАХЪ РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЮ ЭКСПЕДИЦІЕЮ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ. ДОПОЛНЕНЫ И ИЗДАНЫ ВЫСОЧАЙШЕ УЧРЕЖДЕННОЮ КОММИССІЕЮ. *Санктпетербургъ*, 1836. *четыре тома, въ* - 4.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ послѣднее время весьма усилилась у насъ любовь къ отечественной исторіи, явилось пламенное желаніе заниматься ея изслѣдованіями, обнаружилась охота собирать свѣдѣнія и матеріялы. Что прежде дѣлалось годами, то теперь дѣлается въ годъ. Доброе начало, и каждый изъ насъ сердечно желаетъ ему дѣятельнаго продолженія. Работы еще много; только-что начата она. Любопытно было бы опредѣлить причины подобнаго движенія въ нашей литтературѣ и нашемъ ученомъ мірѣ. Не входя въ подобныя изысканія, мы находимъ главную причину этого въ попечительномъ вниманіи правительства, которое всегда бывало первымъ на пути всякаго дѣла, приносящаго честь и славу отечеству. Оно первое и въ этомъ дѣлѣ. Его дѣятельность движетъ впередъ усердіе частныхъ дѣлателей. Вторая причина заключается, быть-можетъ, въ примѣрѣ нашихъ Европейскихъ сосѣдей. Теперь вездѣ исторія и матеріялы историческіе въ сильномъ ходу и дружно разработываются; исторія проникаетъ всюду; она зашла въ романъ, она овладѣла драмой, ее прилагаютъ ко всякой наукѣ и ко всѣмъ знаніямъ. Мы не могли быть чужды тому, что сдѣлалось

общимъ всей Европѣ. Наконецъ, не должно ли отнести части нашей дѣятельности и къ чувству національнаго самосознанія, къ болѣе очищенному понятію о нашей народности? Обращеніе къ исторіи, къ изученію прошедшаго, въ такомъ случаѣ, весьма естественно, и даже неизбѣжно. Кто уважаетъ самого себя, тотъ дорожитъ своими предками и ихъ дѣйствіями, тотъ любитъ прошедшее: тамъ жизнь наша; тамъ поясненіе современныхъ вопросовъ; тамъ указаніе на цѣль въ будущемъ.

Но какія бы ни были причины, слѣдствія ихъ очевидны, — и слѣдствія прекрасныя, которыя обѣщаютъ много хорошаго. Всегда у насъ дѣло всего болѣе и всегда останавливается за *пріемомъ*, а что мы сможемъ сдѣлать съ другихъ, это уже не разъ было доказано нами. Силы наши юны, свѣжи, крѣпки, еще не испорчены предразсудками.

Прошедшій годъ и начало нынѣшняго особенно ознаменовались замѣчательными явленіями по части отечественной исторіи и Русскихъ древностей. Въ эти немногіе мѣсяцы, прежнія предпріятія вдругъ столкнулись съ новыми, и прежніе дѣлатели встрѣтились съ новыми поборниками общаго дѣла. Укажемъ на нѣсколько такихъ утѣшительныхъ явленій.

Во-первыхъ изданіе «Супральской лѣтописи», княземъ М. А. Оболенскимъ, который такъ не давно вступилъ на поприще отечественной археографіи, и

и уже занимаетъ такое почетное мѣсто. Изданіе
сей Лѣтописи составило любопытный опытъ палеогра-
фической обработки лѣтописныхъ матеріаловъ нашихъ,
и показало въ издателѣ вѣрный и обширный взглядъ
на предметъ. Во вторыхъ, не менѣе важное напечата-
ніе, такъ называемой Филаретовой Лѣтописи, матеріа-
ла драгоцѣннаго для исторіи XVII вѣка. П. А. Муха-
новъ подтвердилъ здѣсь новымъ доказательствомъ не-
утомимую дѣятельность свою въ собраніи памятниковъ
и въ искусной передачѣ ихъ публикѣ. Можно ли
забыть и изданный имъ въ тоже время «Сборникъ»,
кладъ превосходныхъ запасовъ историческихъ? Отецъ
архимандритъ Досиѳей подарилъ насъ подробнымъ
описаніемъ Соловецкой обители: тутъ приложенія гра-
матъ и актовъ были весьма значительны. Г. Ивановъ
показалъ намъ въ книгѣ своей богатства, какихъ мож-
но ожидать отъ разбора Сенатскихъ архивовъ. Упо-
мянемъ о Библіотекѣ иностранныхъ писателей о Рос-
сіи, Гг. Семенова и Каллистратова, и пожалѣемъ,
что продолженіе сего прекраснаго предпріятія поче-
му-то двоится. Г. Семеновъ, какъ мы читали, из-
даетъ теперь труды свои отдѣльно. Счастливо нача-
тое для пользы общей встрѣтило, по видимому, за-
трудненія въ частныхъ выгодахъ, и можно бояться,
чтобы совсемъ не прервалось; всѣ благомыслящіе и
всѣ любители Русской Исторіи были бы тѣмъ крайне
огорчены. Не давно видѣли мы томъ Трудовъ Москов-
скаго Общества Исторіи и древностей Россійскихъ.
Общество, какъ кажется, горячо оживаетъ при
стараніи своего просвѣщеннаго предсѣдателя. Замѣ-

тимъ еще Словарь, гдѣ въ первый разъ собраны въ одну книгу жизнеописанія святыхъ мужей Россійской церкви, доселѣ разсѣянныя въ книгахъ и рукописяхъ, чѣмъ, кромѣ благочестивой цѣли, доставлено историческое пособіе. Издатель Словаря, доказывающій свою ревность и способность къ труду прекрасными историческими статьями въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ», подаетъ надежду на будущее. Усердный собиратель древностей, И. П. Сахаровъ, издалъ вдругъ двѣ книги: обѣ онѣ равно любопытны — и та, гдѣ онъ обѣщаетъ познакомить насъ съ народными суевѣріями, и та, въ которой мы видимъ печатные тексты Путешествій нашихъ стариковъ въ чужія земли. Мы еще не успѣли ничего сказать о новомъ трудѣ И. М. Снѣгирева: Русскіе простонародные праздники, книгѣ, которая только что появилась, и, конечно будетъ полезнымъ пополненіемъ прежнихъ трудовъ почтеннаго археографа, избравшаго предметомъ своихъ занятій старинный бытъ Русскаго народа.

Безспорно, что не всѣ сіи сочиненія совершенны, что иное есть только обѣщаніе лучшаго въ будущемъ, и что всего этого еще мало. Но мы указываемъ только на сдѣланное въ нѣсколько мѣсяцовъ, и смотримъ на него какъ на начало. Совершенство, не удѣлъ человѣка на землѣ, и лучше начинать и дѣлать несовершенно, нежели, ждать мнимаго совершенства, и между тѣмъ оставаться въ бездѣйствіи. Ускоренное трудолюбіе, конечно, не надежно, но и копотливая суетливость отдѣ-

ии развѣ лучше? Будьто не видали мы примѣровъ людей учёныхъ, и съ большими средствами и свѣдѣніями, которые, начавши что нибудь, дѣлали, передѣлывали, копались, собирались изумить и оканчивали ничѣмъ? «Спѣши медленно!» мудрое правило. Но и «не медли спѣшить» правило очень умное и составляетъ необходимое дополненіе перваго. Сдѣлаемъ что можемъ и какъ умѣемъ, а тамъ явятся другіе и сдѣлаютъ лучше. Ждать пока трудъ нашъ будетъ вполнѣ удовлетворителенъ, значитъ искать вѣчнаго движенія, философскаго камня, квадратуры круга. Да и нескрывается ли иногда за такимъ ожиданіемъ, вмѣсто ученой копотливости, коварный врагъ человѣка, лѣность, хитрая, злая, проклятая лѣность?

Исчисливъ частныя замѣчательныя предпріятія, совершенныя въ послѣднее время, обращаемся къ самому любопытному явленію по части Отечественной Исторіи и древностей, явленію, которое доказываетъ, что Правительство наше, какъ мы уже сказали, всегда стоитъ впереди всякаго дѣла, относящагося къ чести и пользѣ отечества. Мы говоримъ объ изданіи Актовъ, собранныхъ Археографическою Экспедиціею по Россіи. Оно означено 1836 годомъ, но поступило въ публику въ нынѣшнемъ, 1837 — мъ году.

Первою мыслью сего предпріятія обязаны мы П. М. Строеву, который въ 1823 году изложилъ Московскому обществу Исторіи и Древностей необходимость

осмотрѣть и сохранить отъ гибели архивы, находящіеся въ монастыряхъ и другихъ мѣстахъ Россіи. Академія Наукъ приняла проэктъ его въ 1828, по предложенію своего президента, и въ Іюлѣ того же года предпріятіе ея было удостоено Высочайшаго одобренія. Съ весны 1829 года, Экспедиція начала свои поѣздки и труды. Къ г. Строеву вскорѣ присоединился дѣятельный сотрудникъ, г. Бередниковъ. Болѣе шести лѣтъ продолжалось странствованіе, поприщемъ котораго назначены были предѣлы сѣверовосточной Россіи, какъ самой богатой предполагаемыми матеріялами. Экспедиція осмотрѣла архивы и библіотеки пятидесяти монастырей, девятнадцати церквей и соборовъ, тридцати разныхъ присутственныхъ мѣстъ, и восьмидесяти двухъ частныхъ лицъ. Все это заключалось въ губерніяхъ Петербургской, Архангельской, Вологодской, Олонецкой, Новгородской, Псковской, Тверской, Московской, Ярославской, Костромской, Владимірской, Нижегородской, Казанской и Вятской. Обозрѣнію подверглись замѣчательнѣйшія мѣста въ Московской губерніи: библіотеки Московская Синодальная, Троицко-Сергіевская, Симоновская, Саввы Сторожевскаго, и другія, а также архивы Николаево-Козельскій, Кирилло-Бѣлозерскій, Макарьево-Унженскій, Спасо-Евѳимьевскій, Соловецкій, Валдайско-Иверскій, Флорищевскій и многихъ другихъ мѣстъ. Экспедиція представила наконецъ плоды трудовъ своихъ на усмотрѣніе начальства. Они состояли въ систематическихъ описяхъ всѣхъ осмотрѣнныхъ архивовъ и библіотекъ, подробныхъ

каталогахъ всѣхъ находящихся въ нихъ печатныхъ и рукописныхъ книгъ, какъ матеріялахъ для библіографіи Русской литтературы до XVIII вѣка, и наконецъ, въ спискахъ тѣхъ грамать и актовъ, какіе почтены были почему либо замѣчательными. По представленіи отчетовъ Экспедиціи на Высочайшее вниманіе, положено было, по докладу Г. Министра народнаго просвѣщенія, дѣйствія Экспедиціи прекратить до дальнѣйшаго усмотрѣнія, и немедленно заняться изданіемъ того, что она собрала. Для того, учреждена была при Департаментѣ народнаго просвѣщенія особенная Коммиссія, въ декабрѣ 1834. Между тѣмъ, какъ уволенному отъ службы начальнику Экспедиціи, г. Строеву, предоставлено составленіе Библіологическаго Словаря всѣхъ памятниковъ собственно-литературныхъ. Коммиссія привела въ порядокъ, пересмотрѣла, дополнила и напечатала акты и граматы, и такимъ образомъ получили мы важную книгу, заглавіе которой выставлено въ началѣ нашей статьи.

Мы имѣемъ теперь возможность судить о родѣ и важности пособій, которыхъ Отечественная Исторія можетъ ожидать отъ письменныхъ памятниковъ, разсѣянныхъ по Русской почвѣ.

Не имѣя ни малѣйшаго повода подозрѣвать Экспедицію въ томъ, что ея обозрѣнія были произведены поверхностно, или наскоро, прежде всего открываемъ мы въ результатѣ большую скудость историческихъ мате-

ріяловъ во всѣхъ архивахъ монастырскихъ и частныхъ въ Россіи. Замѣтимъ, что осмотрѣнныя мѣста были еще подававшія болѣе другихъ надежды. Жатва въ южной и западной Россіи необходима должна быть гораздо менѣе. Сибирь уже подробно осмотрѣна Миллеромъ. Чтожь выходитъ? Экспедиція удостовѣрилась, что нигдѣ не находится Русскихъ письменныхъ памятниковъ старѣе XIV вѣка, да и тѣ весьма рѣдки. Число памятниковъ начинаетъ умножаться съ XVI вѣка, и дѣлается значительнымъ уже въ XVII столѣтіи, къ которому относится начало почти всѣхъ гражданскихъ архивовъ. Почти все, что древнѣе того, принадлежитъ монастырямъ и духовнымъ мѣстамъ. Но и тутъ, безъ положительнаго доказательства, можно ли было повѣрить, что Экспедиція воспользуется изъ Кирилло-Бѣлозерскаго архива только сто сорокъ однимъ актомъ (не далѣе 1435 года), изъ Софійско-Новогородскаго пятью десятью тремя (не далѣе 1551 года), изъ Соловецкаго девяносто однимъ (не далѣе 1459 года), изъ Троицко-Сергіевскаго ста двадцатью (не далѣе 1363 года)? Однакожь это правда. Свидѣтельство и отчеты Экспедиціи показываютъ, что большаго числа полезныхъ документовъ нельзя ожидать отсюда. Въ иныхъ мѣстахъ находили одинъ, два, пять, десять, двадцать актовъ, достойныхъ исторической памяти. Лѣтописей, доселѣ неизвѣстныхъ, чего нибудь столь важнаго, какъ Слово о полку Игоревѣ, рѣшительно ничего не найдено.

Но должно ли послѣ того заключить, что предпріятіе не увѣнчалось ожиданными успѣхами? Должны ли

мы съ уныніемъ помышлять отнынѣ о бѣдности матеріяловъ историческихъ въ Россіи? Совсѣмъ нѣтъ.

Во всякомъ дѣлѣ, а въ ученомъ еще болѣе, весьма важно рѣшеніе вопроса: *Есть — нѣтъ*. Предпріятіе г. Строева было необходимо для того, чтобы взять что есть, и удостовѣриться, что болѣе ничего нѣтъ. Люди знающіе очень хорошо напередъ понимали, что жатва будетъ неогромна, и особливо что она не пойдетъ въ глубь столѣтій. Жизнь Россіи письменная, актовая, начинается съ XIV-мъ вѣкомъ; предки наши совсѣмъ не думали беречь своихъ актовъ, потому, что не понимали ихъ историческаго достоинства; изъ памятниковъ XVI столѣтія видно, что важнѣйшихъ древнихъ актовъ тогда уже не существовало. Люди знающіе хорошо понимали и то, что сокровищь нашихъ искать должно совсемъ не такъ далеко. Въ *архивахъ* Москвы и Петербурга хранятся они: здѣсь наши граматы, записи, договоры, разряды, бумаги старинныхъ Приказовъ, Статейные списки. Но все это можно было только предполагать; рѣшить долженъ былъ опытъ на мѣстѣ. Вотъ почему дѣйствія и труды Археографической Экспедиціи во всякомъ случаѣ весьма важны.

Мы удостовѣрились, что въ монастырскихъ и другихъ частныхъ архивахъ, дѣйствительно, намъ искать нечего. Между тѣмъ мы пріобрѣли описи, систему, познаніе сихъ архивовъ, и знаемъ, чего можно еще въ нихъ доискиваться.

Дополненія Коммиссіи къ бумагамъ Экспедиціи показали намъ въ тоже время, какіе богатые матеріялы скрываются въ Московскихъ и Петербугскихъ сокро-

винциицахъ. Архивы двухъ столицъ только отчасти входили въ кругъ трудовъ Экспедиціи. Московскій Архивъ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, Патріаршая библіотека, Сенатскіе архивы, военный, Эрмитажный, Императорской Библіотеки, Румянцовскій, Академическій, и многіе другіе, были поставлены внѣ плана дѣйствій Экспедиціи. Но едва потомъ коснулись къ нимъ — посмотрите, какія драгоцѣнности тамъ найдены! Новгородскія и Двинскія граматы, которыя считались потерянными; сборники касательно Смоленскаго похода 1632 года, Стрѣлецкаго бунта, дѣла несчастнаго боярина Шеина, и проч. и проч. Разборка Сенатскихъ архивовъ академикомъ Гамелемъ и Коммиссіею, учрежденою въ Москвѣ отъ Министерства юстиціи, новыя изысканія въ Архивѣ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, все подтверждаетъ наши надежды. И чего не должны мы ожидать при волѣ и желаніи Правительства, которое не щадитъ расходовъ на полезное и хочетъ все древнее спасти отъ забвенія, сдѣлать извѣстнымъ въ ученомъ мірѣ?

Обращаясь къ положительной сторонѣ трудовъ Археографической Экспедиціи — до сихъ-поръ мы говорили только объ ея отрицательныхъ заслугахъ — скажемъ, что если мы не пріобрѣли черезъ нее чего либо совершенно новаго и особенно важнаго, тѣмъ не менѣе и пріобрѣтенное имѣетъ значительное достоинство. Кромѣ библіографическихъ данныхъ для нашей старинной литтературы кромѣ многочисленныхъ мѣстныхъ замѣчаній, открытій, поправокъ, по части палеографіи, Исторіи и древностей, — что еще не доведено до свѣ-

денія публики и хранится въ портфеляхъ Экспедиціи, въ *четырехъ* изданныхъ томахъ Актовъ, при дополненіяхъ Коммиссіи, мы имѣемъ плодъ обыска почти двухъ сотъ архивовъ и библіотекъ, и они представляютъ намъ много весьма замѣчательнаго и любопытнаго. Ихъ содержаніе таково, что послѣ Вивліоѳики Новикова, продолженной Академіею наукъ, послѣ Собранія грамать и договоровъ, изданныхъ въ Москвѣ при Архивѣ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, и послѣ Собранія законовъ Россійской Имперіи, изданныхъ Вторымъ Отдѣленіемъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи, наша историческая литтература не пріобрѣтала еще подобнаго собранія драгоцѣнностей. Ни какія изданія частныхъ людей не могутъ съ нимъ сравниться, по одной уже огромности средствъ и способовъ.

Для доказательства истины нашихъ словъ, намъ пришлось бы войдти въ большія подробности, переходящія за предѣлы журнальной статьи, и потому, мы ограничимся самымъ краткимъ извѣстіемъ собственно о книгѣ.

Скажемъ прежде всего о наружности. Акты изданы не великолѣпно, но чисто и изящно. Форматъ бумаги и буквы тѣ самыя, какія употреблены были для Собранія законовъ, — большая четвертка, въ двѣ колонны, испечатанныя четкими красивыми буквами. Подробные реестры содержанія; предисловіе, гдѣ изложено производство дѣла; реестръ библіотекъ, изъ которыхъ акты извлечены; реестръ книгъ и журналовъ, от-

куда иные акты перепечатаны, въ лучшемъ и исправнѣйшемъ видѣ — такихъ актовъ не болѣе ста — все это облегчаетъ употребленіе книги. Подробные указатели именъ и названій, еще не изданные, довершатъ удобство.

Всѣ тексты Актовъ были тщательно списаны и тщательно напечатаны, съ удаленіемъ ороографическихъ и палеографическихъ мѣлочей, важныхъ только для немногихъ.

Первый томъ заключаетъ въ себѣ акты съ 1294 по 1598 годъ, Актовъ древнѣе XIII столѣтія здѣсь находится съ пятнадцать, а вообще всѣхъ до княженія Іоанна III, семьдесятъ. Далѣе, актовъ, относящихся къ княженію Іоанна III, также семьдесятъ; къ княженію Василія Іоанновича тридцать семь; къ царствованію Іоанна Грознаго сто сорокъ три; къ царствованію Ѳеодора Іоанновича шестьдесятъ шесть; всего триста восемьдесять шесть.

Томъ второй: актовъ къ царствованію Бориса Годунова тридцать; царствованію Ѳеодора Годунова четыре: времени Лжедимитрія девять; царствованію Василія Шуйскаго сто девятнадцать; дополнительныхъ разнаго времени три, а всего двѣсти двадцать пять.

Въ третьемъ томѣ, актовъ изъ царствованія Михаила Ѳеодоровича триста пятдесятъ.

Томъ четвертый содержитъ въ себѣ актовъ къ царствованію Алексія Михайловича двѣсти восемь, царствованію Ѳеодора Алексѣевича сорокъ шесть, царствованію Іоанна и Петра Алексѣевичей, до 1700 года,

шестьдесятъ шесть; дополнительныхъ къ разнымъ временамъ пятнадцать, а всего триста тридцать пять.

Слѣдовательно, число всѣхъ актовъ простирается до тысячи трехъ сотъ (1296). Они обнимаютъ періодъ Русской Исторіи отъ конца XIII по XVIII вѣкъ, и если древняго тутъ мало, за то многочислены запасы для временъ Грознаго, Годунова, Шуйскаго, Михайла, Алексія.

Отмѣтимъ кратко, что должно обратить на себя особенное вниманіе по своему содержанію.

Четырнадцать договорныхъ грамать Великихъ Князей съ удѣльными и Новгородомъ, Полоцка съ Ригою, и проч., XIV и XV вѣка, только отчасти извѣстныхъ по Карамзину.

Письма Польской Королевы Елены къ отцу, матери и братьямъ, отчасти только извѣстныя по Вивліоѳикѣ Новикова.

Дѣло Максима Грека, при Василіи Іоанновичѣ, извѣстное только по выпискамъ Карамзина.

Опись Царскаго архива, XVI вѣка, доселѣ во все неизвѣстная.

Акты, касающіеся междоцарствія, пребыванія Заруцкаго въ Астрахани, Смоленскаго похода 1632 года, и про.. Почти все неизвѣстное.

Переписка Царя Алексія съ Митрополитомъ Никономъ, во время поѣздки его за мощами Святаго Филиппа въ Соловецкую обитель.

Акты, относящіеся до Стрѣлецкаго бунта.

Все это имѣетъ, неоспоримо, положительное историческое достоинство. Но и остальнаго не должно

почитать незначительнымъ: здѣсь нѣтъ собственно - историческаго, но есть матеріялы для познанія прежняго духовнаго и гражданскаго управленія, для Русской географіи, этнографіи, юриспруденціи, финансовой части, торговли, промышленности. Тутъ грамматы уставныя, губныя, жалованныя, несудимыя, таможенныя; тутъ уставы, наказы, челобитныя, памяти, и проч., и между ними много найдется такаго, что поясняетъ и Русскій бытъ и Русскую исторію.

Не любопытны ли, напримѣръ, для замѣчательнаго историка и археографа, рѣчь Бориса Годунова Патріарху и отвѣтъ Патріарха, при коронаціи Бориса; рѣчь Патріарха Борису послѣ Серпуховскаго похода, въ 1598 году; чинъ вѣнчанія на царство Василія Шуйскаго; статейный списокъ о призваніи въ Москву бывшаго Патріарха Іова, въ 1607 году; привѣтствіе Протопопа Терентія Самозванцу? Въ сихъ-то актахъ частнаго содержанія находимъ мы, напримѣръ, подтвержденіе донынѣ сомнительнаго указа Царскаго о переходѣ крестьянъ, изданнаго въ 1597 году; драгоцѣнныя свѣдѣнія о родѣ Козьмы Минина, о бывшей невѣстѣ Царя Михаила, Марьѣ Хлоповой, о бывшей невѣстѣ Царя Алексія, Всеволожской, объ имѣніяхъ знаменитыхъ Строгоновыхъ, и проч.

Послѣ сего, каждый просвѣщенный читатель согласится, что труды Археографической Экспедиціи, стоившіе столько ихъ лѣтъ времени и значительныхъ издержекъ, не только заслуживаютъ полнаго вниманія, но и

достаточно вознаградили насъ за ожиданіе. На сей разъ, мы весьма сожалѣемъ, что цѣль и предѣлы журнала не дозволяютъ намъ обширныхъ замѣчаній и извлеченій, и мы рѣшаемся заключить нашъ бѣглый обзоръ Актовъ археографической экспедиціи, въ замѣну того, выпискою двухъ документовъ, представляющихъ общій интересъ, то есть, занимательныхъ не для однихъ только изслѣдователей исторіи. Кто не знакомъ съ нашими историческими матеріялами, того они ознакомятъ съ ихъ характеромъ, складомъ и оригинальностію. Другимъ представятъ они любопытную картину быта нашихъ предковъ въ XVI и XVII вѣкахъ. И почему знать! Можетъ быть, нашъ обращикъ заставитъ многихъ не пугаться чтенія источниковъ, и въ чьей либо душѣ зажжетъ желаніе къ изысканію подобныхъ матеріяловъ, исхищенію ихъ изъ нѣдръ пыли и уничтоженія.

Одинъ изъ сихъ документовъ есть судное дѣло Максима Грека, которое производилось при Великомъ Князѣ Василіи Іоанновичѣ. Другой, статейный списокъ грамоты Царя Алексія Михайловича къ Митрополиту Никону, описывающій кончину Патріарха Іосифа. Вотъ они, во всемъ добродушіи старины, со всѣмъ неподдѣльнымъ краснорѣчіемъ простыхъ нравовъ простаго слова:

СЛѢДСТВЕННОЕ ДѢЛО МАКСИМА ГРЕКА.

Лѣта 7033, Февраля, на Берсеня Максимова сказка, старца Грека, и Θедька Жаренового рѣчи съ Максимомъ и съ Берсенемъ.

Лѣта 7033, Февраля, сказывалъ Максимъ Старецъ Грекъ, приходилъ ко мнѣ Берсень и говаривалъ со мною о книгахъ, и Царѣградскихъ обычаяхъ: нынѣ у васъ Цари Бесерменскіе и гонители, и вамъ дей нынѣ отъ нихъ люта времена, и какъ вы отъ нихъ проживаете? И язъ ему говорилъ: Цари у насъ злочестивые, а у Патріарховъ и у Митрополитовъ въ ихъ судъ не вступаются. И Берсень молвилъ: хоти у васъ Цари злочестивые, а хотятъ такъ; ино у васъ еще Богъ есть. (*А иныхъ есьми рѣчей съ нимъ не говаривалъ.* Слова эти вычеркнуты).

А келейникъ Максимовъ Аθонасей сказалъ, что прихожи были къ Максиму: Иванъ Берсень, Князь Токмакъ, Василій Михайловъ сынъ Тучковъ, Иванъ Даниловъ сынъ Савурова, Князь Андрей Холмской и Юшко Тютинъ. А совѣтенъ, господине, изъ тѣхъ добре Максиму Иванъ Берсень. Коли къ Максиму придутъ Токмакъ, Василій Тучковъ, Иванъ Даниловъ Савуровъ, Князь Андрей Холмской и Юшко Тютинъ, и они говаривали съ Максимомъ книгами и спиралися межъ себя о книжномъ, а насъ тогды Максимъ и вонъ не высылаетъ, а коли къ нему придетъ Берсень, и онъ

насъ вышлетъ тогды всѣхъ вонъ, а съ Берсенемъ сидятъ долго одинъ на одинъ.

И вспросили Максима: сидѣлъ еси съ Берсенемъ одинъ на одинъ, что еси съ нимъ говорилъ? И Максимъ сказывалъ: пришелъ, господине, ко мнѣ Берсень, коли былъ въ опалѣ, а тому съ годъ нѣтъ, не упомню, о которую пору. И азъ Максимъ Берсеня попыталъ, былъ ли еси сего дня у Митрополита? И Берсень мнѣ молвилъ: азъ того не вѣдаю, есть ли Митрополитъ на Москвѣ. И азъ Берсеню молвилъ: какъ Митрополита нѣтъ? Митрополитъ на Москвѣ Даниилъ. И Берсень мнѣ молвилъ: не вѣдаю-деи Митрополита; не вѣдаю простой чернецъ; учительна слова отъ него нѣтъ ни котораго, а не печалуется ни о комъ; а прежніе Святители сидѣли на своихъ мѣстахъ въ манатьяхъ, и печаловалися Государю о всѣхъ людехъ. А тебя еси, господине Максимъ, взяли изъ Святыя горы, да отъ тебя есмя какую пользу взяли? И язъ ему молвилъ: язъ, господине, сиротина, какой отъ меня пользѣ быти? И Берсень мнѣ молвилъ: ты человѣкъ разумной, и можешь насъ пользовати, и пригоже было намъ тебя въспрашивати, какъ устроити Государю землю свою, и какъ людей жаловати, и какъ Митрополиту жити. И азъ Максимъ Берсеню молвилъ: у васъ, господине, книги и правила есть, можете устроитися.— И Максима вспросили: къ чему онъ тое рѣчь молвилъ? и Максимъ молвилъ: молвилъ, господине, онъ тое рѣчь про Государя.— Да Берсень-же мнѣ говорилъ: добръ-деи былъ отецъ Великого Князя Васильевъ, Князь Ве-

жній Иванъ, и до людей ласковъ, и пошлетъ людей на которое дѣло, ино и Богъ съ ними, а нынѣшней Государь не потому: людей мало жалуетъ. А какъ пришли сюда Грекове, ино и земля наша замѣшалася, а дотолѣ земля наша Русская жила въ тишинѣ и въ миру, а молвилъ то про Великую Княгиню Софію. Какъ пришла сюда Мати Великого Князя, Великая Княгиня Софья съ вашими Греки, такъ наша земля замѣшалася и пришли нестроенія великіе, какъ и у васъ во Царѣгородѣ при вашихъ Царѣхъ. И азъ Берсеню молвилъ: господине, Мати Великого Князя, Великая Княгиня Софья съ обѣ стороны была роду великого, по отцѣ Царскій родъ Царѣгородскихъ, а по матери Великого Дуксуса Ферарійскаго Италѣйскія страны. И Берсень мнѣ молвилъ: господине, какова ни была, а къ нашему нестроенью пришла. Да Максимъ же сказываетъ: да Берсень-же, господине, мнѣ говорилъ: Максимъ, господине, вѣдаешь и самъ, а и мы слыхали у разумныхъ людей, которая земля переставливаетъ обычаи свои, и та земля недолго стоитъ, а здѣсь у насъ старые обычаи Князь Великій перемѣнилъ, ино на насъ котораго добра чаяти. И азъ Максимъ Берсеню молвилъ: господине, которая земля преступаетъ заповѣди Божьи, та и отъ Бога казни чаетъ, а обычаи Царскіе и Земскіе Государи перемѣняютъ какъ лутче Государству его. И Берсень молвилъ: однако лутче старыхъ обычаевъ держатися и людей жаловати и старыхъ почитати; а нынѣ дей Государь нашъ заперся самъ-третей у постели всякіе дѣла дѣлаетъ. И жаловался Берсень на Великого Князя: Подворье дей у меня отнялъ въ го-

родѣ, да прочь отдалъ; а изъ Новагорода изъ Нижняго людей всѣхъ распустилъ, а сына моего одного оставилъ въ Новѣгородѣ. А во се нынѣ отвсюды брани, ни съ кѣмъ намъ миру нѣтъ; ни съ Литовскимъ, ни съ Крымскимъ, ни съ Казанью, всѣ намъ недрузи, а за наше нестроенье. И вспросили Максима, что то онъ молвилъ: *за наше нестроенье?* и Максимъ молвилъ: мнѣ ся мнитъ по моей мысли, какъ бы *несовѣтіемъ* и *высокоуміемъ*. И Максимъ молвилъ Берсеню: господине, не дивися тому, что намъ всѣ врази, занеже иніи погании, а иніи еретьцы, и не подобаетъ боятися ихъ, за нежъ Богъ съ нами. Нынѣшній Государь Князь Великій уподобися Царю Давыду, и какъ Господь Богъ сохранилъ царя Давыда отъ всѣхъ окрестныхъ иноплеменникъ, такъ и нашего Государя Господь Богъ сохраняетъ отъ всѣхъ окрестныхъ враговъ. И Берсень молвилъ: на Бога-то на одного и надѣя. Да Максимъже сказывалъ: въспросилъ меня Берсянь: хочетъ ли тебя Князь Великій отпустити въ Святую гору? и язъ ему молвилъ: прошуся-дей у Великого Князя много, и онъ меня не отпуститъ; и Берсень мнѣ молвилъ: а и не бывати тебѣ отъ насъ; и язъ ему молвилъ: за што ему меня не отпустить, взялъ Государь насъ отъ нашіе братьи на томъ, что ему насъ и назадъ отпустити. И Берсень молвилъ: держитъ на тебя мнѣнья, пришолъ еси сюда, а человѣкъ еси разумной, и ты здѣсь увѣдалъ наше добрая и лихая, и тебѣ тамъ пришедъ все сказывати. Да Берсень-же меня въспросилъ: вѣдаешь ли Максимъ почто сюда Турецкого Посолъ Искиндеръ пришолъ? И язъ молвилъ: не вѣдаю, а слышу, что съ

нимъ деньги Салтановы купить что будетъ потребная. И Берсень молвилъ: на что намъ его дружба? лутши было съ нимъ не дружитися. Князь Великій Иванъ посылывалъ къ Турецкому Салтану своего Посла, и Салтанъ призвалъ нашего Посла да молвилъ ему: скажи своему Государю: далече онъ отъ меня живетъ; нѣтъ ему до меня дѣла; а каково будетъ ему дѣло, ино у меня сынъ въ Кафѣ; и онъ ся ссылай съ моимъ сыномъ. Да въспросилъ язъ Берсеня: господине Иванъ! за что князь Великій тобя такова разумна человѣка не жалуетъ? И Берсень молвилъ: по грѣхамъ по моимъ обговоры пришли на меня. И вину мнѣ Берсень сказывалъ за что его Государь Князь Велики отъ собя отставилъ, да не памятую гораздо; памятуетъ ми ся говорилъ, что въстречю Великому Князю о Смоленьску, и Князь Великій того не полюбилъ, да молвилъ: «пойди, смердъ, прочь; не надобенъ ми еси.»

А Өедько Жареной приходилъ ко мнѣ на Симаново и язъ его въспросилъ: какъ твое дѣло, ужли хто имается о твоемъ дѣлѣ печаловатись Великому Князю? И Өедько молвилъ: пропалъ-дей есми, печальника не могу добыти, а Государь по моимъ грѣхомъ пришолъ жестокъ, а къ людямъ не милостивъ.

«Съ очей на очи Максимъ съ Берсенемъ и съ Жаренымъ.

«И въспросили Берсеня: говаривалъ ли еси съ Максимомъ какіе рѣчи? и Берсень сказываетъ, что съ Максимомъ рѣчей никакихъ не говаривалъ.

«И поставили Берсеня съ Максимомъ съ очи на

очи, и прочли списокъ, что Максимъ на Берсеня сказывалъ. И Берсень сказываетъ тѣхъ рѣчей не говаривалъ; а Максимъ говарилъ съ очей на очи, что тѣ рѣчи Берсень ему говорилъ. Да Берсень-же говорилъ: только есми съ Максимомъ и говорилъ; попыталъ меня Максимъ: есть ли у тебя дворъ въ городѣ? и язъ ему молвилъ: дворъ у меня въ городѣ есть, да нынѣ его отдали, у меня отнявъ, а поставили на немъ Шемячичеву Княгиню, Да въ розговорѣ есми съ Максимомъ про здѣшніе люди молвилъ, что нынѣ въ людехъ правды нѣтъ.

«Да Максимъ-же говорилъ: а того мнѣ всего не упамятовати, что со мною Берсень говорилъ: многіе, господине, рѣчи Берсень про Государя говорилъ: Государь дей упрямъ и въстрѣчи противъ собя не любитъ; кто ему въстрѣчю говоритъ, и онъ на того опаляется; а отецъ его Князь Великій противъ себя стрѣчю любилъ и тѣхъ жаловалъ, которые противъ его говаривали. Да и заказывалъ мнѣ Берсень, чтобъ язъ тѣхъ рѣчей не сказывалъ никому, что со мною Берсень говорилъ.

«А Ѳедько Жареной съ Максимомъ съ очей на очи тѣхъ рѣчей запрѣлся, что того не говаривалъ; и Максимъ говорилъ, что тѣ рѣчи Ѳедько ему говорилъ.

«А послѣ того Ѳедько сказалъ: говорилъ есми, господине, тѣ рѣчи: пришелъ есми, господине, къ Максиму и Максимъ меня въспросилъ: добылъ ли еси печальника? и язъ Максиму молвилъ: печальника есми не добылъ, а Государь пришелъ жостокъ и немилостивъ.

«Да Өедько-жъ сказывалъ: какъ Князь Великій ѣхалъ изъ Новагорода изъ Нижнего, и ждали есмя Великого Князя какъ ему въѣхати въ городъ, и говорилъ стоячи Берсень: почто Князь Великій ходилъ въ Новгородъ? поставилъ на ихъ сторонѣ лукно: ино какъ ся съ ними помирити? какъ Смоленскъ-же городъ взялъ, а люди тамо! ино не лзѣ миру быти. И поставити было городъ: ино было поставить на своей сторонѣ; ино бы лзѣ и миру быти.

«Да Өедько-жъ сказывалъ: да Берсень-же мнѣ говорилъ: Өедоръ, ходишь ли ты къ Митрополиту? и язъ ему молвилъ: мало хожу. Гнѣвенъ на меня про то Митрополитъ (*не давалъ есми ему тѣхъ деневъ, коли онъ не служилъ*; вычеркнуто). И Берсень мнѣ говорилъ: язъ у Митрополита былъ, и сидѣлъ есми у него одинъ на одинъ. И митрополитъ Великому Князю велику хвалу вздаетъ, что городъ поставилъ, тѣмъ-дей городомъ всю землю Казанскую возметъ: а се дей Богъ его избавилъ запазушного врага. И язъ Митрополита въспросилъ: хто запазушной Государю былъ врагъ? И Митрополитъ молвилъ: Шемячичь. А того-дей Митрополитъ самъ позабылъ, что къ Шемячичу грамоту писалъ и руку свою къ той грамотѣ и печать приложилъ, а взялъ его на образъ Пречистые, да Чюдотворцевъ, да на свою душу.

«съ очей на очи Берсень съ Жаренымъ.

«Февраля 22 сказывалъ Иванъ Берсень: угонилъ меня, господене, Өедько Жареной тому съ недѣлю противъ Николы, а Максима уже изымали, и учалъ мнѣ

сказывати: велятъ мнѣ Максима клепати, и мнѣ его клепати ли? и язъ Өедьку молвилъ: что будетъ слышелъ и ты то сказывай прямо, а что говоришь о лжи, ино ты вѣдаешь, да и прочь отъ меня пошолъ. А сказываетъ, что Князь Великій присылалъ къ Өедьку Игумена Троецкаго: только мнѣ солжи (*скажешь*, вычеркнуто) на Максима (*всю истинну*, вычеркнуто), и язъ тебя пожалую.

И Өедько съ Берсенемъ очи на очи говорилъ, что тѣ рѣчи ему говорилъ, что къ нему Игумена Троецкаго присылалъ, чтобы ему на Максима всю истинну сказалъ, а лжи Берсеню не говаривалъ.

Да Берсень-же сказывалъ: которые рѣчи на меня Максимъ сказывалъ, и язъ въ томъ передъ Государемъ во всемъ виноватъ, тѣ есми рѣчи всѣ Максиму сказывалъ. — Да Берсень-же сказывалъ: язъ, господине, того не вѣдаю чья дочь Великая Княгиня Софья; и Максимъ сказалъ мнѣ: Великая Княгини Софья по отцѣ Хрестьянка, а по матери Латынка. А которые рѣчи на меня Өедько говорилъ про городъ и про Шемячича, и язъ тѣхъ рѣчей Өедьку не говаривалъ. А что господине, про Жареного говорити не упамятовати ми его рѣчей, что онъ говорилъ; что ему вѣтръ нанесъ на ротъ, то говорилъ; нѣтъ того которыхъ лихихъ рѣчей не говорилъ; какъ бы възбѣсився говорилъ.

ОТДѢЛЬНЫЕ ЛИСТКИ, ЧЕРНОВЫЕ, ТОГО ЖЕ СЛѢДСТВЕННАГО ДѢЛА.

«СКАЗКА МАКСИМОВА.

Начала нѣтъ............ (*Да Максимъ-же говорилъ: Истинну, господине, вамъ скажу, что у меня въ сердцѣ, ни отъ кого есми того не слыхалъ и не говаривалъ ни съ кѣмъ, а мнѣньемъ есми своимъ то себѣ держалъ въ сердцѣ: вдовицы плачутъ, а пойдетъ Государь къ Церкви и вдовицы плачутъ и за нимъ идутъ, и они ихъ бьютъ; и язъ за Государя молилъ Бога, чтобы Государю Богъ на сердцѣ положилъ и милость бы Государь надъ ними показалъ.* Все это вычеркнуто.)

«Февраля 20 сказывалъ Максимъ, что ему Берсень говорилъ: какъ пришла сюда Мати Великого Князя Великая Княгиня Софья съ вашими Греки, такъ наша земля замѣшалася. И язъ Максимъ Берсеню молвилъ: господине, Мати Великого Князя Великая Княгиня Софья съ обѣ стороны была роду великого по отцѣ Царьскій родъ Царѣгородскихъ, а по матери Великого Дуксуса Ферарійскаго Италѣйскіе страны. И Берсень мнѣ молвилъ: господине, какова ни была, а къ нашему нестроенью пришла. Да Максимъ-же сказываетъ: да Берсень-же, господине, мнѣ говорилъ: Максимъ, господине, вѣдаешь и самъ, а и мы слыхали у разумныхъ людей, которая земля переставливаетъ обычаи свои, и та земля не долго стоитъ; а здѣсе у насъ старые обычаи Князь Великій перемѣнилъ: ино на насъ которого добра чаяти? И язъ Максимъ Барсеню мол

вилъ: господине, которая земля преступаетъ заповѣдей Божьихъ, та и отъ Бога казни чаетъ, а обычаи Царьскіе и Земьскіе Государи перемѣняютъ какъ лутче Государьству его. И Берсень молвилъ: однако лутче старыхъ обычаевъ держатися и людей жаловати и старыхъ почитати; а нынѣчя-дей Государь нашъ запершися самъ-третей у постели всякіе дѣла дѣлаетъ. И жаловался Берсень на Великого Князя; Подворье-дей у меня отнялъ въ городѣ, да прочь отдалъ; а изъ Новагорода изъ Нижнего людей всѣхъ роспустилъ, а сына моего одного оставилъ въ Новѣгородѣ. А во се нынѣ отвсюды брани, ни съ кѣмъ намъ миру нѣтъ: ни съ Литовскимъ, ни съ Крымскимъ, ни съ Казанью, все намъ недрузи, а за наше нестроенье. И въспросилъ Максима, что то онъ молвилъ: за наше нестроенье? и Максимъ молвилъ: мнѣ ся мнитъ по моей мысли, какъ вы несовѣтіемъ и высокоуміемъ. И Максимъ молвилъ Берсеню: господине, не дивися тому, что намъ все врази, занеже иніи погани, а иніи еретики, и не подобаетъ боятися ихъ, за нежъ Богъ съ нами; нынѣшній Государь Князь Велики уподобися Царю Давыду, и какъ Господь Богъ сохранилъ Давыда отъ всѣхъ окрестныхъ иноплеменникъ, такъ и нашего Государя Господь Богъ сохраняетъ отъ всѣхъ окрестныхъ враговъ. И Берсень молвилъ: на Бога-то на одного и надѣя. Да въспросилъ язъ Берсеня: господине Иванъ! за что Князь Великій тобя такова разумна человѣка не жалуетъ? И Берсень молвилъ: по грѣхомъ по моимъ обговоры пришли на меня. И вину мнѣ Берсень сказывалъ за что его Государь отъ собя отставилъ, да не

памятую гораздо, памятуетъ мя ся говорилъ, что въстрѣчю Великому Князю о Смоленьску, и Князь Великій того не полюбилъ, да молвилъ: «поди, смердъ, прочь; не надобенъ ми еси.»

«Максимъ сказалъ: въспросилъ его Иванъ Берсень: какъ тебя Государь Князь Великій хочетъ отпустити въ Святую гору? и язъ ему молвилъ: прошуся многожды у Государя, да Государь меня не отпуститъ; и Берсень молвилъ: а и не бывать тебѣ отъ насъ; и язъ его въспросилъ: за што мнѣ не быти, взялъ меня Государь изъ Святыя горы, да и опять отпуститъ. И Берсень молвилъ: мнѣнья на тебя держимъ, что сюды еси пришелъ, а человѣкъ еси разумной, а отвѣдалъ еси наша добрая и лихая, и тебѣ тамо то шедъ сказати. Да въспросилъ меня Берсень: вѣдаешь ли дей, которымъ дѣломъ къ намъ пришолъ Турецкой посолъ Изкиндеръ? И Максимъ молвилъ: не вѣдаю, господине, а слышу, что деньги Салтановы съ нимъ купить что приказалъ. И Берсень молвилъ: на што его намъ дружба? лутчи было не дружитися съ нимъ. Потомужъ покойникъ Князь Великій Иванъ Васильевичъ всея Руси посылалъ посла своего къ Турецкому къ Салтану, и Салтанъ призвалъ посла нашего, а молвилъ ему: скажи своему Государю: далетче отъ меня живетъ, нѣтъ ему до меня дѣла; а будетъ ему которое дѣло, ино сынъ мой живетъ въ Кафѣ: посылай къ нему.

Февраля 20 сказка Өедька Жареново.

«Лѣта 7033, Февраля 20, сказывалъ Өедька Жареной: которые рѣчи на меня сказывалъ Максимъ и язъ

тъ рѣчи всѣ говорилъ. Въспросилъ меня Максимъ: добылъ ли еси печальника? и язъ Максиму говорилъ: печальника есми не добылъ, а Государь пришолъ жестокъ и немилостивъ.

«А какъ Князь Великій ѣхалъ изъ Новагорода изъ Нижнего (*и прислалъ ко мнѣ подъячаго*, вычеркнуто) и ждали Великого Князя какъ ему въѣхати въ городъ. И говорилъ того дни Берсень: по что Князь Великій въ Новгородъ ѣздилъ? поставилъ на ихъ сторонѣ лукно: ино какъ ся съ ними помирити? какъ Смоленескъ же (*люди* вычеркнуто), городъ взялъ, а люди тамъ! ино не лзъ миру быти. И поставити было городъ: ино было поставить на своей сторонѣ; ино бы лзъ и миру быти.

«Да Ѳедько-жъ сказывалъ: да Берсень-же мнѣ говорилъ: Ѳедоръ ходишь ли ты къ митрополиту? и язъ ему молвилъ: мало хожу. Гнѣвенъ на меня про то митрополитъ, не давалъ есми ему тѣхъ денегъ, коли онъ не служилъ. И Берсень мнѣ говорилъ: язъ у митрополита былъ, и сидѣлъ есми у него одинъ на одинъ. И митрополитъ великому князю велику хвалу вздаетъ, что городъ поставилъ, тѣмъ-дей городомъ всю землю Казанскую возметъ; а се-дей Богъ его избавилъ запазушного врага. И язъ Митрополита въспросилъ: хто запазушной Государю былъ врагъ? И митрополитъ молвилъ: Шемячичь. А того-дей митрополитъ самъ позабылъ, что къ Шемячичу грамоту писалъ и руку свою

къ той грамотѣ и печать приложилъ, а взялъ его на образъ Пречистые, да на Чудотворцевъ, да на свою душу.

съ очей на очи Максимъ съ Берсенемъ и съ Жаренымъ.

«И (*какъ Берсеня привели и*, вычеркнуто) въспросили Берсеня: говаривалъ еси съ Максимомъ какія рѣчи? и Берсень сказалъ, что съ Максимомъ рѣчей никакихъ ни о чемъ ни говаривалъ.

«И (*какъ*, вычеркнуто) поставили Максима съ Берсенемъ съ очи на очи, и прочли списокъ Максимовыхъ рѣчей, и Максимъ на Берсеня очи на очи говорилъ тѣже рѣчи, что и въ списку написаны. А Берсень говорилъ съ Максимомъ очи на очи, что тѣхъ тѣхъ рѣчей не говаривалъ, а молвилъ есми съ Максимомъ объ одномъ о своемъ дворѣ, которой въ городѣ; а попыталъ меня Максимъ же, а молвилъ: есть ли у тебя дворъ въ городѣ? и язъ ему сказалъ, что дворъ у меня въ городѣ есть, а нынѣ его у меня отняли, а поставили на немъ Княгиню Шемячичеву. (*А про Государя есми не говаривали ничего*, вычеркнуто). А въ розговорѣ есми съ Максимомъ про люди про здѣшніе молвилъ, что нынѣ въ людехъ правды нѣтъ. (*А про Государя есми не говаривалъ*, вычеркнуто). Да Максимъ-же говорилъ: а того ми, господине, не упаматовати: многіе, господине, рѣчи Берсень про государя говорилъ, что государь упрямъ (*жестокъ и немилостивъ, упрямъ, хто противъ Государя, Государю встрѣчю говоритъ*, вычеркнуто) и встрѣчи противъ себя

Государь не любитъ; а хто молвитъ противъ Государя встрѣчю и онъ на того опалится; а отецъ его Князь Великій противъ себя стрѣчю (*себя*, вычеркнуто) любилъ, и тѣхъ (*людей*, вычеркнуто) жаловалъ, которые противъ его говаривали. Да и заказывалъ мнѣ Берсень, чтобы язъ тѣхъ рѣчей не сказывалъ никому; и Берсень говорилъ: язъ тобѣ тѣхъ рѣчей не говаривалъ и не заказывалъ.

«А Ѳедька Жареной съ Максимомъ говорилъ очи на очи, что тѣхъ рѣчей никоторыхъ не говаривалъ. А коли, господине, Государь Князь Великій пировалъ у владыки, и язъ тогды у Максима былъ, а со мою былъ Ѳедоръ Палицынъ, и тѣхъ рѣчей есми не говаривалъ. И въспросили Максима: тогда ли тѣ рѣчи Жареной говорилъ? и Максимъ сказалъ: поопамятовался есми, господине, тогды, господине, тѣхъ рѣчей Жареной не говаривалъ, а былъ господине у меня Жареной напередъ того одинъ на одинъ, и онъ тогды тѣ рѣчи говорилъ да и тетрадки у меня взялъ. И Ѳедька Жареной сказалъ, что у Максима напередъ того бывалъ и тетрадки у него взялъ, а тѣхъ рѣчей не говаривалъ.»

Вотъ статейный списокъ, посланный съ Московскимъ Сотникомъ отъ Царя Алексѣя Михайловича, «къ великому господину преосвященному митрополиту» Новагорода и Великихъ Лукъ:

СПИСОКЪ СЪ СТАТЕЙНАГО СПИСКА СЛОВО ВЪ СЛОВО.

«Нынѣшняго 160 году, принесли великого святителя Іева Патріарха мощи, Априлія въ 5 день, въ по-

недѣльникъ шестыя недѣли, часы въ отдачю денныя, въ монастырь къ пречистой Богородицы Страстныя: а встрѣчать посыланы его святые мощи власти: Митрополитъ Казанскій и Свіяжскій Корнилей, Архіепископъ Муромскій и Резанскій Мисайло, архимандритъ Андроньевской Селиверстъ, Спаской игуменъ изъ Заветошного ряду, протопопъ изъ Подколоколовъ, да изъ собору священникъ да діаконъ, да со властьми встрѣчали: бояри наши князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой, да князь Ѳедоръ Семеновичъ Куракинъ, да околничіе наши князь Василей Григорьевичъ Ромодановской, да Прокофей Ѳедоровичъ Соковнинъ, да дьякъ Семенъ Заборовской; а встрѣтили тѣ его честные мощи въ селѣ Тушинѣ, за двѣнадцать верстъ до Москвы, по Іосифовской дорогѣ; а изъ Тушина несли на главахъ стрѣлцы до самой Москвы; а язъ многогрѣшный Царь встрѣчалъ съ Патріархомъ и со всѣмъ освященнымъ соборомъ и со всѣмъ государствомъ отъ мала и до велика, и многолюдно таково было, что не вмѣстилися отъ Тверскихъ воротъ по Неглиненскія ворота, и по кровлямъ и по переулкамъ яблоку негдѣ было упасть, а пожаръ весь занятъ людьми пѣшими, нельзя ни пройти, ни проѣхать; а Кремль велѣлъ запереть, инъ и такъ на злую силу пронесли въ соборъ: такая тѣснота была, старые люди, говорятъ, лѣтъ за семьдесятъ не помнятъ такой многолюдной встрѣчи; и Патріархъ нашъ отецъ со мною жаловалъ, плачучи говорилъ: «вотъ де смотри, Государь, каково хорошо за правду стоять: и по смерти слава;» да много плакалъ, мало не во всю дорогу до самого до собору. И при-

шедше поставили въ ногахъ у Іасафа Патріарха, на мосту на верху, и оклали кирпичемъ, а сверху доска положена, а не задѣлана для свидѣтельства; почали было свидѣтельствовать, да за грѣхи наши изволилъ Богъ отца нашего Патріарха взять въ вѣчное блаженство; и топерь все стало, ожидаемъ тебя къ свидѣтельству, а чудеса отъ него есть. И какъ почали его ставить на мѣстѣ томъ, и отецъ нашъ говоритъ мнѣ: «кому де въ ногахъ у него лежать?» И я молвилъ: «Ермогена тутъ положимъ.» И онъ государь молвилъ: «пожалуй де, Государь, меня тутъ грѣшного погресть;» и какъ отецъ нашъ преставися, и я грѣшный воспомянулъ его государевы слова, какъ мнѣ приказывалъ, гдѣ велѣлъ себя положить, и мѣсто выпросилъ, только дня не вѣдалъ, въ который день Богъ изволитъ взять, и мнѣ грѣшному его святительскія слова въ великое подивленіе, какъ есть онъ государь пророкъ пророчествовалъ себѣ про смерть ту свою; да съ тѣхъ мѣстъ и заболѣлъ лихорадкою, да трясла его ходячи по днямъ а къ вербному воскресенью и полегчѣло, да пришелъ утинъ да грыжа, на злую силу ѣздилъ на осляти: а кручиноватъ добрѣ былъ, въ ходу никто не могъ угодить, на всѣхъ кручиниться; да и не служилъ самъ, велѣлъ Казанскому да властемъ; а за столомъ веселъ таковъ былъ, сказываютъ, что не вѣдаетъ гдѣ дѣтся. Да на страстной недѣлѣ посылалъ я въ понедѣльникъ и во вторникъ о спасеніи спрашивать, и онъ государь самъ выходилъ, да сказывалъ: «есть де легчѣ: прямая де лихорадка, и зновитъ и въ жаръ великой приводитъ;» да во вторникъ ѣздилъ отпѣвать Ивана Григорьева сы-

на Плещеева жену, а отпѣвалъ де на злую силу, весь де чернъ въ лицѣ; мнѣ пріѣхавши сказывали, кто былъ на погребеньѣ томъ, гораздо де боленъ Патріархъ, а въ среду ту ни у заутрени, ни у обѣдни не былъ, а я того и невѣдалъ, что онъ гораздо боленъ, да и послалъ я Василья Бутарлина о спасеніи его великого святителя спросить, а его де одва вывели, а говоритъ де хорошо. И пріидк мнѣ въ вечеру помышленіе тое жъ среды, что пойтить къ нему мнѣ навѣстить его, а другое помышленіе мнѣ пріиде, что завтро де побываешь; и Божіимъ изволеніемъ первое то помышленіе гораздо почало понуждать итить къ нему, и благословяся у отца своего духовного, пошелъ къ нему тое жъ среды въ вечеру, и пришелъ къ нему за часъ до вечера, и дожидался съ часъ его государя въ крестовой, и вывели его одва ко мнѣ, и идетъ мимо меня благословлять Василья Бутурлина, и Василей молвилъ ему: «Государь де стоитъ;» и онъ, смотря на меня, спрашиваетъ: «а гдѣ де Государь?» и я ему извѣстилъ: «передъ тобою святителемъ стою;» и онъ посмотря молвилъ: «поди, Государь, къ благословенію,» да и руку далъ мнѣ поцѣловать, да велѣлъ себя посадить на лавкѣ, а сѣлъ по лѣвую руку у меня, а по правую не сѣлъ, и сажалъ да не сѣлъ; а вышелъ ко мнѣ, знать, въ самомъ зломъ знобу, какъ почело его знобить, а онъ и вышелъ ко мнѣ; да спросилъ я его святителя про болѣзнь: какая болѣзнь? и онъ сказалъ: «лихорадка де знобитъ и топере;» а говоритъ съ забытью, а иное замолчитъ да долго не говоритъ, а лихорадка та его какъ пе подымая зновитъ; и я учалъ ему говорить:

«такое то, великій святитель, наше житіе; вчерась здорово, а нынѣ мертвы»; и онъ государь молвилъ: «ахъ де, Царь Государь! какъ человѣкъ здоровъ, такъ де мыслитъ живое, а какъ де прийметъ, инъ де ни до чего станетъ;» и я ему свѣту молвилъ: «не гораздо ли, государь, не домогаешь?» и онъ молвилъ, какъ есть сквозь зубы: «знать де что врагуша трясетъ, и губы окинула, чаю де что покинетъ, и лѣтось также была». И ты меня грѣшного прости, великій святитель и равноапостоломъ и богомолецъ нашъ преосвященная главо, въ томъ, что язъ ему не воспомянулъ о духовной, и кому душу свою прикажетъ и что про келейную казну прикажетъ и не воспомянулъ; для того въ томъ прости, великій святитель: обманула меня тѣмъ, я чаялъ, что впрямъ трясавица, а впрямъ смертная; по языку тому признавался, что худо говоритъ и сквозь зубы, и помышлялъ себѣ, что гораздо болѣнъ, да положился на то, что зновитъ больно, то-то онъ и безъ памяти; а се и то мнѣ на умъ пришло великое сумнѣніе: болѣзнь та на немъ трясавишная, а мнѣ молвить про духовную ту, и онъ помнитъ: вотъ де меня избываетъ, да станетъ сердечно гнѣваться, да для того впросто и положилъ, да то-то себѣ почаялъ: еще утре побываю у него; и ты меня, великій святитель, для Христа прости мое согрѣшеніе, что постыдился воспомянуть о преждеимянованной духовной и объ иныхъ статьяхъ, чаялъ, что утре увижусь; и ты меня прости: ей не съ хитрости сіе дѣло сотворилося, сатана заиялъ такое дѣло совершить, и я у тебя великого святителя прошу согрѣшеніемъ своимъ прощенія и благословенія и раз-

рѣшенія и сему моему согрѣшенію. Доздѣ да возвращуся на прежде реченное, да объ объ отцѣ своемъ повѣсть докончаю. И посидя немного я всталъ и его подниялъ, и такъ его почало зновить, не смогъ и достойно проговорить, Славу проговорилъ съ отпускомъ насилу; да почелъ ко мнѣ прощенія говорить, что говорятъ въ среду на страстной, и я ему отвѣщалъ по уставу, да самъ почелъ прощеніе къ нему творить да поклонился въ землю ему, а онъ малой поклонъ сотворилъ, да благословилъ меня, да велѣлъ себя весть провожать меня, а ноги те волочитъ на злую силу; и я сталъ, и учалъ его ворочать: «воротися, государь, ей пуще тебѣ будетъ» и онъ мнѣ жалуетъ говоритъ: «ино су я тебя и въ другоредь благословлю;» и я молвилъ: «пожалуй же, государь, великій святитель, благослови и третицею;» и онъ пожаловалъ и въ третій благословилъ, да какъ благословитъ и руку дасть поцѣловать и въ херувимъ; и я благословясь да поклонился въ землю ему и поцѣловалъ въ ногу, и онъ смотря на меня благословляетъ и прощаетъ, да и воротился, да и повели его въ зданія кельи, а я пошелъ къ себѣ; да молвилъ оглѣнясь: «завтро де велю служить и дѣйствовать Казанскому со властьми, а на меня де не покручинься, не могу;» и я молвилъ: «добро, государь, вели ему, а самъ поотдохни къ свѣтлому воскресенію.» И енто все дѣлалось въ среду на страстной въ вечерѣ, а на утре въ четвергъ, дапѣваютъ у меня завтреню за полчаса до свѣта; только начали первой часъ говорить а Иванъ Кокошиловъ ко мнѣ въ церковь бѣжитъ къ Евдокеѣ Христовы мученицы и почалъ меня звать:

Патріархъ де кончается; и меня прости, великій святитель, и первой часъ велѣлъ безъ себя допѣвать, а самъ съ небольшими людьми побѣжалъ къ нему и прибѣжалъ къ нему, а за мною Резанской, я въ двери, а онъ въ другія; а у него толке протодьяконъ, да отецъ духовной, да Иванъ Кокошиловъ со мною пришелъ, да келейникъ Ѳерапонтъ, и тотъ трехъ не смыслитъ перечесть, таковъ простъ, и себя не вѣдаетъ, а опричь того ни отнюдь никого нѣтъ, а его свѣта поновлялъ отецъ духовной. И мы со Архіепископомъ кликали и трясли за ручки те чтобъ промолвилъ, отнюдь не говорить, толке глядитъ, а лихородка та знобитъ и дрожитъ весь, зубъ о зубъ бьетъ; и мы съ Архіепископомъ не могли роскликать, и роспрашивали протодьякона, для чего вѣсти ко мнѣ не повѣдали и ко властемъ, и онъ почалъ говорить то: «кобы де не я, Государь, заставилъ сильно поновлять отца духовнаго, и онъ бы де такъ и ушелъ безо всего; я де пришелъ къ нему, а онъ де лежитъ безъ памяти, а отца духовнаго выслалъ вонъ, и онъ де стоитъ у дверей, не смѣетъ и войтить; я де почалъ говорить: для чего нейдешь? и онъ де мнѣ говоритъ: не смѣю де иттить, станетъ де кручиниться, и я де закричалъ: хотя бъ де билъ тебя и ты бъ де шелъ къ нему, видишь де и самъ, что топере онъвъ нецевельѣ, потому болѣзнь та гораздо приняла его; и Ивана того де я сыскивалъ да послалъ по тебя Государя и по Казанского и Резанского.» И мы спрашивали отца его духовного, каково говорилъ въ исповѣданіи, и онъ сказалъ: «гораздо де тупо поновливался, чуть де намѣчалъ;» да протодьяконъ сказывалъ: «я де давѣ на ве-

ликую силу роскликалъ, инъ только де и молвилъ: пошли де по Государя, да и только; да съ тѣхъ де мѣстъ и по ся мѣстъ языка нѣтъ, какъ бы и пришли;» и я и Резанской почали кликать, и онъ государь толко очми зритъ на насъ быстро, а не говоритъ, знатно то что хочетъ молвить да не сможетъ; не могли роскликать ни коими мѣрами, какъ есть въ лихорадкѣ, какъ въ жаръ кинетъ, такъ то онъ лежитъ въ забытіи, невѣдомо какая болѣзнь та у него святителя была. Да мы съ Резанскимъ да сѣли думать, какъ причащать ли его топере или нѣтъ: а се ждали Казанского и прочихъ властей, и мы велѣли обѣдню пѣть раннюю, чтобъ причастить; такъ Казанской прибѣжалъ, да послѣ Вологодской, Чудовской, Спаской, Симоновской, Богоявленской, Мокей протопопъ, да почелъ кликать его и не могъ роскликать; а лежалъ на боку на лѣвомъ, и переворотили его на спину и подняли главу то его по выше, а во утробѣ то и знать какъ грыжа то ходитъ, слово въ слово таково во утробѣ той ворошилось и ворчало, какъ у батюшка моего передъ смертью, такъ Казанской учалъ говорить, чтобъ причастить запасными дарами и велѣлъ отцу духовному прощенія просить передъ всѣми властьми за него; и причащали его святителя при мнѣ Казанской, Резанской, отецъ духовной его, да протодьяконъ; а причащали его власти безъ ризъ, въ мантіяхъ безъ клабуковъ; а какъ пожаловали части и ему уста размылъ протодьяконъ, а онъ государь безъ памяти лежалъ. И послѣ причастія почалъ онъ государь гораздо дышать больно; и почалъ отецъ его духовной говорить: велѣлъ де себя масломъ соборовать;

и почали облачаться, и къ освященію масла пріѣхалъ Вологодской, Ростовской и Крутицкой, да Андроньевской, да Здвиженской, и иные прочіе черные власти были въ соборѣ; приспѣлъ какъ часъ освященію и помазанію маслу, а отецъ духовной мой со мною вмѣстѣ пришелъ, а причащали безъ него: онъ на часы вышелъ; и почали первое евангеліе честь, а я у него стою, да возлѣ меня стоитъ по правую сторону отецъ его духовной, а мой отецъ духовной по лѣвую сторону у него стоитъ, подъ руку его подъ лѣвую держитъ, опадываетъ рука та добрѣ; и какъ прочелъ Казанской и приложилъ его, такъ послѣ евангелія того почалъ гораздо быстро смотрѣть на лѣвую сторону ко властемъ, гдѣ масло то освящаютъ, да повелъ очми тѣми вверхъ да почалъ съ краю того жаться къ стѣнѣ; и меня прости, владыко святый, кой часъ почалъ пристально и быстро смотрѣть, и я узналъ, что онъ видѣніе видитъ; не упомню гдѣ я читалъ: передъ разлученіемъ души отъ тѣла видитъ человѣкъ вся свои добрые и злые дѣла; и молвилъ я отцу его духовному: «видитъ отецъ нашъ нѣкакое видѣніе;» и онъ молвилъ: «нѣтъ де, полна де, въ пецебеньѣ такъ смотритъ;» и я молвилъ: смотри, что будетъ, и самъ не знаешь, что говоришь;» и я отцу духовному своему сказалъ, что видитъ нѣкакое видѣніе; и онъ молвилъ: «видитъ де нѣчто;» а смотрѣлъ съ четверть часа быстро создомъ, а смотритъ все въ потолокъ знатно то что видитъ, и почалъ руками закрываться и жаться къ стѣнѣ то и въ уголъ, какъ стѣну ту не выломитъ, и руки те вырвалъ у протопопа да почалъ закрываться да закрычалъ великимъ гла-

сомъ, а невѣдомо что, да почалъ хорониться и жаться добрѣ въ уголъ; походило добрѣ на то, какъ кто кого бьетъ, а кого бьютъ такъ тотъ закрывается, такъ то надъ нимъ святителемъ было; да затрясся весь въ ту пору и плакать почалъ и кричать такъже, а смотритъ вверхъ; да было того съ полчетверти часа, да послѣ крычанія почнетъ и отходить, двожды отходилъ и отходную говорили, да опять очнулся да почелъ тихнуть, а очи гораздо мутны стали съ крычанія, и я передънимъ прогоноря прощенія да поцѣловалъ въ руку да въ землю поклонился, пошелъ къ себѣ въ пятомъ часу въ исходѣ, а казну келейную въ чуланѣхъ и въ полатахъ, и домовую вездѣ самъ перепечаталъ послѣ освященія масла. А у него святителя остался Резанской, да отецъ его духовной, да ризничей, да Спаской келарь Пафнотей Еропкинъ; а Казанской со властьми пошли готовиться къ службѣ, и начали въ соборѣ въ седьмомъ часу вечерню, а у меня ту жъ пору начали; и какъ начали пѣть въ соборѣ, и какъ начали у меня, вмѣсто Херувимской первой стихъ Вечерѣ твоей тайнѣ пѣть, а онъ государь въ тотъ часъ преставися осьмаго часа въ полы; и пропѣли первой стихъ и прибѣжалъ келарь Спаской и сказалъ мнѣ Патріарха дѣ Государя не стало; а въ ту пору ударилъ въ царь-колоколъ трикраты, и насъ такой страхъ и ужасъ нашелъ, одва пѣть стали и то съ слезами, а въ соборѣ пѣвчіе и власти всѣ со страху и ужаса ноги подломились, потому что кто преставился, да къ такимъ днямъ великимъ кого мы грѣшные отбыли; яко овцы безъ пастуха не вѣдаютъ гдѣ дѣться, такъ то мы нынѣ грѣшные не вѣдаемъ

гдѣ главы преклонити, понеже прежнего отца и пастыря отстали, а нового не имѣемъ. И ты, владыко святый, помолись и съ Васильемъ Уродивымъ сіи рѣчь нашимъ языкомъ съ Вавиломъ, чтобъ Господь Богъ нашъ далъ намъ пастыря и отца, кто Ему Свѣту годенъ, имя вышеписанное, а ожидаемъ тебя великого святителя къ выбору, а сего мужа три человѣка вѣдаютъ: я, да Казанской Митрополитъ, да отецъ мой духовной, тай не въ примѣръ, а сказываютъ святъ мужъ. А отъѣдъ да возвратимся на прежде реченное: и отпѣвши обѣдню, пришедъ къ нему свѣту, а онъ Государь уже преставися, лежитъ какъ есть живъ, и борода розчесана лежитъ какъ есть у живого, а самъ неимѣрно хорошъ; и простяся съ нимъ и поцѣловавъ руку, и пошелъ къ умовенію ногамъ, а его Государя приказалъ готовить погребальная Рязанскому Архіепископу, да архимандриту Андроніевскому, да отцу его духовному, а тѣ всѣ власти были въ службѣ; и послѣ умовѣнія, съ Казанскимъ Митрополитомъ съ Корниліемъ и со всѣми властьми приговорили выносить на завтренѣ въ пятницу въ великую къ Ризъ Положенью до часовъ, да вынесчи и по мощи пойтить къ Благовѣщенію Богородицы; и пришли по него часу въ пятомъ дни, а онъ свѣтъ какъ есть живъ лежитъ, и вѣры неймется, что онъ Государь отецъ нашъ преставился, таковъ хорошъ лежитъ во гробѣ, только не говоритъ; а облачали его свѣта всѣ власти, Казанской Митрополитъ съ товарищы, и вынесли его свѣта къ Ризъ Положенью, и вынесши его, пошли по мощи къ Благовѣщенію. И въ вечеру того пятка пошелъ я съ женою

и съ сестрами къ Благовѣщенію къ святымъ мощамъ и въ соборъ къ гробу Господню знаменаться и съ отцемъ нашимъ Іосифомъ Патріархомъ проститеся и получити; и изъ собору пошелъ самъ одинъ напередъ прежъ ихъ къ Ризъ Положенью выслать сидѣльцовъ; да пришелъ я къ дверямъ полунощнымъ, а у него отнюдь никакого сидѣльца нѣтъ, кому велѣлъ быть игумномъ, тѣ всѣ розъѣхались; и я ихъ велѣлъ смирять Митрополиту: да такой грѣхъ, владыко святый, кого жаловалъ, тѣ ради его смерти, лутчей Новинской игуменъ тотъ первой поѣхалъ отъ него домой; а дѣтей боярскихъ я смирялъ сколько Богъ помочи далъ; а надъ нимъ одинъ священникъ говоритъ Псалтырь, и тотъ говоритъ во всю голову кричитъ, а двери всѣ отворилъ; и я почалъ ему говорить: для чего ты не по подобію говоришь? «прости де, Государь, страхъ нашелъ великой, а во утробѣ де, Государь, у него святителя безмѣрно шумѣло больно грыжа до тебя Государя, то-то де меня и страхъ взялъ; а у него Государя животъ взнесло съ полъ аршина изъ гроба знать утробы то его, и руки не сойдутся какъ у прочихъ мертвецовъ ведется, а какъ преставился и вынесли, и у него свѣта отнюдь живота не знать было изъ гроба, только голова одна наружѣ была;» да священникъ же почелъ мнѣ сказывать: «часы же въ отдачу, вдругъ взнесло животъ у него Государя и лицо въ тужъ пору почало пухнуть: то-то де меня и страхъ взялъ, я де чаялъ ожилъ, для того де я и двери отворилъ, хотѣлъ бѣжать.» И меня прости, владыко святый, отъ его рѣчей страхъ такой нашелъ, едва съ ногъ не свалился; а се

и при мнѣ грыжа то ходитъ прытко добрѣ въ животѣ, какъ есть у живого, да и мнѣ пріиде помышленіе такое отъ врага: побѣги де ты вонъ, тотчасъ де тебя вскоча удавитъ; а насъ только я да священникъ тотъ, которой Псалтырь говоритъ; и я перекрестясь да взялъ за руки его свѣта и сталъ цѣловать, а во умѣ держу то слово; отъ земли созданъ, и въ землю идетъ, чего боятися? да руку его хочу покинуть, а самъ смотрю на лице его, и онъ безмѣрно пухнетъ: борода то вся сжалась, а лицо розно пухнетъ; да въ ту жъ пору какъ есть треснуло такъ то у него во устѣхъ, нежидоть треснулъ, да и уста тѣ стало воротить при мнѣ розно, а нежидоть пошелъ изо устъ и изъ ноздрей кровь живая; и я досталь испужался, да постоялся, такъ мнѣ полегчело отъ страху, да тѣмъ себя и оживилъ, что за руку ту его съ молитвою взялъ: да и духъ почелъ великой быть; а жена и сестры отнюдь не испужались, а близко блюлись подойтить: безмѣрно, владыко святый, страшенъ въ лицѣ томъ сталъ, лицу тому у него свѣта единымъ часомъ доспѣлось; и я оставилъ сидѣть и ночевать Чудовскаго келаря Ѳеодосія. И пришелъ келарь Чудовской въ полночь противъ суботы и почелъ мнѣ говорить: «нежиду де добрѣ много идетъ,» и меня прости, владыко святый, велѣлъ тайно ему одному да отца его духовному, Знаменскому игумену, провертеть въ ногахъ, и шелъ нежидь во всю ночь, течмя шолъ, мы чаяли, что и не престанетъ; сталъ съ Казанскимъ Митрополитомъ тужить, и Содѣтель нашъ и Творецъ свыше насъ дѣлаетъ: какъ часы отдали денные въ суботу въ великую, а у него и престалъ итить нежидъ;

такъ мы по ранѣе обѣдню ту, положась на волю Божiю, для того и велѣли въ пятомъ часу дни благовѣстить, блюлись того: человѣкъ сырой, а се не вылежалъ, ни выболѣлъ, блюлись долго не хоронить; и такъ безпрестани и въ головахъ и въ ногахъ ладономъ окуривали, горшки стояли съ ладономъ, инъ и такъ духотъ слышетъ не такъ что по всей церкви, а саженехъ въ двухъ слышеть; ладонъ столбомъ идетъ, а духу того не задушишь. А погребли въ одинадцатомъ часу дни, отслужа съ нимъ обѣдню, и по заамбонпѣи молитвѣ вынесли и погребенiе совершили; а онъ стоялъ покрытъ весь, только шапка одна наружѣ была не покрыта, да рука вынета изъ подъ покрова для цѣлованiя; а цѣловали мы въ шапку да въ руку, а лица отнюдь никоими мѣрами нельзя было открыть; вѣдомо, владыко святый, тѣло перстно есть, да мы малодушнiи тотчасъ станемъ осуждать да переговаривать: для того и не открыли лица. Да какъ его Государя переложили во гробъ, такъ сталъ Казанской Митрополитъ грамоту разрѣшательную говорить, а какова грамота, и съ нее списокъ подъ симъ столбцомъ подклѣенъ:

«Во имя Святыя и Живоначальныя Троицы Отца и Сына и Святаго Духа. Се азъ, смиренный Корнилей Митрополитъ, молясь Тебѣ Христу моему Владыцѣ, прощаю и разрѣшаю именемъ Твоимъ сего Твоего раба, святѣйшаго Iосифа, Патрiарха Московскаго и всея Русiи, подражая божественныхъ твоихъ устъ слову къ святымъ Твоимъ ученикомъ и Апостолъ, глаголющему: аще согрѣшаютъ предъ всѣми человѣцы седмьдесятъ седмерицею, прощайте ихъ; и паки: его же бо аще

свяжите на земли, будетъ связанъ на небесѣхъ, и его же разрѣшите на земли. будетъ разрѣшенъ на небесѣхъ. По Божіимъ же Твоимъ, Владыко, и неизреченнымъ судбамъ, сподобивый мене въ превеликій той часъ человѣческая согрѣшенія прощати и разрѣшати, и азъ смиренный Корнилій Митрополитъ, именемъ Твоимъ, Владыко Христе, благословляю и разрѣшаю и простилъ есмь сего Твоего раба, святѣйшаго Іосифа, Патріарха Московскаго и всеа Русіи, отъ всѣхъ содѣянныхъ имъ согрѣшеніяхъ, елика бо той Тебѣ согрѣши волею и не волею, словомъ и дѣломъ и помышленіемъ; понеже бо, Владыко Христосъ всѣхъ Царю, пришелъ еси грѣшныхъ спасти и безъотвѣтныхъ, и токмо Ты единъ еси безъ грѣха, а человѣка нѣсть иже живъ бывъ къ тебѣ не согрѣши; по молю Твое, Владыко, великое человѣколюбіе, яко да въ пріидущій великій день страшнаго и неизмолимаго Твоего суда, десныя части того, о немъ же молю Твое милосердіе, раба Твоего, святѣйшаго Іосифа, Патріарха Московскаго и всеа Русіи, не отлучи, и небеснаго Твоего царствія наслѣдіе ему даруй, со всѣми иже отъ вѣка благоугодившими. Аминь.

А прочетчи, положилъ въ правую руку, а въ лѣвую списокъ рукописаніе его лѣтъ, и положа благословилъ рукою да поцѣловалъ въ руку: и мы, владыко святый, надсѣлися плачучи, кого кто благословляетъ, сынъ разрѣщаетъ отца и благословляетъ, и въ ту пору плакали всѣ какъ грамоту челъ, а то и досталь надсѣлися всѣ плачучи отца нашего какъ такъ изволилъ взять; а мнѣ первому грѣшному и мерскому которая мука не ждетъ? ей, всѣ ожидаютъ меня за злыя дѣла,

и достоинъ окоянный тѣмъ мукамъ за своя согрѣшенія а бояре и власти то жъ всѣ говорили промежу себя; не было такого человѣка, которой не плакалъ на него смотря: потому вчера съ нами, а нынѣ безгласенъ лежитъ, а се къ такимъ великимъ днямъ стало. А отецъ духовный тое жъ разрѣшательную молитву говорилъ тайно подщедчи къ нему, прежъ спусканія въ землю, какъ начали канонъ на погребеніе пѣть. Да такой грѣхъ, владыко святый, погребли безъ звону: всѣ позабыли въ страсѣ; я вспамятовалъ какъ почали поклоны класть за него, такъ я велѣлъ звонить послѣ погребенія доколѣ мы всѣ поклоны клали, а вту пору звонили, а прежнихъ Патріарховъ съ звономъ погривали. А какъ я отъ него пошелъ отъ живого въ четвергъ, и послѣ меня, сказывали мнѣ Резанской архіепископъ съ товарищи, двожды дв недугъималъ патріарха безъ тебя страшнымъ обычаемъ, да послѣ де того сжался съ двожды прытко да и отшелъ ко Господу Богу. А какъ, владыко святый, масломъ его свѣта соборовали, и какъ отецъ его духовной прощенія сталъ за него говорить ко всѣ властемъ болшее и рукоположеніе поминалъ, и онъ свѣтъ глядитъ на нихъ, а не говоритъ: то-то слезно, владыко святый! и проговоря поклонился въ землю, а Казанской Митрополитъ и всѣ власти едва возмогли отвѣтъ сотворити; ей, владыко святый, едва голосами ни всклпкнули плачучи, какъ живъ смотритъ, а отвѣта не творитъ; всѣ люди около его стряпаютъ; меня прости, владыко святый, падсѣлся плачучи на него свѣта смотря, а свои грѣхи воспоминаючи; и которые отъ ближнихъ были со мною, всѣ

перервались плачучи, а всѣхъ пущи Трубецкой, да князь Михайло Одоевской, да Михайло Ртищевъ, да Василей Бутурлинъ плакали по немъ государѣ, что какъ Богъ изволилъ скорымъ обычеемъ взять, и свои грѣхи воспоминаючи. Да сказывалъ мнѣ Василей Бутурлинъ, а ему сказывалъ патріарховъ діякъ Ѳедоръ Тороповъ: мнѣніе де на него государя великое было; то и говорилъ: перемѣнить меня, скинуть меня хотятъ, а будетъ де и не оставятъ, и я де и самъ за соромъ объ отставкѣ стану бить челомъ; и денегъ приготовилъ съ чѣмъ итить, какъ отставятъ, безпрестанни то и думалъ и говаривалъ, а невѣдомо отъ чего; а у меня и отца моего духовнаго, Содѣтель нашъ Творецъ видитъ, ей ни на умѣ того не бывало и помыслить страшно на такое дѣло: прости, владыко святый, хотя вы и еретичества держался, и тутъ мнѣ какъ одному оставить его безъ вашего сбору? чаю, владыко святый, аще и въ дальнемъ ты разстояніи съ нами грѣшными, едино то жъ речеши, что отнюдь того не бывало, что его свѣта отставить или ссадить съ безчестіемъ; ты сему помышленію нашему свидѣтель, и не токмо великій Архіерею и служебникъ Божій, свидѣтель и странный братъ нашъ Василей, чаю и онъ то жъ речетъ, что отнюдь въ помышленіи нащемъ того не бывало у насъ.

«А келейные казны у него Государя 13,100 рублевъ слишкомъ; а судовъ серебреныхъ, блюдъ, и сковородокъ, и кубковъ, и стопъ, и торелей много хорошихъ; а переписывалъ я самъ келейную казну такъ: которые суды ималъ изъ домовой казны, тѣ всѣ опять отдалъ въ казну; а которые князь Юрьевскіе суды, а

деньги платилъ онъ келейные, и я тѣ суды отдавалъ валъ въ домовую казну которые пригодились, да деньги взялъ по оцѣнкѣ, я и давалъ по немъ же государѣ. Да такихъ судовъ нашлись 30 и больши, что ни въ какихъ книгахъ ихъ нѣтъ, ни въ росписяхъ; а и прежъ помянутые суды по маленькимъ памятцамъ сыскивалъ я самъ, съ полторы недѣли ежеденъ я самъ ходилъ; а то кобы я самъ не ходилъ да велѣлъ переписывать по прежнему, и меня прости, владыко святый, мню, что и половины бы не почему сыскать, потому что записки нѣтъ; не осталось бы ничего, все бъ раскрали; рѣдкая та статья, что записано, а то все безъ записки; самъ онъ государь вѣдалъ наизустъ, отнюдь ни келейникъ ни который ничего судовъ тѣхъ не вѣдалъ; а какое, владыко святый, къ нимъ строенье было у него государя, въ умъ мнѣ грѣшному не вмѣстится: не было того судна, чтобъ не впятеро оберчено бумагою или киндякомъ, а клязь Юрьевская Шулешива рухлядь досталная, которая лежала у него свѣта на чердакѣ, пищали и савли, и тѣ всѣ смазаны, отнюдь никакой ржавки нѣтъ; а на судахъ тѣхъ отнюдь никакого порошечка нѣтъ, не токмо пыли. А которые его государевы камки и бархаты, и дороги тафты келейные, 12 бархатовъ черныхъ было, и проданы на сторону, потому что худы добрѣ, а что продано въ домовую казну и на сторону и что клязь Юрьевскихъ продано, и тому всему роспись перечневая, а имянной не успѣлъ написать: ей, ей, и то насилу успѣлъ написать; а сія роспись подклѣена подъ симъ столбцомъ.

«Роспись блаженные памяти великого господина

святѣйшаго Іосифа, Патріарха Московскаго и всея Русіи, келейной казнѣ, что осталось послѣ преставленія. На лицо денегъ 13,300 рублевъ, да келейной рухляди продано на 3,238 рублевъ на 24 алтына на полшесты денги; и обоего съ наличными денгами на 16,438 рублевъ 24 алтына полшесты денги. Изъ того числа въ расходѣ: Срѣтенскому протопопу Петру на милостыню и на окупъ 2000 рублевъ; околничему Михайлѣ Алексѣевичу Ртищеву на окупъ съ правежей и роздать бѣднымъ людемъ 1000 рублевъ; въ тюрму и въ Черную Палату, и на Бархатный Дворъ, и въ Стрѣлецкой Приказъ на милостыню 100 рублевъ; въ Троицкой Сергіевъ монастырь 300 рублевъ; въ Московскіе монастыри на милостыню 500 рублевъ; Патріарха двора всякихъ чиновъ людемъ роздавалъ самъ Государь, которые были на Москвѣ, а достальнымъ роздавалъ Казанской Митрополитъ, которые изъ деревень послѣ его преставленія съѣхались, а роздано 2000 рублевъ; патріаршу духовнику Знаменскому игумену 100 рублевъ; Андроньевскому архимандриту на вседневную службу и на вѣчной поминъ 100 рублевъ; патріаршу племянни на милостыню 600 рублевъ; патріаршу племяннику Степану Исаеву 200 рублевъ; Корнилію, Митрополиту Казанскому и Свіяжскому, на окупъ церковныхъ мѣстъ 2000 рублевъ, а откуплено 15 престоловъ; ему жъ Митрополиту на вседневную службу по предѣломъ 864 рубли; посельскимъ старцомъ и патріаршимъ служивымъ дѣтемъ боярскимъ, что роздалъ Казанской Митрополитъ, 1200 рублевъ; на монастырскіе и церковные строенья, и на милостыню, и на окупъ съ правежу, 1976

рублей 26 алтынъ 4 денги; да по государеву указу и по докладнымъ выпискамъ и по подписнымъ челобитнымъ, дать изъ келейной казны на монастырскіе и церковные строенья, и въ Володимеръ и въ Украйные городы на сорокоусты и на милостыню 2159 рублевъ 10 алтынъ. И всего въ расходѣ 15,200 рублевъ 3 алтына 2 денги. А за тѣмъ въ остаткѣ будетъ 1337 рублевъ 21 алтынъ полчетверты денги; а тѣ денги указалъ Государь оставить на канупы и на окупъ бѣднымъ.

«Да всѣхъ на меня пуще было: все смѣшано вмѣстѣ, и его святительское и князь Юрьевское, и брата его родного животы, Володимерского протопопа, тутъ же, на великую силу разобралъ, ей, ей, себя надсадилъ, а записки ничему нѣтъ, да не токмо изустной памяти, ни приказу ни какого нѣтъ, не токмо мнѣ, ни отецъ его духовной Свѣтовъ не слыхалъ приказу ни какого. А въ домовой казнѣ денегъ 15,000, и купленой изъ келейной на 3,286 рублевъ 29 алтынъ, а въ остаткѣ 11,713 рублевъ 4 алтына 2 денги; а опричь денегъ не переписывано ничего: велю переписывать князь Ѳедору Семеновичу Куракину, да князь Ивану Ивановичу Ромодановскому, да боярину патріархову Василью Ѳедоровичу Янову и дьякомъ, отдѣлавши келейную казну. А со мною у келейные казны были бояринъ Василей Васильевичь Бутурлинъ, да думной дворянинъ Ѳедоръ Кузмичь Елизаровъ, да думной дьякъ Михайло Волошениновъ; да чаю, владыко святый, келейную казну въ четыредесятницу всю роздамъ. А денги онъ государь копилъ, только которые камки и отласы и всякіе дары, и мои и ваши святительскіе и вся-

кіе приносные, немного держалъ у себя, со сто или двѣсти аршинъ, а то все отдавалъ въ домовую казну, да деньги по оцѣнкѣ за всякой аршинъ имал въ келью, да на тѣ деньги хотѣлъ себѣ купить вотчину и дать по себѣ въ соборъ, и передъ смертью дни за два торговалъ, да Богъ не изволилъ; а я купить безъ его именного приказу не смѣлъ, роздалъ большую половину бѣднымъ прямымъ на окупъ, которымъ вѣкѣ окупиться нечимъ, да въ монастыри бѣдные, и досталніе туды жъ пойдутъ. Да и въ томъ меня, владыко святый, прости: немного и я не искусился инымъ судамъ, да милостію Божіею воздержался и вашими молитвами святыми; ей, ей, владыко святый, ни маленькому ничему неточенъ; было бы, владыко святый, и меня столько, что и въ четверо цѣну ту дать, да не хочу для того, се отъ Бога грѣхъ, се отъ людей зазорно, а се какой я буду прикащикъ, самому мнѣ имать, а денги мнѣ платить себе жъ? я топере немѣрно радъ, что ни чему неточенъ, ни патріарховыхъ, ни князь Юрьевскихъ животовъ; ни товарищемъ своимъ, которые со мною переписывали, Василій съ товарищи, имъ не далъ купить, только лише продалъ я Василью на двадцать на семь рублевъ, и то изъ мѣлочи князь Юрьевскихъ, а болши того отнюдь ничего не далъ купить, а и то далъ купить, что никто не купилъ; а я для того себѣ не купилъ, что милостію Божіею и отца своего благословеніемъ всего много, и того не изжить. Да яжъ, владыко святый, далъ по немъ по государѣ Василію Янову отласъ да вратину, а цѣна шестнадцать рублевъ; да только одному Василію лишнее далъ, а

діякомъ далъ по братиночкѣ да по камочкѣ, а цѣна по 10 рублеръ; казначею, и ризничему, и діякомъ пѣвчимъ, и дѣтемъ боярскимъ, и пѣвчиму, и поддьякону, и поддьякомъ и старцомъ, которые у него во дворѣ, и поваромъ, и хлѣбникомъ, и конюхомъ, и по селамъ всякимъ людемъ, которые были на жалованьѣ, и водовозомъ, всѣмъ давалъ изъ своихъ рукъ по десяти рублевъ, и последнему то жъ далъ; а сбиралъ ихъ въ крестовую его патріархову и говорилъ имъ я со слезами, чтобъ поминали, а не роптали, а я тепере вамъ даю милостыню а не жалованье по окладомъ, потому и милостина нарицается, что всѣмъ ровна, какова первымъ такова и послѣднимъ; и они всѣ плакали и благодарили; и говорилъ имъ я, чтобъ поклонцовъ по силѣ или по кануну на всякъ день говорили; а не слушаете моихъ словъ, отъ роптанія не уйметесь, ему святителю ничего не сдѣлаете, токмо душамъ своимъ сотворите вѣчную погибель; да и то я имъ говорилъ, владыко святый: «если въ васъ такой, кто бѣ раба своего или рабыню мимо дѣла не оскорбилъ, иное за дѣло, а иное и пьянъ напившись оскорбитъ и напрастно бьютъ, а онъ великій святитель, отецъ нашъ, аще кого и по напрасньству оскорбилъ, ино мочно и потерпѣтѣ; да ужъ что ни было, тако тепере пора всякую злобу покинуть, да молите и поминайте съ радостію его свѣта, елико сила можетъ;» а не дать было имъ и не потѣшить деньгами тѣми, которымъ я далъ имъ по десяти рублевъ, роптанію болшому было быть, потому что въ конецъ бѣдны, и онъ свѣтъ у нихъ жалованья гораздо много убавилъ. А досталнимъ и помѣстнымъ и кото-

рые были въ деревняхъ, и тѣмъ давалъ то жъ по 10 рублевъ Казанской Митрополитъ и говорилъ имъ то жъ, что я; а съѣхались они поздо, въ Маѣ мѣсяцѣ въ 25 числѣ, а я давалъ тѣмъ на Ѳоминѣ недѣли, которые въ ту пору были: и ни по которомъ Патріархѣ такой милостыни имъ не бывало, и по Филаретѣ дано человѣку по 4 рубли, а инымъ и менши. Да я жъ теперь одинъ строю и Рязанского Моисея Архіепископа душу, а всего засталъ денегъ восемь сотъ рублевъ слишкомъ, да судовъ серебряныхъ рублевъ ста на полтора. Да буди тебѣ великому святителю вѣдомо: грядетъ къ намъ въ царствующій градъ нашъ Москву судья вселенскій и Александровскій Патріархъ, въ Молдавскую землю пріѣхалъ, а въ Путимль ожидаютъ къ вознесеньеву дню, а въ Москвѣ чаютъ къ Петрову дни. Да еще буди тебѣ вѣдомо, владыко святый: Казанского благословилъ отецъ нашъ на страстной недѣли во вторникъ, да и мы пожаловали велѣли по прежнему въ саку служить, а воздѣли на него сакъ на свѣтлое воскресенье. Да еще буди тебѣ великому святителю вѣдомо: во Дворецъ посадилъ Василія Бутурлина Марта въ 17 день; а князь Алексѣй билъ челомъ объ оставкѣ, и я его отставилъ, а нынѣ добрѣ болѣнъ; а слово мое нынѣ во Дворцѣ добрѣ страшно и дѣлается безъ замотчанья. Да еще буди тебѣ великому святителю вѣдомо: Костьку, конюхова человѣка Тимошкина, отдали мнѣ изъ Свѣй, везетъ его ко мнѣ Епаклычь, а и Тимошку велѣла королева изымать, послали по всѣмъ своимъ городомъ заказъ крѣпкой подъ смертью, и хотятъ отдать. Да вѣдомо мнѣ учинилось отъ

князь Ивановыхъ грамотокѣ Хованского, что будто онъ пропалъ, а пропасть свою пишетъ, что будто ты его заставливаешь съ собою правила ежедецъ; да и у насъ перешептывали на меня: николи де такого безчестья не было, что нынѣ Государь насъ выдалъ Митрополитомъ; и потомъ и я тебя, владыко святый, о томъ молю съ моленіемъ, пожалуй его съ собою не заставливай у правила стоять: добро, государь владыко святый, учить премудра, премудрѣе будетъ, а безумному мозоліе ему есть; да будетъ и изволишь ему говорить, и ты владыко святый, говори отъ своего лица, будто къ тебѣ мимо меня писали, а я къ тебѣ, владыко святый, пишу духовную; а добро бы пожаловать послушеть, не токмо ему про то говорить, чтобъ и къ правилу неималъ; да здѣсь бы впредо мною вы съ очей на очи перевѣдались. Да Василей Отяевъ пишетъ къ друзьямъ своимъ: лутчи бы де намъ на Новой землѣ за Сибирью съ князь Иваномъ Ивановичемъ Лобановымъ пропасть, нежели де съ Новогородскимъ Митрополитомъ, какъ де такъ что силою заставливаетъ говѣть, никого де силою не заставитъ Богу вѣровать. И тебѣ бъ, владыко святый, пожаловать сіе писаніе сохранить и скрыть въ тайнѣ, не пожаловать тебѣ великому господину прочесть самому, не погнушаться мною грѣшнымъ и моимъ рукописаніемъ непутнымъ и несогласнымъ; да пожаловать бы тебѣ свѣту моему велѣть да и брату нашему Василью Босому прочесть сію грамоту и списокъ сей. Да послалъ я къ тебѣ великому святителю особную грамоту; къ тебѣ и къ бояриму и къ діаку писано въ ней сице:

СПИСОКЪ СЪ ГОСУДАРЕВЫ ГРАМОТЫ.

«Отъ Царя и Великого Князя Алексѣя Михайловича всея Русіи богомолцу нашему преосвященному Никону, Митрополиту Новгородскому и Великолуцкому, да боярину нашему князю Ивану Никитичу Хованскому, да діаку Гаврилу Леонтьеву. Вѣдомо намъ учинилось, что многіе дворяне и всякіе служилые люди, которые посланы съ вами, съ тобою богомолцомъ нашимъ и съ тобою бояриномъ нашимъ, по мощи великого святителя Филиппа Митрополита, въ великій постъ не постилисъ и не съ благочиніемъ ѣдутъ: и тебѣ богомолцу нашему одноконечно заставить въ Петровъ или въ Госпожинъ посты говѣть, а которые учнутъ ослушаться, и тебѣ богомольцу нашему ихъ, по правиломъ святыхъ отецъ, запрещать и разрѣшать, зане жъ отъ Бога на тебя власть та положена, и на всякое благочиніе приводить; а тебѣ боярину нашему отъ всякаго дурна ихъ унимать и велѣть ѣхать съ благочиніемъ, а не смѣхомъ, за не жъ и къ намъ, земному Царю, ѣдутъ со страхомъ и трепетомъ, а то кольми паче подобаетъ ѣхать къ такому великому свѣтильнику со страхомъ и трепетомъ.»

DE ORIGINE, NATURA ET FATIS POESEOS, QUAE ROMANTICA AUDIT. DISSERTATIO HISTORICO-CRITICO-ELENCTICA, ETC. О НАЧАЛѢ, СУЩНОСТИ И УЧАСТИ ПОЭЗІИ, РОМАНТИЧЕСКОЮ НАЗЫВАЕМОЙ. РАЗСУЖДЕНІЕ ИСТОРИКО-КРИТИКО-СОСТЯЗАТЕЛЬНОЕ. ***Сочинилъ и публичному сужденію ученыхъ подвергъ, Богословія Магистеръ Николай Надеждинъ, ищущій степени Изящныхъ Искуствъ Доктора. М. 1830 г. въ т. Университетской, въ 8, 146 и V стр.***

О ТРАГЕДІИ ГРЕКОВЪ, ФРАНЦУЗОВЪ И РОМАНТИКОВЪ. Сочиненіе Белебѣевскаго уѣзднаго землемѣра, Виктора, Ѳомы Товарницкаго. М. 1830 г. въ т. Театральной, Н. Степанова, въ 8, 22 стр.

Въ небольшой книжечкѣ своей, г-нъ Викторъ, Ѳома Товарницкій, оставивъ геодезическій столикъ и землемѣрную цѣпь, размахнулъ благословясь, и на нѣсколькихъ страничкахъ рѣшилъ вопросъ о Романтизмѣ. Благодаримъ изобрѣтателя этой шутки, весьма милой и острой. Разумѣется, что г-нъ В. Ѳ. Товарницкій и его Белебѣевская ученость выдумка, и все разсужденіе есть подражаніе тѣмъ диссертаціямъ, которыми гремятъ противъ Романтизма, *такъ называемые*, Классики. Надъ чѣмъ смѣются, то уже не опасно. Такъ, напримѣръ, у насъ на Руси, какой нибудь маленькій великій поэтъ теперь не успѣетъ привлечь читателей своими стишонками, выкроенными на новой ладъ, ибо стишонки такіе сдѣлались уже смѣшны. Съ Классиче-

скими диссертаціями теперь тоже: онѣ только забавны— будуть-ли онѣ выбраны изъ Батте и разцвѣчены пустоцвѣтомъ языка; будуть ли выкопаны изъ Эшенбурга и писаны варварскимъ языкомъ—все равно: онѣ не повредятъ вкуса, и не собьютъ съ толку, даже и непривычныхъ читателей, ибо самый *пріемъ* Классиковъ сдѣлался уже смѣшонъ.

Повторяемъ, что шутка, подъ именемъ г-на Товарницкаго изданная, весьма удачно написана. Авторъ попалъ именно на ладъ и на тонъ Классическихъ пустослововъ. Онъ утверждаетъ, что у Грековъ театръ былъ училищемъ нравственности; что Французы усовершенствовали Классицизмъ, и что «среди сего торжества образованности,» вдругъ «появились новаго рода стихотворцы, оглашающіе себя подъ именемъ *Романтиковъ*» (стр. 11); что «умъ Романтиковъ, дабы отличить себя новостью, уничтожаетъ указанный Классиками многотрудный, но вѣрный путь ко храму славы, и прокладывая новый, краткій, попалъ на дорогу, ведущую къ хаосу, по которой *шествовали Кальдеронъ и Шекспиръ, а до нихъ Китайцы*» (стр. 17 и 18). Логика и складъ взяты у бѣдныхъ Классиковъ! Диссертація г-на Товарницкаго оканчивается бранью на Романтизмъ, и хвалебною пѣснью Классикамъ, какъ обыкновенно водится.

Но, хваля сочиненіе почтеннаго Бѣлебѣевскаго Батте, должно сказать, что онъ все еще не вполнѣ достигъ забавныхъ оригиналовъ въ своей пародіи. Во

первыхъ, онъ слишкомъ учтивъ: Классикъ долженъ отличаться пошлымъ ругательствомъ, школьными остротами, и даже... клеветою; во *вторыхъ*, онъ мало блистаетъ ученостью: ни одной цитаты Греческой и Латинской, ни одной выписки изъ какой нибудь Латинской Хрестоматіи. При томъ, если г-нъ Товарницкій хотѣлъ передразнить *Русскихъ* Классиковъ, то, кромѣ того, что ругательства и блистанье ученостью ему должно было удесятерить, онъ забылъ еще нѣсколько отличительныхъ чертъ *Русскихъ Классическихъ диссертацій*. Надобно знать, что Русскіе Классики, такъ-же, какъ Русскіе Романтики, Русскіе филантропы, патріоты (разумѣется, ложные), имѣютъ свои, отличныя отъ Французскихъ, Нѣмецкихъ и Англійскихъ собратій свойства и качества. Это отличіе заключается въ томъ, что все прильнуло къ нимъ снаружи; что ихъ мнѣнія, будучи слѣдствіемъ, не внутренняго убѣжденія, не собственной (хотя и неправильно развитой) мысли, представляютъ нелѣпую смѣсь, разнородную, странную сложность противорѣчій, лишенную всякой формы, и всего чаще всякихъ приличій. Нашъ мнимый филантропъ, на примѣръ, взноситъ на благотворительное заведеніе 100 рублей, подписывается на полдюжины билетовъ въ концертъ для бѣдныхъ, съ жаромъ говоритъ о благѣ Человѣчества, и исполнивъ сіи великіе подвиги, добродушно пожираетъ въ одномъ пирогѣ пропитаніе двадцати подвластныхъ ему семействъ, и, въ тоже время, десять слугъ, съ салфетками, стоятъ вокругъ него, а пропустивъ какое нибудь мановеніе филантропа, могутъ быть добродушно награждены толчкомъ, или взмахомъ его

благотворительной руки. Филантропъ и неподозрѣваетъ нелѣпаго противорѣчія своихъ поступковъ.

Такъ и *Русскій Классикъ* долженъ, во *первыхъ*, украсть что нибудь у Нѣмцовъ, Французовъ, Англичанъ, переврать это, и потомъ утверждать что нибудь самое нелѣпое, самое пошлое, передъ чѣмъ Лагарповы, Баттевы, Бауръ-Лорміановы сужденія казались-бы солнцемъ свѣтозарнымъ; во-*вторыхъ*, онъ долженъ *цитоваться*, и особливо Латинью (если-же можно по-Гречески, то еще выше), и засыпать свои доказательства фразами, нахватанными изъ Горація, Лукана, Буало, Блера, и проч. *Третье*—и самое важнѣйшее—онъ долженъ громко вопіять о развратѣ, о погибели вкуса; долженъ искусно соединять съ этимъ мысль, что Романтизмъ есть то же, что Атеизмъ, Шеллингизмъ, Либерализмъ, Терроризмъ, чадо безвѣрія и революціи; долженъ сильно вопить о славѣ Державина, Ломоносова, Хераскова, Поповскаго, Кострова, Петрова, Майкова. Къ этому надобно съ горестію прибавлять, что нынѣ пишутъ разбойническія поэмы, а не гремятъ торжественными одами. Тутъ должно исчислить наши побѣды, въ которыхъ, разумѣется, Классикъ столько-же участвовалъ душею и тѣломъ, сколько онъ понимаетъ, что говоритъ. Въ заключеніе—*четвертое*, надобно, какъ можно надутѣе, заговорить о славѣ Россіи вообще, о возвышеніи нашемъ надъ всѣми народами, о величіи предковъ, о просвѣщеніи Россіи при Ярославѣ и Мономахѣ, о Баянѣ, о Петрѣ Могилѣ, о Буслаевѣ, Словѣ

о полку Игоревомъ, Сильвестръ Кулябкъ, «*яко доводахъ нашея славы*,» наконецъ—чѣмъ заключить?

. . . Извѣстно: *многи лѣта!*

Вотъ планъ *Русской Классической диссертаціи*. Да не подумаютъ читатели, что мы станемъ послѣ того защищать Русскія Романтическія сужденія. Нѣтъ! они часто бываютъ смѣшны и нелѣпы, не менѣе Классическихъ (мы говоримъ *вообще*, и должны прибавить, что *нѣтъ* правила безъ исключеній). Наши Романтики большею частію показываютъ тоже дѣтство образованія, какое видимъ въ нашихъ Классикахъ, *дѣтство*, повторяю, ибо все, что мы замѣчаемъ смѣшнаго въ тѣхъ и другихъ, совсѣмъ не доказываетъ, чтобы наши Классики и Романтики были злые люди и глупцы: нѣтъ, это недоученые дѣти, такъ какъ и наше Русское (литтературное) образованіе еще не вышло изъ пеленокъ, и едва, едва ходитъ на помочахъ, Нѣмецкихъ, Французскихъ, Англійскихъ, Схоластическихъ, всякихъ — только не самобытныхъ Русскихъ.

Еслибы г-нъ Товарницкій представилъ пародію въ родѣ описанныхъ нами *Русскихъ Классическихъ диссертацій*, мы были-бы ему еще болѣе благодарны, нежели за изданное имъ разсужденіе *о трагедіи Грековъ, Французовъ, и Романтиковъ*. Боимся однакожъ, чтобы не подумалъ кто нибудь, будто мы говоримъ о нашихъ Классикахъ небывальщину. Къ счастію, одно свѣжее доказательство у насъ подъ руками; это доказательство: диссертація о Романтической Поэзіи (De

Poesi Romantica), которую — conscripsit examinique eruditorum publico submittit Sanctiorum Humaniorumque Litterarum Magister, gradum Humaniorum Litterarum Doctoris legitime obtinendum praetendens.

Вотъ диссертація, въ силу которой г-нъ Надеждинъ требовалъ себѣ степени Изящныхъ Искуствъ Доктора. Не вмѣшиваемся въ то, получилъ-ли онъ эту степень, и что подумалъ объ его диссертаціи почтенный Московскій Университетъ, которому была она представлена. Диссертація г-на Надеждина напечатана и издана, слѣдовательно *объ ней* судить, мы имѣемъ полное право. Замѣтимъ предварительно, что еще до выхода ея въ свѣтъ, два Московскіе Журнала, *Вѣстникъ Европы*, издаваемый М. Т. Каченовскимъ, и *Атеней*, издаваемый М. Г. Павловымъ, открыли первыя книжки свои на нынѣшній годъ огромными статьями, взятыми изъ этой диссертаціи, расхваливая Сочинителя, и дозволивъ ему разглагольствовать на 95 страницахъ *. Какъ обрадовались находкѣ почтенные Редакторы! Какъ поспѣшили они подарить публику драгоцѣнностью! Какое счастливое предзнаменованіе для Вѣстника и для Атенея, если первые листки ихъ на сей годъ освѣтились мыслями г-на Надеждина!

Входить въ подробное изложеніе и опровергать мнѣнія г-на Надеждина было-бы безполезно: его не

---

* Вѣстникъ Европы № 1, стр. 3 — 37, 2-й стр. 122—151; Атеней № 1, стр. 1—33, всего—95 страницъ.

увѣдишь; это видно по складу его диссертаціи, а зла въ Литтературѣ она причинить не можетъ, ибо, повторяемъ, что смѣшно, то уже не опасно. Вотъ основаніе этой диссертаціи, годной въ кунсткамеру литтературныхъ рѣдкостей: г-нъ Надеждинъ начиталъ гдѣ-то, что донынѣ Поэзія бывала *Первобытная*, *Классическая* и *Романтическая*; начиталъ онъ еще, что Классическая Поэзія кончилась съ Греками; узналъ онъ въ добавокъ, что Поэзія, начавшаяся въ новомъ мірѣ Среднихъ временъ, названа новыми мыслителями *Романтическою*. Тутъ началъ г-нъ Надеждинъ самъ мыслить, и — что-же вымыслилъ? Что и Романтическая Поэзія рѣшительно кончилась: онъ заставилъ Лукреція *отпѣть* Классиковъ, а Юнга Романтиковъ*, и въ тезисы своей диссертаціи поставилъ: Romantica Poesis exstitit et jam non exsistit (*Романтическая Поэзія существовала, и уже не существуетъ*).

Что-же такое, спросятъ насъ, новая Англійская, Германская, Французская, Итальянская, даже Русская *Романтическая Поэзія?* Что такое творенія Гете, Байроновъ, Муровъ, Тегнеровъ, Пушкиныхъ; эта народность, нынѣ всюду изыскиваемая; этотъ Востокъ, съ нами сближающійся; это предвѣщаніе новыхъ великихъ

---

* «Оба сіи мужа стоятъ на прагѣ міровъ, къ коимъ принадлежали, и какъ будто отпѣваютъ гаснущую ихъ жизнь унылымъ, надгробнымъ воплемъ» (Вѣстн. Евр. № 1, стр. 29.) По Латыни панихида превратилась въ эпитафію: Uterque stat limitibus mundi, ad quem pertinet, eique moribundo quasi epitaphium acerbum uoce lugubri ululat. (Стр. 132).

созданій духа человѣческаго въ Поэзіи, по неизмѣнцымъ законамъ развивающейся изъ *Первонагальной Романтигеской Поэзіи Среднихъ временъ*, такъ, какъ все новое образованіе развилось изъ среднихъ временъ и, испытавъ нѣсколько измѣненій, является въ новыхъ, современныхъ формахъ?—Г-нъ Надеждинъ отвѣчаетъ: Quae Romanticae sibi nomen vindicare auditur, poesis simulata illius est species (*Поэзія, слывущая нынѣ Романтигескою, представляетъ только лживый ея призракъ*). Г-нъ Надеждинъ пускается въ доказательства, что Европейцы нынѣ развратились, испортились. — «Умы новѣйшихъ Германскихъ мыслителей (говоритъ Г-нъ Надеждинъ), со свойственною только имъ однимъ *копотливостью*, *роясь* въ самыхъ сокровеннѣйшихъ *извибахъ минувшей геловѣгеской жизни* (?), *наткнулися* на сокровища Романтической поэзіи «(В. Е. стр. 4)—это» *соблазнило и обаяло Германскую алгность* (стр. 5)—Если-бы сіи мрачныя пятна, *огрязняющія* небесную чистоту безсмертной души, *сохраняли по крайней мѣрѣ свою отвратительную гнусность и безобразіе* въ поэтическихъ изображеніяхъ»... Но, «ничего не бывало: облекаясь *всѣми прелестями есѳетигескаго изящества* (слѣдственно, *будугь изящны?* противорѣчіе до безсмыслицы!!), они представляются въ лживомъ, *соблазнительномъ* свѣтѣ, *пагубно гарующемъ пылкую мегтательность и лрящемъ дикую гувственность*» (стр. 18). Г-нъ Надеждинъ называетъ Байрона — *выродкомъ поэтигескаго отступнигества въ области обмоложеннаго Романтизма, или зловѣщею кометою, на которой отсвѣгиваетъ мрагное пламя есѳетигеской преис-*

подней (?); его Поэзію сатанинскимъ *ожесточеніемъ*; Ж. Поль у него *клокочетъ убительною лавою жизни, пожирающей саму себя*... Такъ, ММ. ГГ., Романтизмъ, какъ онъ ни представляется, «даже самыя *нѣжныя воздыханія* Ламартина, растворенныя сладкою чувствительностью» и «*пресловутый* Фаустъ Гете», и все, что «проповѣдуютъ намъ *лжеромантическіе чаеры*,» все это — «*нелѣпѣйшія и безсмысленнѣйшія бредни, кои взрослымъ стыдно даже и слушать*,» все это «*затѣи поэтическихъ мятежниковъ нашихъ временъ!*» Что-же говоритъ г-нъ Надеждинъ о нашей бѣдной, Русской Поэзіи? Хотя и совѣстно повторять неблагозвучныя фразы Г-на Надеждина, но — дѣлать нечего. Выпишемъ ихъ для любопытныхъ читателей: «Гораздо охотнѣе можно согласиться *перелистить* подчасъ *Хорева* или *Димитрія Самозванца Сумарокова*—даже *Росслава Княжнина*—по крайней мѣрѣ отъ безсонницы—чѣмъ губить время и труды *на безпутное скитаніе (?)* по *Цыганскимъ* таборамъ, или *Разбойническимъ* вертепамъ. Тамъ, если нечѣмъ полюбоваться — *не съ чего и стошниться!* Но *нелѣпыя бредни*, выдаваемыя подъ фирмою *Романтизма*, не представляютъ и сего утѣшительнаго преимущества. Все то, что внушало намъ *омерзѣніе въ чужеземныхъ Лже-Романтическихъ изврещеніяхъ*—въ нашихъ *еще омерзительнѣе*, ибо у насъ онѣ не имѣютъ даже и прелести небывальщины. Ето—тотъ-же самый *соръ*, получаемый только изъ вторыхъ рукъ; *тѣ же мерзости—дважды переваренныя!*.. И доколѣ будутъ онѣ тиранить терпѣніе здравомыслія? Доколѣ на алтарь чистыхъ дѣвъ будутъ *возвергаться*

скверные уметы—руками неомовенными? .. Procul, o procul este profani!»

Предчувствуемъ, что безпристрастный читатель готовъ спросить послѣ того у г-на Надеждина: «М. Г.!

«Да изъ чего-же вы бѣснуетеся столько?

«Положимъ, что вы правы, но чего-же вы хотите? что вамъ угодно?»—Не беремся рѣшить этого вопроса, и признаемся, что со вниманіемъ перечитавъ на стр. 132—151 № 2-го Вѣстника Европы, и въ диссертаціи стр. 138—146-ю, мысли г-на Надеждина, изложенныя въ отвратительной Русской, и еще болѣе отвратительной Латинской прозѣ, мы ничего не поняли! Кажется, что г-нъ Надеждинъ хочетъ какого-то *соединенія Романтизма съ Классицизмомъ*, но какъ, для чего, пусть это разгадываютъ другіе. Видимъ, что мысль въ основаніи нелѣпа, но, за всѣмъ тѣмъ, лучше сознаться, что мы худо ее понимаемъ. Гдѣ нѣтъ ни логическаго, ни грамматическаго смысла, тамъ — не стыдно сознаться въ незнаніи. Одно только весьма явно замѣтно у г-на Надеждина: слѣды школьной ферулы, и подъ эту ферулу хочется ему подвести всѣхъ. Неудачный опытъ ея надъ г-мъ Надеждинымъ едва-ли можетъ быть доказательствомъ справедливости его словъ *...

* «Изученіе древности сопряжено со многими, и притомъ слишкомъ тягостными трудами. Оно требуетъ познанія двухъ Классическихъ языковъ, которое добывается не безъ кроваваго пота»... (В. Е. № 2, стр. 153) Ясно, что слишкомъ тягостный трудъ и

Сказавъ читателямъ нашимъ о сущности диссертаціи г-на Надеждина, и показавъ образчики изложенія оной, спросимъ: стоитъ-ли это литтературное созданіе опроверженія? Кажется, *нѣтъ!* И потому приводимъ мы сочиненіе г-на Надеждина только въ примѣръ схоластическихъ возгласовъ и образчиковъ *Русскаго Классицизма.* Пародія г-на Товарницкаго померкаетъ предъ этимъ оригиналомъ, и диссертація г-на Надеждина, во всѣхъ отношеніяхъ, рѣшительно выдерживаетъ представленный нами выше сего планъ для Русской *Классической* диссертаціи, ибо—

I-е. Основныя мысли въ ней чужія, взятыя у Штуцмана и Аста: это доказалъ одинъ почтенный литтераторъ, въ статьѣ, которая помѣщена была въ Телеграфѣ (№ 3, стр. 345—355).

2-е. Сіи мысли не поняты г-мъ Надеждинымъ, и выводъ изъ нихъ есть тому доказательство *.

кровавый потъ намѣкаютъ на ферулу и скамейку, вразумляющія бурсаковъ. Но кто еще сомнѣвается, пусть читаетъ далѣе —

»Сей флейтщикъ, пѣснями плѣняющій собранье,
Учился и—терпѣлъ старѣйшихъ наказанье.

»И такъ, прежде нежели приниматься за письмо, должно учиться, учиться, непремѣнно учиться...» (В. Е. № 2, стр. 136) Очень рады и совѣтуемъ; только надобно доучиться, а иначе будемъ походить на какого нибудь недоумку, который, что слово скажетъ, то и видно, что онъ въ бурсѣ и недосѣченъ, и—недоученъ!

* Замѣтно, что г-нъ Надеждинъ и въ выводѣ своемъ также взялъ чужія идеи нѣкоторыхъ новыхъ мыслителей. Они полагаютъ, что Ро-

3-е. Пустыхъ и ненужныхъ разноязычныхъ цитатъ въ диссертацiи его конца нѣтъ.

4-е. Романтизмъ новѣйшiй представляется изчадiемъ безбожiя и революцiи.

5-е. Говорено вкривь и вкось о всѣхъ Европейцахъ, всѣ обруганы, и—указано на Россiю, на упадокъ патрiотизма *(патрiотическаго енеусiасма)*, въ Россiи на Баяна, Петрова, Кострова Ломоносова, Румянцова, «*ломавшаго рога Турецкой луны*», Потемкина, «*соединявшаго неукротимое своенравiе Алкивiадовъ съ кипучею рьяностiю Антонiевъ*» (хорошо соединенiе!), Суворова, «*разметывавшаго царства орлинымъ налетомъ* *).» Этотъ приторный патрiотизмъ есть вѣнецъ теорiи г-на Надеждина!

И такое созданiе осмѣлился онъ представить на судъ почтенныхъ Профессоровъ Московскаго Универ-

---

мантическая первобытная Поэзiя для насъ точно кончилась, такъ, какъ первобытная Классическая Поэзiя кончилась предшественниками Омира. Но, для развитiя сей мысли потребны глубокiя историческiя и философскiя познанiя, и въ семъ предположенiи Данте, Шекспиръ, Кальдеронъ, Гете, Байронъ, новая Философiя Германская, новая Исторiя Европы, являются для насъ не нелѣпостью, не бредомъ, но важными и великими задачами. То-ли выходитъ у г-на Надеждина, въ его Классическомъ умѣтѣ, возвергаемомъ на алтарь чистыхъ дѣвъ руками неомовенными (повторяемъ его слова, см. В. Е. № 2, стр. 149)?

* Патрiотическiе возгласы г-на Надеждина сущая умора! Озерову, по его словамъ, мы рукоплещемъ по неволѣ, ибо онъ одинъ у насъ,

ситета, и изъ этого созданія помѣстили отрывки два почтенные Профессора, въ издаваемыхъ ими Журналахъ!! Не говоримъ о сущности диссертаціи, но пусть прочитаетъ кто нибудь Латинскій подлинникъ, и рѣшитъ: такъ-ли долженъ выражаться ученый критикъ, безпристрастный наблюдатель? Положимъ, что нашъ вѣкъ заблуждается; что цѣлые народы на Романтизмѣ съ ума сошли; что Шлегели, Вилльмены, Штуцманы, Гете, Байроны, Асты, всѣ сами не знали, что говорили, и что только одинъ г-нъ Надеждинъ угадалъ истину; что Романтизмъ точно приказалъ долго жить, и что его можно оживлять только Классическими пластырями, или выжимками изъ Классицизма—неужели *такъ, какъ высказалъ г-нъ Надеждинъ*, должна быть высказана эта истина?

Языкъ Русскій варварскій, шутки неприличныя, присвоеніе чужаго непостижимо безстыдное, измѣненіе

какъ порохъ въ глазъ (В. Е. № 2, стр. 148). По Латини Озеровъ, изъ пороха въ глазъ, превращается въ единый глазъ нашего театра (theatri nostri unico oculo, стр. 144). Оставя кривымъ нашъ театръ, г-нъ Надеждинъ не обрекаетъ на кривизну всей нашей Поэзіи, ибо Державинъ, по его словамъ, второе око нашего поэтическаго міра (В. Е. Стр. 143). Кто жь первое? Ломоносовъ? Нѣтъ! Ломоносовъ «дивное и великое свѣтило, коего лучезарнымъ сіяніемъ не налюбоваться въ сытость и позднѣйшему потомству» (В. Е. Стр. 140). Вѣроятно, спутавшись, въ этихъ глазахъ Поэзіи Русской, г-нъ Надеждинъ по Латини произвелъ и Державина и Ломоносова—въ звѣзды (sidus splendidum alterum alterum nostri coeli poetici, стр. 141, 142).

чужаго неслыханное, совершенное отсутствіе всѣхъ приличій—вотъ характеръ сочиненія г-на Надеждина.— Неужели за схоластическую выходку, за похвалу Ферулѣ, за то, что онъ совѣтуетъ читать Греческихъ и Латинскихъ Классиковъ и пишетъ свою диссертацію на Латинскомъ языкѣ, должно уважить г-на Надеждина? Неужели онъ, съ важностію увѣряя, что у насъ въ Россіи все зло отъ того происходитъ, что Латинскому языку не учатся, думаетъ ослѣпить этою хвастливостью, давая разумѣть: «*я-дескать учился!*» Г-нъ Надеждинъ такъ смѣло поговариваетъ о Латини, о Классическомъ ученьи, что становится совершенно смѣшонъ. Сганарель Мольеровъ былъ гораздо его смѣтливѣе: Сганарель говорилъ по Латини съ тѣми, кто не зналъ Латинскаго языка, а г-нъ Надеждинъ печатаетъ и осмѣливается представлять публикѣ книжицу — *писанную на Латинскомъ языкѣ!* Какова-же Латинь г-на Надеждина? Надобны-ли примѣры? Приведемъ для шутки нѣсколько строкъ:

«Dicant tamen: non Poeseos Romanticae, qualis fuerat reproductionem plenam ac perfectam nunc sectandam esse, sed interni spiritus, quo afflata erat, aemulationem et persecutionem. Bene est! Sed quo hunc spiritum constare viri optimi velint? Sanè illa ingenii, sibi ipsi gaudentis et studentis, exsultatione, quae, limitibus realitatis nihili habitis, omne frenum recusat modumque detrectat. Salutamus! Liceat tamen a viris optimis discere, quonam modo hunc Romanticae Poeseos spiritum in productionibus suis colligere exprimereque velint?

Довольно. Повторимъ и мы: Bene est! Salutamus! и спросимъ: это-ли Латинскій языкъ? этъ-ли варварскія фразы языкъ Цицерона? И г-нъ Надеждинъ осмѣливается морочить насъ своею *Классическою* ученостью? Procul, o procul! Стыдимся за почтенныхъ Издателей Вѣстника Европы и Атенея, и предоставляемъ диссертацію г-на Надеждина ученикамъ Латинскаго класса въ уѣздныхъ училищахъ....

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО СВЯТЫМЪ МѢСТАМЪ РУССКИМЪ. *Троицкая Лавра, Ростовъ, Новый Іерусалимъ, Валаамъ. Санктпетербургъ*, 1836.

Величественно было зрѣлище Богочеловѣка, молящаго—*да мимо идетъ чаша сія*, распятаго на крестѣ, вопіющаго — *стражду!* и умирающаго — да побѣдитъ смерть воскресеніемъ, землю небомъ. Ветхій Адамъ радуется у подножія святаго креста: побѣда на землѣ, и «Слава въ вышнихъ Богу» гремящее въ небесахъ, заставляютъ содрагаться дольный міръ, гдѣ таинственная завѣса раздирается надъ святилищемъ, въ которое только три раза въ годъ вступалъ первосвященникъ, чтобы тайно произносить имя Господа. Конецъ Іерусалиму, *граду избранныхъ!* Отнынѣ *весь* міръ будетъ Іерусалимъ; *всѣ* народы—избранные; святилище храма открыто будетъ всякому, и имя Іеговы, въ имени Христа, въ имени *Бога, иже весь любовь*, явится знаменіемъ разрѣшеннаго міра, утѣхою скорби, голосомъ радости.

Величественное было потомъ зрѣлище учениковъ Спасителя, идущихъ въ міръ, гордый, великолѣпный, старцевъ, нищихъ, бѣдныхъ, терзаемыхъ за «Слово истины», которые въ скорбяхъ и въ темницахъ возводили очи и возносили души къ небу, гдѣ «утѣшатся плачущіе, возвеселятся печальные, блаженны будутъ тѣ, кого поносили и изгоняли имени Его ради.» Сло-

во мира и истины проникаетъ въ хижины и чертоги; передъ нимъ падаютъ храмы и истуканы страстей человѣческихъ; деревянный крестъ тихо возносится среди развалинъ кроваваго Колизея; обѣтъ величія является въ символѣ казни и позора. Варвары, передъ которыми уничтожалось все — гордость и сила Рима, искуство и мудрость Греціи, варвары смиренно повергаются передъ предвѣчнымъ Словомъ Богочеловѣка. Новый міръ, новыя царства на землѣ; «новая жизнь» за гробомъ. Ветхая Евва сознаетъ свое земное достоинство, съ тѣхъ поръ, какъ Богъ освятилъ Пречистую Дѣву, какъ *дщерь Еввы* стала матерью Бога и вся земля храмомъ Сына человѣческаго, какъ религія сдѣлалась руководителемъ ума, и истина засіяла въ мірѣ тмы, нисшедшая по лучу съ Неба.

Напрасно силится послѣ того заблужденіе побѣдить истину, тщетно страсти хотятъ превратить въ свое орудіе Слово вѣры и спасенія, а сила мечтаетъ попрать законъ, явленный міру въ словѣ Богочеловѣка. Отсюду истекаетъ благо, какъ Израилю, жаждущему въ пустынѣ, истекала вода даже изъ сухаго камня. Ереси потрясаютъ зданіе Церкви, зломудріе затемняетъ вѣру, но это—облака, сквозь которыя тѣмъ ярче пробиваются потомъ лучи солнца. Первосвященникъ Рима во зло употребляетъ власть, данную ему, какъ правителю Церкви «вязать и рѣшить,» но онъ только укрѣпляетъ тѣмъ союзы царей и народовъ. Онъ *преходитъ* съ своею тщетною властью, а истина остается по пророчеству, по слову Бога живыхъ, изрекшаго, что

земля и небо прейдутъ, но не измѣнятся Законъ и Слово Его ни на единую черту.

И еще разъ великое зрѣлище было на Востокѣ, тамъ гдѣ стоялъ нѣкогда, на высотахъ Сіона, «градъ избранныхъ,» гдѣ воплотилось потомъ слово спасенія, гдѣ стала послѣ *мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ*. Въ благоговѣйномъ смиреніи идутъ туда цари и воины, движутся безъ числа народы, колеблется Европа, какъ будто хочетъ пасть и обрушиться на Азію; дѣти спѣшатъ съ отцами, и при каждомъ городѣ, спрашиваютъ: «Не это ли Іерусалимъ?» Но духъ Божій, проявляясь въ единодушномъ кликѣ: *Такъ хощетъ Богъ!* не возсоздавалъ древняго Іерусалима въ подвигахъ крестовыхъ рыцарей, въ битвахъ Востока и Запада, а сзывалъ царей и народы къ новому образованію и къ новой общественности.

Такъ всюду величественными и прекрасными являются намъ зрѣлища, которыя представляла вѣра человѣка въ слово Богочеловѣческое, такъ всюду вѣра обращала въ невидимое благо даже видимое зло. Искушали ль бѣдствія міръ — они были посылаемы отъ Того, кто *Самъ искушаемъ былъ*, и могъ *искушаемымъ помощи*; страдала ли вѣра человѣка — она только очищалась страданіемъ, *какъ злато въ горнилѣ*; алчба богатствъ переносила ли Европейца за моря, стремилось ли корыстолюбіе, съ крестомъ и мечемъ въ рукахъ, въ среду бѣдныхъ дикарей Американскихъ, во имя Бога, ложно призываемаго Пизаррами и Вальвердами,

проливались ли рѣки крови во вновь открытомъ Свѣтѣ — корыстолюбіе, алчба, кровь несчастныхъ дикарей только приготовляли землю, чтобы изъ нея произрасли сѣмяна новыхъ царствъ и народовъ, и всюду явились «источники жизни.»

Но, тѣмъ прекраснѣе, тѣмъ величественнѣе бывали зрѣлища вѣры и Слова Божія въ исторіи міра, когда Вѣра и Слово являлись среди людей тихо, мирно, избирая знаменіемъ кротость, какъ агнца избралъ знаменіемъ Божественный Создатель христіанства. Мы въ трепетѣ повергаемся передъ Богомъ, котораго являютъ намъ громы и молніи; мы съ восторгомъ славимъ его въ великолѣпномъ храмѣ, когда стройный хоръ оглашаетъ обширные своды святилища, и къ злато облаченные священники возносятъ ѳиміамъ Вседержителю; но какъ сладостно согрѣваются сердца наши тихимъ огнемъ любви и молитвы, какими теплыми слезами выражается наше чувство, когда голосъ религіи слышится намъ въ пустынныхъ кельяхъ забытой міромъ обители, въ славословіи старца, преклоненнаго передъ уединеннымъ алтаремъ, когда мы видимъ утѣшеніе вѣры въ бѣдной хижинѣ, близь одра смерти, въ живительной бесѣдѣ страдальца съ смертью! Тогда мы слышимъ, кажется, голосъ Бога: «Вѣдаете ли, что молитвою этого инока дано спасеніе мое градамъ и странамъ вашимъ? Вѣдаете ли, какъ далеко впереди всѣхъ, у престола моего, станетъ этотъ забытый вами страдалецъ, и какъ ниже его будутъ многіе изъ тѣхъ, кому дарилъ здѣсь міръ славу свою и почесть?» Тогда мы

погружаемся въ глубокую думу, и постигая тайную судьбу міра, возвышаемся до небесъ въ земномъ ничтожествѣ, участвуемъ въ рѣшеніи таинственныхъ опредѣленій Бога.

Такое именно зрѣлище, въ теченіе десяти столѣтій являетъ православная Россійская Церковь. Внимательно разсматривая исторію цѣлаго міра, немного найдемъ въ ней эпизодовъ, столь увлекательныхъ, столь утѣшительныхъ, какъ исторія христіанства въ Русской землѣ. Чисто и прямо, свѣтлымъ потокомъ истекшая изъ первоначальныхъ источниковъ, Греко-Россійская православная Церковь проникла въ дебри сѣвера и утучнила земли Скиѳіи и Сибири. Она не служила здѣсь орудіемъ къ войнѣ власти духовной съ мірскою, не гремѣла буллами съ высоты грознаго сѣдалища, не двигала народы на борьбу Запада съ Востокомъ, не строила вѣковыхъ храмовъ изъ тщеславія, не ходила съ мечемъ и жезломъ владычества для обращенія народовъ; она отвергала всѣ увлеченія корысти и гордости, избѣгала смятеній реформаціи, и уцѣлѣла въ чистотѣ первобытной, всегда спасительная, всегда животворная, всегда кроткая. Но менѣе ли благодѣтельна была она для человѣчества? Не смотря на противныя умствованія Западныхъ мыслителей, мы смѣло говоримъ—нѣтъ! И въ исторіи Церкви нашей открываемъ мы новый залогъ величія будущей судьбы отечества, которую можно предугадать, хорошо проникнувъ исторію Россіи и ея Церкви, читая ихъ лѣтописи, безпристрастно, но съ душею согрѣтою вѣ-

рою, потому что одного критическаго ума здѣсь недостаточно.

Дѣствительно: разсмотрите исторію Восточной Греко-Россійской Церкви, съ самаго начала проповѣди слова Божія между Моравскими Славянами. Какое великое благодѣяніе оказываетъ она въ самомъ началѣ! Наполняя души и сердца свѣтомъ божественнаго ученія, она вмѣстѣ съ тѣмъ не принуждаетъ къ вѣрѣ, спасаетъ Славянъ отъ гордой власти Западныхъ владыкъ Церкви, устраняетъ чуждый, непонятный языкъ, на которомъ славятъ истиннаго Бога христіане Католическіе, и образуетъ грубый языкъ народа составленіемъ азбуки и переводомъ Священнаго Писанія на языкъ народный — благодѣяніе котораго Французы и Нѣмцы дождались послѣ столькихъ столѣтій и столькихъ волненій! Это благодѣяніе готовое передается на берега Днѣпра, западаетъ въ души Славянскихъ и Нордманскихъ варваровъ, и кротко ведетъ ихъ къ принятію христіанской религіи. Вѣра Греческая переходитъ въ Кіевъ безъ великолѣпной іерархіи, безъ вмѣшательства духовнаго во власть политическихъ правителей, и когда потомъ установляется Русская іерархія, она только совѣтникъ, другъ, утѣшитель князей и народа; проникая въ дремучіе лѣса Смоленска и Суздаля, она ставитъ только мирные храмы, даетъ только убѣжища въ обителяхъ иноковъ душамъ, которыя утомлены міромъ, или плѣнены жизнью за гробомъ. Властвуя совѣстью, вездѣ является она, какъ примирительница вражды, какъ укротительница стра-

стей, бѣшено играющихъ въ удѣльныхъ битвахъ и междоусобіяхъ. Нѣкоторые историки сожалѣли о томъ, что вліяніе Греческихъ наукъ, знаній, художествъ, мало успѣло распространиться въ Руси, и скоро было погашено совершенно отдаленіемъ Руссовъ отъ Грековъ и политическими обстоятельствами Русской земли съ XI вѣка. Мыслящіе такимъ образомъ не знаютъ, кажется, состоянія тогдашней Греціи, отъ IX до XIII столѣтія. Византія передала намъ слово Божіе даже не на своемъ языкѣ, какъ будто именно для того, чтобы получивъ отъ нея драгоцѣнный залогъ спасенія, мы *ничего болѣе* не брали изъ несчастной груды обломковъ древней Греціи и древняго Рима. Важное слѣдствіе такого дѣла пояснимъ мы далѣе, а здѣсь благоговѣйно взглянемъ на приближеніе эпохи, которая для Русской земли явила времена, равныя Крестовымъ Походамъ въ Европѣ. Нашествіе Монголовъ, которымъ кончился періодъ удѣловъ и начался періодъ новый, было началомъ самой блистательной исторіи Русской Церкви. Русская земля заливается волнами, нахлынувшаго съ Востока наводненія; ея разрозненныя части тонутъ въ разливѣ, далеко перелившемся даже за Русскіе предѣлы. И когда волны стали сбывать послѣ столѣтняго бушеванія, какихъ святыхъ, благодѣтельныхъ подвиговъ религіи не находимъ мы на оживающей землѣ Русской! Все другое погибло въ нашествіи Монгольскомъ — уцѣлѣли только языкъ и вѣра: самое названіе Рускаго замѣнилось названіемъ *христіанина*, какъ противоположность «поганому бусурману» Татарину. Святыни фа-

росами сіяли во все пагубное для насъ время имена только святителей Русской Церкви, и только вѣрою и святостью ознаменовывались имена самыхъ князей и бояръ. Жарко старалось Русское духовенство сохранять чистоту догматовъ и святость церковнаго чина, но можемъ ли мы довольно оцѣнить бальзамъ, какой проливало оно въ души безчисленныхъ страдальцовъ, утѣшая ихъ въ мученіяхъ нестерпимыхъ, даруя имъ убѣжище отъ гоненій въ обителяхъ и храмахъ, указывая имъ на жизнь за могилою, когда погибельна была жизнь міра здѣшняго? Замѣтьте особенно четыре важныя, общія событія, какими ознаменовалось въ то время бытіе Русской Церкви. Первое, — она отвергла власть Греческой іерархіи, когда увидѣла корыстныя побужденія Византіи въ управленіи Русскою Церковью, и еще болѣе, когда узнала, что политика Римскаго первосвященника преодолѣваетъ православіе въ Царьградѣ, а между тѣмъ она сама упорно противилась ему во всѣхъ покушеніяхъ, которыя безпрестанно устремлялъ онъ на Русскія земли. Любопытное повѣствованіе составила-бы исторія всѣхъ попытокъ Папы на Россію, съ первобытнаго при Ольгѣ и Владимірѣ; потомъ, когда онъ владѣлъ уже западными Славянами и Польшею, при Даніилѣ, Александрѣ, Романѣ, Василіи Темномъ; потомъ, когда онъ обладалъ уже Волынью и Кіевомъ, и692 сваталъ за Іоанна III-го послѣднюю отрасль Палеологовъ; потомъ, когда при пособіи Іезуитовъ создалъ обширный планъ подчиненія себѣ Руси посредствомъ самозванцевъ; потомъ, когда черезъ Сигизмунда старался оставить Русскій тронъ за

Польскимъ Королемъ, и далѣе, даже до предложенія Петру Великому «соединить Церкви.» Мужественно стояла Церковь Русская, и православіе, бывшее главною чертою нашей народности, одушевилось отвращеніемъ отъ «папежа Римскаго» и «Латинской вѣры,» и сдѣлалось наконецъ важнѣйшею пружиною спасенія нашего въ смутныя времена Самозванцовъ. Между-тѣмъ, какъ будто предвидѣла Церковь, что на сѣверъ, на берега Клязьмы, перешла настоящая Русь съ береговъ Днѣпра, и Церковь явилась тамъ съ престоломъ митрополита, и оттуда послѣдовала за самодержавіемъ, спасавшимъ Русскую землю, въ Москву. Здѣсь властью своею она уничтожала удѣлы, — Рязань, Тверь, смиряла Новгородъ, покоряла Псковъ, соединяла и крѣпила своими уставами, что соединяли и крѣпили въ то же время политика и мечъ Княжескій: вотъ второе великое дѣло Русской Церкви. Вспомните теперь третій подвигъ, — ея отношенія къ Ордѣ. Обезопасенная съ самаго начала *ярлыками* Хановъ, она однакожь страдала вмѣстѣ съ Русскою землею, и первая указала ей на знаменіе побѣды и спасенія. Нельзя не изумляться уму и вѣрѣ Святаго Алексія, великаго государственнаго мужа, и чудотворному Сергію, иноку, который отвергъ санъ митрополита, но въ обители своей создалъ святилище чести народной и любви къ отечеству, и пламенному Вассіану, побуждавшему князей идти и умереть за отечество. Наконецъ, четвертый подвигъ нашей Церкви, совершившійся тайно, но явный въ своихъ послѣдствіяхъ, была борьба ея съ Латинскою Литвою, удержаніе Кіева за Русью, и при-

соединение Малороссии, чему *главною* причиною была Православная вѣра, которая отвращала Казака отъ Уніи, отъ Латинщины, и сохраняла на немъ родимый типъ его, когда Латинь и Унія уже торжествовали мнимую побѣду. Кротко и тихо, но дѣятельно, сильно, противилась Русская Церковь политикѣ Литвы, уступала необходимое, хранила остальное, пока на стѣнахъ Кіева не распростеръ крыльевъ своихъ двуглавый орелъ Царей. Вотъ великія, общія заслуги Русскаго духовенства! Забудемъ ли частныя дѣла служителей алтаря, которыя обнимаютъ всю Русскую Исторію? Василія Новогородскаго, отраду въ бѣдствіяхъ соотчичей; Стефана, перенесшаго вѣру въ лѣса Перміи; Сильверста, столь мудраго, столь несчастнаго; Филиппа, обличавшаго злодѣйство Опричнины и грозу Іоанна? Всѣ сіи имена достойны незабвенной памяти потомства, послѣ именъ Алексія, Сергія, Гермогена, Діонисія, Аврамія, истинныхъ ангеловъ-хранителей Россійской народности, земли и вѣры.

Но вотъ уже Русская земля свободна, самобытна, не боится ни Ордынца, ни Литовца, ни Ляха. Она чувствуетъ потребность внутренняго преобразованія и внѣшняго устройства. Откажется ли Церковь отъ стремленія государственнаго впередъ? Нимало. Она идетъ даже впереди народа. Какое достопамятное лицо одинъ Никонъ, другъ, совѣтникъ Царскій! Церковь сама стремится къ исправленію того, что излишнее накипѣло па ея внѣшность во время бурь, среди которыхъ обновлялась Русская земля. Отвергая

то, что можетъ помрачить чистоту ея догматовъ, она чувствуетъ однакожь превышающую ученость Латинцовъ, и радушно принимаетъ въ свои объятія Максимовъ Грековъ, братьевъ Лихудовъ, Епифаніевъ Славинецкихъ, Симеоновъ Полоцкихъ, — изъ Кіева вызываетъ учителей, заводитъ академіи, исправляетъ тексты Священныхъ Книгъ. И здѣсь стремленіе впередъ является такъ велико, что грубый народъ сомнѣвается даже въ ея православіи, волнуется, начинаетъ «Старовѣріе» и «Старообрядство.» Какъ высоко становится здѣсь Русская Церковь, отличаясь при благоразумныхъ нововведеніяхъ духомъ кротости, снисхожденія, миролюбія, старанія увѣдить, увѣрить въ истинѣ, предупредить изувѣрство, но твердо останавливая между тѣмъ вредные расколы и ереси, которые отвсюду ринулись въ Русь, и прежде проявлялись въ Жидовинахъ и Стригольникахъ, а потомъ въ толкахъ Духоборцовъ, бредняхъ Квирина Кульмана и Квакерской вѣрѣ. Будто вредныя капли, упавшія въ море, исчезаютъ и безвредными становятся всякія злоученія, и Русское православіе показываетъ новые поучительные уроки благочестиваго смиренія и покорности властямъ, отъ Бога установленнымъ, когда потребности Россіи и могучій геній Петра требуютъ отъ него еще дальнѣйшихъ преобразованій и христіанскаго пожертвованія всякою гордынею и корыстью: оно передаетъ Царю санъ первосвятителя; ему подчиняетъ духовный Сунодъ, который по его волѣ будетъ управлять Церковью; отечеству приноситъ всѣ мірскія имѣнія, едва только потребовала ихъ воля Помазанницы Божіей. И среди

тѣхъ, которые при Петрѣ и послѣ него являлись поборниками просвѣщенія и успѣха, вы видите въ первыхъ рядахъ имена пастырей церкви — Ѳеофана Прокоповича, Стефана Яворскаго, Амвросія Каменскаго, Анастасія Братановскаго, Евгенія Булгара, Гавріила Бужинскаго, Гавріила Петрова, Михаила Десницкаго, Дмитрія Сѣченова, Іоанна Леванду, Ѳеофилакта Лопатинскаго, Амвросія Подобѣдова, Платона Левшина. Даже изъ тѣхъ, кого въ наши дни прославилъ Богъ нетлѣніемъ ихъ бренныхъ останковъ и даромъ чудотворенія, Димитрій Ростовскій, Иннокентій Иркутскій, Тихонъ Задонскій, не были ль притомъ и учеными, просвѣщенными мужами своего времени? Мы не говоримъ о современныхъ пастыряхъ нашей Церкви: «Исторія не хвалитъ живыхъ,» сказалъ Карамзинъ, посвящая трудъ свой достойному всякихъ похвалъ.

Не уже-ли, соглашаясь въ истинѣ картины, слегка здѣсь обрисованной, не согласятся въ томъ, что исторія предмета, изъ которой почерпнули мы нашъ очеркъ, есть отраженіе предмета умилительнаго, трогательнаго, великаго въ смиреніи, возвышающаго душу? Картина не оттѣнена ни Ватиканами, ни Крестовыми походами, ни соборомъ Святаго Петра, ни Реформаціею, ни войною Альбигойцевъ, ни Американскими миссіями, ни политикою Іезуитовъ, но кому не понятно, какая великая мысль Провидѣнія заключена въ ея предметѣ? Мы говорили только о прошедшемъ. Для просвѣщеннаго наблюдателя, прошедшее есть разгадка будущаго.

Разсматривая такимъ образомъ прошедшее, легко постигнуть, какую великую судьбу для народа заключаетъ въ себѣ исторія Церкви, совершенно отдѣленной отъ Запада, и которая, принявъ отъ Греческой Церкви только зерно, самобытно разрослась въ величественное древо, осѣнившее вѣтвями своими сѣверъ Европы и сѣверъ Азіи. Онъ отличенъ отъ всего остальнаго, въ Азіи и въ Европѣ, своею вѣрою, какъ отличенъ своимъ языкомъ, своею исторіею, когда между тѣмъ обширное Славянское племя остается намъ роднею по преданіямъ и по языкамъ. Самобытно долженъ былъ образоваться, для исполинскаго дѣйствія въ будущемъ, нашъ Русскій сѣверъ, и онъ представляетъ намъ удивительный примѣръ самобытной религіи, которая слилась съ нашею народностью, и народности, которая сознаетъ себя въ религіи, славитъ Бога на томъ языкѣ, въ томъ храмѣ, на которомъ славили и въ которомъ славили Его за десять столѣтій Кіевскіе Руссы, и котораго не понимаетъ Европа. Впрочемъ ей и не суждено понять насъ; она узнаетъ насъ на дѣлѣ. Недавно, одинъ изъ тѣхъ писателей, которые отчаянно кричатъ съ Парижскимъ каѳедръ противъ Россіи, невольно высказалъ великую истину: «Безумно было-бы проклинать Россію. Когда «сила является въ необыкновенной мѣрѣ, это всегда «казываетъ, что ей предназначается совершать судьбы «Бога.»

Какъ жаль, что у насъ до сихъ поръ нѣтъ еще исторіи Русской Церкви, написанной не въ одномъ

только отношенія къ фактамъ, но съ идеею философскою въ головѣ и пламенемъ вѣры въ сердцѣ, исторіи, которую создалъ бы человѣкъ, глубоко проникнутый любовью къ отчизнѣ и къ символу сей любви — Русскому православію. Такой книги можемъ мы пожелать даже для поясненія исторической задачи нашего бытія въ глазахъ Европы, но едва-ли еще не важнѣе она для насъ самихъ, въ то время, когда толки Западныхъ писателей, не понимающихъ ни насъ, ни нашей исторіи, жестоко устремляются на Русскихъ, и могутъ возбудить сомнѣніе въ великой судьбинѣ нашего образованія, отдѣльнаго отъ Европы, но слитаго съ нею нашими отношеніями къ всемірной исторіи и къ будущему, котораго такъ робѣетъ и боится Западная Европа. Подобная книга, дышащая вѣрою и горячимъ, не на умѣ только основаннымъ, сознаніи самихъ себя, могла-бы принесть важную пользу и для нашего поколѣнія вообще, нерѣдко хладнокровнаго и безмолвнаго тамъ, гдѣ надобно кипѣть любовью и говорить истину смѣло и громко. Желательно было бы, для такой же точно цѣли, видѣть еще одну книгу въ нашей литтературѣ, книгу также проникнутую любовью къ отечеству и святою вѣрою; книгу, которую можно бъ было назвать географическимъ описаніемъ святынь религіи, какими повсюду усѣяна Русская земля. Такая книга сдѣлала-бы краснорѣчивыми для Исторіи и Религіи безмолвныя мѣста, мимо которыхъ, нерѣдко безъ всякаго вниманія, проходитъ странникъ и проѣзжаетъ путешественникъ. Она поясняла-бы исторію и религію нашу мѣстностью, соединяла-бы на замѣчательныхъ урочищахъ память о

прошедшемъ, о славѣ и бѣдствіяхъ, о подвигахъ и дѣяніяхъ предковъ нашихъ; она питала-бы въ то-же время души манною вѣры. Людямъ, притекающимъ каждый годъ тысячами на молитву въ святые храмы и обители, она служила-бы руководствомъ въ ихъ благочестивомъ странствованіи, а изображая картины такихъ странствованій, она являла-бы наблюдателю одну изъ существенныхъ сторонъ нашего народнаго образованія — теплую вѣру, благочестіе, усердіе, заставляющія тысячи людей ежегодно переходить тысячи верстъ, нерѣдко съ посохомъ странника, съ котомкой нищаго, для преклоненія передъ святыней. Картины народности нашей сливались-бы здѣсь съ картинами повѣствованія историческаго, потому, что у насъ немного, *почти нѣтъ* другихъ памятниковъ, кромѣ памятниковъ вѣры — церквей и обителей. Храмомъ ознаменовывали предки наши память скорбей своихъ, храмомъ и благодарность за спасеніе. Молитва раздѣляла ихъ жизнь, ихъ годы, ихъ дни.

Такъ Москва, которую многіе любятъ безотчетно и не посѣщаютъ внимательно, явила-бы собою, при подобномъ описаніи, живую лѣтопись нашей вѣры и нашей народности, каменную лѣтопись нѣсколькихъ сто лѣтій. Святыни Кремля представили бы намъ — Успенскій храмъ, древнѣйшій по строенію, съ гробницею Святаго Петра митрополита, основателя его — трудъ славнаго Фіоравенти, съ гробами нашихъ митрополитовъ и патріарховъ, Гермогена, Филарета, страдальца Филиппа, ризницу его, съ «Августовою крабіею» и съ

крестомъ, который былъ на груди Петра Великаго въ день Полтавской битвы и погнулся отъ пули, ударившей въ грудь великаго монарха и отраженной святымъ знаменіемъ спасенія; Архангельскій Соборъ, съ святыми останками Михаила Черниговскаго и отрока Димитрія, съ гробницами Іоанна Калиты, Димитрія, Донскаго, Іоанна III, Іоанна Грознаго, Василія Шуйскаго, Петра II; соборы: Благовѣщенскій, Спаса на бору, Спаса за золотою рѣшеткою; монастыри: Чудовъ, священный памятью Алексія митрополита; Вознесенскій, кладбище Русскихъ царицъ; Патріаршую церковь, съ ея ризницею. Переходя за предѣлы Кремля, мы увидѣли-бы: Казанскій Соборъ, памятникъ, воздвигнутый Пожарскимъ; Покровскій соборъ, памятникъ паденія Казани, чудное смѣшеніе зодчества и воспоминаній, какъ чудна исторія его основателя, Грознаго Іоанна; древній Даниловскій монастырь; обитель Симоновскую, съ ея Святыми прудами и гробницею Ослябя и Пересвѣта; обитель Донскую, памятникъ спасенія Москвы при Ѳеодорѣ; обитель Новодѣвичью, съ гробницею горделивой Софіи, памятникъ взятія Смоленска; обитель Рождественскую, памятникъ Куликовской битвы; обитель Новоспасскую, съ гробницами страдальцовъ Романовыхъ; обитель Богоявленскую, первое убѣжище митрополита Алексія и Стефана, врата Сергіева; — обитель Заиконо-Спасскую, съ могилою Симеона Полоцкаго и памятью первыхъ духовныхъ училищъ въ Москвѣ. Петербургъ, столь юный, показалъ бы-намъ храмъ Петропавловскій, съ священными останками Петра Ве-

ликаго, съ гробницами Екатерины, Маріи, Александра; храмъ Казанскій, съ трофеями 1812 года, вѣющими надъ могилою Кутузова; обитель Александро-Невскую, съ мощами Александра, несенными туда на раменахъ Петра Великаго, съ могилами Суворова и Ломоносова. А древній Кіевъ, съ его Софійскимъ соборомъ, развалинами десятинной церкви, Печерскою обителью? А Новгородъ, съ его Святою Софіею, Хутынскимъ монастыремъ, Антоніевымъ, Юрьевымъ? А окрестности Москвы, гдѣ возвышаются — памятникъ Сергія, святая обитель Троицкая; памятникъ Никона, Обитель Воскресенская; памятникъ Платона—Виѳанія; памятникъ древняго благочестія Русскихъ Царей,—Саввинскій монастырь; памятникъ ревнителя благочестія Іосифа — Волоколамскій монастырь; памятникъ страшнаго Бородина — Колоцкій монастырь? Какое богатое поле для благоговѣйныхъ размышленій и незабвенныхъ воспоминаній представляетъ намъ почти каждый городъ, даже отдаленныя селенія Россіи и Сибири! Трудно даже исчислить всѣ тѣ мѣста, гдѣ сердцу Русскому хотѣлось-бы излиться въ молитвѣ, уму Русскому погрузиться въ прошедшее. Обитель Прилуцкая, гдѣ почіютъ два брата, два страдальца, изумительные страданіемъ; обитель Кирилловская, богатая воспоминаніями прошедшаго; обитель Костромская Ипатьевская, гдѣ началось прочное счастье Россіи избраніемъ Михаила; обитель Соловецкая, удаленная въ волны Ледовитаго моря, съ могилами Сильвестра и Аврамія; обитель Сійская, мѣсто заточенія Филарета; обитель Спасо-Евфимьевская въ Суздалѣ, съ могилою Пожарскаго;

обители Боровская, Столовенская, Тихвинская, Валдайская, Калязинская, Саровская, Курская, Почаевская, Псковскія обители, храмы въ Черниговѣ, Смоленскѣ, Переславлѣ, Казани, Астрахани, Ростовѣ, Нижнемъ Новгородѣ, Рязани, Серпуховѣ — даже въ Туруханскѣ и Березовѣ, въ Изюмѣ и Николаевѣ — все влечетъ къ себѣ вниманіе наше. И одни-ли храмы въ большихъ городахъ, однѣ-ли знаменитыя обители, обратятъ на себя взоръ любопытнаго и благочестиваго странствователя? Нѣтъ! здѣсь маленькая церковь въ селѣ Деулинѣ напомнитъ ему прекращеніе бѣдствій Россіи при Михаилѣ; тамъ старая церковь въ Покровской слободѣ — приступъ Владислава къ Москвѣ; забвенный Отрочь-монастырь — кончину святителя Филиппа; крестъ на берегахъ Бѣлаго моря — спасеніе Петра Великаго отъ морскихъ волнъ; церковь въ селѣ Куликовскомъ — пораженіе Мамая. Какъ будто сѣтью, вся Россія покрывается историческо-религіозными воспоминаніями въ памятникахъ вѣры, въ сокровищахъ, какія въ нихъ заключаются, въ могилахъ, какія въ нихъ находятся, въ приношеніяхъ царей святителей, воиновъ, сановниковъ, простолюдиновъ, которыя въ нихъ хранятся.

До сихъ поръ нѣтъ у насъ никакого общаго, полнаго, даже хоть *какъ нибудь* написаннаго изображенія Россіи въ религіозномъ, историческомъ и географическомъ отношеніяхъ. Даже и частныхъ опытовъ имѣемъ мы весьма немного. Карамзинъ издалъ описаніе прогулки своей въ Троицко-Сергіеву Лавру и по окрест-

ностямъ Москвы, но все это писано болѣе тридцати лѣтъ тому и слишкомъ недостаточно. Есть еще описанія нѣкоторыхъ святыхъ мѣстъ и обителей, составленныя поверхностно, безъ увлеченія предметомъ, безъ сочувствія сердечнаго, съ холодною и темною памятью о прошедшемъ.

Не такъ должна быть создана книга, о которой мы говоримъ. Ей можете дать форму историческую и географическую, форму путешествія, записокъ, — все равно, только форму одушевленную, въ которой дышали-бы жизнь памяти, чувство сердца, свѣтлость ума. Это необходимо, если хотятъ, чтобы она говорила уму и сердцу читателей. Предметъ богатый, цѣль святая; надобно только умѣнье выразиться.

И намъ показалось, что авторъ «Путешествія по святымъ мѣстамъ Русскимъ» своею брошюркою полагаетъ начало именно такой книгѣ, о которой мы говоримъ. Прежній трудъ его: Путешествіе къ святымъ мѣстамъ Іерусалима, и нынѣшній опытъ благочестиваго пилигримства по христіанскимъ достопамятностямъ отечества, доказываютъ, что онъ можетъ и умѣетъ приняться за дѣло прекрасное и спасительное, и что силъ и души его, конечно, достанетъ выполнить такое дѣло. Мы радуемся этому, приглашаемъ почтеннаго автора приняться за продолженія начатаго, и благодаримъ за истинное наслажденіе, какое доставило намъ чтеніе начала.

Назвавъ книгу свою «Путешествіемъ по святымъ мѣстамъ Русскимъ,» авторъ описалъ въ ней, отдѣльны-

ми статьями, Троицко-Сергіевскую лавру, святыни города Ростова, Воскресенскую обитель, или Новый Іерусалимъ, и обитель Валаамскую, находящуюся на Ладожскомъ озёрѣ. Послѣдняя изъ сихъ статей была напечатана въ Б. для Ч., 1834 года. Съ другими постараемся мы познакомить здѣсь нашихъ читателей, кратко, не лишая книгу той занимательности, которую она, послѣ разбора, должна еще имѣть для своихъ читателей.

Авторъ далъ статьямъ форму записокъ путешественника, помѣщая въ нихъ, безъ систематическаго порядка, историческія воспоминанія и описанія настоящаго быта святыхъ обителей, и оживляя все разсказомъ бесѣдъ своихъ съ почтенными настоятелями и другими духовными особами, которые радушно встрѣчали, привѣтствовали, сопровождали его при обозрѣніи подробностей каждаго мѣста. Такими являются въ его книгѣ: намѣстникъ Троицкой лавры архимандритъ Антоній, архимандритъ Ростовскаго Іаковлевскаго монастыря Иннокентій, племянникъ «гробоваго» монаха Амфилохія, сорокъ лѣтъ стоявшаго у гроба Святителя Димитрія въ молитвѣ и благоговѣніи, архимандритъ Новаго-Іерусалима Аполлосъ, памятный Сибирякамъ по его пребыванію въ Иркутской обители, гдѣ почіютъ мощи перваго епископа Иркутскаго Иннокентія, а нынѣ столь ревностно подвизающійся о благолѣпіи великой обители, устроенной Никономъ, старецъ Гавріилъ, бывшій много лѣтъ проповѣдникомъ вѣры христіанской въ западной Америкѣ, и сопутствовавшій

единственному «епископу Американскому» Іоасафу, въ его отдаленныхъ странствованіяхъ по Сибири и Америкѣ.

Мы не можемъ не выписать нѣкоторыхъ бесѣдъ:

«Тогда же,» говоритъ авторъ, описывая свое пребываніе въ Ростовѣ,» посѣтилъ я архимандрита Иннокентія, достойнаго племянника Амфилохія. Дряхлый старецъ, удрученный болѣзнями, съ трудомъ могъ подняться съ своихъ креселъ, чтобы привѣтствовать во мнѣ прежняго своего знакомца.

—Я видѣлъ изъ окна, какъ вы съ недоумѣніемъ ходили по монастырю,—радушно сказалъ онъ; — и хотѣлъ уже послать монаха, чтобы онъ васъ проводилъ въ соборъ; я всегда такъ дѣлаю съ новыми пришельцами, еще незнающими обители. Хожу и дѣйствую я весьма криво, милостивый государь, но по, крайней мѣрѣ, сижу прямо: противъ меня угодникъ, и къ нему указываю я всѣмъ дорогу.

«Гдѣ же найдти лучшаго указателя ,» отвѣчалъ я. «Вы уже такъ давно на стражѣ у святителя.»

—Да,—кротко продолжалъ онъ—благодаря угодника, вся жизнь моя обтекла кругомъ этого озера (Ростовскаго), или, лучше сказать , я только перевезся съ одного берега на другой. Когда вы взойдете завтра на ограду, или на ту башню, которую я себѣ приготовилъ для покоя, вы увидите за озеромъ высокую колокол-

нію села Порѣчья, гдѣ я долго былъ приходскимъ священникомъ. Тамъ и дѣдъ мой, и прадѣдъ имѣли счастіе быть посвященными отъ руки самаго святителя, и я самъ, несмотря на всѣ грѣхи мои, достигъ этого пріюта только милостію угодника.

«И такъ я здѣсь какъ-бы въ его семействѣ,» сказалъ я, тронутый живою любовію архимандрита къ Святому Димитрію.» Вы сроднились съ нимъ, и черезъ рукоположеніе вашихъ дѣдовъ, и сорокалѣтнею, постоянною стражею при его мощахъ вашего дяди, старца Амфилохія, и приверженностью къ угоднику.

—Желаю духовнаго родства этого себѣ и вамъ— отвѣчалъ архимандритъ — иблагословилъ меня провести ночь на сосѣднемъ подворьѣ.

«Рано утромъ я уже нашелъ почтеннаго старца сидящимъ опять въ своихъ креслахъ, посреди богомольцовъ, которые, одинъ за другимъ, приходили принять его благословеніе. Каждаго принималъ онъ ласково, спрашивая имя и надѣляя образкомъ, и отпускалъ съ назидательнымъ словомъ. Я подивился его терпѣнію при такомъ болѣзненномъ состояніи. «Государь мой,» сказалъ мнѣ простодушно Иннокентій! «больше труда было этимъ усерднымъ людямъ прійдя къ угоднику, нежели мнѣ принять ихъ. Да, и у чего же я поставленъ, если не буду благословлять ихъ во имя святителя?»

«Въ числѣ посѣтителей находился раненый офицеръ, и съ нимъ докторъ. Послѣдній, видя страданія архимандрита, совѣтовалъ ему многія средства для облегченія болѣзни. Иннокентій вниманіемъ своимъ платилъ ему за участіе, и наконецъ сказалъ: «Милостивый государь, вотъ уже многіе годы, какъ я страдаю; знаете ли, какой единственный пластырь обрѣлъ я противъ всѣхъ моихъ болѣзней? Терпѣніе, государь мой, одно только терпѣніе! По скольку его приложишь къ своимъ ранамъ, по стольку и почувствуешь облегченіе. Повѣрьте, что другаго нѣтъ для моихъ недуговъ. Жизнь человѣческая, какъ лампада: когда сосудъ благоустроенъ, хороша свѣтильня и масло чисто, тогда ясно горитъ и лампада, но когда все въ ней приходитъ въ ветхость, скудѣетъ елей и задуваетъ вѣтеръ,— а вѣтеръ наши собственныя страсти, — тогда время ей погаснуть, и она гаснетъ сама собою.»

«При этомъ простомъ, но краснорѣчивомъ сравненіи невольно взглянулъ я на лампаду, висѣвшую передъ иконами, которыя занимали весь передній уголъ тѣсной комнаты и два сосѣднія окна, тогда, какъ двѣ противоположныя стѣны были убраны множествомъ портретовъ духовныхъ особъ.

«Въ какомъ благочестивомъ обществѣ провождаете вы всѣ дни ваши,» сказалъ я архимандриту.

—Извольте посмотрѣть, государь мой,—смиренно отвѣчалъ онъ—вотъ, на правую сторону отъ меня, свя-

тые угодники, прославившіе своею жизнію Господа, а вотъ на лѣво благочестивые мужи, шедшіе по слѣдамъ ихъ; но поелику они еще не удостоились прославленія свыше, то чтобы не смѣшать *горняго съ дольнимъ*, между ними утвердися здѣсь пропасть велика—я самъ, съ моими немощами и грѣхами!

«И когда я не находилъ словъ отвѣчать ему, онъ тотчасъ продолжалъ:

— Время идти къ обѣднѣ; прошу васъ заглянуть также и въ новый соборъ, который Господь сподобилъ меня окончить, истинно пособіемъ угодника, ибо у меня не было ни денегъ, ни средствъ, и все неожиданно явилось. Посмотрите на живопись: самый художникъ, покойный академикъ Медвѣдевъ, былъ для меня даромъ Божіимъ, по своему благочестію. Вѣрите ли, государь мой, что онъ не иначе приступилъ къ письму, какъ причастившись Святыхъ Таинъ, и прямо изъ церкви взялся за кисть, не вкушая никакой пищи, пока не начерталъ лика Господня на сводахъ алтаря: такъ всегда безъ пищи и съ молитвою начиналъ онъ писать образъ Спасителя, или Божіей Матери. Рѣдкое благочестіе! За то Господь увѣнчалъ полнымъ успѣхомъ его труды, и вы вѣрно полюбуетесь живописью. Прошу васъ въ церковь.»

Авторъ описываетъ свое возвращеніе въ Москву, черезъ Троицкую Лавру.

«Около вечерни я уже былъ опять въ лаврѣ, и

тамъ провелъ еще одинъ утѣшительный день, посреди молитвъ и воспоминаній, наслаждаясь столько же настоящимъ этой славной обители, сколько и ея великимъ прошедшимъ. Поздно вечеромъ собирался я ее оставить, и пришелъ принять благословеніе архимандрита Антонія. «Мы простимся въ церкви,» сказалъ онъ: «ты вѣрно желаешь прежде отъѣзда поклониться Преподобному?»

«Намѣстникъ велѣлъ отперетъ соборъ; мы вошли одни во мракъ его; слабо свѣтила намъ лампада предъ святыми мощами; гробовой монахъ открылъ раку. Намѣстникъ сталъ у главы и началъ молебенъ Святому Сергію, съ акаѳистомъ, въ которомъ, какъ видно, излились всѣ чувства души, глубоко проникнутой благодѣяніями угодника своему отечеству. Какъ простъ и выразителенъ этотъ привѣтъ Сергію: *Земный ангеле и небесный человѣче!* Какъ радуется сердце при каждомъ тихомъ возгласѣ гробоваго старца: *Радуйся Сергіе, великій чудотворче!*

«Когда кончилась служба и мы сошли со ступеней на средину темнаго собора, Антоній взялъ меня за руку, и послѣ краткихъ назидательныхъ увѣщаній, сказалъ простосердечно: «Полюби святаго Сергія! Онъ былъ Русскій въ душѣ; сердце его лежало ко всему отечественному, и онъ не только нашъ, но и цѣлой Россіи; полюби его искренно и онъ тебя полюбитъ!»

«Я былъ глубоко тронутъ и молчалъ. Мы вышли изъ храма и услышали за собою звукъ его замковъ,

потому что всѣ, кромѣ насъ, уже отошли на покой, и мимо насъ пробрелъ въ свою келлію гробовой старецъ.

—Мнѣ все еще не хочется съ тобою проститься,— радушно говорилъ мнѣ намѣстникъ — мы поклонилися преподобному Игумену лавры; пойдемъ-же кругомъ собора поклониться еще и святымъ ученикамъ его. — Но прежде—продолжалъ онъ, подойдя къ отверзтому окну келліи Святаго Сергія, внутри которой ярко сіяла при свѣтѣ лампады, въ золотѣ и дорогихъ каменьяхъ, большая икона явленія ему Божіей Матери — прежде помолись Пречистой Дѣвѣ на мѣстѣ ея схожденія, да направить стопы твои по заповѣдямъ Господнимъ.

— Заглянемъ и къ преподобному Никону—проговорилъ тихо Антоній, взойдя на крутую паперть, передъ его церковью. *Преподобные отче Никоне! моли Бога о насъ!*

«Сквозь желѣзную рѣшетку окна видна была въ таинственномъ мракѣ вся внутренность малой церкви. Только изъ-подъ богатыхъ завѣсъ гробоваго балдахина проливался свѣтъ невидимой лампады, какъ будто самъ угодникъ освѣщалъ собою гробъ свой. Молча прошли мы еще нѣсколько шаговъ, потому, что для такихъ минутъ не созданы слова, и приближились къ церкви у готической трапезы; и она свѣтилась изнутри гробовою лампадою. «Вотъ и ученикъ Сергіевъ отды-

каетъ по многихъ трудахъ въ своей келліи!» сказалъ Антоній. «*Моли Бога о насъ преподобне отче Михее!* Зайдемъ теперь и къ Максиму Греку.»

«Мы подошли къ его часовнѣ близь Сошественнаго собора. Архимандритъ долго и пристально смотрѣлъ на гробницу великаго мужа Церкви, такъ много для нея потрудившагося и пострадавшаго, и потомъ, обратясь ко мнѣ, возвысилъ голосъ:

—Желаю тебѣ, хотя нѣкую часть того духа благодати, которымъ былъ исполненъ сей великій подвижникъ въ трудахъ своихъ ко благу Церкви!

«Ахъ! пожелайте,» отвѣчалъ я, «и помолитесь, чтобы тотъ же духъ терпѣнія данъ мнѣ былъ въ скорбяхъ, какой укрѣплялъ Максима, если паче чанія и меня ожидаютъ испытанія!»

«Отъ этой часовни пошли мы къ Святымъ Вратамъ, по роскошной аллеѣ вѣковыхъ липъ, осеребренныхъ луною, которой лучи, пробиваясь сквозь ихъ густую тѣнь, крупными каплями падали на землю. Билъ одиннадцатый часъ, когда приблизились мы къ вратамъ ограды. Покамѣстъ сонный сторожъ отпиралъ тяжелый замокъ — «вотъ мы нашли себѣ вѣрную стражу,» сказалъ Намѣстникъ, указывая на образъ Неопалимой Купины надъ вратами. «Во время Московскихъ пожаровъ, мы ввѣряли ей охраненіе обители отъ огня, и, благодареніе Господу, все уцѣлѣло!»

«Внимая ему, я еще разъ обратился къ монастырю. Мрачно подымался передъ нами высокій соборъ Успенія. Только часть его крыши освѣщена была мѣсяцомъ, который перекатывался по золотой главѣ его, ярко охвативъ крестъ; мы любовались благоговѣйно.

—Основанъ грознымъ Іоанномъ!—тихо говорилъ я самъ себѣ.

«Освященъ кроткимъ Ѳеодоромъ!» столь же тихо договорилъ Антоній, какъ-бы нѣкій антифонъ. —«На дверяхъ его изображенъ Ангелъ Страшнаго Суда, съ скрижалью, гдѣ вписываетъ дѣянія наши. «Подлѣ этихъ вратъ,» опять отвѣчалъ мнѣ Антоній, погребено все семейство Годуновыхъ.

—Какія имена! какія воспоминанія! воскликнулъ я. — О святая лавра! какъ трудно съ тобою разставаться. —

«Я уже переступилъ за врата; архимандритъ еще держалъ меня за руку. «Чувствуешь ли, что здѣсь, за оградою, совсѣмъ другой воздухъ? Вся свѣжесть, весь ароматъ ночи остались внутри стѣнъ, а *здѣсь* все дышитъ житейскимъ. Теперь прости: я стою на томъ порогѣ, гдѣ для меня долженъ кончаться міръ.» И благословивъ, онъ сказалъ: «Святый Сергій да будетъ присно съ тобою!»

Выписки наши знакомятъ читателей съ слогомъ и изложеніемъ автора. Нельзя не благодарить его, что онъ началъ сердцемъ Русскаго православія и народности—Москвою, и что въ Москвѣ выбралъ для начала

сокровищницу вѣры и усердія Русскаго — Троицко-Сергіевскую обитель. Вотъ въ какомъ порядкѣ расположено описаніе сего святаго мѣста Руси: ночная прогулка по оградѣ лавры; описаніе зданій лавры; рака съ мощами Святаго Сергія и церковь, гдѣ онъ почиваетъ: исторія лавры — начало, событія въ княженіе Василія Темнаго, Іоаннъ Грозный, событія во времена Самозванцевъ и въ междоцарствіе, осада лавры Сапегою, посѣщеніе лавры патріархомъ Іерусалимскимъ Өеофаномъ (словами подлиннаго описанія, изъ житія Св. Діонисія), Петръ Великій, 1812 годъ; повѣрка нынѣшнихъ памятниковъ и урочищъ съ историческими преданіями; ризница; гробницы Годуновыхъ; взглядъ на Виѳанію, мѣстопребываніе и могилу незабвеннаго Платона.

Такъ, подъ увлеченіемъ различныхъ впечатлѣній, то сообщая свои чувства, то предаваясь историческимъ воспоминаніямъ, питая себя благочестивыми размышленіями, или отыскивая слѣды прошедшаго въ сохранившихся памятникахъ, авторъ ведетъ читателей изъ Троицкой лавры въ Ростовъ. Здѣсь находится очеркъ Переславля; описаніе церкви, съ мощами святителя Димитрія, въ Іаковлевскомъ монастырѣ; соборъ въ Ростовѣ; другія обители; второе посѣщеніе Троицкой Лавры. Описанія сильнѣе ожидаютъ въ великолѣпномъ Воскресенскомъ монастырѣ, этой высокой идеѣ — поставить въ Россіи возможно сходный снимокъ съ Іерусалимской церкви Святаго Гроба, идеѣ, осуществленной Никономъ въ то время, когда онъ по волѣ

могъ располагать Царскими сокровищами и церковными имѣніями въ цѣлой Россіи, когда за Троицкою лаврою было приписано сто тысячь душъ, а строящійся новый Іерусалимъ владѣлъ уже четырнадцатью тысячами крестьянъ. Особенно любопытно здѣсь сравненіе Воскресенской церкви съ подлинникомъ ея, настоящею Іерусалимскою церковью. Авторъ говоритъ, какъ самовидѣцъ, который тщательно наблюдалъ ту и другую.

Менѣе всѣхъ столь достопамятныхъ мѣстъ могъ представить поводовъ для наблюдательности автора Валаамскій монастырь, обитель, находящаяся на небольшомъ пустынномъ островѣ Ладожскаго озера. Но и здѣсь, исполненное духовной поэзіи, воображеніе автора краснорѣчиво начертало пустынножительство иноковъ, ихъ молитвенное пѣніе, разносящееся по бурнымъ волнамъ озера, мнимую могилу Шведскаго короля Магнуса, прекрасную повѣсть объ Индійскомъ царевичѣ Варлаамѣ, разсказанную настоятелемъ, и грустную думу при оставленіи Валаамскаго острова.

Искренно надобно желать, чтобы «время и обстоятельства позволили автору продолжать его трудъ и описать самыя любопытныя изъ знаменитыхъ обителей Русскихъ, по мѣрѣ посѣщенія ихъ.» Мы увѣрены, что первый опытъ столь прекраснаго труда будетъ не только «снисходительно», но съ любовью принятъ каждымъ любящимъ Русь, каждымъ питающимъ въ сердцѣ своемъ вѣру, благочестіе и любовь къ отечеству.

Авторъ проститъ намъ послѣ того одно искрен-

нее замѣчаніе. Намъ кажется, что онъ умножитъ достоинство будущихъ описаній своихъ, если придастъ имъ болѣе подробностей вообще, во всѣхъ отношеніяхъ, Географическое описаніе, топографія каждаго мѣста, иногда статистическая замѣтка, достопамятность историческая, взятыя въ большемъ объемѣ, могутъ дать болѣе вѣрное понятіе о томъ, что теперь остается иногда темно въ его описаніяхъ, при ихъ чрезвычайной краткости. Очерки народнаго быта могутъ также придать болѣе живописи картинамъ, обрисовывая характеръ и духъ Русскаго народа подлѣ описанія его святынь. Авторъ можетъ возразить, что такимъ образомъ онъ повторитъ многое, что уже извѣстно, или что прежде его сказано другими. Но извѣстное, напримѣръ, жителямъ Москвы неизвѣстно жителю Тобольска, гдѣ также станутъ читать книгу, неизвѣстно Сибиряку, посѣщающему Троицкую Лавру въ первый разъ, и даже изъ обитателей Москвы, бывающихъ въ Лаврѣ ежегодно, часто извѣстно не всякому. Такъ для жителя Москвы увлекательная новость всякая подробность о Соловецкомъ монастырѣ, извѣстная обитателю Архангельска, а Курскій житель, предоставляя подробности о Коренской обители жителю Суздаля, съ любопытствомъ будетъ внимать тому, что извѣстно Суздальцу о Спасо-Ефимьевскомъ монастырѣ. Говоря о другихъ прибавкахъ, скажемъ, что любопытное обозрѣніе окрестностей Троицкой Лавры, находящееся у автора, можетъ быть вразумительно только съ планами обители, по-крайней мѣрѣ съ подробною топографіею обители. Описанія старинныхъ путешествій царей и царицъ на-

нашихъ въ лавру, знаменитыхъ мѣстъ на пути, ознаменованныхъ событіями, путешествіе Елисаветы, ежегодныя странствованія изъ Москвы и изъ всѣхъ концевъ Россіи, болѣе подробное изображеніе драгоцѣнностей лаврской ризницы; или въ Воскресенскомъ монастырѣ болѣе подробное исчисленіе различныхъ достопамятностей, разсыпанныхъ по его многочисленнымъ придѣламъ, также описаніе Никоновой Пустыньки — будетъ ли все это излишне? Вотъ еще примѣры: ежели къ своему описанію достопамятной обители Воскресенской авторъ присовокупитъ, что въ Новомъ Іерусалимѣ покоятся останки *единственнаго* сына нашего Суворова, сына, погибшаго въ той рѣкѣ, на берегахъ которой прославился безсмертный отецъ; если онъ упомянетъ о радостномъ изумленіи, какое происходитъ въ душѣ посѣтителя, когда онъ, испросивъ служеніе всенощной, во всякое время года «при дверяхъ гроба Господня» услышитъ возгласъ: *Христосъ воскресе!* и потомъ пасхальную утреню, которую всегда поютъ въ Новомъ Іерусалимѣ; если, описывая Троицкую лавру, онъ приведетъ насъ въ Хатьковъ монастырь, ко гробу родителей Сергія; далѣе, по случаю, напримѣръ, Коренской обители, изобразитъ намъ величественный, патріархальныхъ временъ обычай: ежегодно приноситъ изъ Курска чудотворную икону Знаменія въ девятую пятницу послѣ Пасхи, когда окрестъ пустыни кипитъ дѣятельностью обширная ярмарка, и пѣшеходцы раздвигаются толпами на двадцати семи верстахъ дороги отъ Курска до Пустыни — всѣ такія подробности будутъ весьма умилительны, и послужатъ не только

къ удовлетворенію любопытства — нѣтъ, онѣ лучше ознакомятъ насъ съ Русью, съ добрымъ народомъ нашимъ, онѣ живѣе напечатлѣютъ память прошедшаго въ настоящемъ. Мы не говоримъ уже о томъ, какъ будутъ онѣ драгоцѣнны для будущаго потомства нашего. Настоящее такъ быстро слетаетъ съ лица земли! Оставимъ же вѣрные слѣды его въ описаньяхъ, передаваемыхъ отъ нашего сердца, отъ нашей души сердцу и душѣ нашихъ потомковъ.

История военныхъ дѣйствій въ Азіятской Турціи, *въ* 1828 *и* 1829 *годахъ. Санктпетербургъ,* 1836. *Двѣ части.*

Нерѣдко вы услышите обвиненія: почему мы, Русскіе, такъ мало говоримъ и пересказываемъ о томъ, что мы дѣлаемъ и что знаемъ. Правда, мы слишкомъ молчаливы, даже на самыя добрыя о себѣ вещи. Но только отъ того ли, что мы не умѣемъ понять, растолковать и пересказать о себѣ, что мы слишкомъ лѣнивы, или слишкомъ неписьменны на отчетъ міру? Нѣтъ! Это скорѣе безпечность силы, недосугъ отъ множества дѣлъ и впечатлѣній, а не безчувственность умственная и не тупость головная. Исторія дѣло прошедшаго; юноша, крѣпкій настоящимъ, не охотникъ разсказывать: онъ дѣйствуетъ, и когда утомленіе отъ дѣлъ и жизни сдѣлается ему ощутительнымъ, тогда только онъ принимается пересказывать, что съ нимъ бывало, что видалъ онъ и что чувствовалъ. Летучія замѣтки его превращаются въ записки, записки въ біографіи и исторію. Посмотрите на Западъ: какъ сильны тамъ Исторія, записки, всякія воспоминанія, потому, что Западъ уже утомленъ настоящимъ. Когда Французы, напримѣръ, заговорили вполнѣ о страшныхъ событіяхъ прошедшаго вѣка и о походахъ маленькаго капрала? Теперь, когда имъ приходится сидѣть сложа руки, и безъ бюлле-

тенiй Донъ-Карлоса говорить было-бы не о чемъ. Но наша Русь, юная, бодрая, дѣятельная, едва успѣваетъ надѣлаться: и ей нѣкогда заговориться.

Но, скажутъ намъ, время улетаетъ, настоящее сглаживается, и если вы теперь чего нибудь не замѣтите, то и потомъ забудете: на чемъ же будетъ опираться ваша исторія для грядущихъ поколѣній? И развѣ вамъ не любопытно, не дорого послушать и почитать васъ самихъ? О первомъ — напрасная забота: архивы, дѣла, бумаги наши цѣлы, и не думайте, чтобы многіе, въ низшихъ и высшихъ слояхъ нашего общества, не оставляли подробнаго отчета о своей жизни, если не въ своихъ запискахъ, такъ въ своихъ письмахъ, или въ замѣткахъ другихъ людей. Мысль радостная для однихъ, печальная для другихъ, утѣшительная во всѣхъ отношеніяхъ, мысль о страшномъ судѣ потомства надъ гробами нашими, эта мысль одушевляетъ въ тайнѣ многіе умы, которые въ тишинѣ кабинетовъ бесѣдуютъ съ будущимъ. Второе возраженіе гораздо важнѣе. Въ самомъ дѣлѣ: не только любопытно, но даже драгоцѣнно было бы для насъ всякое повѣствованіе о современности, и какой еще современности — сильной и блестящей! Молчаніе наше противъ Западной какой нибудь говорливости иногда бываетъ даже непростительно. Какъ часто мнѣнія наши берутся со словъ иноземца! А намъ пора-бы увѣриться, что если не всегда пристрастно, то рѣдко основательно говорятъ и судятъ объ насъ чужеземцы, вовсе насъ не постигающіе. Мы должны говорить сами о себѣ, даже для того, чтобы не ду-

мали объ насъ будто мы идемъ и дѣйствуемъ, какъ Богъ приведетъ, не размышляя напередъ и не замѣчая ничего потомъ.

Вотъ только теперь начинаемъ мы поговаривать обширнѣе о нашемъ 1812 годѣ, а сколько остается для насъ неизвѣстнаго, что было прежде и послѣ него, объ чемъ мы слышали только вздорные разсказы, что стоило-бы описать подробно и откровенно! Сколько нелѣпостей могли-бы опровергнуть подобныя описанія, хотя мы послѣ и не принимали-бы на себя труда входить въ споры и опроверженія! Возьмемъ, для примѣра, современную исторію войнъ нашихъ съ Персіей и Турціей. Не говоря уже о томъ, что изъ нашего молчанія выдолковали изъ нихъ на Западѣ, и что толкуютъ иные въ самой Россіи, одинъ тотъ упрекъ, будто мы прошли по землямъ мало извѣстнымъ географіи, взяли Эрзерумъ и Адріанополь, стояли близъ Стамбула и Багдада и ничего не прибавили къ итогу Европейскихъ свѣдѣній, ничего не принесли и Военной Исторіи, одинъ такой упрекъ заслуживаетъ, чтобы мы торжественно доказали ложность его. Что-жъ сказать о великомъ дополненіи къ лѣтописямъ Русской чести, чѣмъ смѣло можемъ мы назвать исторію Персидской и Турецкой войны съ 1826 по 1830 годъ? И никому почти неизвѣстно въ публикѣ, что Русскіе побѣдители шли отъ предѣловъ своего отечества до крайней грани своихъ завоеваній съ перомъ географа, выкладками статистика, линейкой топографа, и что слѣдствіемъ всего того было богатѣйшее собраніе картъ, плановъ, мѣстныхъ свѣ-

дѣній, описаній, наполнившихъ архивы нашего Главнаго Штаба и портфели многихъ частныхъ лицъ. Сердцу Русскому больно при мысли, что если слѣдствія каждый день оправдываютъ наши дѣла, тѣмъ неменѣе бездна дивныхъ подробностей, любопытныхъ случаевъ, геройскихъ чертъ, болѣе и болѣе погружаются въ забвеніе, потому только, что очевидцы и участники славныхъ подвиговъ не рѣшаются предать бумагѣ своихъ воспоминаній. Замѣтки, изданныя очевидцами, такъ кратки, да и гдѣ онѣ, эти замѣтки? На груди храбрыхъ! Увы, эти благородные памятники слишкомъ скоро истлѣваютъ! Неужели легче было сбить штыками Турецкую баттарею, нежели потомъ сочинить описаніе того, какъ вы ее сбивали? Мы держимся теоріи, что писать гораздо легче нежели драться.

. . . .

Да, надобно писать о себѣ, надобно очевидцамъ говорить о томъ, что происходило передъ ихъ глазами. Того требуетъ народная наша честь.

. . . .

Вотъ почему, съ восхищеніемъ, даже съ чувствомъ гордости, привѣтствовали мы появленіе книги, о которой хотимъ дать отчетъ обширнѣе обыкновеннаго, увѣренные, что наше чувство раздѣлятъ всѣ наши читатели. «Исторія военныхъ дѣйствій въ Азіятской Турціи, въ 1828 и 1829 годахъ» есть примѣчательное и драгоцѣнное событіе нашей литтературы. Сколько тутъ звенитъ струнъ, отъ которыхъ сильно трепещетъ Русская душа! Забудемъ любопытность самаго предмета — войну за предѣлами Арарата и Саганлука, гдѣ ни-

когда еще не бывала Русская сила, и гдѣ прахъ Римскаго орла, кости Римскихъ легіоновъ зашевелились въ могилахъ своихъ, при давно неслыханныхъ кликахъ побѣды образованнаго народа надъ тою Азіею, которая и нынѣ столько же враждебна наукѣ и просвѣщенію, сколько была прежде во время Митридата. Но великіе подвиги храбрости и военнаго искусства, паденіе Ахалцыха, уничтоженіе Эрзрума, ужасъ, наведенный на свирѣпыхъ сыновъ Мугаммеда со стороны Кавказа, когда отъ стѣнъ Адріанополя Русскіе шли къ Царьграду, а отъ Эрзрума готовы были громомъ и молніей пасть на Трепизондъ и Багдадъ—какъ они чудны и какъ изумительны! Побѣды намъ не рѣдкость, но какими средствами были добыты наши двухъ-лѣтнія лавры въ Азіи, какими тяжкими трудами куплены, при какихъ ничтожныхъ средствахъ, при какой борьбѣ съ природою, климатомъ полудикими жителями, при какомъ недостаткѣ всѣхъ родовъ и свойствъ мы бились и побѣждали! Вотъ гдѣ настоящая увлекательность книги, которая представляетъ намъ исторію блистательныхъ дѣйствій нашего Эриванскаго героя, и, должно отдать справедливость, представляетъ превосходно. Здѣсь вы видите всего Паскевича — съ его неутомимою дѣятельностью, съ его глубокою проницательностью, съ его учеными и свѣтлыми стратегическими соображеніями, со взглядомъ генія, обнимающимъ вдругъ всѣ случаи, и съ умомъ генія, способнымъ мгновенно извлекать изъ каждаго обстоятельства наибольшую пользу для своихъ предначертаній; вы видите искуснаго вождя, ко-

торый ничего не предоставляетъ случайности, все умѣетъ предусмотрѣть и разчесть, вездѣ дѣйствуетъ, какъ говорилъ Наполеонъ, *методически*, и почти изъ ничего создаетъ для себя разнообразныя и могущественныя средства; видите искуснаго государственнаго человѣка, искуснаго военнаго администратора, съ появленіемъ котораго являются въ арміи порядокъ и обиліе — отличительный признакъ предусмотрительности князя Варшавскаго, единогласно признаваемый даже его завистниками. *Паскевичъ есть одинъ изъ величайшихъ полководцевъ новѣйшаго времени* — такое сужденіе произнесетъ всякій, — Русскій и иностранецъ, кто только прочтетъ съ безпристрастіемъ простое, но ясное, вѣрное и систематическое повѣствованіе, вышедшее подъ заглавіемъ «Исторія военныхъ дѣйствій въ Азіатской Турціи,» и посвященное самому герою сихъ незабвенныхъ кампаній. Только упрямое пристрастіе и ненависть къ дарованію необыкновенному могутъ оспоривать ясную истину.—«Удача!» говорятъ неохотники до сознанія нашей чести. Точно, удача, въ самомъ дѣлѣ *удача*, та прихотливая *удача*, которая всегда бѣгаетъ за умомъ, искусствомъ и трудомъ, которая бѣгала весь вѣкъ за Суворовымъ и теперь показала—

За Араксомъ наши грани,
Араратъ, ужасный плѣнъ
Эрзерума, Эривани,
И разгромъ Варшавскихъ стѣнъ!

Вѣроятно книга скоро выйдетъ также на которомъ нибудь изъ иностранныхъ языковъ, Францу-

скомъ или Нѣмецкомъ. Мы отъ души желаемъ того, ради многихъ причинъ. Во первыхъ, она прибавитъ къ массѣ общихъ Европейскихъ познаній огромное количество вѣрныхъ и положительныхъ свѣдѣній, какихъ не могли доставить Клапротъ, Жоберъ, Киннейръ, Морьеръ или Гамба, обыкновенные авторитеты Западныхъ ученыхъ, во всемъ, что касается до странъ Закавказскихъ. Во вторыхъ, въ ней, какъ мы сказали, вполнѣ видѣнъ Князь Варшавскій, какъ полководецъ, и только въ ней одной можно видѣть, узнать и оцѣнить его съ сей стороны. Мы не имѣемъ права нарушать тайны автора, который не захотѣлъ сказать своего имени: онъ отдаетъ всякому должное, и приводитъ имена сотоварищей, доставившихъ ему географическіе, историческіе, или статистическіе матеріалы, какъ то: Гг. Блома, Ковалевскаго, Искрицкаго, Григорьева, и другихъ. Главнымъ обстоятельствомъ, рѣшающимъ необыкновенную важность его книги, есть участіе, какое принялъ въ ней самъ Князь Варшавскій, который, какъ говоритъ авторъ, «неоднократно удостоивалъ прочитывать трудъ этого очерка, дополнялъ и исправлялъ многое собственными сужденіями, а разсказы объ нѣкоторыхъ сраженіяхъ даже диктовалъ лично», что впрочемъ можно отгадать по отпечатку на многихъ мѣстахъ книги той сильной и обширной мысли, которая смотритъ на дѣла съ творческой высоты, ей только свойственной, гдѣ создаются сіи дѣла; по той добросовѣстной искренности, съ какою высказаны наши ошибки и неудачи, какъ ни малы были онѣ, и по тщательному изображенію всѣхъ мѣръ предосторожности, всѣхъ

предположеній при дѣлахъ, по наружности, веденныхъ такъ отважно, смѣло, даже дерзко; а въ сущности такъ разсчетливо, обдуманно, искусно, съ такимъ знаніемъ характера противниковъ и рода войны. Обо всемъ такъ просто, откровенно и вѣрно можетъ говорить только тотъ, въ чьемъ умѣ начались и созрѣли, и изъ чьей души перешли въ событія думы глубокія, кажущіяся дерзостью и случайною удачею близорукой посредственности, привыкшей въ жизни ходить на цыпочкахъ сомнѣній и добираться ощупью до вершинъ успѣха. Такимъ образомъ, это честный отчетъ передъ современниками, послѣ того, какъ знаменитый вождь Русскій отдалъ отчетъ своему Царю, это оправданіе собственной своей славы, которою великій полководецъ имѣетъ право дорожить наравнѣ со всѣми Русскими. Не дивитесь послѣ сего скромности разсказа, порою даже излишней; не дивитесь, что при изображеніи битвъ и подвиговъ самыхъ изумительныхъ, рѣдко и какъ будто нехотя, срывается съ пера описателя горячее чувство, яркое слово, средь стратегическихъ подробностей и военныхъ мелочей, безъ которыхъ картина не была бы полною и наставительною для военныхъ наблюдателей. Дополнимъ еще предварительный очеркъ книги нѣсколькими словами объ ея расположеніи. Авторъ начинаетъ, послѣ краткаго вступленія, прекраснымъ описаніемъ Россійскихъ областей за Кавказомъ; потомъ переходитъ къ описанію смежныхъ съ нашими Турецкихъ владѣній, въ которыхъ находился театръ двухъ-лѣтней войны. Исторія и географія всѣхъ сихъ земель являются здѣсь съ доказательствами офици-

яльными и съ ариѳметическими выкладками. Обрисовавши такимъ образомъ мѣстность, авторъ излагаетъ исторію Турецкой войны въ хронологическомъ порядкѣ; за каждымъ важнѣйшимъ дѣломъ, слѣдуетъ отчетъ въ немъ и замѣчанія военныя; каждому предшествуетъ такой же отчетъ въ числѣ войскъ, ихъ расположеніи и движеніяхъ, соображеніяхъ главнокомандующаго, состояніи и духѣ своихъ и непріятелей, выгодахъ и невыгодахъ, какія представлялись тѣмъ и другимъ отъ особеннаго ихъ положенія.

Мы постараемся легкимъ очеркомъ передать превосходную картину. Предназначая нашу статью для обширнаго и разнороднаго круга читателей, мы принуждены будетъ отказаться отъ многихъ подробностей, которыхъ должны искать въ самой книгѣ желающіе ближе съ ними познакомиться. Мы иногда обозначимъ только слѣдствія событій, но тѣмъ не менѣе смѣемъ думать, что нашъ бѣглый очеркъ возбудитъ сочувствіе многихъ читателей, и мы почтемъ себя счастливыми, если успѣемъ сдѣлать болѣе общенародными точныя свѣдѣнія о дѣйствіяхъ и трудахъ Эрзерумскаго побѣдителя и храбрыхъ его сподвижниковъ. Намъ необходимо прежде всего ознакомить читателей съ Закавказьемъ.

Съ запада древній Эвксинскій Понтъ, нынѣшнее Черное Море, съ востока море Каспійское сближаются одно къ другому, и образуютъ перешеекъ земель, называемый Кавказскимъ, по имени огромныхъ гор-

ныхъ цѣпей, которыя разстилаются по перешейку на тысячу сто верстъ въ длину, съ сѣверо-запада къ юго-востоку, отъ Таманскаго до Апшеронскаго полуострова. Сѣверный, крутой обломъ горнаго хребта, вообще въ четверо превышающаго Уральскій хребетъ, граничитъ съ степями нашихъ южныхъ областей; отсюда на югъ идутъ горы безчисленными вѣтвями, почти на двѣсти верстъ; тамъ главная сѣверо-западная цѣпь, древнія Вороньи Горы montes Coraxici, очеркиваетъ Грузію, а юго-восточная, древнія Молнійныя Горы, montes Ceraunici, перерѣзываетъ приморье Дагестанское. Далѣе къ югу, гдѣ Кавказскій перешеекъ расширяется и граничитъ съ Персіею и Азіятскою Турціею, другія цѣпи горъ примыкаютъ хребтами Араратскимъ, Чильдырскимъ, Алагезскимъ, Безовдальскимъ, Имскъ-Майданскимъ и Карабахскимъ. И Кавказъ и сіи южныя горы подымаются къ небу нѣсколькими великанами, увѣчанными вѣчнымъ снѣгомъ — Эльбрусъ почти до 18.000 футовъ, Казбекъ болѣе чѣмъ на 17.000, Араратъ болѣе чѣмъ на 16.000, но главную характеристику всего Кавказскаго перешейка составляютъ горы, проникающія въ Персію и Азіятскую Турцію. Между симито горными хребтами лежатъ населенныя плоскости и высокія долины. Направленіе горъ опредѣляетъ теченіе рѣкъ: однѣ льются съ нихъ въ Черное, другія въ Каспійское море, однѣ выходятъ изъ нѣдръ Кавказа, другія изъ южныхъ горныхъ хребтовъ. Къ числу вторыхъ относятся двѣ главныя рѣки — Кура, выходящая изъ Сагалукскихъ горъ и впадающая въ Каспійское море, и Араксъ, который течетъ южнѣе и вливается въ

Куру. Съ Кавказа льются въ Куру Іора (древній Камбизъ), Арагва, Алазань; Аксу; въ Каспійское Море Самуръ (древній Албанъ), въ Черное Хони, Ингури, Ріонъ, Цкенисъ-Цхале (древній Гипій).

Всѣ сіи области и горы Кавказскаго перешейка бывали проходомъ для безчисленныхъ племенъ съ юга на сѣверъ и съ сѣвера на югъ, мѣстомъ битвъ древнѣйшихъ временъ, мѣстомъ разсѣянія и осѣдлости народовъ. Самыя названія здѣшнихъ странъ такъ многократно измѣнялись, что имена Колхиды, Иверіи, Албаніи, Арменіи остаются предметомъ ученыхъ споровъ. Здѣсь слѣды Кимвровъ, Скиѳовъ, Митридатова царства, Греческихъ, Римскихъ завоеваній, Хазаровъ, Монголовъ, Гунновъ, Аваровъ, множества другихъ народовъ, даже невѣдомыхъ исторіи.

Новѣйшая географія застала тѣснины Кавказа, обращенныя къ Русскимъ областямъ, жилищемъ множества разноплеменныхъ народовъ, вообще извѣстныхъ подъ именемъ Горцовъ, или Черкесовъ, то есть, Мятежниковъ. Далѣе на югъ, въ высокихъ долинахъ между горъ, образовалось нѣсколько небольшихъ христіанскихъ царствъ, подъ названіями Грузинскаго, Имеретинскаго, Карталинскаго, и прочая. Восточное Каспійское приморье заняли полукочевыя и осѣдлые Мусульманскіе народы, а къ югу, съ запада придвинулись владѣнія Турецкія, съ востока Персидскія.

Въ такомъ состояніи нашла Кавказскій перешеекъ Россія, когда, послѣ политическаго своего образованія въ пятнадцатомъ вѣкѣ, начала раздвигаться на югъ. Еще въ Іоанну III присылали униженныя грамоты Кавказскіе христіанскіе владѣтели, умоляя принять ихъ «подъ высокую, милостивую руку» и спасти отъ притѣсненій Турціи и Персіи. Съ подчиненіемъ Дона, съ завоеваніемъ Астрахани и стѣсненіемъ Крыма, при Іоаннѣ Грозномъ, Горскіе князья во множествѣ покорялись Россіи; пріѣзжали въ Москву служить царямъ, крестились и возобновляли древнія связи тѣхъ временъ, когда Русскіе князья женились на Овзскихъ и Черкесскихъ княжнахъ, и сынъ Боголюбскаго властвовалъ въ Грузіи, бывши супругомъ славной тѣхъ странъ царицы. Громады Кавказа представляли непреоборимое препятствіе къ сообщеніямъ; сношенія Русскихъ начались по Каспійскому приморью; мы завоевали еще по берегу города; уже Грузія и Карталинія признавали власть нашу, но при Годуновѣ всѣ начала владычества нашего за Кавказомъ погибли отъ усиленія Турковъ, распространившихъ между Горцами Исламизмъ. Мы ограничивались только торговлею съ Закавказскими землями черезъ Астрахань.

Со времени завоеванія Крыма Турками начались наши сношенія съ Оттоманами, но только въ концѣ семнадцатаго столѣтія Русскіе вступили въ непосредственныя сношенія и битвы съ побѣдителями Византіи, которыхъ суждено было намъ укротить. На-

чалось спорами за Азовъ, а потомъ, съ подданствомъ Малороссіи, Русскіе сошлись съ Турками на Днѣпрѣ.

Какъ быстро измѣнилось послѣ того событія, какъ страшно шагнула Россія! Можно ли было вообразить, хоть за полтора столѣтія, когда мы не имѣли еще ни одного мѣстечка на Балтійскомъ Морѣ, гдѣ теперь наша великолѣпная столица, и ни одного мѣстечка на Черномъ Морѣ, когда орды Татарскія кочевали до Астрахани и царствовали въ Крыму, Турки были на Днѣпрѣ, граница на западъ находилась подлѣ Кіева, а набѣги Татаръ простирались до Курска, что половина, почти двѣ трети береговъ Эвксинскихъ будутъ наши, въ Крыму будетъ нашъ роскошный садъ, на мѣстѣ Гаджи-Бея столица южной Россіи Одесса, и что мы вполнѣ будемъ владѣть Кавказомъ, дойдемъ до Царьграда, возьмемъ Эрзерумъ, что Персія и Турція будутъ передъ нами покорны, ничтожны, что мы спасемъ Султана отъ гибели!.......

Началъ нашъ великій Петръ — чего не началъ онъ и гдѣ не встрѣтимъ мы его имени?—Заложивъ Петербургъ на сѣверѣ, онъ думалъ объ югѣ. Утративши по обстоятельствамъ берега Чернаго Моря, Петръ провидѣлъ выгоды и важность владѣній за Кавказомъ. Онъ самъ отправился туда изъ Астрахани, сталъ на Дагестанскомъ берегу, и въ 1723 году утвердилъ за Россіею Каспійское приморье, на тысячу верстъ отъ устья Терека до Решта.

Преемники Петра не поддерживали его предпрія-

тій за Кавказомъ. Нездоровое приморье не приносило видимыхъ выгодъ, въ настоящемъ, и земля, гдѣ погибло отъ дѣйствій климата, въ двѣнадцать лѣтъ сто тридцать тысячь солдатъ, гдѣ безпрерывно надобно было сражаться, когда между тѣмъ въ Персіи явился грозный Надиръ-Шахъ, было отдано въ 1735 году Персіи, и на тритцать пять лѣтъ имя Русское опять исчезло за Кавказомъ.

Къ предмету нашему не относится изложеніе политическихъ отношеній Персіи и Турціи съ того времени. Оба сіи государства спорили между собою о Закавказскихъ областяхъ, а христіанскіе народы перешейка снова умоляли насъ о спасеніи, особливо когда сильное вліяніе Турціи простерлось на Горцовъ, области которыхъ заключали въ себѣ Анапу и другія крѣпости по берегу Чернаго Моря, а паши Турецкой Азіи стѣсняли между тѣмъ христіанскія владѣнія съ юга. Императрица Екатерина заставила Турцію дорого заплатить за всѣ прежнія уступки наши. Завоевавъ Крымъ и сѣверные берега Чернаго моря, громя Турковъ за Дунаемъ, она истребила остатки Татарскаго владычества въ южной Россіи, загородила тамъ границу отъ Горцовъ Кавказскою линіею и Черноморскими казаками, и съ 1770 года возобновила предпріятія за Кавказомъ. Генералъ Тотлебенъ ходилъ тогда помогать Грузинамъ и бился съ Турками. Въ 1775 году, генералъ Медемъ являлся въ Дагестанѣ. Въ 1783, Грузія и Имеретія признали власть Россіи. Черезъ годъ, Шамхалъ Тарковскій вступилъ въ наше

подданство. Спустя десять лѣтъ, Дербентъ и Баку последовали примѣру Шамхала. Бѣдствія Грузіи при нашествіи Персіянъ въ 1795 году были поводомъ къ предпріятіямъ обширнѣйшимъ: походъ славнаго *Кызылъ-аяга*, «Золотой ноги», какъ прозвали за Кавказомъ Графа Зубова, утвердилъ за нами Ширвань, Шеку, Карабагъ. Съ тѣхъ поръ, мы безпрерывно бились и сбили наконецъ Персіянъ съ Кавказскаго перешейка: славныя дѣйствія Цицianова и Котляревскаго остались въ памяти Востока. Въ 1801 году Грузія была вполнѣ присоединена къ Россіи, и войско наше начало постоянно охранять ее; въ 1802, принятъ въ подданство Ханъ Аварскій; въ 1803, завоеваны Ганжа и Шамшадилъ; въ 1804, Мингрелія сдѣлалась частію Россіи; съ 1806 года Русскіе навсегда заняли Дербентъ и Баку, а чрезъ два года Кубу. Въ 1809 году покорились намъ Абхазія и Гурія. Гюлистанскій миръ 1813 года былъ первою эпохою крѣпкаго владычества нашего за Кавказомъ. Туркманчайскій трактатъ составляетъ окончательную эпоху, когда Эривань и Нахичевань образовали нашу Армянскую область и совершенно обезопасили насъ отъ Персіи.

Во все это время, съ самаго похода Тотлебена въ 1770 году, нѣсколько разъ сходились мы за Кавказомъ, грудь съ грудью, съ Турками. Кромѣ спора за вліяніе Турковъ на Кавказскихъ Горцовъ и за Анапу, гнѣздо разбойниковъ, мы еще сблизились южными границами съ Азіатскою Турціею. Въ царствованіе Екатерины и при каждой войнѣ на Дунаѣ начинались

мѣлкія битвы съ Турками за Кавказомъ. Удаленіе Закавказья, опасеніе отъ Персіи, мѣстныя обстоятельства, малочисленность нашего охраннаго войска, все дѣлало непріязнь нашу Туркамъ незначительною. Памятными военными событіями остались: разбитіе ихъ на Кубани въ 1790 году, взятіе Анапы въ 1791, разбитіе Сераскира при Тихнисѣ въ 1807, послѣ неудачныхъ покушеній на Карсъ и Ахалкалахъ, взятіе Поти въ 1809 году, морскія экспедиціи на Сухумъ-Кале, Требизондъ и Суджу-Кале въ 1810 году, когда генералъ Тормасовъ безуспѣшно осаждалъ Ахалцыхъ. Въ 1811, летучій приступъ Котляревскаго схватилъ крѣпость Ахалкалахъ въ виду изумленныхъ Турковъ, но это былъ набѣгъ, не была война.

По окончаніи дѣла съ Персіянами, въ 1828 году, въ какомъ положеніи были мы относительно къ Туркамъ? Начиная отъ береговъ Чернаго Моря, граница наша шла болѣе нежели на пять сотъ верстъ, до Персидской границы, въ смѣжности съ подвластною Туркамъ Анатоліею и Арменіею. Кромѣ естественнаго укрѣпленія горными хребтами, безпутицею въ горахъ и трудностью въ переправахъ черезъ рѣки, Турки защищали еще свои пограничныя области множествомъ крѣпостей, каковы: Поти, Ацхуръ, Ахалцыхъ, Ахалкалахъ, Карсъ, Баязетъ, и другія, а прежніе походы Русскихъ въ сіи области показывали рѣшительную невозможность воевать среди неприступныхъ горъ, полудикихъ ордъ Курдовъ и Лазовъ, сильныхъ крѣпостей, недостатка въ продовольствіи, отсутствія сообще-

ній съ Закавказскими нашими областями, когда въ тылу остаются Кавказскіе Горцы, съ юго-востока грозятъ Персіяне; тогдашній ходъ дѣлъ заставлялъ насъ стоять на военной ногѣ въ самыхъ областяхъ, а мѣстоположеніе лишало всякой возможности подкрѣплять себя сильнѣйшими средствами изъ Россіи.

Въ такихъ-то обстоятельствахъ, несмотря на все великодушіе Русскаго Монарха, на Лондонскій трактатъ и Наваринскую битву, фанатическій хатти-шерифъ Султана, 8 Декабря 1827, принудилъ Россію къ войнѣ. Царь Русскій объявилъ ее 14 Апрѣля 1828, и 30 числа войско наше въ Европѣ перешло Дунай. По предварительному плану опредѣлено было начать во одно время войну и въ Азіятской Турціи. Надобно ближе узнать Закавказье: это покажетъ намъ и средства исполненія плана, и цѣну дѣйствій полководца, которому ввѣрено было тогда, вмѣстѣ съ управленіемъ областью, сохраненіе чести Русскаго оружія въ той сторонѣ во время тяжелой войны, начинавшейся вслѣдъ за тѣмъ, какъ едва кончилась война съ Персіею, еще колеблющеюся въ невольной дружбѣ съ нами.

Мы видѣли, что Закавказскія земли, начиная съ Черноморья и Кавказской сторожевой линіи, гдѣ высятся сѣверные хребты, можно раздѣлить на три части: первую составляютъ въ неприступныхъ твердыняхъ и ущельяхъ Кавказа, широкою полосою раздвинувшіеся Горскіе народы, или Черкесы, занимающіе мѣста отъ одного моря до другаго. За ними слѣдуетъ

широкая полоса черезъ весь перешеекъ: это наши Закавказскія владѣнія, съ которыми съ юга граничатъ, третью полосою, къ востоку Персія, къ западу Турція. Ширину первой полосы, можно положить до ста пятидесяти верстъ. Пространство второй полосы считаютъ въ длину болѣе восьми сотъ пятидесяти, въ ширину пять сотъ двадцать пять верстъ, или болѣе ста восьмидесяти тысячь квадратныхъ верстъ поверхности.

Касательно первой полосы, опытъ показалъ невозможность совершеннаго покоренія фанатическихъ племенъ Горцовъ, дышащихъ любовью къ дикой свободѣ и ненавистью къ христіанамъ и Русскимъ, выше смертнаго страха, страстныхъ къ набѣгу, укрытыхъ горами, превосходныхъ стрѣлковъ, враждебныхъ между собою, кровожадныхъ при войнѣ, вѣроломныхъ въ мирѣ. Надобно было довольствоваться тѣмъ, чтобы оградить отъ нихъ Русскія владѣнія съ юга и сѣвера, тѣснить ихъ въ горахъ, отнять у нихъ средства пособій Турецкихъ — что и достигнуто Адріанопольскимъ трактатомъ, по которому всѣ Турецкія крѣпости по восточному берегу Чернаго моря перешли во власть Россіи — мириться держа оружіе въ рукахъ, воевать грозно и опустошительно малыми отрядами, тяжко наказывать за каждое покушеніе на хищничество и обиду, поставивъ противъ нихъ нѣсколько крѣпостей въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ. Всѣми сими средствами обезопасились, по возможности, два единственные проѣзда черезъ Кавказъ изъ Россіи. Одинъ изъ нихъ

идетъ по Каспійскому приморью, на тысячу двѣсти верстъ, черезъ Моздокъ, Кизляръ и Дербентъ: это древнія Каспійскія Ворота; другой, кратчайшій, называемый Военно-Грузинскою дорогою, слѣдуетъ черезъ Даріельское ущелье, подымаясь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до полуторы тысячи футовъ, но имѣющій протяженія только на двѣсти восемьдесятъ верстъ.

Напротивъ, вторая полоса, или собственно Закавказскія наши области, по занятіи ихъ нами, постепенно были приводимы, и наконецъ приведены въ гражданское устройство, сколько позволили то сдѣлать недавность владычества и самая мѣстность. Нынѣ сіи земли составляютъ шесть отдѣловъ:

I. Грузія, или соединенныя области Кахетія, Карталинія, Сомхетія, съ столицею древнихъ Грузинскихъ царей, Тифлисомъ, съ Мусульманскими и Армянскими областями — Борчалинскою, Казахскою, Шамшадильскою, Елисаветопольскою, Бомбакійскою, Шурагельскою, Осетинами, Тушиніею — центральное мѣсто Закавказья — 55,000 квадратныхъ верстъ и 225,000 жителей.

II. Имеретія, съ Мингреліею и Абхазіею, которыя управляются черезъ подвластныхъ намъ князей, изъ рода Дадіановъ и Шервашидзе; съ Гуріею, гдѣ до 1829 года также былъ свой Князь — лѣвая сторона Закавказья, къ Черному Морю—44,000 квадратныхъ верстъ и 220,000 жителей.

III. Мусульманскія провинціи — юго-западное Каспійское прибрежье — ханства Шекинское, Карабахское, Ширванское и Талышинское; 45,000 квадратныхъ верстъ и 200,000 жителей.

IV. Дагестанъ — сѣверо-западное Каспійское прибрежье — съ областями Бакинскою, Кубинскою, Дербентскою, ханствами Кюринскимъ, Казикумыкскимъ, Аварскимъ, шамхальствомъ Тарковскимъ, Табассараномъ и прочими участками; 50,000 квадратныхъ верстъ, и 250,000 жителей.

V. Армянская область — на юго-западъ отъ Грузіи и Карабаха: это Эривань и Нахичеванъ, послѣднія пріобрѣтенія наши отъ Персіи; 20,000 квадратныхъ верстъ и 100,000 жителей.

VI. Въ послѣдствіи, между Дагестаномъ и Грузіею, отдѣльно устроена Лезгинская область, 15,000 квадратныхъ верстъ и 70,000 жителей: но это было частное административное распоряженіе.

Въ объемѣ второй полосы Кавказской живетъ такимъ образомъ милльонъ народа, изъ котораго двѣ трети мусульманов и треть христіанскаго исповѣданія.

Роскошно надѣлила природа все это пространство своими дарами. Баснословная область древняго Золотаго Руна, сосѣдка тѣмъ мѣстамъ, гдѣ люди назна-

чали мѣсто Земнаго Рая, Закавказская страна производитъ все, что составляетъ богатство самыхъ благословенныхъ климатовъ. Шелкъ, красильныя растенія, сахарныя трости, хлопчатая бумага, виноградъ могутъ производиться обильно; хлѣбъ родится иногда самъ-сорокъ, даже самъ-шестдесятъ. Моря, съ двухъ сторонъ окружающія Кавказъ, представляютъ средство къ сообщенію съ сѣверомъ и югомъ; торговлѣ обширный разгулъ черезъ Каспій и Черное Море, а сухимъ путемъ не далеко въ средину Азіи, куда такъ сильно пробиваются Англичане изъ отдаленной Индіи.

Все обѣщаетъ Россіи великія пособія въ будущемъ времени, но, въ настоящемъ положеніи — до 1828 года — уже около сорока лѣтъ подвластное намъ Закавказье мало приносило выгодъ, а требовало много пожертвованій, при чрезвычайной трудности управленія.

И во все это время Россія должна была еще силою оружія покорять себѣ Закавказье, тратить средства свои на перевозъ и содержаніе войскъ, учрежденіе крѣпостей, укрощеніе жителей, безпрерывно встрѣчая новыя препятствія и затрудненія, ведя войны съ постояннымъ непріятелемъ, слабымъ физическою силою, но сильнымъ по тому вліянію, какое онъ имѣлъ на Кавказскихъ туземцовъ, и опаснымъ по своей вѣроломной, хитрой политикѣ, Азіятскому характеру, ненависти къ христіанамъ и Русскимъ, наконецъ и потому, что онъ былъ дома, у себя, привычный къ кли-

мату, мѣстности, нравамъ, обычаямъ — положительныя удобства, которыхъ донынѣ небыло намъ возможности пріобрѣсть въ полной мѣрѣ.

Природа врагъ человѣку, пока онъ не побѣдитъ ея и не подчинитъ требованіямъ своей общественной жизни. Здѣсь, въ нѣкоторомъ смыслѣ, пригодно выраженіе поэта: «Богъ создалъ міръ, а украшаетъ его человѣкъ.» Дикая, богатая, мощная природа одушевляется только трудомъ и умомъ человѣка, и снова дѣлается грозною и гибельною, если запустѣетъ и одичаетъ въ его отсутствіи. Благословенныя страны Палестины «текли млекомъ и медомъ», когда рука человѣческая насаждала тамъ тѣнистыя смоковницы: она теперь страна гнѣва Божія и терновника, лишившись труда и ума человѣческаго. Болота и пещаники закрыли нѣкогда тучныя, благословенныя пажити Италіи, и Сицилія сдѣлалась землею голода и бѣдности, потому только, что въ нихъ нѣтъ силы жизни общественной.

Послѣ того понятно, почему Закавказье, дикое, запустѣлое, не знающее искуственнаго труда, такъ долго являло страны непріязненныя, губительныя, тяжкія новому жителю, устроивавшемуся на могилахъ прошедшаго, подъ неукротимымъ владычествомъ своенравной природы.

Вообще первымъ препятствіемъ ко всему былъ климатъ. Лѣсистыя, болотныя, низкія къ приморьямъ,

Закавказскія страны только на возвышенныхъ мѣстахъ здоровы и сносны, но палимыя сорока градусами зноя, онѣ вообще гибельныя своими болѣзнями, жаромъ и заразительнымъ воздухомъ на низменныхъ мѣстахъ. Общее и отличительное дѣйствіе климата есть быстрое, и, такъ сказать, мгновенное разслабленіе организма при самомъ крѣпкомъ сложеніи; неумѣренные жары, производя сильную и продолжительную испарину, дотого изнуряють тѣло, что оно дѣлается неспособнымъ переносить самую незначительную стужу осенью и зимою, подвергаясь простудамъ и постепенному накопленію болѣзненнаго начала. Проливныя осенніе дожди, переходы отъ низменнаго къ горному воздуху умножаютъ опасность. Отсюда заразы и болѣзни, особенно лихорадки и горячки желчнаго свойства, со спячкою, при которой человѣкъ умираетъ въ оцѣпенѣніи. Сильныя и неимовѣрныя средства употребляются при леченіи — меркурій, даже мышьякъ. По прекращеніи желчной горячки, при малѣйшей неосторожности, начинаются изнурительная лихорадка, водяная болѣзнь, кровавый поносъ, сухотка. Въ Имеретіи, Мингреліи, Гуріи, въ нѣкоторой части Дагестана, въ Мусульманскихъ областяхъ умираетъ пятый, даже четвертый человѣкъ изъ Европейцовъ, а больныхъ бываетъ свыше третьей части; въ Армянской области смертность поглощаетъ почти шестую ихъ долю ежегодно.

Страшный сынамъ холоднаго сѣвера, такой климатъ производитъ въ туземцахъ лѣность, разслабленіе,

неспособность къ физической и умственной дѣятельности, и неспособность ихъ еще усиливается вѣковою привычкою къ безнадежной, тревожной жизни Востока. Присоедините къ тому малолюдство, пустоту, необитаемость земель. Кромѣ войскъ, и составляющихъ военную и гражданскую администрацію, людей, только тысячи двѣ колонистовъ, и кочевой народъ торговцовъ и промышленниковъ образуютъ здѣсь Европейское народонаселеніе. Остальное суть туземцы и Азіятскіе пришельцы изъ Турціи и Персіи. Деспотизмъ, мѣлкій, свирѣпый, безпощадный, и хищническое владычество Турковъ и Персіянъ, тяготѣли здѣсь цѣлыя столѣтія, и «завтра» не знали за Кавказомъ до самаго покоренія Россіею, которая начала благодѣтельное, политическое и гражданское образованіе края. Пріученіе къ труду, возбужденіе дѣятельности, примѣръ выгодъ общественной жизни могутъ быть слѣдствіемъ только времени.

И кромѣ недавности владычества, кромѣ препятствій климата, кромѣ всеобщей не охоты нашей ходить за добромъ далеко, думать о выгодахъ неизвѣстнаго края, когда вблизи, дома, у насъ есть еще столько средствъ и пособій для торговли, промышлености и колонизаціи, еще одно важное препятствіе останавливаетъ всякія предпріятія: трудность переѣзда за Кавказъ и трудность сообщенія тамъ одного мѣста съ другими. Только черезъ Даріель и Дагестанъ лежатъ туда пути, и они такъ трудны, что провозъ тягостей черезъ Даріель стоитъ нынѣ до пяти рублей съ пуда.

Сообщенія моремъ требуютъ устройства обширнаго мореплаванія и пристаней, и притомъ, если берега Чернаго и Каспійскаго Морей представляютъ удобные порты, то недостатокъ въ судоходныхъ рѣкахъ, отдаленность самихъ портовъ отъ центра края, горныя, трудныя и вовсе неустроенныя дороги, мѣшаютъ правильной системѣ сношеній. Только Кура, на разстояніи четырехъ сотъ верстъ отъ впаденія, Араксъ верстъ на девяносто, Ріонъ и Хопи, способны къ судоходству: всѣ другія рѣки, при чрезвычайно каменистомъ грунтѣ и быстромъ теченіи, измѣняя русло по нѣскольку разъ въ годъ, не только неспособны для сплава судовъ самаго малаго размѣра, но даже, въ весеннее время едва представляютъ возможность къ переправамъ на паромахъ и плотахъ. Ближайшая Черноморская пристань отъ Тифлиса лежитъ въ 300, Каспійская въ 500 верстахъ: Поти въ 312, Редутъ-Кале въ 340, Сухумъ-Кале въ 458, Св. Николая въ 324, Дербентъ въ 742, Низовая въ 696, Баку въ 509, Сальянъ въ 523, Ленкоранъ въ 658.

Все это, но особенно климатъ и трудность доставленія изъ Россіи, при недостаткѣ въ средствахъ продовольствія на мѣстѣ, заставляютъ содержать за Кавказомъ какъ можно менѣе войскъ. До 1803 года находилось тамъ не болѣе семи тысячь человѣкъ; потомъ число было увеличиваемо, но и теперь оно не превосходитъ тридцати тысячъ.

Присовокупимъ наконецъ политическое состояніе

края. Хотя тузенцы чувствуютъ уже благодѣтельность Русскаго правленія, однакожь трудно еще имъ отказаться отъ Восточной недовѣрчивости къ чужимъ, отъ фанатизма, отъ прежняго образа отношеній къ правительству, котораго они боялись, какъ вора, но съ которымъ свыклись, сжились, и благо имъ было — противополагая деспотизму хитрость, грабежу обманъ, беззаконію измѣну. Три важныя обстоятельства наиболѣе препятствовали намъ въ дѣлѣ добра и образованія — различіе вѣръ между туземцами; происходящая отъ того взаимная ненависть Мусульманъ, Армянъ и Христіанъ (Грузиновъ), и образъ частнаго управленія мѣстныхъ владѣтелей, честолюбивый, гордый, хищный, самоуправный. Русское правительство тщательно старалось сохранить законы, учрежденія, порядокъ, какіе заведены были здѣсь прежде. Такъ сохранены для Грузиновъ ихъ уложенія, для Мусульманъ ихъ судъ по Корану, даже оставлена Грузинская монета, но слѣдовало пресѣчь злоупотребленія власти, истребить мѣлкихъ тирановъ, связать ихъ своеволіе, и для того подчинить ихъ Русскимъ начальникамъ, что сдѣлалось источникомъ множества оскорбленій для самолюбія, большой досады и гнѣва владѣльцовъ и ихъ прислужниковъ, и все это готово было перейдти въ мщеніе и ненависть. Вообразите притомъ силу фанатическаго расположенія духа Мусульманина, въ такихъ обстоятельствахъ, при ободряющемъ голосѣ изувѣрнаго Мугамеданскаго духовенства. Но и единовѣрные намъ Закавказцы, по тѣмъ же причинамъ, неоднократно чувствовали въ себѣ охоту возобновить Грузин-

скую Ночь, избранную Грибоѣдовымъ для его трагедіи. Этимъ безпрерывно старались воспользоваться Персія и Турція, которыя отъ всей души желали губить насъ, не только своимъ оружіемъ, но еще и измѣною, хитростью, возмущеніемъ нашихъ подвластныхъ, и часто успѣвали найдти удобный случай, при глубокомъ невѣжествѣ и закоснѣлости повѣрья туземцовъ.

Не только политическія обстоятельства въ настоящемъ, не только честь и безопасность Россіи, но и надежды будущаго оправдываютъ усилія, съ какими старалось и старается наше Правительство укрѣпить власть Русскую за Кавказомъ. При многихъ счастливыхъ начинаніяхъ, при разныхъ вновь предполагаемыхъ мѣрахъ въ пользу Закавказья, послѣ утвержденія нашей власти послѣдними событіями, уже осуществляются обширные виды на будущее. Правительство должно жить не для одного только настоящаго. Настанетъ время, когда торговля и промышленость сдѣлаютъ для насъ Закавказье источникомъ богатствъ, когда населеніемъ и обработкою уменьшится гибельность тамошняго климата, Европейская колонизація очеловѣчитъ полудикаго туземца, проложатся дороги, населятся города, насадятся плантаціи, но еще такое время не настало, и не станемъ дивиться, что Закавказское владычество все еще стоитъ каждый годъ многихъ милліоновъ, хотя уже и начинаетъ давать намъ частные способы прибытка. Итогъ дохода съ Закавказскихъ областей въ 1832 году составлялъ не болѣе 4.590.000 милліоновъ, а расходы по управленію прости-

рались до 4.300.000 рублей, кромѣ пяти милльоновъ, отдѣльно отпускаемыхъ на расходы по военной части.

Нашъ обзоръ страны можетъ отчасти пояснить способы, средства, препятствія и мѣру трудностей, какія представлялись Русскому полководцу и правителю Закавказскихъ областей, когда ему надобно было начать войну въ 1828 году. Дополнимъ еще выпискою собственныхъ словъ нашего автора:

«Нѣтъ сомнѣнія, что при такомъ положеніи страны, обязанность главнокомандующаго этимъ краемъ дѣлается и въ мирное время одною изъ самыхъ многотрудныхъ и чрезвычайно скользскихъ. Съ небольшимъ числомъ войска, онъ долженъ удерживать внутреннее спокойствіе обширныхъ областей; обезпечивать ихъ съ тылу отъ покушеній враждебныхъ воинственныхъ Горцовъ, дѣлая безпрерывныя экспедиціи, для наказанія, или покоренія племенъ наиболѣе непріязненныхъ; на отдаленныхъ предѣлахъ государства, онъ обязанъ поддерживать достоинство Императорскаго оружія противъ двухъ сильныхъ сосѣдственныхъ державъ Азіи, которыя, по выгодамъ единовѣрчества, всегда имѣютъ возможность исполнять главную цѣль своей политики — распространеніе въ народѣ неблагопріятнаго расположенія къ Рускимъ. Ему предлежитъ неослабное наблюденіе за прекращеніемъ всякихъ путей Персидскимъ и Турецкимъ агентамъ въ сношеніяхъ съ Закавказскими народами; твердое, справедливое управленіе многочисленными владѣльцами и почти независимыми обще-

ствами, и безконечная борьба съ воинственнымъ населеніемъ Кавказскихъ горъ, не говоря уже о попеченіи касательно сохраненія ввѣренныхъ ему войскъ, растянутыхъ на столь значительномъ пространствѣ, подъ вліяніемъ убійственнаго климата, въ безпрерывномъ оборонительномъ и наступательномъ положеніи. Миръ Россіи не есть миръ для Кавказскаго корпуса, и тогда, какъ войска, расположенныя внутри имперіи, пользуясь спокойствіемъ, образуются постепенно въ своемъ наружномъ совершенствѣ, Закавказскій солдатъ, кромѣ почти безпрерывныхъ экспедицій и движеній, не только долженъ самъ выстроить для себя жилище, лазаретъ и всѣ хозяйственныя полковыя обзаведенія, но даже развести огородъ для улучшенія своей пищи, приготовить фуражное продовольствіе казеннымъ и артельнымъ лошадямъ, для чего другихъ средствъ не имѣется. Кто не былъ намѣстѣ, тотъ не легко этому повѣритъ. Закавказская служба настоящая школа трудовъ, опасностей и отчужденія отъ выгодъ жизни. Открытіе войны еще болѣе увеличиваетъ затрудненія главнокомандующаго. Изъ небольшаго корпуса, растянутаго на значительномъ протяженіи, и въ половину ослабленнаго ежегодными болѣзнями, требуется составить дѣйствующіе отряды, какъ для наступленія на непріятеля, такъ и для удержанія въ краю спокойствія. Недостатокъ въ хлѣбныхъ произведеніяхъ затрудняетъ способы приготовленія продовольствія; тяжелыя сообщенія препятствуютъ быстрой его перевозкѣ, между-тѣмъ какъ по особеннымъ правиламъ Азіятцовъ всѣ непріязненныя дѣйствія начинаются обыкновенно сильнымъ вторженіемъ, безъ пред-

варительнаго объявленія войны. Малѣйшій успѣхъ непріятеля ослѣпляетъ легкомысленный народъ, а въ случаѣ возстанія туземцовъ, помощь изъ Россіи удалена. Чума и неизбѣжныя съ нею карантинныя мѣры довершаютъ стѣсненіе края.»

Теперь можемъ мы перейдти къ настоящему предмету превосходнаго сочиненія, которое доставило намъ сіи любопытныя свѣдѣнія, то есть, къ описанію Закавказской войны 1828 и 1829 годовъ: ее нельзя было бы понять и оцѣнить вполнѣ безъ предварительнаго познанія мѣстности. Изъ очерка стороны, гдѣ должна была открытся новая война, читатели убѣдятся въ двухъ важныхъ истинахъ: первой, что полководецъ долженъ былъ совдинить въ себѣ, при военномъ геніи, опытное глубокое познаніе людей, друзей и враговъ, съ которыми имѣлъ дѣло, и дѣйствовать вмѣстѣ, какъ администраторъ, политикъ и воинъ, а второе, что здѣсь не годилась обыкновенная тактика войны Европейской. Графъ Эриванскій доказалъ потомъ, что онъ хорошо знаетъ и сію тактику. Но тамъ за него была полная довѣренность Монарха, которая отдала въ его распоряженіе огромныя силы; за него стояли испытанные въ побѣдахъ ряды воиновъ, закаленныхъ въ зноѣ и холодѣ, а здѣсь, мы видимъ, какія страшныя препятствія встрѣчалъ онъ въ самой мѣстности, и не должно думать, чтобы неустройство непріятельскихъ войскъ облегчало ему побѣду. Враги были многочисленны, были одушевлены изувѣрствомъ, и сотни Русскихъ шли противъ десятковъ тысячь. Мы увидимъ съ какимъ ве-

зумнымъ отчаяніемъ сражались Турецкіе наѣздники, гордясь почти всегдашними въ прежнее время неудачами Русскихъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ явился на битву съ ними нашъ смѣлый полководецъ.

Мы полагаемъ, что изложеніе Закавказско-Турецкой войны было-бы не полно, еслибы мы не представили также легкаго очерка прежней жизни славнаго воителя, жизни, которая ручалась за успѣхъ болѣе всякихъ другихъ средствъ. Узнавши мѣсто будущей борьбы, узнаемъ кто долженъ былъ выступить здѣсь, на гибель или жатву лавровъ, пока съ другой стороны Русскій громъ перекатывался на высотахъ Балкана.

Происходя отъ стариннаго и достаточнаго дворянскаго рода Полтавской губерніи, нынѣшній Князь Варшавскій, Графъ Иванъ Ѳедоровичъ Паскевичъ-Эриванскій, Русскій генералъ-фельдмаршалъ и Намѣстникъ царства Польскаго, родился въ Полтавѣ, Мая 8, 1782 года. Онъ воспитывался въ Пажескомъ Корпусѣ, и первый его опытъ военной службы былъ въ памятную кампанію 1805 года. Отсюда перешелъ онъ въ войска, дѣйствовавшія противъ Турковъ, гдѣ находился до самаго 1812 года. Отличившись въ битвахъ подъ Турбатомъ и Журжею, 1807 года, онъ посыланъ былъ въ Царьградъ, и однажды своею смѣлостью спасся въ маленькой лодкѣ, по бурнымъ волнамъ Чернаго Моря, въ Варну, отъ преслѣдованія подозрительныхъ Турковъ. Ему тогда было двадцать пять лѣтъ. На Браиловскомъ приступѣ ранили его жестоко, но онъ участвовалъ

потомъ во всѣхъ главныхъ сраженіяхъ, подъ начальствомъ Багратіона и Каменскаго. Въ чинѣ полковника былъ онъ при взятіи Базарджика; Георгіевскій крестъ получилъ подъ Варною; чинъ генералъ-маіора за Батынскую битву, 26 Августа 1810 года. Наступилъ 1812 годъ, и успѣхи Паскевича явились замѣчательными даже тамъ, гдѣ открыто было поприщѣ дарованіямъ и мужеству такого множества его сотоварищей. Дѣло подъ Дашковкой, битва подъ Смоленскомъ, исполинское сраженіе подъ Бородинымъ, битвы подъ Малымъ-Ярославцомъ, подъ Вязьмою, подъ Краснымъ, и послѣ того начальство надъ авангардомъ—вотъ достопамятныя событія, гдѣ геній Паскевича учился наукѣ побѣдъ, въ борьбѣ съ «первымъ солдатомъ въ мірѣ». Кутузовъ лично представилъ Паскевича Императору Александру въ Вильнѣ. Его ожидали новые труды — блокада Модлина, кровавая Кульмская битва, снова начальство надъ авангардомъ, битва при Денау, подъ Дрезденомъ. Чинъ генералъ-лейтенанта былъ наградою участія его въ вѣковой битвѣ подъ Лейпцигомъ. Блокада Магдебурга и Гамбурга отвлекли его потомъ на время, но онъ опять явился подъ Арси сюръ Объ и съ высотъ Белльвильскихъ громилъ гордую столицу Франціи.

Такъ десять лѣтъ жизни Паскевича протекли въ безпрерывныхъ воинскихъ трудахъ и сраженіяхъ. Довѣренность Государя оказалась вполнѣ при избраніи Паскевича сопутникомъ Великаго Князя Михаила Павловича, въ путешествіи Его Высочества съ 1817 года

до Россіи, и потомъ въ Германіи, Голландіи, Англіи, Италіи, Австріи, Венгріи. Просвѣщеннымъ наблюдателемъ видѣли Паскевича тамъ, гдѣ нѣкогда встрѣчали грознымъ предводителемъ Русскихъ дружинъ. Въ 1823 году, Императоръ пожаловалъ заслуженнаго воина званіемъ генералъ-адъютанта. Вѣроломство Персіянъ, хищническое занятіе Карабага, Ширвани и Шекинскаго ханства заставили Императора Николая начать въ 1826 году рѣшительную войну съ повелителемъ Персіи, и здѣсь открылось новое поприще, на которомъ суждено было Паскевичу показать самобытныя дарованія полководца.

Въ Сентябрѣ 1826 года, Паскевичъ, едва прибывшій въ Тифлисъ, по особенному назначенію Государя Императора, поспѣшилъ на встрѣчу торжествующаго непріятеля, и кто не помнитъ блестящаго дѣла, которымъ ознаменованъ былъ первый шагъ будущаго покорителя Адербиджана и Анатоліи — битвы Елисаветпольской, гдѣ съ четырьмя тысячами Русскихъ нашъ герой уничтожилъ тридцать пять тысячъ Персіянъ? Въ слѣдующемъ году побѣдителю передано было главное начальство въ Грузіи. Дѣла, которыми онъ вскорѣ послѣ того утвердилъ навсегда свою славу, еще такъ свѣжи въ памяти всѣхъ насъ, что мы удовольствуемся исчисленіемъ только главнѣйшихъ событій, заставившихъ непріятеля, не болѣе какъ черезъ шесть мѣсяцовъ, смиренно просить мира. Мая 12 открыта была кампанія взятіемъ Эчміадзина, и за тѣмъ послѣдовали переходъ черезъ горы Безобдальскія, оса-

да Аббасъ-Аббада, битва Джеванъ-Булакская, занятіе Сардаръ-Абада, осада Эривани, взятіе Тавриса, Хоя, Аланджака, Арбедиля, походъ на столицу Персіи. Вотъ подвиги, за которые титулъ Графа Эриванскаго, признательность мудраго Монарха и всего отечества и любовь храбрыхъ были его наградою.

Когда воля Монарха и жребій войны указали Графу Эриванскому походъ въ Азіятскую Турцію, предполагаемо было въ военныхъ планахъ: первое, движеніемъ Русскихъ войскъ отвлечь часть Турецкаго войска и вниманіе Оттомановъ отъ Европы въ Азійскія ихъ владѣнія; второе, овладѣть при семъ случаѣ и удержать потомъ за собою тѣ мѣста, которыми на будущее время лучше укрѣпились бы владѣнія Русскія за Кавказомъ со стороны Турціи.

Такова была цѣль войны, исполненіе которой предоставлялось полной волѣ Графа Эриванскаго, отдѣльно и самобытно дѣйствовавшаго. Если сія отдѣльность представляла нѣкоторыя выгоды его смѣлому военному генію, тѣмъ не менѣе отъ нея умножались затрудненія. Не говоря уже о томъ, что на геніи вождя лежала такимъ образомъ вся отвѣтственность за успѣхъ и неудачу; что онъ долженъ былъ предпринять новые труды при столь важномъ и тяжеломъ званіи главноначальствующаго за Кавказомъ въ тогдашнее время, ему надлежало еще опираться только на тѣ средства, какія были у него подъ рукою; мы уже видѣли, что

мѣстность Закавказья лишаетъ въ подобномъ случаѣ всякой возможности на скорое пособіе изъ Россіи.

Присовокупимъ къ тому, что Горскіе народы получили новыя силы, новую отвагу, слыша о войнѣ правовѣрнаго потомка Мугаммедова противъ Невѣрныхъ, и внимая возгласамъ его: «Невѣрные хотятъ съ лица земли стерктъ Мусульманъ и вѣру ихъ! Война нынѣшняя есть война за вѣру и судьбу нашу.» Между тѣмъ война съ Персіею была еще не кончена, хотя давно уже шли переговоры о мирѣ, и военныя дѣйствія были только временно прекращены противъ Персіянъ. Войска Русскія занимали завоеванныя Персидскія области. Война съ Персіянами, быстрая, горячая, истощила между тѣмъ за Кавказомъ всякіе запасы, а Турція не думала робѣть и уступать. Дѣйствуя хитрою политикою на Персію, Закавказье и Горцовъ, она приступила сверхъ того къ твердымъ мѣрамъ защиты.

Протяженіе границъ Турецкихъ отъ Чернаго Моря составляли тогда лежащіе рядомъ до Персидской границы, противъ Гуріи, Имеретіи, Грузіи и Эривани, пашалыки Ахалцыхскій и Карсскій. Они опирались съ тылу на пашалыки Требизондскій, Эрзерумскій, Баязетскій и Мушскій, что все заслоняло собою дальнѣйшее протяженіе земель Турецкихъ на западъ и югъ. Въ Эрзерумѣ было пребываніе сераскира, управлявшаго не только шестью упомянутыми, но еще Ванскимъ, Му-

сульскимъ, Діарбекирскимъ, Сивасскимъ и Токатскимъ пашалыками. Онъ всегда бывалъ самовластнымъ правителемъ Турецкой Арменіи и Анатоліи. Мѣсто его всегда казалось такъ важно, что великіе визири, лишась своихъ высокихъ званій, не считали безчестіемъ званія Эрзерумскаго сераскира. Тогда отправленъ былъ сюда славный Галибъ-Паша, бывшій нѣкогда посломъ Турецкимъ при Наполеонѣ, рейсъ-эфендіемъ при Бухарестскомъ мирѣ, временно великимъ визиремъ, и особенно способствовавшій истребленію Янычаръ. Ему придали въ помощь Кьосе-Мугаммеда-Пашу, знаменитаго воина, который сражался нѣкогда въ Египтѣ противъ Наполеона, потомъ воевалъ съ Русскими, губилъ Сербію и Грецію. Новые начальники спѣшили исправить крѣпости, собрать деньги и войска, привезти артиллерію и запасы. Болѣе 60,000 войска было ими немедленно устроено и готово, не считая полудикихъ Курдовъ и Лазовъ. Предполагая нападеніе на Эривань и Имеретію, слыша, что Графъ Эриванскій боленъ, что онъ притомъ совершенно обезсиленъ въ войнѣ съ Персіею и потому не начинаетъ дѣйствій, хвастливо писалъ сераскиръ Карскому пашѣ: «Душа моя полна радостью; врагъ нашъ Паскевичъ на краю гроба! Да поразитъ пророкъ холодомъ смерти этого страшнаго гяура, доселѣ въ войнѣ непобѣдимаго!» Съ радостью видѣлъ притомъ сераскиръ успѣхи происковъ своихъ между Горцами; онъ успѣлъ также отвлечь Персіянъ отъ мира, и даже произвесть замѣшательства въ Гуріи.

Послѣ сего можно понять всю сомнительность и трудность положенія Графа Эриванскаго и великость его обязанности, даже и потомъ, когда завоеваніе Анапы было отдѣлено отъ него и передано Князю Меншикову, который осадилъ ее съ моря. Но Русскій вождь не унывалъ.

Прежде всего, Графъ Эриванскій усилилъ мѣры къ скорѣйшему примиренію съ Персіею. Надобно было не унизить чести Россіи, не ободрить врага уступкою. Голосъ Русскаго вождя сдѣлался грозенъ. Напрасно Персіяне медлили и коварствовали. Января 5-го данъ былъ имъ рѣшительный отвѣтъ, а Января 6-го 1828 года, войско Русское двинулось впередъ, несмотря на зимнія затрудненія. Ардевиль былъ немедленно захваченъ, Адербаджанъ готовъ возстать, Русскіе грозили Тегерану, и Февраля 6 Аббасъ-Мирза прискакалъ мириться; Февраля 10 заключенъ славный Туркманчайскій трактатъ; въ концѣ Февраля двинулись изъ Персіи наши войска, оставивъ тамъ только охранный корпусъ.

Между тѣмъ дѣятельно занимался Графъ Эриванскій. Заслонивъ поспѣшно, и сколько могъ, предѣлы отъ Турковъ, онъ успѣлъ прокламаціями успокоить умы, доказывалъ нелѣпость возгласовъ Султана и правоту Россіи, распорядилъ охраненіемъ Закавказья отъ Горцовъ и войною съ ними, велъ переговоры съ Гу-

ріею, собиралъ всѣ пособія воинскихъ запасовъ, и новымъ способомъ вольнонаемныхъ подводъ облегчилъ перевозку, принимая мѣры къ учрежденію госпиталей и карантиновъ и приводя въ порядокъ артиллерію. Въ Маѣ все войско было у него готово, но много ли однакожь было всего войска? Его составляли 36,037 человѣкъ пѣхоты, 9,475 конницы и 164 пушки, включая сюда всѣ казацкіе и гарнизонные отряды. Для охраненія обширнаго Закавказья оставлено было 13,853 пѣхоты и 2,391 конницы, съ 42 пушками. Шесть отрядовъ, то есть, 13,623 пѣхоты, 3,641 конницы и 52 пушки, прикрыли неотданныя еще Персіянами области, и растянулись по всей Турецкой границѣ до береговъ Черноморскихъ. Главнокомандующій могъ послѣ того распоряжать для наступательной войны только 12,000 солдатовъ, то есть 8,561 пѣхоты и 3,443 конницы, съ 70-ю пушками. Этого было уже ему довольно. Онъ самъ былъ при нихъ.

Сообразно силамъ и мѣстности Графъ Эриванскій составилъ свой превосходный планъ военныхъ дѣйствій. Онъ предположилъ оставить единственно въ оборонительномъ положеніи все протяженіе земель на сѣверномъ горномъ проходѣ въ Карсъ, взятіемъ котораго онъ становился въ центрѣ Ахалцыхскаго и Эрзерумскаго пашалыковъ, заслонялъ единственный, болѣе другихъ свободный проходъ Туркамъ на Тифлисъ и Эривань, и могъ взятіемъ Ахалцыха отвести далѣе покушенія Турковъ на наше Закавказье. И между тѣмъ, какъ помощью корпуса со стороны Гуріи, и взя-

тіемъ приморскихъ крѣпостей, совершенно охранялось наше Закавказье, Русскіе могли вломиться въ самое сердце Турецкой защиты—Эрзерумъ, послѣ чего обстоятельства рѣшали: выгоднѣе ли будетъ дѣйствовать къ сѣверо-западу, или юго-западу, чтобы вполнѣ потрясти силу Азійской опоры Оттомановъ. Но съ чѣмъ сражаться и что надобно было побѣдить для того! Судите, когда одно изъ главнѣйшихъ первоначальныхъ дѣйствій повсюду въ новомъ походѣ состояло для Русскихъ въ прокладываніи и прочищеніи путей и военныхъ дорогъ, по которымъ можно-бъ было какъ нибудь дойдти до непріятельскихъ войскъ и крѣпостей. Потомъ уже надобно было думать о томъ, какъ разбивать ихъ полки и брать крѣпости.

Такъ тихо, такъ осторожно, и скрытно даже отъ всѣхъ лазутчиковъ, дѣлались приготовленія, что Турецкіе паши теряли терпѣніе, не знали совершенно ничего, и рѣшились наконецъ послать шпіономъ своего чиновника, какъ будто для объясненій. Посланнаго нарочно везли по мѣстамъ, заставленнымъ нашими войсками, ласкали его, пугали маневрами воинскими въ Тифлисъ, на которые смотря, онъ съ ужасомъ воскликнулъ: «Такъ они возьмутъ Карсъ!» и отпустили наконецъ съ извѣстіемъ о близкомъ походѣ. Турки опомнились отъ бездѣйствія. Паша Карсскій умолялъ о поспѣшной помощи. «Войско твое храбро, крѣпость Карсъ неодолима, а Русскихъ немного,» отвѣчалъ ему Кьосе-Мугаммедъ—«умѣй одушевить правовѣрныхъ, а я не замедлю на помощь!» Дѣйствительно, Турки поняли

въ то время, что не даромъ были проведены «страшнымъ гяуромъ» два мѣсяца со времени объявленія и начала войны на Дунаѣ. Но было уже поздно. Двѣнадцатаго Іюня собрались дѣйствующія войска къ Гумрамъ; 14-го, утромъ, отпѣтъ былъ молебенъ въ походной церкви, войско двинулось прямо на Карсъ и перестунило границу Россіи, Арпачай. Особенный распорядокъ въ движеніи и походѣ войскъ безопасилъ Русскихъ. Съ ними было на сорокъ дней провіанта. Кромѣ обоза главной квартиры, войско вело за собою 2,000 штукъ рогатаго скота, 3,000 барановъ и 4,000 подводъ и вьюковъ, составлявшихъ провіантскіе; госпитальные, артиллерійскіе и инженерные транспорты. Подъ главнымъ начальствомъ Графа Эриванскаго, начальникомъ штаба былъ генералъ-маіоръ Баронъ Остенъ-Сакенъ, оберъ-квартирмейстеромъ полковникъ Вальховскій, дежурнымъ штабъ-офицеромъ полковникъ Леманъ; пѣхотными бригадами начальствовали генералъ-маіоры Муравьевъ, Берхманъ и Корольковъ; кавалеріею полковникъ Раевскій и генералъ-маіоръ Завадовскій; походнымъ атаманомъ былъ генералъ-маіоръ Леоновъ; артиллеріею командовалъ генералъ-маіоръ Гилленшмитъ. Замѣтимъ еще имена другихъ сподвижниковъ графа Эриванскаго, оставленныхъ для охраненія предѣловъ и помощи въ случаѣ нужды: генералъ Панкратьевъ прикрывалъ области Персидскія, Мерлини Нахичеванъ, Князь Чавчевадзе Эривань, Князь Вадбольскій Грузію, Поповъ Карталинію и Сахмхетію; Гессе отдѣльно дѣйствовалъ въ Гуріи, заслоняя Мингрелію и Имеретію.

Карсъ отстоитъ отъ Гумровъ въ 65 верстахъ. Іюня 17, на третьемъ переходѣ, Турки въ первый разъ схватились съ Русскими и были отбиты. Съ возвышенности при Мешко, Графъ Эриванскій осмотрѣлъ мѣстоположеніе Карса. Узнали, что жители его рѣшились защищаться отчаянно. Іюня 19, Русскіе стали верстахъ въ трехъ отъ Карса; схватки съ непріятелемъ усилились.

Карсъ, нѣкогда знаменитый городъ древней Арменіи, всегда почитался у Турковъ защитою Эрзерума, и крѣпость его, построенная въ XVI вѣкѣ, слыла неповѣдимою. Отсюда нѣкогда со стыдомъ отступилъ грозный Шахъ Надиръ, и Русскіе безуспѣшно бились здѣсь въ 1807 году. Полтораста пушекъ и 11,000 гарнизона защищали Карсъ. Тѣмъ важнѣе былъ здѣсь успѣхъ, что онъ могъ рѣшить унылость или бодрость духа увѣренныхъ въ неизбѣжномъ предопредѣленіи мугаммеданъ, можетъ быть, на все окончаніе войны.

Графъ Эриванскій вѣрно расчиталъ силу и важность своего перваго удара. Онъ воспользовался оплошностью Турецкаго начальника, не умѣвшаго затруднить Русскимъ похода къ Карсу, но мѣстное обозрѣніе увѣдило его, что дѣло можетъ дойдти до упорной осады; на приступъ не было возможности отваживаться безъ предварительныхъ приготовленій, а между тѣмъ Кіосе-Мугаммедъ спѣшилъ по обѣщанію на выручку; осажденные ждали его съ часу на часъ. Усиленная рекогносцировка крѣпости была произведена немедлен-

но: 46 пушекъ и 7,500 человѣкъ войска пошли на крѣпость. Завязалась горячая битва съ Турецкими наѣздниками, и наведеніе ихъ на артиллерію Русскую рѣшило первый успѣхъ. Пальба съ крѣпости не помѣшала устроить баттарей; 20 Іюня успѣли выманить изъ города Турецкую пѣхоту и сильно отбить ее. Самъ главнокомандующій надзиралъ за работами; утромъ 23-го загремѣли Русскія пушки по стѣнамъ крѣпости. Великій для Россіи день 25 Іюня назначался для рѣшительнаго дѣла, но битва мѣлкая вдругъ стала такъ упорна, была такъ сильна, что дѣло тотчасъ приняло видъ рѣшительный. Турки упорно отбивали свой отдѣльный лагерь и городское кладбище; Русскіе быстро ворвались въ предмѣстіе. Сама собою указана была здѣсь вторая параллель наша. Страхъ овладѣлъ Турками.

Успѣхомъ нашимъ главнокомандующій не былъ ослѣпленъ. Подобные рѣшительные переходы въ бояхъ являются нерѣдко, и умѣть воспользоваться ими есть тайна ратнаго искуства. Не безъ намѣренія обѣ стороны оспоривали столь упорно позицію непріятельскаго лагеря и предмѣстія: только съ сей стороны крѣпость могла уступить усиліямъ нашимъ. Мгновенное овладѣніе всѣми заречными частями города облегчало къ тому путь посредствомъ ближайшаго дѣйствія продольныхъ баттарей, и то, чего едва надѣялись достигнуть въ теченіе трехъ, или четырехъ сутокъ, представлялось возможнымъ къ исполненію въ нѣсколько часовъ. Столь внезапный оборотъ сраженія, равно и особен-

ное мужество, какимъ одушевлены были наши храбрыя войска, и ужасъ, долженствовавшій поразить непріятеля при неудачѣ, не скрылись отъ Графа Эриванскаго. Разстройство непріятеля, поражаемаго неумолкавшимъ дѣйствіемъ орудій, придвинутыхъ на самое близкое разстояніе, обнаружилось еще болѣе съ появленіемъ Русскихъ колоннъ подъ стѣнами почти самой крѣпости. Небольшія толпы гарнизона, въ виду нашемъ, спѣшили пробраться на Карадагъ (горное укрѣпленіе), гдѣ выстрѣлы, по отдаленности, наносили имъ менѣе вреда. Минута сія вызывала къ дальнѣйшимъ предпріятіямъ.»

Мгновенно захвачены были приступомъ остальное предмѣстіе и Карадагъ.

Такимъ образомъ большая часть гогодскихъ жилищъ перешла въ руки наши и непріятель лишился внѣшнихъ укрѣпленій. Оборонительныя линіи его во многихъ мѣстахъ были повреждены, артиллерія на валахъ частію сбита, частію не смѣла уже состязаться съ страшнымъ и повсемѣстнымъ дѣйствіемъ аттакующихъ баттарей; въ крѣпости, куда столпились всѣ обитатели предмѣстія, не было надежнаго убѣжища отъ бомбъ и ядеръ; гарнизонъ и жители, колеблемые страхомъ, спѣшили укрыться въ цитатели, а непріятельская конница уходила толпами въ поле: ее преслѣдовали, и не могли настигнуть по причинѣ гористаго мѣстоположенія, но стрѣлки, поддержанные общимъ движеніемъ колоннъ, смѣло устремились на крѣпость, пробра-

лись по плоскимъ кровлямъ зданій подъ самыя стѣны, и мгновенно обхватили ихъ съ южной и западной стороны. Непріятель произвелъ нѣсколько картечныхъ выстрѣловъ, но наши воины перелѣзли во внутрь, отбили ворота, заваленныя каменьями, и въ одну минуту ближнія башни съ 25-ю пушками были взяты. На западной сторонѣ сопротивленіе оказалось сильнѣе, но когда и тамъ ворота были отбиты, Турки обратились въ бѣгство, предоставивъ намъ полное обладаніе крѣпостью.

Уже не думали болѣе послѣ того защищать цитадели—просили милости и пощады: положить оружіе и сдаться въ плѣнъ—было условіемъ. Эмиръ-паша, начальникъ Карса, хотѣлъ медлить и выиграть время; со стороны Эрзрума патрули наши уже открывали приближавшіеся полки Кіосе-Мугаммеда-паши. Стараясь вполнѣ устрашить непріятеля, все войско наше двинулось къ цитадели, съ музыкою и пѣснями; ряды пушекъ грозно направились на нее. «Пощада повиннымъ, смерть непокорнымъ, часъ времени на размышленіе»—объявлено было запискою Русскаго вождя Турецкому начальнику, и Карсъ смиренно покорился. «Взгляните, товарищи, на тотъ утесъ,» говорилъ въ приказѣ своемъ главнокомандующій, 25 Іюня, когда отправлялось благодарственное молебствіе побѣдодавцу, «взгляните на то мѣсто, отъ котораго сильное войско Надиръ-шаха, послѣ долговременной осады, отступило, вспомните о числѣ своемъ и вознесите теплую молитву къ Господу силъ за даровавную вамъ знаменитую побѣду!» Кіосе-Мугаммедъ испугался взятія Карса, и по-

спѣшно бросился къ Аррагону, не зная, что предпринять.

Торжество побѣдителей омрачилось неожиданнымъ бѣдствіемъ. Несмотря на строгія мѣры предосторожности, на увѣренія жителей, что нѣтъ никакой опасности, въ войскахъ оказалась чума; ее занесли въ Карсъ изъ Эрзерума, и нельзя было думать ни о чемъ болѣе, какъ только объ уничтоженіи заразы. Лекарства не помогали, сколько ни разнообразили способъ леченія. Замѣчено только одно, «что крѣпкое сложеніе, въ соединеніи съ лекарствами, успѣшнѣе боролось съ болѣзнью, тогда какъ слабый организмъ почти не переносилъ ея.» Вообще, изъ подвижнаго карантина, учрежденнаго при войскѣ, выздоровѣло дѣйствительно больныхъ и отпущено находившихся тамъ по сомнѣнію двѣсти шестьдесятъ три человѣка, и почти столько же погибло отъ заразы. Здѣсь особенно любопытно обратить вниманіе на одно мѣсто «Исторіи военныхъ дѣйствій» (I,87), гдѣ авторъ говоритъ о вѣрномъ способѣ леченія чумы, которымъ обладаютъ Баязетскіе лекаря. Можно надѣяться, что ближайшія сношенія съ Баязетомъ послужатъ къ подтвержденію сего извѣстія, столь важнаго для всего человѣчества, и тогда Русское правительство, конечно, не упуститъ изъ виду обстоятельства, на которое съ давняго времени тщетно устремлялись усилія Европейскихъ врачей.

Три недѣли протекло послѣ взятія Карса, пока

успѣли обезопасить войско отъ бѣдствія, и это время казалось незамѣнимою потерею. Непріятель могъ между тѣмъ опомниться отъ перваго, столь грознаго и блестящаго удара, могъ снова увѣриться въ силѣ своей, и особливо могъ увѣрить себя, что самъ Богъ останавливаетъ болѣзнью враговъ исламизма. По возможности старались употребить въ пользу принужденное бездѣйствіе: укрѣпили Карсъ, получили новое подкрѣпленіе войсками, упрочили продовольствіе. Едва только открылась возможность, Графъ Эриванскій поспѣшилъ исполнить планъ свой, предварительно и вѣрно разсчитанный. Надлежало скоро и быстро ударить на Ахалцыхъ, и для того предпочтена была изъ двухъ дорогъ дальнѣйшая, на Ахалкалахи, оставляя дорогу черезъ Арвиганъ влѣво, прикрываясь на походѣ Чилдырскимъ озеромъ и сближаясь съ Грузіею. Еще въ концѣ Іюня были произведены поиски по окрѣстностямъ, и 12 Іюля, отвлекши вниманіе непріятеля фальшивымъ выходомъ на Эрзерумскую дорогу, войско поспѣшно вступило въ походъ на Ахалкалахи. Чѣмъ далѣе входили здѣсь въ гористыя области Ахалцыха, тѣмъ болѣе умножались трудности дороги; въ послѣдствіи, къ самому Ахалцыху, трудность до того возросла, что несмотря на разчистку путей, по двѣсти человѣкъ употреблялось въ пособіе при крутыхъ спускахъ на каждое осадное орудіе, а сзади артиллерійскихъ ящиковъ, повозокъ и арбъ, привязывали бревна, для уменьшенія напора, пока люди почти на рукахъ несли тяжести обозовъ.

Іюля 21, съ вершины Гьогъ-дага, высочайшей изъ горъ Чилдырскаго хребта, гдѣ лежалъ еще тогда снѣгъ, забѣлѣлись на отлогѣ отдаленной горы, въ обширной долинѣ, стѣны Ахалкалахи. Это была небольшая крѣпость, гдѣ на смерть засѣла тысяча отчаянныхъ Турковъ. Они не выходили биться въ поле и ждали приступа. «Мы не жители Карса, не жители Эривани», отвѣчали они на предложеніе о сдачѣ—«мы Ахалцыхцы: у насъ изстари пословица, что двое Карскихъ не стоятъ одного нашего, а Эриванскихъ трехъ бьетъ нашъ одинъ. Съ нами нѣтъ ни женъ, ни имѣнія: умремъ, а даромъ не сдадимся!» Ночью, скрытно устроены были баттареи на самомъ близкомъ разстояніи къ крѣпости. Осажденные не спали, готовились на отбой, надѣли бѣлыя рубахи, какъ обреченные на погибель, и пѣніемъ Корана готовились на смерть. Но приступа не было; открылся убійственный огонь баттарей; защитники, готовые умереть съ кинжалами въ битвѣ, не выдержали, бросились изъ крѣпости, и стараясь ускорить бѣгство, спускались со стѣнъ по веревкамъ. Наши ударили на бѣгущихъ, а между тѣмъ по веревкамъ, служившимъ для спасенія осажденныхъ, поднялись въ крѣпость. Начальникъ ея палъ; спаслись немногіе. Черезъ два дня, отрядъ генерала Сакена овладѣлъ крѣпостцой Хертвисъ, на дорогѣ къ Ахалцыху, почти безъ сопротивленія. Графа Эриванскаго порадовало здѣсь еще извѣстіе о взятіи Поти въ Гуріи. Сіе важное приморское мѣсто сдалось генералу Гессе, послѣ семи-дневной осады, 15 Іюля. Но здѣсь предлежалъ важнѣйшій подвигъ всей кампаніи—взятіе

Ахалцыха, гдѣ неминуемо слѣдовало встрѣтиться съ охранными войсками Кіосе-Мугаммеда.

Ахалцыхъ, главное мѣсто пашалыка того же имени, среди гористаго своего мѣстоположенія, «представлялъ тогда настоящую картину разбойничьяго притона, основаннаго Кавказскими удальцами, на предѣлахъ богатыхъ, но безсильныхъ областей Грузіи.» Вообще вся сія область составляла исключеніе изъ другихъ Турецкихъ областей, и была болѣе вассаломъ нежели подданнымъ Султана. Принадлежавъ нѣкогда Грузіи, Ахалцыхъ отторгся отъ нея; въ XVI вѣкѣ онъ покорился Туркамъ и принялъ исламизмъ, но безпрестанно бунтовалъ, сражался съ своими повелителями, и Порта угадала наконецъ пользу, какую могла извлечь изъ населенія Ахалцыха, которое составляло сбродъ народовъ — Турки, Лазы, Курды, Грузины, Туркменцы, Аджары (древніе Грузины), Карапапахцы (бѣглецы Татарскіе), и прочіе. Допуская притонъ и убѣжище всѣмъ разбойникамъ и бѣглецамъ, Порта терпѣла ихъ своевольство, до того, что оставила неистребленными тамошнихъ янычаровъ, пользовалась доходами, и устремляла жителей въ войнахъ и набѣгахъ на Грузію и Персію. Ахалцыхъ, съ его грабительскимъ народомъ, былъ истинною язвою сосѣдей. Тутъ нашла однакожь себѣ мѣсто дѣятельная торговля: Армяне и Жиды поселились здѣсь, и богатѣли, побуждая жителей къ грабежамъ и наглости.

Столица пашалыка достойна была своей области и громкаго имени разбойническаго убѣжища, какое

разносилось объ ней повсюду. Среди горъ и холмовъ, въ долинѣ, разбросано было четыре тысячи домовъ, на пространствѣ 600 саженъ поперечника и въ окружности около трехъ верстъ, такъ, что почти не было тутъ ни площадей, ни улицъ, и жилища городскія, какъ будто висѣвшія одно надъ другимъ, едва раздѣлялись горпыми тропинками. Почти всѣ строенія возвышались въ два яруса, были сложены частью изъ деревянныхъ срубовъ, частью изъ невыжженнаго кирпича, и толсто обмазаны снаружи глиною. Плоскія крыши строеній давали имъ видъ возвышенныхъ террасъ. Вообще, не имѣя заборовъ, они были снабжены наружными галлереями. Хозяйственныя строенія, въ особыхъ флигеляхъ, плотно смыкались съ каждымъ главнымъ строеніемъ, такъ, что всякое жилище, отдѣльно взятое, уподоблялось небольшому замку, въ которомъ могли упорно защищаться отъ двадцати до ста человѣкъ. Надъ всѣми городскими зданіями, возвышалась, замѣтная своею архитектурою и древностью, Католическая Армянская церковь; снаружи она представляла четыреугольникъ, съ высокимъ и узкимъ куполомъ, а внутри ея было много разныхъ отдѣленій. Все построеніе Ахалцыха окружалось укрѣпленіями, состоявшими изъ четырехъ бастіоновъ и башни, съ рвами, выступами, палисадами, срубами. Крѣпость, выше города, представляла многоугольникъ, господствовавшій надъ всѣми строеніями, а выше ея стояла цитадель, такъ, что защиту Ахалцыха составлялъ тройной огонь — городскихъ укрѣпленій, крѣпости и цитадели, одинъ надъ другимъ; десять тысячъ отчаяннаго гарнизона,

къ которому присовокупились жители, и даже вооруженныя женщины, поклявшись умереть не сдаваясь. Ихъ подкрѣпляли извнѣ толпы наѣздниковъ, и наконецъ здѣсь постигнута была причина, по которой Кіосе-Мугаммедъ такъ свободно давалъ разгулъ нашему войску: подъ Ахалцыхомъ ждалъ онъ Русскихъ; болѣе 30,000 войска его сосредоточились тамъ, и стали четырьмя лагерями окрестъ города. Такимъ образомъ, надобно было сражаться въ полѣ съ непріятелемъ, въ нѣсколько разъ превосходнымъ по числу, и брать притомъ орлиное горное гнѣздо отчаянныхъ разбойниковъ.

Ужасая прежде всего быстротою удара, Графъ Эриванскій выбралъ дорогу въ Ахалцыхъ, не на Ардаганъ, оставшійся влѣвѣ, но почти втрое ближайшую черезъ горы Цхенисъ-Цхале, въ шестидесяти верстахъ отъ Ахалкалахи. Непроходимою считалась дотолѣ сія горная дорога: Русскіе прошли ее, и черезъ четыре дня тяжелаго перехода передъ ними открылся Ахалцыхъ, съ лагерями вспомогательныхъ войскъ Кіосе-Мугаммеда.

Графъ Эриванскій видѣлъ опасность своего положенія и сложность дѣйствія, которое ему предлежало. Потому хотѣлъ онъ прежде всего утвердить крѣпкій лагерь на высотѣ, угрожавшей крѣпости. Войско двинулось впередъ, въ самый жаръ дня; непріятель высылалъ изъ лагерей толпами; отъ него хладнокровно, тихо отстрѣливались, и когда схлынулъ жаръ, мигомъ

Русскія пушки вылетѣли впередъ, грянули картечью, смяли непріятеля; конница Русская заняла желаемое мѣсто и пѣхота подкрѣпила ее. Непріятель поздно увидѣлъ выгоду занятой Русскими позиціи и бросился въ отчаянную атаку но картечи и кавалерійскія атаки заставили его бѣжать. Первый шагъ былъ выигранъ. Русскіе поставили свой крѣпкій лагерь. Это происходило 5-го Августа.

Тогда рѣшены были дальнѣйшія дѣйствія. Немедленно устроились баттареи; бомбы и ядра начали разрушать городъ, а между тѣмъ ночью на 9-е число, часть войска скрытно отправилась на штурмъ лагеря; къ сожалѣнію, движеніе одного отряда войскъ было открыто Турками. Вся ихъ сила наперла на насъ съ Азіятскою яростью. Наши стали крѣпко, не смотря на опасное положеніе. Нѣсколько часовъ, среди палящаго зноя, горсть людей отбивала всѣ усилія 30,000 человѣкъ, при пособіи неумолкавшей артиллеріи. Наѣзды Турковъ были такъ быстры, что солдаты иногда не успѣвали заряжать ружей и бились прикладами. Но усиліе, для котораго сосредоточились Турки, дало свободу исполнить обходное движеніе, и къ вечеру, когда пошелъ дождь и охладилъ воздухъ, двадцать пушекъ неожиданно выскакали на высоты съ другой стороны Турецкаго лагеря и открыли убійственную пальбу. Минута была рѣшительна. Турки изумились, но хотѣли еще защищаться; отрядъ, сражавшійся съ ними, казалось, ожилъ, и двинулся на нихъ смѣло; началось кровопролитное дѣло: тутъ палъ генералъ-маіоръ Ко-

рольковъ, когда, съ крикомъ — «Ура! на баттарею!» онъ велъ ряды воиновъ. Общій переходъ изъ оборонительнаго къ наступательному положенію совершенно смялъ Турковъ, и бѣгство ихъ было столько же поспѣшно, сколько велика была прежде отвага. Самъ Кіосе-Мугаммедъ укрылся въ крѣпость; другихъ преслѣдовали наши даже за двадцать верстъ отъ Ахалцыха.

Сія битва принадлежитъ, безъ всякаго сомнѣнія, къ блистательнымъ торжествамъ ученой тактики надъ матеріяльною силою, потому, что не сполна шесть съ половиною тысячь Русскихъ сражались здѣсь съ тридцатью тысячами непріятеля. Вѣрность удара въ тылъ, вѣрность настойчивой выдержки между тѣмъ всѣхъ усилій непріятеля, пока ударъ не совершился, умѣнье занять, отвлечь вниманіе непріятеля, схватить мигъ общаго нападенія, и быстрота, съ какою не дали потомъ опомниться непріятелю, вотъ что дало вождю знаменитую побѣду послѣ четырнадцати-часоваго сраженія. Три тысячи человѣкъ охраняли между тѣмъ нашъ лагерь, а три тысячи остальныхъ стояли на осадныхъ баттареяхъ, усиленно гремѣвшихъ цѣлый день по городу. Казалось, весь адъ извергался вокругъ Ахалцыха, и Русскіе удесятерялись въ виду изумленныхъ враговъ. «Мы рубили прежде вашихъ казаковъ, какъ капусту, но теперь, когда вы одѣли ихъ въ бѣлые балахоны, мы не сможемъ стоять противъ нихъ!» говорили потомъ плѣнные: эти «казаки въ бѣлыхъ балахонахъ» были наши драгуны, сражавшіеся въ лѣтнихъ кителяхъ.

День девятаго Августа былъ ужасенъ; онъ лишилъ Ахалцыхъ главной надежды на спасеніе, но тѣмъ сильнѣе одушевляло послѣ того осажденныхъ отчаяніе, и насталъ второй ужасный день—пятнадцатое Августа. Сей день былъ праздникъ Успенія, полковой праздникъ въ Ширванскомъ полку. Сей храбрый полкъ и сей день избралъ главнокомандующій для побѣды, приготовленной ученымъ и вѣрнымъ соображеніемъ.

Неутомимо день и ночь занимаясь осадными работами, въ присутствіи самого Графа Эриванскаго, Русскіе успѣли въ теченіе пяти дней совершенно стѣснить городъ и изнурить безпрерывною тревогою его защитниковъ. Еще отвергали они пощаду, еще разъ отвѣчали на предложеніе сдачи — «только сабля покоритъ насъ», но безпрерывное ожиданіе приступа, особливо по ночамъ, совершенно истощило силы осажденныхъ. Наше положеніе было между тѣмъ затруднительно. При тяжкихъ занятіяхъ, у насъ оставалось только на недѣлю запасовъ. Графъ Эриванскій назначилъ штурмъ, но не ночью, какъ до тѣхъ поръ обыкновенно дѣлалось, и чего боялись Турки, а въ четыре часа по полудни, когда осажденные привыкли къ отдыху. Полковнику Бородину, храброму и отличному офицеру, препоручено было съ Ширванцами главное дѣло — быстрая аттака на городъ, которой центромъ указана была Католическая церковь: за нимъ слѣдовали піонеры, и около сорока пушекъ защищали губительнымъ перекрестнымъ огнемъ сію аттаку. Храбрость Русскихъ была возбуждена въ высокой степени; офицеры просились въ стрѣл-

ковую цѣпь, и въ четыре часа по полудни, усиленный громъ со всѣхъ баттарей и фальшивыя аттаки на крѣпость пробудили защитниковъ Ахалцыха. Въ то время, съ музыкою и пѣснями, Ширванцы ринулись въ городъ, и въ четверть часа баттарея уже пронизывала картечью тѣсные домы. Съ ужасомъ услышали Турки, что непріятель уже въ городѣ, и съ неистовствомъ начали тогда рукопашный бой. Католическая церковь и кладбище подлѣ нея сдѣлались мѣстомъ отчаяннаго боя. Посреди града пуль, бились чѣмъ могли, рѣзались кинжалами. Бородинъ палъ; его мѣсто заступилъ храбрый полковникъ Бурцовъ; отбили наконецъ церковь и втащили на нее пушки, но тутъ каждый домъ сдѣлался новою крѣпостью. Наступала ночь, и главнокомандующій, видя непреодолимую ярость непріятеля, велѣлъ жечь городъ. Пламя мгновенно вспыхнуло и распространилось, и ночь освѣтилась пожаромъ, при громѣ пушекъ, трескѣ бомбъ и гранатъ. Остатки гарнизона поспѣшили укрыться въ цитадель; женщины, дѣти, христіанское духовенство съ крестами и иконами, выбѣгали изъ города и умоляли о спасеніи; побѣдители спасали враговъ своихъ, и наши солдаты, обагренные кровью и запыленные, несли дѣтей, выхваченныхъ изъ огня. Несмотря на ожесточеніе, произведенное упорною защитою, порядокъ сохранился удивительный: не было ни грабежей, ни неистовства. «Ночная битва 15-го Августа», говоритъ авторъ, «представляла одно изъ тѣхъ зрѣлищъ, которыя на долго остаются въ памяти самыхъ опытныхъ воиновъ. Картина ужасовъ могла дать нѣкоторое понятіе о страшномъ уничтоженіи на-

шей Москвы въ 1812 году.» Пожаръ истребилъ треть города; улицы завалены были трупами.

Рано утромъ, изъ цитадели выслали съ предложеніемъ о сдачѣ, если позволятъ свободно выйдти гарнизону. Обстоятельства не позволяли упорствовать, и въ восемь часовъ утра знамя Русское уже развѣвалось на твердыняхъ, которыя двѣсти пятдесятъ лѣтъ осѣняла Турецкая луна, отъ которыхъ за восемдесятъ лѣтъ прежде Русскіе отступили, и гдѣ безнаказанно гнѣздились дотолѣ развой и хищничество! Безмолвно вышли изъ Ахалцыха Турки. Изъ числа четырехъ сотъ артиллеристовъ Турецкихъ осталось только пятдесятъ; изъ тысячи восьми сотъ Лазовъ только пять сотъ; сто янычаровъ пали всѣ до одного; между трупами нашли болѣе ста переодѣтыхъ женщинъ, съ оружіемъ и съ лицами вымазанными черною краскою; даже нѣсколько жидовъ было захвачено съ оружіемъ въ рукахъ, и едва могли удержать непріятельскихъ солдатъ, которые, потерявъ надежду на спасеніе, шли на смерть, стараясь зажечь порохъ, лежавшій въ Католической церкви. Въ числѣ пушекъ взяты пять Русскихъ, потерянныхъ Котляревскимъ при Ахалкалаки въ 1807 году, и Тормасовымъ при Ахалцыхѣ въ 1810. Русская бомба сшибла съ купола главной мечети мѣдный позолоченный полумѣсяцъ. «Благодарю васъ, храбрые товарищи!» говорилъ Главнокомандующій, въ приказѣ 28 Августа, «въ продолженіе двадцати двухъ-лѣтней боевой моей службы много видѣлъ я войскъ храбрыхъ, но болѣе васъ му-

жественныхъ въ сраженіи, болѣе васъ постоянныхъ въ трудахъ, не знаю.»

Остальныя события кампаніи 1828 года, не представляютъ уже ничего особеннаго, послѣ взятія Карса, Ахалкалахи и Ахалцыха. Отрядами Князя Чевчевадзе и генералъ-маіора Панкратьева сдѣлано было нападеніе на югъ отъ Карса, и покореніемъ Баязета, Топрахъ-кале и Діядина завоеванъ весь Баязетскій пашалыкъ. Августа семнадцатаго сдался Ацкуръ; двадцать втораго покорился Ардаганъ. Вездѣ разбиваемы были отряды Курдовъ, Лазовъ и Турковъ, разсѣявшихся послѣ Ахалцыхскаго дѣла, и разбойничавшихъ, гдѣ ни попало. Отъ береговъ Чернаго моря устроили путь для удобнѣйшаго провоза припасовъ; везли ихъ также изъ Грузіи и доставляли по мѣстамъ; прекращали чуму и безпорядки; установляли правленіе. Наступала зима; войску были нужны отдыхъ и комплектованіе убыли. Главнокомандующій распорядился занять гарнизонами Ахалцыхъ, Ардаганъ, Ацкуръ, Ахалкалахи, Хертвисъ, Карсъ, Баязетъ, Діядинъ, Топрахъ-кале, селеніе Караклизикъ, вновь укрѣпленные, и двинулъ всѣ остальныя войска обратно. Сентября 28, отправился онъ самъ изъ Ардагана, а 5-го октября прибылъ въ Тифлисъ.

Такъ кончился походъ 1828 года, въ которомъ двѣнадцать тысячь Русскихъ, въ четыре мѣсяца, разбили Турецкую тридцати-тысячную армію, взяли шесть крѣпостей и завоевали три области; триста тринадцать пушекъ, сто девяносто пять знаменъ, одиннадцать бун-

чуковъ, были нашими трофеями. Страхъ поколебалъ и уничтожилъ собранныя съ такимъ трудомъ средства защиты Оттомановъ и успокоилъ волненіе умовъ въ Закавказьѣ. Къ счастливымъ событіямъ, послужившимъ особенно къ усмиренію Горскихъ народовъ, должно еще причистить взятіе Анапы и удачныя экспедиціи въ Кавказскія горы генераловъ Эммануэля и Безкровнаго. Горцы снова изъявляли покорность. Къ зимѣ Гурія была вполнѣ занята нами. Наградами подвиговъ Графа Эриванскаго было Высочайшее назначеніе его шефомъ Ширванскаго полка, подарокъ двухъ пушекъ изъ взятыхъ въ Карсѣ, пожалованіе дочери во фрейлины Императорскаго двора; за Ахалцыхъ присланъ былъ ему орденъ Святаго Андрея Первозваннаго, и Ширванскій полкъ наименованъ по имени своего Шефа. Все, казалось, было надежнымъ залогомъ новыхъ успѣховъ и побѣдъ на слѣдующую весну, но еще много испытаній слѣдовало перенести покорителю Карса и Ахалцыха. Отдыхъ другихъ не былъ для него отдыхомъ. Гораздо менѣе, нежели слѣдуетъ, оцѣниваются труды полководца, совершаемые въ эти промежутки между битвъ и побѣдъ, но которыми приготовляются битвы и побѣды. Но здѣсь, къ заботамъ обыкновеннымъ и неизбѣжнымъ для всякаго полководца, и особливо для главнокомандующаго въ Грузіи, присоединились новыя и неожиданныя событія.

Между-тѣмъ, какъ Графъ Эриванскій усугублялъ дѣятельность, готовя войско и снаряды на будущій походъ, впечатлѣнія прошедшей кампаніи оказались во

впослѣдствіи несоотвѣтственными ожиданію. Думали, что ужасъ, наведённый быстрыми побѣдами, лишитъ Порту всякой возможности противопоставить сильный отпоръ въ войнѣ 1829 года. Напротивъ, рѣшительность Султана успѣла одушевить умы и соединились разбитыя силы. Прежніе начальники Азійскихъ областей были смѣнены; мѣсто Галибъ паши занялъ смѣлый, отважный старецъ Гаджи-Салехъ, паша Мейданскій, мѣсто Кіоскъ-Мугаммеда Гагки, паша Сивасскій.- Нѣсколько милліоновъ піастровъ было дано имъ на всѣ расходы; велѣно было не только упорно защищать Эрзерумъ, но непремѣнно отнять прежнія завоеванія Русскихъ. Угрожаемая въ Европѣ и Азіи, Турція никогда еще не обнаруживала такой дѣятельности. Между тѣмъ неожиданное событіе въ Персіи заставило насъ опасаться не только разрыва, но даже войны съ властителемъ Тегерана: то была несчастная смерть посланника нашего Грибоѣдова, имѣвшая слѣдствіемъ самыя затруднительныя политическія отношенія между Россіею и Персіею.

Было явно, что убійство не было дѣломъ преднамѣреннымъ, но изъявляя всю горесть о такомъ несчастномъ событіи, Персія трепетала мщенія Россіи, и не знала, какъ оправдаться, чѣмъ кончить дѣло. Она рѣшилась быть готовою къ войнѣ и поспѣшно собирала войско. Тѣмъ воспользовались Турки и представляли ей непримиримость Россіи, необходимость войны. Дѣятельныя сношенія открылись между Тегераномъ и Эрзерумомъ. Англичане, «по неизбѣжному участію ихъ

во всѣхъ дѣлахъ», обѣщали пособіе оружіемъ. Персія могла льститься нѣкоторою надеждою воротить свои потери. Съ другой стороны, Россіи нельзя было уступить оскорбленія имени Русскаго, особливо при всегдашней, скрытной непріязни Персіянъ. Голосъ Русскаго вождя необходимо долженъ былъ сдѣлаться смѣлымъ и грознымъ.

Въ такомъ сомнительномъ положеніи были дѣла за Кавказомъ, когда услышали, что дѣятельность Турковъ не ограничилась одними словами, и что сверхъ всякаго чаянія, огромныя полчища собирались отвсюду. Почти неслыханное прежде дѣло—зимою начались военныя дѣйствія Турковъ. Сильные отряды ихъ, черезъ вершины горъ, еще снѣгомъ покрытыя, пошли въ Гурію и къ Ахалцыху; нападенія были жестоки и упорны; надлежало подать поскорѣе помощь слабымъ гарнизонамъ Русскимъ, оставленнымъ въ завоеванныхъ областяхъ, и между тѣмъ, ведя переговоры съ Персіею, показывать непреклонный видъ Персіянамъ. Твердость Графа Эриванскаго, сила генія его въ затрудненіяхъ и переворотахъ счастія, умѣнье побѣждать политикою хитрость Азіятскихъ властителей, и вообще знаніе характера Азіятцовъ въ войнѣ, оказались здѣсь въ блестящемъ видѣ. Онъ смѣло показывалъ, что готовится на *двѣ войны* вдругъ, не уступалъ Персіи, пользовался семейными отношеніями Аббаса-Мирзы къ его отцу и братьямъ, между тѣмъ задвинулъ границы войсками, и умѣлъ еще отдѣлить часть войска, которой пред-

писалъ быстро идти на пособіе Ахалцыху, несмотря на зимнія дороги.

Спасеніе Ахалцыха, осажденнаго Турками, и помощь, поданная за двѣсти верстъ изъ Тифлиса, были дѣла изумительныя, истинно Русскія. Февраля 20, Турки заняли предмѣстіе Ахалцыхское, котораго невозможно было очистить прежде, хотя и знали необходимость того, для лучшей обороны крѣпости. Христіанскіе жители были безжалостно перерѣзаны; мусульмане пристали къ Туркамъ. Двѣнадцать дней, Русскіе, терзаемые чумою, въ суровое зимнее ненастье, бились мужественно, и только 4-го Марта увидѣли надежду на спасеніе, когда храбрые Муравьевъ и Бурцовъ привели къ нимъ помощь. Можно судить объ упорствѣ непріятеля, сообразивъ, что со стѣнъ Ахалцыха произведено было нами до 8,600 пушечныхъ и 73,000 ружейныхъ выстрѣловъ, да брошено ручныхъ гранатъ до 1,400. Ахалцыхъ представлялъ ужасную картину опустошенія; изъ жителей христіанъ спаслось только семь сотъ семействъ, укрывшихся въ крѣпости; остальные погибли, а мусульмане разбѣжались. Марта 5, при Лимани, въ Гуріи, разбиты были войска Требизондскаго паши, въ дѣлѣ весьма упорномъ. Но покушенія Турковъ тѣмъ не кончилось; мы принуждены были безпрерывно сражаться съ ними. Жестокое нападеніе на Баязетъ и защита его, близкаго къ Эрзеруму и важнаго для насъ мѣста, стоили славной защиты Ахалцыха; почти четвертая часть всего гарнизона Русскаго была перебита и переранена; офицеры и генералы выходили снова на

баттареи послѣ перевязки тяжелыхъ ранъ. Ахалцыхъ защищалъ генералъ-маіоръ Бебутовъ, Баязетъ генералъ-маіоры Панютинъ и Поповъ: они достойны памяти. Въ Баязетѣ, въ полторы сутки, было употреблено нами болѣе 120,000 патроновъ и сдѣлано до 1,500 пушечныхъ выстрѣловъ.

Русскіе отстоятъ свои завоеванія: сія надежда оправдалась, а только *отстоять* и надобно было ихъ въ теченіе смутнаго и тяжелаго времени. Обширный планъ уже готовъ былъ у Русскаго полководца; въ успѣхѣ его онъ вѣрилъ крѣпко, и зналъ, что тогда сами собою уничтожатся всѣ частныя усилія непріятеля. Графъ Эриванскій хотѣлъ ударить массою на Эрзерумъ, возставить Курдовъ, обратить ихъ на Діарбекиръ, взять Сивасъ, разрѣзать своимъ походомъ Азіятскую Турцію, пройдти къ Токату, и открыть такимъ образомъ сообщеніе съ Черноморскимъ флотомъ, приближасѣ къ Самсунской гавани. При несогласіи Курдовъ, онъ хотѣлъ овладѣть, съ содѣйствіемъ флота Черноморскаго, Требизондомъ, хотя свирѣпые Лазы, обитатели тамошняго пашалыка, и гористое положеніе, представляли таковое дѣло затруднительнымъ. Графъ Эриванскій требовалъ подкрѣпленія изъ Россіи войсками, и для него назначено было отправить въ Грузію 20,000 рекрутовъ. Удачные переговоры съ Мушскимъ Пашею заставляли надѣяться на его помощь; нѣсколько конныхъ полковъ собрано было изъ подвластныхъ намъ мусульмановъ, и они прежде всегдашніе враги Русскихъ, отличились потомъ удивительною храбростью и преданностью.

Графа Эриванскаго обрадовала наконецъ увѣренность въ желаніи Персіянъ сохранить миръ и готовности ихъ доставить Россіи всякое удовлетвореніе за оскорбленіе народной чести. Надобно было однакожь предварительно растолковать Персіи невозможность, и даже гибель успѣха, если бы она осмѣлилась поднять оружіе. Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи выписать здѣсь письмо, которое въ Апрѣлѣ 1829 года было послано въ Тавризъ къ Аббасъ-Мирзѣ, и можетъ дополнить картину тогдашнихъ событій.

«Ваше Высочество», писалъ Графъ Эриванскій,» спрашиваете меня, какъ поступить въ трудныхъ обстоятельствахъ предстоящаго разрыва съ Россіею. Разсмотрите внимательно, въ какомъ положеніи находитесь Вы и подвластныя Вамъ провинціи.

«Высокоповелительному Шаху угодно начать войну. Предположимъ, что исполняя державную волю отца, и по тайнымъ проискамъ братьевъ, Вы откроете военныя дѣйствія. Съ цѣлаго государства Вы не можете собрать теперь болѣе 60,000 войска. Наши провинціи со стороны Персіи, дѣйствительно, въ настоящее время не имѣютъ достаточнаго прикрытія; войска тамъ остались только въ крѣпостяхъ. Въ Іюнѣ мѣсяцѣ Вы можете вторгнуться въ незащищенный край, можете раззорить его, но крѣпостей не возьмете, ибо Вашему Высочеству извѣстно, что Русскіе крѣпостей не сдаютъ, а продовольствія у насъ достаточно.—И такъ, успѣхи Ваши остановятся неподалеку отъ границы; итди

впередъ вы, конечно, не рѣшитесь, потому, что не безопасно было бы оставлять у себя въ тылу непокоренныя крѣпости.

«Съ своей стороны, я собираю между тѣмъ 25,000 войска на границахъ Турецкихъ; иду противъ Турковъ, разбиваю ихъ на Саганлугѣ, беру Эрзерумъ, и въ Октябрѣ мѣсяцѣ, когда горы покроются снѣгомъ и ни какого сообщенія у Васъ съ Сераскиромъ не будетъ, обращаюсь черезъ Баязетъ на Хой въ Тавризъ. Въ это время, то есть, осенью, войска Шахскія и братьевъ Вашихъ расходятся по своимъ провинціямъ. Вы останетесь при собственныхъ Адербайджанскихъ войскахъ. Я завоюю Адербайджанъ, и онъ уже никогда вамъ не достанется, а безъ него Ваше Высочество не можете наслѣдовать престола. Не пройдетъ года, и, можетъ-быть, династія Каджаровъ совершенно уничтожится. Что было въ послѣднюю войну—будетъ вновь. Не полагайтесь на обѣщанія Англичанъ и на увѣренія Турковъ. Султанъ въ самомъ затруднительномъ положеніи: флотъ нашъ не допускаетъ къ нему жизненныхъ припасовъ; адмиралъ Кумани уже за Бургасомъ; Адріанополь ожидаетъ съ трепетомъ своего паденія; воля Государя исполняется повсюду единодушно, а исполненіе возложено на войска, которыхъ неустрашимость извѣстна Европѣ. Англичане Васъ не защитятъ, ибо ихъ политика относится только къ Остъ-Индскимъ владѣніямъ. Въ Азіи мы можемъ завоевать цѣлое государство и никто ни слова не скажетъ: это не въ Европѣ, гдѣ за каждую сажень земли война кровопролит-

ная можетъ загорѣться. Турція нужна для поддержанія политическаго равновѣсія Европы, но для державъ Европейскихъ все равно, кто-бы ни управлялъ Персіею. Все Ваше политическое существованіе въ рукахъ нашихъ; вся надежда Ваша въ Россіи: она одна можетъ Васъ свергнуть; она одна можетъ Васъ поддержать.

«Если Ваше Высочество желаетъ знать мое мнѣніе, то со всею искренностію скажу, что нѣтъ другаго средства загладить плачевную утрату, какъ просить у Великаго Государя моего прощенія за неслыханный поступокъ Тегеранской черни. Лучшій способъ для того—прислать ко мнѣ въ Тифлисъ одного изъ вашихъ братьевъ, или сына, для отправленія посломъ въ С.-Петербургъ. Беру на себя подкрѣпить дѣло это моимъ ходатайствомъ передъ престоломъ Августѣйшаго Монарха. Для большаго доказательства приверженности Вашей къ Россіи, какъ Вы всегда это утверждали, должно дать другое направленіе намѣреніямъ Шаха — объявить войну Турціи, вторгнуться въ ея предѣлы, напасть на Ванъ; съ моей стороны обѣщаю вамъ пособія въ ружьяхъ и пушкахъ, и буду содѣйствовать войсками завоеванію. Этимъ ясно докажете, что всѣ происшествія не были ни въ Вашей, ни въ Шахской волѣ. Объявите, на какихъ условіяхъ вы захотите это предпринять; оно будетъ имѣть для Васъ неоцѣненныя выгоды. Ваше Высочество извѣстны, что я *никогда* не измѣнялъ слову своему. Буду имѣть честь ожидать Вашего отзыва.»

Отвѣтомъ на то была присылка въ Тифлисъ сына Аббасъ-Мирзы, извѣстнаго принца Хосрова. Здѣсь, по волѣ Графа Эриванскаго, юный Принцъ принужденъ былъ согласиться на торжественное доказательство смиренія и покорности — явленіе передъ престоломъ Русскаго Царя, съ просьбою о прощеніи. Едва Хосровъ отправился въ Петербургъ, Графъ Эриванскій поспѣшилъ въ походъ, не уважая болѣе угрозъ Шаха. Побѣды вскорѣ заставили Персію умолкнуть. Но здѣсь особенно любопытно узнать, съ какими силами готовился Русскій полководецъ стать противъ двухъ сильныхъ державъ, особливо, когда Турція оказывала необыкновенную дѣятельность и отвагу въ защитѣ и нападеніи: для охраненія Закавказья со стороны Турціи было оставлено около 12,000; для защиты со стороны Персіи съ небольшимъ 12,000 Русскаго войска; въ завоеванныхъ у Турціи областяхъ находилось до 10,000. Главная квартира дѣйствующей арміи выступила 17 мая къ Ахалкалахи; 19 была близь Ахалкалахи; 22 отправилась къ Ардагану. Слышно было, что непріятель загородилъ дорогу въ Эрзерумъ силою въ 50,000 человѣкъ, и отправивъ особенный корпусъ на Гурію и Баязетъ, движетъ еще болѣе 20,000 къ Ардагану. Мая 24, Главнокомандующій прибылъ въ Ардаганъ. Онъ успѣлъ уже развлечь вниманіе непріятеля, который совершенно растерялся въ движеніяхъ Русскихъ корпусовъ и отрядовъ. Ахалцыхъ, Ардаганъ и Карсъ мы успѣли уже оградить смѣлыми отпорами разныхъ отрядовъ, такъ, что Турки, оставляя всѣ частныя предпріятія, поспѣшно стали собираться на дорогѣ Эрзерумской, когда дѣй-

ствующія войска наши вполнѣ соединились при Коранлы, на дорогѣ изъ Карса въ Эрзерумъ, по ту сторону Ардагана. Здѣсь, Іюня 10, Графъ Эриванскій сдѣлалъ общій смотръ. Всѣхъ войскъ въ дѣйствующей его арміи оказалось съ небольшимъ 18,000; въ томъ числѣ были 4 новобранные Мусульманскіе полка, 2,000 человѣкъ; пушекъ было семьдесятъ. Довольно, если 12,000 завоевали въ прошедшемъ году Карсъ и Ахалцыхъ, довольно для разгромленія силы Турецкой и взятія Эрзерума! Мы стояли теперь у Коранлы, на рубежѣ прошлогоднихъ завоеваній, въ 30 верстахъ отъ Саганлукскаго хребта.

Саганлукскій (то есть, Луковый) хребетъ перегораживалъ намъ дорогу: онъ одна изъ горныхъ цѣпей, ограничивающихъ Эрзерумскій пашалыкъ, и столь высокая, что снѣгъ не таетъ на ней въ Августѣ. Дорога отъ Коранлы здѣсь раздвоивается, идя влѣво на Меджингерчъ, вправо на Зевинъ. На первой изъ нихъ, при Милли-дюзѣ, въ неприступныхъ оврагахъ Ханъ-суи, сталъ укрѣпленнымъ лагеремъ Гагки-Паша, съ 50,000, какъ говорили, съ 20,000, какъ послѣ оказалось. Надобно было обойдти его вправо, и предупрѣдить соединеніе его съ самимъ Сераскиромъ, спѣшившимъ по Зевинской дорогѣ изъ Эрзерума. Немедленно заняли вниманіе Гагки-Паши, и онъ съ изумленіемъ услышалъ, что пока бился онъ съ малыми отрядами, главное войско Русскихъ перешло Саганлукъ и отрѣзало его отъ Сераскира. «Откуда взялось ваше войско? Съ неба упало, или изъ земли выросло?» въ изумленіи гово-

рилъ одинъ плѣнный: такъ тихо передвинулись мы за Саганлукъ, со всѣми обозами и артиллеріею. Гагки-Паша спѣшилъ еще сильнѣе укрѣпиться, зная, что только съ тыла, по разбитіи Сераскира, былъ возможенъ подступъ къ нему. Одинъ изъ отрядовъ его былъ разбитъ 16 числа, какъ скоро осмѣлился оставить лагерь. Между тѣмъ Сераскиръ близился, и 18-го все войско Русское двинулось въ дѣло, по видимому, отчаянное. «Теперь корпусъ мой похожъ на корабль; я отрубилъ якорь и пускаюсь въ море, не оставляя себѣ обратнаго пути!» сказалъ Графъ Эриванскій. Гагки-Паша могъ ударить въ Закавказье, къ Карсу, въ тылъ Русскимъ, пока Сераскиръ готовился раздавить насъ тяжестью силы. Увидимъ, какъ вѣренъ былъ при томъ расчетъ Графа Эриванскаго.

Гагки-Паша не трогался съ мѣста, выслалъ только новый отрядъ; его разбили утромъ 19 Іюня, и вскорѣ явились полки Сераскира съ одной, полки Гагки-Паши съ другой стороны; ихъ отбросили, и быстрымъ переходомъ ударили на главное войско сераскирово. Старикъ только что хотѣлъ было укрѣпляться, и готовилъ лагерь. «Я покажу ему,» сказалъ Графъ Эриванскій, услышавъ о томъ: «что въ присутствіи Русскихъ войскъ это не такъ легко сдѣлать, особливо, когда у меня 5,000 кавалеріи.» Къ вечеру Сераскиръ ждалъ еще 18,000 войска, но тогда имѣлъ онъ на лицо только 12,000. Страхъ при нежданномъ появленіи Русскихъ былъ такъ великъ, что войско Сераскира представило мгновенно позоръ совершеннаго бѣгства;

артиллерія Турецкая бѣжала не смѣя остановиться и выстрѣлить въ насъ изъ заряженныхъ пушекъ. Лагерь, пушки, обозы, хлѣбъ, даже готовое тѣсто для хлѣба, достались нам. Сераскиръ едва успѣлъ ускакать самъ-третей.

Здѣсь Богъ чудесно спасъ жизнь Русскаго Полководца. Онъ и свита его стояли на крышѣ строенія въ Зевинѣ, не зная, что внизу хранится порохъ. Едва успѣлъ отъѣхать отсюда Графъ Эриванскій, строеніе взлетѣло на воздухъ.

Верстъ тринадцать разстояніемъ, уже въ тылу Гагки-Паши, стояли теперь Русскіе, и можно было предвидѣть неизбѣжное слѣдствіе славнаго дня 19 Іюня, когда сорокъ верстъ пройдено усиленнымъ маршемъ и два раза въ одинъ день разбитъ непріятель. Утромъ на другой день наши колонны явились передъ лагеремъ Гагки-Паши; лагерь казался спокойнымъ, но вскорѣ, едва увидѣли Русскихъ, готовыхъ на битву, все бросилось бѣжать изъ него въ смертельномъ страхѣ. Старались аттаковать, гнать непріятеля; онъ просилъ пощады. «Безъ всякихъ условій положить оружіе» — было отвѣтомъ, и Гагки-Паша покорился неизбѣжной участи.

Повторимъ здѣсь слова автора:

«Немного найдется примѣровъ столь полнаго и совершеннаго успѣха, какой пріобрѣли Русскія войска

въ два дня, 19 и 20 Іюня. Побѣды были тѣмъ важнѣе и драгоцѣннѣе, что были куплены за самое малое пролитіе крови. Потеря наша, убитыми, ранеными и контуженными, не превосходила 100 человѣкъ, между тѣмъ, какъ войска наши, совершивъ въ 25 часовъ около 60 верстъ, поразили Азіятско-Турецкую армію, предводимую знаменитыми сановниками Порты; взяли въ плѣнъ одного изъ нихъ, вмѣстѣ съ двумя другими второстепенными пашами; завладѣли двумя лагерями, и въ числѣ ихъ однимъ укрѣпленнымъ; отняли всю бывшую при непріятельскихъ войскахъ артиллерію, состоявшую изъ 28 пушекъ и мортиръ; отбили около 2,000 плѣнныхъ, 19 знаменъ и до 3,000 палатокъ, съ множествомъ продовольственныхъ и артиллерійскихъ запасовъ. Разбитый непріятель бѣгствовалъ въ безпорядкѣ; пѣхота и конница его, раздѣлившись на малыя толпы, искали только одного спасенія.»

Любопытны подробности о плѣнѣ Гагки-Паши.

«Около одиннадцати часовъ, представили Графу Эриванскому плѣннаго Гагки-Пашу. Присѣвъ на колѣни по обычаю Восточному, онъ съ особенною вѣжливостью отдалъ свою саблю. «Судьба войны непостоянна,» сказалъ Турецкій военачальникъ. «За нѣсколько минутъ я повелѣвалъ 20,000: теперь, къ стыду моему, плѣнникъ! Но между нами, христіянскій вождь, имя твое славится высокими качествами, и говорятъ, что ты умѣешь побѣждать и быть великодушнымъ: послѣдняго и для себя надѣюсь!» Свободный видъ и глубокое чув-

ство, съ которымъ были произнесены сіи слова, тронули всѣхъ. Главнокомандующій поспѣшилъ обласкать Гагки-Пашу, и увѣрилъ его въ милосердіи Государя, обѣщая сохранить все вниманіе приличное его сану. Ему подали кофе и трубку. Успокоенный ласковымъ пріемомъ и чрезвычайною вѣжливостью со стороны всѣхъ офицеровъ, Гагки-Паша не уклонялся отъ разговоровъ. Разсуждая о несчастномъ для себя дѣлѣ, онъ между прочимъ говорилъ: «Я умѣлъ-бы умереть на мѣстѣ, но удержать буйныя толпы было не въ моей власти. Вы отрѣзали у насъ почти всѣ пути, и мнѣ оставалось свободное отступленіе только на Карсъ; но тамъ попалъ бы я опять между двухъ огней. Сераскиръ обманулъ меня, потому, что обѣщалъ соединиться со мною двумя днями ранѣе. Азіатская война мнѣ хорошо извѣстна, и другаго Гагки-Паши не найдутъ.» У него просили человѣка, для указанія намъ продовольственныхъ и прочихъ магазиновъ Милли-Дюзскаго лагеря. «Избавьте меня отъ тягостнаго униженія», отвѣчалъ Паша — «вы сами ихъ найдете!»

«Товарищи,» говорилъ Графъ Эриванскій, въ приказѣ своемъ, отъ 25 Іюня, торжествуя день рожденія Государя Императора и побѣду, подъ стѣнами крѣпости Гасанъ-Кале, древняго Ѳеодосіополя, ключа Эрзерумскаго, которую захватили летучими отрядами, «товарищи! для васъ открытъ теперь путь въ нѣдра тѣхъ странъ Азіи, гдѣ двѣ тысячи лѣтъ живетъ слава побѣдъ великаго Рима. Идите туда радостно, достойные Римлянъ воины! Услышавъ приближеніе ваше, древняя сла-

ва станетъ вамъ во срѣтеніе, а позднее потомство, съ воспоминаніемъ Римскихъ побѣдъ въ Азіи соединитъ и ваше доблественное имя.»

Покореніе Эрзерума было уже теперь готово. Но никто въ Русскомъ лагерѣ не зналъ дальнѣйшихъ распоряженій, не зналъ, что Эрзерумъ уже сдаётся, что Сераскиръ потерялъ уже волю, и что только буйство нѣсколькихъ мусульманскихъ начальниковъ удерживаетъ столицу Азіятской Турціи отъ явной покорности. Сераскиръ хотѣлъ бѣжать, но его не выпускали. «Дѣлайте что хотите,» говорилъ несчастный старецъ, «но я и паши мои не будемъ свидѣтелями вашего несчастія и оставимъ городъ.»—«Нѣтъ!» отвѣчали ему,» ты и паши твои въ дни мира и спокойствія были хранителями нашими, и теперь, въ минуты бѣдствія, должны вы раздѣлить нашъ жребій.» Подъ Ардосомъ, на пути къ Гасанъ-кале представили Графу Эриванскому гонца отъ Ахмета-Паши, правителя Аджарскаго; онъ посланъ былъ къ Гагки-Пашѣ, съ извѣстіемъ, что Ахметъ еще разъ хочетъ напасть на Ахалцыхъ. Тотчасъ отправили этого курьера обратно, съ слѣдующимъ письмомъ Графа:

«Ахметъ-Бекъ! Письмо ваше къ Гагки-Пашѣ получилъ я, по праву побѣдителя. Храбрый соотечественникъ вашъ—теперь Русскій плѣнникъ. Избавляя его отъ непріятнаго чувства писать о своемъ положеніи, беру на себя трудъ извѣстить васъ, что 19 числа Сераскиръ, съ армiею изъ 30,000 человѣкъ, разбитъ нами

и переброшенъ черезъ Саганлукскія горы, а 20 числа равномѣрно нанесено пораженіе 20,000 корпусу Гагки-Паши, который и самъ не избѣгнулъ плѣна. У нихъ обоихъ отнята вся артиллерія и всѣ магазины. Побѣдоносныя войска наша идутъ къ Эрзруму, искать подъ стѣнами его новой славы. Измѣряйте послѣ того возможность вашихъ успѣховъ.»

Эрзерумъ покорился вечеромъ 27 Іюня. «Азія древняя и Азія новая,» говоритъ авторъ, «сохранили величайшее сходство въ своемъ нравственномъ отношеніи. Читаемъ ли исторію завоеванія Римлянъ, слѣдуемъ ли за побѣдами героя Македонскаго, вездѣ изумляетъ насъ одинаковое разительное вліяніе событій на умы и духъ народа, какое замѣчаемъ въ послѣдней кампаніи Русскихъ въ Азіятской Турціи. Всегда, какъ нынѣ, одна побѣда пролагала путь новымъ успѣхамъ, и распространяла послѣдовательность завоеваній, укореняя невѣроятнымъ образомъ владычество побѣдителей Востока. Только съ этимъ, при внимательномъ наблюденіи дѣлъ, исполинскіе шаги Александра Великаго и торжество оружія Римлянъ становятся для насъ понятными, не заключающими въ себѣ ничего сверхъестественнаго. И вотъ ключъ къ объясненію той значительной поверхности, какую умѣли стяжать Русскія знамена въ Арменіи и Анатоліи въ послѣднюю войну противъ Турковъ, при ограниченности способовъ, съ такою быстротою. Овладѣніе Эрзерумомъ безъ того покажется чудеснымъ, по легкости и внезапности, какими сопровождалось покореніе сего знаменитаго го-

рода, центра управленія и могущества Порты въ той части ея пространной имперіи.»

Но нельзя не сознаться, что должно было соединить особенную ловкость дипломаціи съ военными распоряженіями для покоренія Эрзерума, даже и послѣ счастливыхъ успѣховъ при Загинѣ и Милли-дюзѣ.

Построенный во времена Византійскихъ Императоровъ, заключая въ окружности шести верстъ, до 100,000 жителей, центръ управленія и торговли Азіятской Турціи, мѣсто сообщенія между Курдистаномъ, Персіею и Царьградомъ, укрѣпленный, защищаемый полтораста пушками, снабженный обильными магазинами и арсеналомъ, Эрзерумъ могъ еще дорого стоить намъ.

Пока вели тайно переговоры о сдачѣ Эрзерума, послѣ полудня 25 Іюня въ Русскомъ лагерѣ, при Гасанъ-кале, все предавалось живому веселью и отдыху; генералы и высшіе офицеры обѣдали у Главнокомандующаго; похода никто не предвидѣлъ. По окончаніи обѣденнаго стола, Графъ Эриванскій, къ изумленію всѣхъ присутствовавшихъ, объявилъ, что черезъ часъ все войско должно двинуться впередъ. Приказанія о порядкѣ марша тутъ же были отданы.- Вскорѣ засуетился весь лагерь; палатки мало по малу начали рѣдѣть, и всеобщая заботливость заступила мѣсто тишины. Въ пять часовъ по полудни, всѣ войска тронулись съ мѣста, на-легкѣ, безъ палатокъ, съ четыре-дневнымъ запасомъ

провіанта въ ранцахъ. Черезъ двадцать верстъ сдѣланъ былъ привалъ; на другой день походъ начался въ семь часовъ утра; около полудня, Русскіе стали подлѣ Эрзрума.

Подробное описаніе сдачи и переговоровъ составляетъ прекрасную драматическую картину у нашего автора. Мы не имѣемъ возможности выписать ея, и означимъ только нѣкоторыя черты.

Среди буйнаго волненія и споровъ между жителями, Князь Бековичъ-Черкасскій явился въ городѣ; тутъ иные хотѣли защищаться; другіе требовали покорности и спасенія; безпорядочная стрѣльба производилась съ укрѣпленій. Мы не отвѣчали на нее. Наступила ночь; рано утромъ, нашъ посланный вручилъ письмо Графа Эриванскаго Сераскиру, сидѣвшему средь главныхъ своихъ чиновниковъ: милосердіе, но и плѣнъ и покорность немедленная, составляли содержаніе письма. При столь неожиданномъ бѣдствіи, Сераскиръ почти шестидесяти-лѣтній старикъ, за нѣсколько дней повелитель сильной арміи и почти самовластный владѣтель Азіатской Турціи, заплакалъ и могъ отвѣчать только несвязными словами. Еще колебались и время проходило. Въ третьемъ часу пополудни — то былъ день Полтавской битвы, за сто двадцать лѣтъ уничтожившей славу Карла XII — Русское войско съ музыкою и барабаннымъ боемъ заняло Топъ-дагъ, укрѣпленную высоту, откуда бѣжали Турки, и которая владѣетъ городомъ, будучи вровень съ цитаделью и отстоя

отъ нея на восемь сотъ саженъ, а отъ предмѣстія на триста. Нѣсколько выстрѣловъ заставили умолкнуть и разъѣзжаться вольницу, стрѣлявшую въ Русскихъ. Громъ орудій, музыка и барабаны, грозный видъ Русскихъ полковъ на высотахъ Топъ-дага, кончили переговоры. Въ пять часовъ вечеромъ Русскіе пошли въ городъ; избранные чиновники положили передъ Русскимъ вождемъ городскіе ключи на укрѣпленіяхъ Топъ дага. Генералъ-маіоръ Панкратьевъ велъ наши полки по извивистымъ улицамъ города. Жители всѣхъ возрастовъ и дѣти толпились съ любопытствомъ по сторонамъ; женщины, съ опущенными покрывалами, смотрѣли съ кровель домовъ и бросали цвѣты; изъ домовъ выносили и предлагали побѣдителямъ молоко, медъ, плоды и хлѣбъ. Въ половинѣ седьмаго увидѣли съ Топъ-дага Русское знамя, развѣвающееся на стѣнахъ Эрзерумской цитадели. Генералъ Панкратьевъ отправился потомъ въ жилище Сераскира. Старикъ сидѣлъ въ глубокой горести; съ нимъ обошлись вѣжливо и уважительно, оставили караулъ при домѣ его, и объявили, что отнынѣ онъ долженъ повиноваться волѣ Россійскаго главнокомандующаго. «Да будетъ такъ,» отвѣчалъ Сераскиръ, «если то угодно року!» Онъ немедленно отдалъ свой сераскирскій жезлъ, бунчуки, знамена. Іюля 7-го было отправлено, при громѣ пушекъ, торжественное молебствіе за побѣды, за славныя событія. «Никогда еще Русское оружіе не достигало на Востокѣ до столь отдаленной точки, и со времени владычества Мусульмановъ въ Малой Азіи, Эрзерумъ въ первый разъ былъ покоренъ войсками христіанскими.

Здѣсь прекращаемъ наши извлеченія изъ «Исторіи военныхъ дѣйствій въ Азіятской Турціи», хотя остальное время, до 1-го Октября, когда объявлено было Русскому воинству о мирѣ, заключенномъ въ Адріанополѣ, ознаменовалось множествомъ любопытныхъ событій — новыми подвигами Русскихъ, новыми трудами ихъ вождя. Всѣ сіи событія, заключая въ себѣ важныя для Военной Исторіи и Топографіи подробности, не представляютъ уже такого общаго интереса, какъ громкія дѣла, подобныя взятію Карса и Ахалцыха, переходу черезъ Саганлукъ, разбитію Турковъ при Загинѣ и Милли-дюзѣ и покоренію Эрзерума. Дѣло въ томъ, что Главнокомандовавшій, предвидя скорое окончаніе войны, не могъ и не хотѣлъ уже начинать новыхъ предпріятій. Цѣль войны была достигнута, да и человѣческимъ силамъ положенъ предѣлъ. Распространивъ завоеванія до предѣловъ Требизонда, надобно было удержать за собою всю обширность покоренныхъ шести областей, съ малыми средствами, какія были у Графа Эриванскаго, что выходило гораздо труднѣе самыхъ побѣдъ и завоеваній. Покореніе Требизонда оказалось рѣшительно невозможнымъ, при непроходимыхъ гористыхъ мѣстахъ и отчаянной защитѣ полу-дикихъ Лазовъ, потому что сіи орды, какъ и Курды, объявили себя непримѣримыми врагами христіанъ и Русскихъ, и не шли ни на какой договоръ. Измѣна и фанатизмъ безпрерывно возстановляли противъ насъ завоеванныя мѣста. Мы не могли шагу сдѣлать безъ особенной осторожности, и уступавшіе непреодолимому стремленію общаго завоеванія, туземцы тѣмъ упорнѣе бились потомъ за каж-

дый утесъ, за каждый камень, гдѣ могъ укрыться Курдистанскій, или Турецкій стрѣлокъ, или наѣздникъ. Черноморскій флотъ не могъ участвовать въ военныхъ операціяхъ въ Азіи, и тѣмъ было утрачено важное пособіе, входившее въ обширныя соображенія Русскаго полководца.

Четвертаго Іюля покорилась Русскимъ крѣпость Хнисъ; отрядъ храбраго Бурцова занялъ Байбуртъ, гдѣ надобно было сосредоточить дѣйствія на Требизондъ и многочисленныя племена Лазовъ. Въ экспедиціи на селеніе Хартъ, Бурцовъ былъ смертельно раненъ, и скончался отъ полученной раны. Самъ Графъ Эриванскій двинулся мстить за смерть добраго помощника. Двѣнадцати-тысячный корпусъ непріятельскій заплатилъ уничтоженіемъ своимъ за дерзость сопротивленія. Между тѣмъ сражались съ Курдами близъ Хниса и Баязета, бились съ Аджарцами близъ Карса и Ардагана, заняли Мушъ, отстаивали мятежную Гурію. Отъ Байбурта перешли мы далѣе, къ Гюмишъ-Хане, важному мѣсту на юго-западъ отъ Требизонда, гдѣ Греческій митрополитъ и духовенство встрѣтили Русскихъ со слезами радости. Движеніе къ Сивасу и Требизонду обезопасило Эрзрумъ. Мы оставили послѣ того Байбуртъ, взорвавъ тамошнюю крѣпость. Неудачныя экспедиціи въ сторонѣ Гуріи опять возбудили бодрость непріятеля. Новыя ополченія составлялись въ Байбуртѣ. Тысячи Лазовъ и Курдовъ являлись туда отвсюду. Это было поводомъ вторичнаго похода на Байбуртъ, увѣнчаннаго новымъ, полнымъ успѣхомъ, и, кончившагося

истребленіемъ несчастнаго города. Новый Сераскиръ имѣлъ уже въ то время извѣстія о мирѣ съ Россіею, но спѣшилъ еще разъ дать битву. Новое пораженіе заставило его не скрывать болѣе мира. Главная квартира Турецкая была тогда въ Гюмишъ-Хане, а наша въ селеніи Урушлы, въ 25 верстахъ за Байбуртомъ. Сюда привезли вѣстника мира, штабсъ-капитана Дюгамеля, пріѣхавшаго черезъ Токатъ и Сивасъ. Посланные на встрѣчу ему были приняты Турками торжественно. Сто однимъ выстрѣломъ возвѣщена была радость Русскому войску.

«Надобно было видѣть общій восторгъ. Черезъ четверть часа весь лагерь стоялъ въ рядахъ; офицеры спѣшили принесть поздравленіе главнокомандующему, и привѣтствовали другъ друга, обнимаясь съ тѣмъ искреннимъ чувствомъ, какое рѣдко можно встрѣтить въ быту общежитія. Гордясь стяжанною славою, воины, неукротимые въ бою, съ простодушныхъ усердіемъ радовались наступившему миру, которымъ такъ рѣдко пользуются войска наши въ отдаленныхъ предѣлахъ Кавказскихъ.»

Четвертаго Октября Графъ Эриванскій возвратился въ Эрзерумъ; пятаго, войска пошли въ обратный походъ; пятнадцатаго самъ главнокомандующій отправился въ Грузію. Въ Меджингерчѣ, гдѣ за четыре мѣсяца передъ тѣмъ, Саганлукъ огласился побѣдою, Графъ Эриванскій получилъ награду Монарха — званіе фельдмаршала. Въ день *Бородинской битвы*, героя

Русскаго обрадовали уже награды за подвиги его на Саганлукѣ и завоеваніе Эрзрума — орденъ Георгія первой степени и алмазные знаки ордена Святаго Андрея. Царь воздавалъ достойное достойному.

Вторая кампанія Графа Эриванскаго представляла слѣдствія не менѣе блестящія и славныя, какъ и первая, прошлогодняя. Русскіе въ 1829 году перешли почти шесть сотъ верстъ отъ границы своей до Требизонда. Въ четыре мѣсяца уничтожена была многочисленная непріятельская армія, взяты нѣсколько укрѣпленныхъ лагерей, четыре крѣпости и самая резиденція Сераскира, полоненнаго вмѣстѣ съ знатнѣйшими сановниками. Намъ достались 262 пушки, 65 знаменъ, 10 бунчуковъ, жезлъ Сераскира; плѣнныхъ не считали.

Надобно ли разсматривать выгоды, какія были слѣдствіемъ двухъ-лѣтнихъ подвиговъ и дѣлъ Графа Эриванскаго за Кавказомъ? Конечно, если сообразить пріобрѣтенія наши *географически*, они не покажутся великими: мы взяли только мѣста Турецкихъ засадъ по берегамъ Черноморскимъ, да еще Ахалцыхъ, но сіи пріобрѣтенія были важны по сущности своей: они крѣпко обезопасили насъ за Кавказомъ со стороны сосѣдовъ. Кто оспоритъ, что мы легко могли взять больше, могли взять все? но не завоеваній искала великая душа Русскаго Царя. Здѣсь историкъ откроетъ тайну, прибавитъ прекрасную черту къ жизнеописанію Николая: Графъ Эриванскій представлялъ и настаивалъ на присоединеніе къ Россіи Карса, доказывая

важность его для безопасности и удобствъ Закавказья. Государь Императоръ отказалъ въ семъ предложенiи, «и,» прибавляетъ авторъ, «то не было слѣдствiемъ не дальновидности, но чертою великодушiя Государя, чуждаго завоеванiй.»

Если краткая выписка и ознакомила читателей нашихъ съ превосходнымъ сочиненiемъ, о которомъ мы говоримъ, все еще многое найдутъ они читая самое сочиненiе. И наукѣ и любопытству ихъ сохранилось еще множество матерiяловъ, которыми не могли мы воспользоваться.

Такъ, напримѣръ, мы укажемъ читателю на описанiя Турецкихъ областей, бывшихъ въ нашей власти, описанiя подробныя и искусно составленныя; на военныя и стратегическiя изслѣдованiя о образѣ войны съ Турками; на планы сраженiй и крѣпостей, отлично литографированные и составляющiе особый атласъ при книгѣ. Надобно имѣть ихъ передъ глазами, дабы оцѣнить всѣ описанныя въ книгѣ диспозицiи и распоряженiя вождя Русскихъ при каждомъ дѣлѣ. Надобно еще вникнуть въ устройство управленiя, какое вводимо было въ завоеванныхъ областяхъ, гдѣ сохранялись всѣ обычаи и законы, уважались даже народные предразсудки, владычествовало правосудiе, но съ кротостью соединялась строгость и коварству противополагалась осторожность. Наконецъ особеннаго вниманiя стоитъ еще подробность отчетовъ Графа Эриванскаго о вспомогательныхъ средствахъ къ войнѣ и при-

готовленіяхъ къ побѣдамъ. Мы разумѣемъ здѣсь мѣры его касательно продовольствія войскъ, заготовленія и расположенія провіантскихъ, артиллерійскихъ, инженерныхъ и госпитальныхъ пособій. Все это подробно изложено въ Исторіи военныхъ дѣйствій въ Азіятской Турціи — исторіи, которую мы уже назвали «честнымъ отчетомъ Графа Эриванскаго передъ современниками».

●

Еще нѣсколько словъ о тѣхъ блистательныхъ и ученыхъ кампаніяхъ, въ которыхъ съ такою силою развился военный геній Русскаго полководца.

Послѣ «благоразумной медленности», какою отличались прежде дѣла Русскаго оружія за Кавказомъ, какой быстрый переворотъ! Едва кончена, почти не кончена еще война съ Персіею, уже Графъ Эриванскій спѣшитъ въ Турцію. Съ двѣнадцатью, съ восемьнадцатью тысячами, онъ входитъ въ глубь непріятельскихъ областей, бьетъ войска, беретъ крѣпости, защищаетъ слабыми гарнизонами завоеванія, готовъ воевать съ Персіею и съ Турціею, стремится къ Арзеруму, гонитъ Турецкое войско почти безъ бою, и за шесть сотъ верстъ отъ границы сбирается идти далѣе, идетъ, когда всѣ завоеванія его кипятъ еще мелкою войною, въ Эрзерумѣ измѣна, тамъ чума, здѣсь Лазы и Курды, и всюду непроходимыя дороги. Скажутъ: «счастье, удача, если онъ спасся, и слава Богу, что миръ выручилъ его изъ неминуемой бѣды.»

Счастье! Но вникните въ сущность событій, и какъ

измѣнится все зрѣлище! Вы увидите геній истинно великаго полководца, и невольно назовете быстроту, отвагу, смѣлость движеній, глубокимъ разсчетомъ ума и науки!

Онъ понялъ Русскаго солдата, Кавказскаго солдата особенно, увѣрился въ немъ и пріобрѣлъ его вѣру. Смѣло могъ онъ послѣ того опереться на него, когда сей солдатъ всюду видѣлъ его съ собою, въ зной и холодъ, днемъ и ночью, на баттареѣ и въ шанцѣ, и зналъ, что Графъ, какъ отецъ, заботится о томъ, чтобы ему было сытно и тепло. Солдаты славили его въ пѣсняхъ, и шли съ нимъ всюду бодро и смѣло: съ ними былъ *Графъ*, и только тамъ являлась иногда неудача, гдѣ *его* не было. Но какъ умѣлъ онъ поправлять каждую такую неудачу, не оставляя малѣйшаго преимущества непріятелю безъ расплаты — «не любя баловать Турковъ», какъ говоритъ солдатская пѣсня на взятіе Ахалцыха! Какъ пользовался онъ всѣмъ, что дѣйствуетъ на душу Русскую! Такъ, напримѣръ, когда открылась чума въ Баязетѣ, изъ Эчміадзина велѣно было привезти священное копье, и — чума была прекращена имъ лучше всякихъ карантиновъ. Вѣра спасаетъ.

Онъ превосходно узналъ и сообразилъ потомъ свойство народа и мѣстность края. Дѣйствуя на умы туземцовъ, онъ успѣвалъ пріобрѣтать любовь ихъ и заставлялъ себя бояться. Неслыханный былъ примѣръ, что враги наши, непріязненные Азіятцы, бились за насъ и бились храбро и смѣло. Но, между тѣмъ, ни-

чего не было упущено для уничтоженія коварныхъ дѣйствій Азіятской политики. Въ семъ отношеніи особенно любопытны переговоры и дѣла при Туркманчайскомъ мирѣ, и потомъ послѣ смерти нашего Посла въ Тегеранѣ; переговоры въ Гуріи; сношенія съ Мущскимъ Пашею; споръ при сдачѣ Эрзерума. Обратная поѣздка Графа Эриванскаго изъ Эрзерума представляла трогательное зрѣлище: тысячи народа встрѣчали его со слезами, какъ отца, умоляя взять ихъ, и такимъ образомъ переселилось въ наши области до ста тысячъ человѣкъ. Ужасъ громоноснаго успѣха на умы туземцевъ былъ превосходно разсчитанъ Графомъ Эриванскимъ, и если полки непріятельскіе бѣгали при одномъ появленіи его, развѣ это не было приготовлено умомъ и трудомъ предварительнымъ?

Ни одного шага не дѣлалъ Русскій полководецъ безъ вѣрнаго, положительнаго, ученаго разсчета на успѣхъ. Въ обѣихъ кампаніяхъ Графа Эриванскаго былъ главною цѣлью ударъ быстрый, громовый — Суворовскій *натискъ*, который сопровождало обширное обхваченіе областей; но съ тѣмъ совдинялось всегда обезпеченіе продовольствій, власть генія надъ препятствіями, заслоненіе путей на случай непріятельскихъ покушеній, охраненіе предѣла своего и средства къ отступленію. Все это кажется иногда переходящимъ въ излишнюю осторожность, когда вы читаете диспозиціи Графа Эриванскаго. Но слѣдствія увѣряютъ васъ потомъ, что полководецъ, при соображеніяхъ столь предусмотрительныхъ, нигдѣ не упускалъ воспользо-

ваться мгновенною и быстрою перемѣною обстоятельствъ. Такъ, успѣхъ подъ Карсомъ и Ахалцыхомъ былъ приготовленъ быстрымъ переходомъ отъ Гумровъ, походомъ на Ахалкалахи и движеніемъ черезъ Цхенисъ-Цхале; побѣды Загинская и Милли-дюзская одержаны, по словамъ маршала де-Сакса, «солдатскими ногами», а сдача Эрзерума рѣшена движеніемъ на сей городъ. Но замѣтьте, что Карсъ и Ахалцыхъ достались намъ также тѣсною и упорною осадою, и мгновеннымъ превращеніемъ ея потомъ въ штурмъ, упрежденіемъ Кіосе-Мугамиеда при Карсѣ, отдѣльнымъ нападеніемъ на него при Ахалцыхѣ, и что Эрзерумъ удержанъ послѣ занятія его мѣлкою войною и многосложными дѣйствіями на Байбуртъ и Гюмишъ-Хане. Во всѣхъ сихъ подробностяхъ поучительно читать поясненія Графа Эриванскаго на каждое его дѣйствіе. Въ сихъ изъясненіяхъ, Исторія военныхъ дѣйствій, съ смѣлою надеждою, сравниваетъ многія его распоряженія съ дѣйствіями Наполеона, и судитъ безпристрастно, отдавая справедливость каждому. Искренно говоритъ она объ ошибкахъ непріятеля, воздаетъ честь личной его храбрости, и указываетъ на то, чѣмъ могли воспользоваться непріятели при каждомъ случаѣ. Такое соединеніе отличныхъ сужденій съ великими дѣлами, такой взглядъ, поясняющій тайну побѣдъ, такое смѣшеніе положительнаго отчета съ лучами славы, составляетъ волшебство ума геніяльнаго.

Есть еще волшебство цыфръ: и мы найдемъ его въ книгѣ, о которой мы говоримъ. Таковъ, напримѣръ,

итогъ потери, понесенной Русскою арміею во все продолженіе Турецкой войны за Кавказомъ. Можно ли повѣрить, что въ 1829 году убыль изъ войска состояла всего на все изъ 3,900 человѣкъ, и что въ томъ числѣ полагается еще около 1000 человѣкъ умершихъ отъ чумы? Значительна была потеря въ начальникахъ и офицерахъ: *ни одинъ изъ нихъ не былъ взятъ въ плѣнъ*; «они умирали въ передовыхъ рядахъ», говоритъ историкъ. Почтимъ благоговѣніемъ память тѣхъ, которые не измѣнили надеждъ отечества, и уже почтены искреннюю скорбію достойнаго вождя своего. Русскіе всегда были и всегда будутъ таковы. Графъ Эриванскій видѣлъ Русскихъ подъ Бородинымъ, подъ Кульмомъ, подъ Лейпцигомъ, подъ Елисаветполемъ, и потому онъ такъ надежно велъ ихъ на Ахалцыхъ, на Саганлугъ, на стѣны Варшавы потомъ — и куда еще поведетъ онъ ихъ?... Куда бы то ни было, но вездѣ и всегда на побѣду, по первому слову Русскаго Царя.

О ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ СВѢДѢНІЯХЪ ДРЕВНИХЪ РОССІЯНЪ И СТАРИННЫХЪ РУССКИХЪ КАРТАХЪ.

Въ наше время образовалось особенное воззрѣніе на *Исторію наукъ и знаній*, состоящее въ томъ, что мы изыскиваемъ не однѣ только *положительныя истины* въ Исторіи ихъ, но вполнѣ разсматриваемъ *состояніе* каждой науки, каждаго знанія у разныхъ народовъ и въ разные вѣка. Мы не отвергаемъ ошибокъ, почитавшихся нѣкогда истиною, не смѣемся надъ заблужденіями, въ самомъ дѣлѣ иногда забавными. Нѣтъ: мы, или разсматриваемъ причину ихъ, и стараемся узнать изъ того истину, или, убѣждаясь въ безполезности явнаго заблужденія, тѣмъ не менѣе дорожимъ имъ, ибо видимъ въ немъ *фактъ*, могущій пояснить намъ *духъ*, *образованіе*, *степень знаній* каждаго народа.

Сими воззрѣніями Исторія извлекается изъ сухаго пересказыванья событій и хронологическихъ замѣтокъ о дѣлахъ и людяхъ. Она становится живою картиною, на которой изображается каждый народъ, съ его добродѣтелями и недостатками, достоинствами и заблужденіями, равно служащими къ общей жизни Человѣчества и проявленію Истины.

Чрезвычайно любопытенъ въ такомъ отношеніи взглядъ на *Исторію Географіи*, у разныхъ народовъ

и въ разныя времена. Географическія познанія Грековъ, Римлянъ, Нордманновъ, Византійцовъ составляли уже по сему случаю предметы многихъ ученыхъ изслѣдованій. Знаменитые мужи — Риттеры, Геерены, Малтебрены, Маннерты, полагали трудъ свой на обозрѣніе географическихъ познаній разныхъ древнихъ и новыхъ народовъ.

Но до сихъ поръ не было обращено вниманія на *географическія познанія древнихъ Руссовъ*, и о томъ не льзя не пожалѣть. Здѣсь открылись-бы такъ-же какъ и вездѣ, двѣ важныя стороны изслѣдованій.

Соображая географическія познанія древнихъ Руссовъ, мы могли-бы открывать слѣды сношеній ихъ съ другими народами, и изыскивая источники ихъ, узнавать мѣру сихъ сношеній. Можно-бъ было сіи изслѣдованія сдѣлать повѣркою источниковъ, подобно тому, какъ Арабскими переводами повѣрялись тексты древнихъ Греческихъ Классиковъ.

Съ другой стороны, Географія Руссовъ дополнила-бы вообще Историческую Географію самобытными свѣдѣніями, и, можетъ быть, прибавила-бы къ ней нѣчто новое и неизвѣстное.

Надобно сказать, что вообще въ Русскихъ источникахъ мы находимъ весьма много Географическихъ матеріяловъ. Начиная съ Космографіи Нестора, взятой имъ у Византійцовъ, но дополненной самобытными

Русскими сведѣніями, и важной для этнографа и историка сѣверной Европы, Русскіе источники представляютъ намъ безпрерывный рядъ географическихъ замѣчаній. Полныя путешествія Руссовъ, какъ-то, напримѣръ: Даніила Паломника въ Палестину, Пимена Митрополита въ Царьградъ, Аѳанасія, Тверскаго гостя, въ Индію, и проч., находятся въ нашихъ памятникахъ. Множество чужеземныхъ извѣстій записано въ Русскихъ сборникахъ. Послѣ паденія Татарской власти особенно многочисленны и любопытны становятся географическія извѣстія Руссовъ. Находимъ много путешествій Русскихъ по Европѣ и Азіи; цѣлыя описанія земель въ Азіи и Европѣ; наконецъ, въ концѣ XVI-го вѣка, являются полныя Географіи, или Космографіи, переведенныя нашими предками съ иностранныхъ языковъ. Первые и вторые изъ сихъ матеріяловъ разсыпаны въ сборникахъ, лѣтописяхъ и хронографахъ Русскихъ; послѣднихъ множество списковъ, разныхъ временъ, дошло до насъ отдѣльно.

Излишне было-бы прибавлять здѣсь, что строгая, ученая критика должна руководствовать насъ при разборѣ всѣхъ сихъ матеріяловъ. Но нельзя особенно не замѣтить, что при ней, богатый запасъ для познанія характеристики Русскаго народа, и отношеній его къ Европѣ и Азіи, открывается наблюдателю.

Не входя въ подробности, упомянемъ здѣсь о старинныхъ Космографіяхъ, началѣ новой Европейской Географіи, знанія столь усовершенствованнаго въ

наше время. Жаль, что донынѣ никто не обратилъ вниманія на Русскія Космографіи. Мы сказали, что ихъ много списковъ дошло до насъ. Въ Каталогѣ рукописей бывшей Библіотеки Графа Ѳ. А. Толстова, показаны *три* полные списка Космографій, писанныхъ въ концѣ XVII-го вѣка (Отд. I, № 67, 262 л., № 117, 246 л., № 210, 72 л.), и кромѣ того нѣсколько отрывковъ въ разныхъ сборникахъ (Отд. I, № 191, 354, Отд. II, № 368, Отд. III, № 68). Составители Каталога говорятъ, что сіи Космографіи *неизвѣстныхъ сочинителей*. Явно однакожь, что онѣ переведены съ иностраннаго. Въ томъ-же Каталогѣ показаны: *Космографія*, соч. Бѣльскимъ, и переведенная въ 1584 г: (Отд. I, № 205, 1347 стр. in-f°.), *Эпитомія космографичная*, перев. съ Италіянскаго въ 1709 г. (Отд. I. № 223), и *Географія Делинда*, пер. съ Латинскаго подлинника, напеч. въ Амстердамѣ, въ 1665 г. (Отд. IV, № 5, 1097 стр. in-f°).

При Петрѣ Великомъ появились въ печати первыя настоящія и правильныя Географіи. Въ Библіотекѣ Графа Толстова хранились экземпляры: Географіи, напеч. въ 1710 году, Географіи Варенія, напеч. въ Русскомъ переводѣ въ 1718 году, Географіи Гибнера, напеч. въ 1719 году, и книги о глобусахъ, напеч. въ 1724 году. Здѣсь Географія является уже наукою правильною, очищенною отъ сказокъ, примѣси чудеснаго и суевѣрій.

Не таковы наши старинныя Космографіи, изъ ко-

нихъ ни одна донынѣ не издана. Онѣ относятся къ тому времени, когда Клюверіи, Риччіоли, Варенiи еще не преобразовали науки, Коронелли и Меріаны не повѣряли описаній путешественниковъ, Сансоны и Буреусы не исправляли картъ Географическихъ. Географія представляла тогда странную смѣсь выдумокъ и истины, извѣстій ученыхъ и миѳологическихъ. Библейскія преданія, ложно понятыя, разсказы Марковъ-Павловъ, Одериковъ, Мандевилей, въ смѣси съ извѣстіями Иродоша, Страбона, Птоломея, описывались въ книгахъ и представлялись на картахъ. Таковы были: Сенъ-Гальская марра subtili opere, серебряныя таблицы Карла Великаго, карта Біанко, сочиненная въ половинѣ XV вѣка (и описанная Формалеони), карта того-же времени, объясненная Гевриномъ, и проч. — Тутъ находите названія изъ Страбона, Плинія, Тацита, и — *Гога и Магога* на сѣверѣ, *Рай* на востокѣ, *смоляную пучину* на югѣ, и *стеклянныя горы* на западѣ.

Отличительнымъ признакомъ всѣхъ старинныхъ картъ и сочиненій географическихъ было то, что новое вносилось въ нихъ безъ всякаго соображенія съ старымъ, какъ будто боялись наши старики разувѣриться въ сказанномъ прежде. Вѣра въ чудесное была также однимъ изъ важнѣйшихъ препятствій правильной наукѣ. Путешественникъ не смѣлъ возвратиться изъ дальней стороны безъ того, чтобы не разсказывать неслыханныхъ диковинокъ. Можно легко понять, что если здѣсь теряетъ положительное знаніе Географіи,

то, въ замѣну сего, сколь много любопытнаго является для Исторіи, Поэзіи и другихъ наукъ и знаній!

Одинъ изъ Русскихъ списковъ Космографіи, начала XVII-го вѣка, находящійся у насъ, начинается такимъ образомъ:

«Искони Зиждитель Богъ, создавъ человѣка самовластна, и словесна, и разсудительна, потомъ же покоривъ сему видимыя твари всяческія, и давъ ему животную разумную силу, да творитъ на угожденіе Богу, потомъ-же и на промышленіе своему естеству, и да смотритъ послѣдняя дни и нощь, и о томъ, да восхвалимъ благохитреца Бога. Дана суть изначала отъ него коемуждо языку хитрость: Еллиномъ словесное осмичастіе, риторское витійство; Персамъ-же и Вавилоняномъ звѣздословіе, или небесный бѣгъ; Египтяномъ-же землемѣріе, еже есть Космографія, по нѣкоему богословцу премудрому. Состоится-же Философія седьмью мудростями, и первая мудрость многосложная *арфографія*; вторая-же *рѣчеточная*, еже суть витійская, препирательная толкованія; третья, выше всѣхъ, *богословная*; четвертая *небоокруженная*; пятая *лекарская*, еже есть лекарство, лечьба; шестая-же *геометрическая*, еже есть числительная и скоропамятная; седьмая-же, Святая Писанія толковати, и благоглаголати, и писати, еже спасти душу свою, еже первѣе отъ древнихъ Философовъ зовется *любомудріе*...»

За тѣмъ слѣдуетъ описаніе раздѣла трехъ частей

свѣта между тремя сыновьями Ноя. «И тѣ убо три части всего свѣта на водѣ, яко-же на блюдѣ простерты, силою Преблаготворца, и въ тѣхъ-же вселенныя вся частехъ земли, страны великія и государства, и языцы различные, ова грамотные, ова безкнижные, иже напослѣди вся подробну скажемъ. Послѣ-же сего много лѣтъ спустя, въ недавныхъ временахъ, Латинскіе Философы обрѣли на Западѣ, въ морѣ Океянѣ, въ долгой пучинѣ, многіе острова и различные, ови-же людны и богаты, ови-же *безчеловѣчны*, и нарекоша тѣ острови именемъ: *Америка*, и назваша ихъ *четвертую часть*, новую землю, и положиша ихъ къ тѣмъ-же тремъ частемъ въ Космографіи. Въ тѣхъ-же частехъ кіиждо страну, и землю, и царство, и королевство, и различные ихъ богатства, и пространство, вѣры-же и нравы, многолюдство-же и храбрость, и ученія и мудрости, вся доподлинно да скажемъ....»

Тутъ начинается Этнографія и Топографія. — Въ другомъ, позднѣйшемъ спискѣ Космографіи, гдѣ упоминается имя *Меркатора* (Григоріусъ Меркатеръ, начѣ Птоломея хвалы достойный), говорится уже, что «земля есть посредѣ округовъ небесныхъ, яко въ окружальномъ колесѣ, и въ равномъ разстояніи отъ небеси до земли со всѣхъ сторонъ, Божіимъ повелѣніемъ составлено... и ради своея круглости земля нигдѣ къ низу не виситъ, точію посреди небесъ содержится». — Упоминая о составителяхъ Космографіи, переводчикъ исчисляетъ имена ихъ: *Ѳольтенорусъ Домникусъ, Никеръ, Григоріусъ Гораза, Имериcъ, Хвистоворусъ Ан-*

коламусцели, *Еребинусъ*, *Стемаюваніусъ*, *Арбацыуюсъ*, *Мейсерусъ*, *Валимеусъ*, *Гаатаролусъ*, и проч.—

Надовно полагать, что вмѣстѣ съ Космографіями, были у предковъ нашихъ и карты Географическія, гораздо прежде напечатанныхъ при Петрѣ Великомъ.

Намъ случайно попалась карта, такъ называемой, *лубочной*, или *Суздальской* гравировки (хотя совсѣмъ *не Суздалы*, и *не на лубкѣ* вырѣзывали сего рода рисунки). Разсмотрѣвъ ее, мы полагаемъ, что она *скопирована съ карты древнѣйшей*, въ началѣ XVIII-го вѣка. Не измѣняя сущности, копировщикъ прибавилъ къ ней нѣсколько новостей отъ себя (какъ-то: извѣстие о Петербургѣ, и проч.). — Не имѣя возможности представить читателямъ извлеченія изъ Русскихъ Космографій, ибо оно далеко перешло-бы за предѣлы нашей статьи, мы рѣшились предложить описаніе карты, о которой говоримъ, ибо ее можно назвать *сокращеніемъ старинныхъ Русскихъ Космографій*. Подлинникъ состоитъ изъ четырехъ, небольшихъ, вмѣстѣ склеенныхъ листовъ. Средину занимаетъ кругъ, 12-ти вершковъ въ діаметрѣ. Вверху, два, грубо награвированные генія, съ трубами, держатъ надпись: «*Книга глаголемая Космографія, переведена бысть съ Римскаго языка, а въ ней описаны государства, и земли, и знатные острова, и въ которой части живутъ какіе люди, и вѣры ихъ, и и нравы, и что въ которой землѣ родится, и о томъ значитъ въ сочиненномъ окрузѣ семъ.*»

На четырехъ углахъ изображены: Азія (въ длинной одеждѣ, съ Китайскимъ домикомъ и слономъ), Африка (въ видѣ Негра, съ верблюдомъ), Европа (въ видѣ щеголеватой барыни, въ шляпкѣ, въ фижмахъ, съ полуразрушенными колоннами Греческаго зданія и съ воломъ), Америка (въ видѣ Американца, съ лукомъ и стрѣлами; подлѣ него цѣпи и обезьяна). При каждомъ изображеніи находятся надписи, а именно:

При Азіи. «Востокъ Солнца, первая часть, нарицается Азія, большаго Ноева сына, Сима, жребій; конецъ ея до восточнаго острова Макарійскаго, иже есть до блаженнаго Рая; другой-же конецъ ея до *Фасійскаго* моря (Азійскаго?) и Чернаго; третій конецъ раздѣляется отъ Китайскаго царства до земли звѣрообразныхъ людей, до Сивири и до Хвалынскаго моря.»

При Африкѣ. «Полдень, вторая часть, нарицается Африка, средняго Ноева сына, Хама, жребій; конецъ-же ея достизаетъ *Осирскаго* (Ассирійскаго?) языка, и до Чернаго моря, и до Понтійскаго острова; въ другую страну отъ Чернаго моря и до Ефіопскія пучины, а въ третію страну отъ Египта и до Бѣлаго моря, и до Окіянскія пучины.»

При Европѣ. «Третія часть, нарицается Европа, меньшаго Ноева сына, Афета, жребій; протязается отъ Средняго моря и до великаго моря Окіяна; съ другую страну до Варяжскаго моря; съ третію страну до Мур-

манскаго моря и до Студенаго моря, еже есть Соловецкая пучина.»

При Америкѣ. «Западъ, четвертая часть, нарицается Новая, Америка, не въ давныхъ лѣтахъ изыскана отъ Шпанскихъ и Французскихъ Нѣмецъ, съ людьми безграмотными, и со златою и серебряною рудою, и отъ сихъ острововъ тѣ Нѣмцы зѣло обогатились, и грады поставили, и назваша четвертую часть Новую Землю, и положися къ тѣмъ тремъ частямъ.»

Внизу расположена слѣдующая надпись: «Малыхъ-же острововъ, и безчеловѣчныхъ, описати невозможно, понеже многи островы, и земля наполнена ядовитыхъ звѣрей и гадовъ, и человѣкомъ неприступны. Елицы-же обрѣтошася отъ человѣкъ, сія и написашася; инози же невѣдомы человѣкомъ, но токмо единому преблагому Богу: вся дѣла Ему вѣдомы суть; Той-бо единъ созда всяческая отъ небытія, и еще творитъ-же и претворяетъ, разрѣшаетъ-же и упространяетъ, благости ради, гнѣва-же ради раззоряетъ и низлагаетъ, и ни во что премѣняетъ, и нѣсть возможно человѣчью естеству противатися праведнымъ Его судомъ и волѣ, въ Того-бо руцѣ всякое дыханіе животно.»

Карта расположена такъ, что сверху оной находится Востокъ, снизу Западъ, съ лѣвой стороны Полночь, съ правой Полдень. Моря и воды раскрашены зеленою краскою; земли оставлены некрашеными, и на нихъ помѣщены описанія. Въ каждой землѣ изобра-

женъ городъ, въ видѣ церквей и башенъ (раскрашенныхъ желтою, малиновою краскою и сурикомъ). Рѣки очеркомъ своимъ не различаются отъ морей: Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поставлены горы и деревья. Земли всѣ представляются сплошь, безъ различенія на части свѣта.

Съ перваго взгляда, вся карта кажется нелѣпымъ, произвольнымъ очеркомъ, но положивъ ее передъ собою надлежащимъ образомъ, такъ, чтобы сѣверъ былъ вверху, видите грубое, уродливое, но правильное изображеніе Европы, Азіи и Африки. Можно отличить Скандинавскій, Иберійскій, Италійскій полуострова, Африку, Азію, моря: Балтійское, Средиземное, Черное, Каспійское, Чермное. Изложимъ топографическія подробности, какъ представляетъ ихъ карта.

Средоточіе земли приходится около Царяграда (странно: почему не въ Іерусалимѣ, ибо народное повѣрье и донынѣ полагаетъ Іерусалимъ средоточіемъ, называя его *пупомъ земли?*).—Около сего средоточія обставлены Европа, Азія и Африка. Восемь большихъ острововъ изображены далѣе съ запада, девять съ востока, и три съ сѣвера. Все это обведено Океаномъ, обтекающимъ всѣ земли и составляющимъ предѣлы міра. Океанъ различенъ надписями; съ востока: «Море Окіанъ восточный,» а съ сѣвера: «Море Окіанъ полуночный,» и съ юга: «Море Окіанъ полуденный,» съ запада: «Море Окіанъ западный.»

Въ юго-западномъ углу Скандинавскаго полуострова изображена *Швеція*, съ надписью: «Королевство Шведское, Нѣмцы купеческіе и воинскіе; грады имѣютъ каменные; вѣра у нихъ Лютерская; много у нихъ мѣди и желѣза, мѣняютъ на товары.»

Далѣе къ сѣверу поставлена Финляндія: «Земля Ѳинская, за Шведскимъ Королемъ.» Лѣсъ отдѣляетъ изображеніе С. Петербурга и Невы. Въ углу отъ Финляндіи: «Королевство Норвенское, было за Датскимъ Королемъ.» Слѣдуютъ надписи:» Лопари Норвенскіе и Шведскіе; Лопари Россійскіе; ѣздятъ на оленяхъ, ѣдятъ мясо и рыбу.» Уголъ къ востоку занятъ надписью: «Соловецкій островъ, 500 верстъ около ходу корабельнаго, ко Архангельскому городу, моремъ.» На Океанѣ близъ Норвегіи написано: «Изъ Нѣмецкихъ земель корабли ходятъ ко Архангельскому городу и въ Россію, и симъ мѣстомъ корабельный ходъ.» Противъ Лопарей, и далѣе къ сѣверу, видѣнъ большой островъ: «Полнощь, земля темная; тамо зимою солнце не заходитъ; дѣлаютъ драгіе сукна и бархаты, а лѣтомъ у нихъ много обрѣтается солнечнаго сіянія.» Заливъ полночнаго Океана къ Соловкамъ названъ: «Море Океанъ, Бѣлое, Соловецкое.» Тутъ помѣщенъ островъ, съ надписью: «Островъ Соловецкій, а на немъ монастырь.»

Обширное пространство, на востокъ до Китая, на югъ до Днѣпра, занято надписью:». Россія, царство Россійское, Московской державы, стоитъ на востоцѣ

и на сѣверъ, пространно и многолюдно; грады имѣетъ каменные и древянны; крещена отъ Великаго Князя Владиміра Кіевскаго, всея Россіи, въ лѣто 6496, отъ Р. Х. 988., и даже донынѣ благочестіе сіяетъ, по преданію Святыхъ Отецъ и седми Соборовъ и Апостоловъ, и церкви святыя, со всякимъ цѣніемъ, и благочинностію, и благодѣяніемъ украшены; *родима* хлѣбомъ, и скотомъ и рыбою.»

Чрезъ все пространство Россіи, отъ востока къ западу, протянуто теченіе водъ, съ разными излучинами: это *Волга*. На излучинахъ поставлены надписи: *озеро Ильмень, озеро Ладомское*; изъ сего послѣдняго показано теченіе Невы въ Балтійское море. По теченію Волги поставлены: Ярославль, Нижній Новгородъ, Василевъ, Козмодемьянскъ, Чебоксары, Свіяжскъ, Симбирскъ, Тетюшинъ, и въ устьѣ, на островѣ Каспійскаго моря, Астрахань. Влѣво отъ устья Волги показана рѣка (Яикъ, Уралъ), и островъ, съ надписью: *Яицкіе Казаки*. Къ названію Каспійскаго моря прибавлено: *или Хвалынское*; на срединѣ его поставленъ: *островъ Калавинской* (Кулалы?).—Москва изображена съ Иваномъ Великимъ и Спасскими воротами, отъ Волги до Днѣпра, съ надписью: *царствующій градъ Москва. Новгородъ великій* показанъ близъ Ильмени. Уголъ, образуемый Невой и Двиною, занятъ надписью: *Ливонія*, и изображеніемъ *Риги*. Заливы: Финскій и Рижскій названы: «рукавъ Балтійскій, рукавъ Рижскій,» а къ названію: «море Балтійское,» прибавлено: *древле Варяжское*. Днѣпръ показанъ широко текущимъ въ Черное

море, съ множествомъ острововъ. На южной сторонѣ изображенъ: *градъ новый Кіевъ, земляной валъ*, а за нимъ надпись, между Литвы, Польши и Сербіи: «Земля Волынія, бывали Князи, а нынѣ въ Россіи, пусто.» На востокъ отъ устья Днѣпра сказано: «Малая Россія, а въ ней городы Черкасскіе и Запорожскихъ Казаковъ, подъ владѣніемъ Великія Россіи.» Далѣе къ востоку показано теченіе Дона, изъ средины Россіи, въ Азовское море. Съ запада поставленъ *Черкасскій Казачій городокъ*, съ востока *Азовъ*, *стѣнъ* 5000 *верстъ* (не отнесена-ли сюда ошибкою надпись Днѣпра: *Бористенъ* 5000 *верстъ*?). На югъ отъ Яика, надпись: *Степные Нагаи*, а сѣверо-восточный берегъ Каспійскаго моря заняли двѣ надписи: «Земля кочевыя орды Калмыцкихъ Князей, переходитъ по степямъ, отъ мѣста на мѣсто, питаются скотомъ, хлѣба никакого не сѣютъ, скота имѣютъ у себя много,» и «Каракалпаки, кочуютъ въ горахъ» (изображены горы).—За тѣмъ къ сѣверу поставлены лѣса, а за ними, угломъ: «Страна Даурская, была за Китаемъ, а нынѣ въ Россіи.» Далѣе до Сѣвернаго Океана: «Страна великая Сибирь, было царство, а нынѣ за Россіею; родятся въ ней соболи, куницы, лисицы, бобры и бѣлки, и иныхъ звѣрей множество; страна студеная, лѣсу въ ней много.» — Противъ Сибири и Россіи, на Океанѣ, показаны два острова: «Новая Земля, въ Сибири, горы великія, ѣздятъ на собакахъ,» и «Новый островъ, нарицается Камчатка, нашли Сибирцы, съ людьми.»—Между землею темною, полунощью и Новою Землею, сказано: «Море, Окіанъ

Сибирскій, студеный: а лѣтомъ по немъ ходитъ лёдъ *икры»* (?). —

Въ Азіи, между Каспійскимъ и Чернымъ моремъ, и по восточному берегу Чернаго моря означены *Кизылбаши* (Персія), отдѣльно отъ Пирсидскаго царства, которое поставлено рядомъ съ Мидіею, Ѳарсисомъ (Киликіею), Вавилономъ и Сиріею. Въ углу между ними, къ Черному морю, означены: Великая Арменія, земля Грузинская и земля Миликійская (Имеретія, съ означеніемъ Шамахи, Дербента, Кубани, Адыхъ Нагаевъ, Кубанцовъ, и Горскихъ Черкесовъ (при нихъ надпись: «Имѣютъ надъ собою Князей большихъ, а покорны они Россійскому Государю).» На югѣ, къ Чермному морю, показана Палестина. Юго-восточные берега Азіи опредѣлены морями Чермнымъ, Мертвымъ и Индійскимъ. На Чермномъ морѣ означены слѣды перехода Израильтянъ (съ надписью: «Удари Моисей жезломъ крестообразно, трижды въ море, и струи до днесь бѣлыя);» по всему берегу между сими морями расположены: Аравія, гора Синай, Филистимія, или Меломитія (Халдея, Іеменъ?), Ѳарсія, земля Амазическая (Амазонская), Малая Индія. Другая Индія находится на сѣверо-востокъ отъ Вавилона. Къ Сибири отъ нея является Китай, надпись котораго переходитъ на большой островъ (на этомъ островѣ означено: «Царство Иконское, за Кизылбаши, людіе толсты, ноги коротки.» Что это: Японія, или Иконія? — Тутъ-же другая надпись: «Горы великія, стеклянныя; человѣковъ нѣсть жилища, ни проходу, но живутъ *Корваты*, и

зміи великіе и страшные; доходилъ Александръ Македонскій, изгналъ пять царей поганыхъ.» — На остаткѣ острова показано: «Земля Рахманская (Брамины, или Брахманы), а люди въ ней ходятъ нагіе, одѣваются листвіемъ садовымъ, и отъ тѣхъ деревъ овощіемъ питаются, а ризъ, ни скота, ни хлѣба не имѣютъ, ни градовъ, ни войны, а вѣруютъ на небо, къ Богу, а крещенія не имѣютъ.»

Замѣтимъ здѣсь, что *Рахманы* были у нашихъ предковъ такимъ же идеаломъ земнаго счастія, какимъ сдѣлалась для потомковъ ихъ Аркадія. Въ сказочномъ повѣствованіи объ Александрѣ Македонскомъ, которое вписано во многіе Русскіе Хронографы и Сборники, описаны подробно разговоры Александра съ *блаженными* Рахманами, приглашавшими его поучиться у нихъ мудрости и счастію.

Между Китаемъ и Кизылбашами видимъ *Хиву* и *градъ Бухарсъ*, «гдѣ много обрѣтается ризъ и бумаги хлопчатой.» Къ востоку отъ Индіи поставлена: «*Сихія великая* (Скиѳія?), земля пространна, зѣло многолюдна; питаются людіе овощіемъ всякимъ и звѣрьми; нравы имѣютъ разные, и облекаются всякими цвѣтными ризами.»

Восточный берегъ занятъ землями: *Арабскою* («Востокъ, Аравское Царство, Арабы черные, вѣра и нравы Египетскіе, вѣруютъ солнцу и огню, и звѣздамъ; идутъ отъ нихъ золотые (червонцы?) во многіе страны;

много въ ней пшена сарачинскаго и гвоздики»), *Малаційскою* («Востокъ, земля Малація, стоитъ подлѣ моря Океана, *на богатре* (?); въ сей землѣ много злата и каменія драгаго; покланяются идоламъ, а войны ни съ кѣмъ не имѣютъ; человѣцы страшливы зѣло вельми»), и наконецъ — *райскими рѣками*: «Есть мѣсто тутъ подъ Востокомъ, гдѣ исходятъ четыре рѣки райскія. Прежде того, отъ созданія міра, тѣ рѣки шли устьемъ изъ самаго Эдемскаго рая; глаголетъ въ міротворной книгѣ: кто сотворивъ четыре рѣки великія, напояти мя: первое, рѣку Геонъ, второе Феонъ, третіе Тигръ, четвертое Ефратъ? Но по рѣкамъ тѣмъ до Рая нынѣ идти невозможно.» Отъ Китая мѣсто рая загорожено «Горами каменными, до моря Индійскаго, 2000 верстъ пути, вельми трудно.» Отъ острова Рахмановъ отдѣляетъ его на морѣ *пучина пещаная*.

Вотъ надписи и описанія исчисленныхъ нами Азіятскихъ странъ:

«Земля Кизылбашская, а нынѣ стало царство Перское, нарицается Шахъ, потому что онъ обладалъ царствомъ Перскимъ и Вавилонскимъ, а нынѣ тѣ царства запустѣли. Вѣра у нихъ Махметова; много у нихъ шелку, бумаги, и часто біются съ Турками.»

«Земля Персидская, изначала было царство славное и богатое, и власть имѣло надъ вселенною; царствовали тамо Дарій царь и Александръ Македонскій.

Человецы на ратехъ легки, и тщательны на Звездочетство, а нынѣ за Персидсимъ Шахомъ.»

«Царство Мидское, было славно и многолюдно при царѣ Дарiи Перскомъ, и при Александрѣ Македонскомъ, а нынѣ за Кизылбаши.»

«Земля Ѳарсиская, изначала были въ ней цари благочестивые; въ немъ-же проповѣдалъ Пророкъ Исаiя Царю о градѣ и людей погибели; изобильна златомъ, а хлѣба мало.»

«Царство Вавилонское, изначала было царство славное, и людно и богато, а нынѣ пусто; живутъ въ немъ змiи.

«Страна Ассирiя Великая (Сирiя), было царство сильное, и воинскаго оружiя въ ней много: веси-же и грады благочестивые есть и отъ различныхъ ересей. Въ сей части стоитъ славный градъ Антiохiя, многолюденъ и украшенъ; живетъ въ немъ Патрiархъ; данiю за Турецкимъ Царемъ; благочестiе пустѣетъ отъ даней Турецкихъ; родима хлѣбомъ и виноградомъ.»

«Арменiя Великая, была благочестивая, а нынѣ вѣра разная ересь.»

«Царство Иверское, а нынѣ слыветъ земля Грузинская; вѣра въ ней благочестивая; Митрополиты и Епископы есть, но раззорена отъ Шаха и отъ Турковъ.»

«Земля Миликійская, Грузинская же слыветъ, и благочестивая.»

«Полдень, страна великая Палестина, въ ней и Святый градъ Іерусалимъ, Богомъ любимый, созда его Царь Мельхиседекъ, царствовали потомъ Царь Саулъ и Царь Давыдъ, а Соломонъ въ немъ созда Святая Святыхъ. Земля плодовита хлѣбомъ, и виноградомъ и скотомъ; человѣцы Жидове, злонравны, разсѣяны во всѣ страны, живутъ они разными языцы и разныя вѣры, подъ данію Турскою; но Патріархъ и монастыри честны и донынѣ во благочестіи.»

«Земля Аравія, а въ ней горы великія и пустыни непроходимыя; много монастырей, и въ нихъ иноковъ по 1000 обрѣтается; тамо и мощи Св. Екатерины, а питаются люди финиками и смоквы; ученія мудраго не имутъ, а данію за Турки.— «Гора Синайская во Аравіи: тутъ отъ Бога Мойсей законъ пріялъ, и видѣлъ неопалимую купину, и въ томъ мѣстѣ служатъ священницы въ церквѣ босыми ногами.»

«Полдень, земля Филистимія, Меломитія тоже, вѣры варварскія и нравы разные, подъ данію Турскою, и земля та *скотна* и *овощна*, и пространна, а стоитъ подлѣ моря Чермнаго и Мертваго.»

Полдень, земля Ефіопская, бывали Царіе благочестивые, по Давиду, глаголющу: Царіе Ѳарсійстіе; а

нынѣ въ нихъ варварскіе законы: служатъ солнцу и огню; богата златомъ; за Индійскимъ Царемъ.»

«Амазическое царство, дѣвичье, а совокупляются они съ Ефіопами съ году на годъ; мужескій полъ отдаютъ Ефіопамъ, въ ихъ землю, малый, а женскій полъ оставляютъ.»

«Царство Малая Индія, стоитъ подлѣ моря Восточнаго, владѣетъ островами многими, морскими, богата зѣло златомъ, подъ данію Царя Великія Индія; покланяются солнцу, и огню, и звѣздамъ.»

«Востокъ, царство Индійское, пространное и многолюдное, градовъ и селъ многочисленно, до моря Восточнаго. Вѣру людіе имѣютъ солнцу, и огню и звѣздамъ. Вѣра въ Индіи была благочестивая, немного времени, при Царѣ Авенирѣ и Іоасафѣ, Царевичѣ Индійскомъ, а нынѣ до конца заблудились. Богато златомъ, и жемчугомъ, каменіемъ драгоцѣннымъ и сладкимъ кореньемъ. Градъ у нихъ *Комбоя* на 5000 верстъ, каменный и крѣпокъ вельми» (здѣсь, кажется, рѣчь идетъ о *Камбалыкѣ*, т. е. *Пекинѣ*, и Китайской стѣнѣ).

«Царство Китайское, стоитъ на уголъ моря Окіана, пространно, и многолюдно и богато зѣло, торговать къ нимъ ѣздятъ на корабляхъ гости, по товары; вѣра обрѣтается въ людяхъ Татарская, а войны они ни съ кѣмъ не имѣютъ.»

По Океану, на краю міра, отъ Востока къ Полдню, начиная съ земли Рахмановъ, размѣщена Миѳологія Среднихъ временъ, на восьми островахъ.»

«Востокъ, островъ Макарійскій первый, подъ самымъ востокомъ солнца, близъ блаженнаго Рая, а потому его тако *близъ* нарицають, что залетаютъ въ сей островъ птицы райскія. Люди имѣютъ языкъ Греческій и Царя. До сего острова доходилъ Царь Александръ Македонскій, и возвратился, ибо далѣе вселенныя тамо нѣсть.»

«Островъ Макарійскій женъ и дѣтей, живутъ особно; родимъ всякимъ овощемъ и виноградомъ, и древеса обрѣтаются зелены всегда.

«Островъ на немъ живутъ люди, а главы у нихъ видомъ песьи, человѣцы велицы и страшливы зѣло. Много на семъ острову каменій драгоцѣнныхъ.»

«Островъ, на немъ живутъ люди, а главы имѣютъ видомъ львовы, велицы и страшны, зѣло во удивленіе.

«Островъ пустъ; живутъ на немъ змѣи; лицо дѣвичье, до пупа человѣкъ, а отъ пупа у нихъ хвостъ зміевъ, и крылаты, а зовомы василиски.»

«Островъ, и живутъ на немъ люди человѣкоядцы. Былъ въ немъ Св. Апостолъ Андрей Первозванный, и вѣра у нихъ кумирская.»

«Островъ богатый, Кумиринъ. При моръ обрътается жемчугъ большой, въ раковинахъ, и емлють его, а людей нѣтъ, пусть.

«Полдень, царство *Магданское*, и стоитъ едино на мѣстѣ полуденномъ. Въ немъ обрѣтаются люди купеческіе, а обычаи у нихъ Египетскіе, понеже они отъ рода Фараонскаго. Градовъ у себя не имѣютъ, а вѣруютъ солнцу и огню; войны ни съ кѣмъ нѣтъ.»

Въ дополненіе Азіи, отъ Палестины къ Черному морю показаны два длинные полуострова. На одномъ: «Земля Асійская и *Эльминская* (Эллинская) премудрая, грады, *Виппеладское* царство и Македонія, а нынѣ за Турки. Люди философы, учительны; родима вельми овощами и виноградомъ.» На другомъ: «Межъ Чернаго и Бѣлаго моря земля и грады Салтана Турецкаго, до города Царяградскаго.» Моря: Понтійское и Бѣлое (Эгейское), омываютъ оные. Мармарное море названо: «Гирло, ходъ до Царяграда.»

Едва не все Черное море занято Крымомъ, съ надписью: «*Арбать*, страна Корсунская, а нынѣ слыветъ Крымская, Татарскія вѣры; благочестіе въ Корсунѣ раззорили и градами обладали, а воюютъ коньми, навѣгомъ, луки имѣютъ и сабли.» Съ одной стороны Крыма поставлены: «*Перекопь* и *море Гнилое*, съ другой написано: «Море Черное обтекло кругомъ Крыма.»

По берегу Чернаго моря, къ Днѣпру, слѣдуютъ: Турція, Булгарія, Венгрія, Сербія. Къ западу Турцію

ограничиваетъ *Рукавъ или заливъ Венецiйскiй.* Отъ него къ Балтiйскому морю расположены: Италiя, Цесарiя, Бранденбургъ, Угрiя (Венгрiя) и Чехiя (Богемiя), Саксонiя, Пруссiя, Польша съ Литвою и Курляндiя. Подлѣ Пруссiи надпись: «Ходъ корабельный изъ Нѣмецкихъ земель въ Санктпетербургъ.» Западный берегъ Европы занятъ Португалiею, Испанiею, Францiею и Голландiею.

Вотъ описанiе всѣхъ сихъ земель и государствъ:

«Царьградъ, было царство благочестивое Греческое; обладали Турки и Царя Греческаго убили во вратѣхъ градскихъ, въ лѣто 1453, Мая въ 20 день. Царьградъ созданъ отъ Римскаго Царя Константина, во свое имя, и украсилъ онъ его церквами и палаты, и вся вельможи свои изъ Рима привезъ въ Царьградъ.»

«Царство Болгарское, вкупѣ и Казары; людей купеческихъ больше *войскихъ* имѣютъ и рѣку Дунай, а данiю за Турки.»

«Царство *Венгерское* (?), было прежде сего царство, а нынѣ вкупѣ съ Волошскою землею соединилось; родима всякимъ овощiемъ, а данiю за Турки.»

«Королевство Сербское, вкупѣ съ нимъ и Волошское государство; имѣетъ въ себѣ св. гору Аѳонскую, и монастыри; родима хлѣбомъ.»

«Италія Великая, въ ней грады велицы: Римъ и Флоренція, державы Римскія; въ первыхъ благочестіемъ озарены отъ Св. Апостолъ Петра и Павла, а отъ нихъ стали въ первыхъ Папы выше Патріарховъ.

«Царство Цесарское, и Германія нарицается; пространство имать на 1500 верстъ, и многолюдно и богато. Много въ ней рудъ златыхъ и серебряныхъ. Войну имѣютъ съ Турки. Оная земля во всѣхъ Нѣмцахъ почтена. Людіе крещены Апостоломъ Павломъ, а нынѣ заблудились, воспріяли вѣру Нѣмецкую. Человѣцы велии, но смирны. Много обрѣтается драгихъ питей и кореній пряныхъ.

«Земля Бранденбургская, Нѣмцы, богатые, за Цесаремъ.

«Земля Угорская и Чесская, были въ ней Короли; словетъ: *Златые отцы*; нынѣ обитаютъ отъ Турскаго и отъ Польскаго; вѣры разныя; родима хлѣбомъ.»

«Земля Саксонская, Нѣмцы, за Цесаремъ.»

«Земля Прусская, пространство не велико, но богато, Нѣмцы, купеческіе и воинскіе; родима хлѣбомъ и овощемъ.»

«Королевство Польское, пространно и многолюдно; были крещены и благочестіемъ сіяли, а нынѣ обрѣтается вѣра Папежская; родима хлѣбомъ и ско-

томъ, и овощемъ; люди величавы и обманчивы.» — Земля и городы Княжества Литовскаго, своими городами владѣютъ.»

«Земля Курландія, Нѣмцы, а нынѣ за Россіею.»

«Королевство Португальское, Нѣмцы воинскіе, богаты, злата и сребра много.»

«Королевство Шпанское, Нѣмцы воинскіе, храбрые и богатые. Зѣло часто біются они съ Французы и съ Турки, а съ Цесаремъ союзъ имѣютъ. Изобильно сахару, ягодъ винныхъ, елея, изюму. Широта сей земли на 600 верстъ; хлѣба много.

«Королевство Французское, прежде были крещены отъ Св. Апостолъ, нынѣ же заблудились. Люди воинскіе, храбры и богаты: много у нихъ питей драгихъ и краснаго ренскаго, церковнаго, идетъ во многія земли.»

«Земля Голландская, купечество богатое, ходятъ корабли во многія государства, съ товаромъ.»

Къ западу отъ Швеціи, на островѣ, находимъ:

«Королевство Датское, Нѣмцы, Римскихъ Цесарей роду; грады у нихъ каменные, и палаты по губамъ морскимъ; вѣра у нихъ Лютерская, Шведская.»

Противъ Голландіи три острова, съ общею надписью: «Островы *Китаіскія* (?), а нынѣ Королевство Шкоцков и Аглецков.» На большомъ островѣ двѣ надписи: «Королевство Шкоцков (Шотландія), Нѣмцы, купечскихъ людей мало, все воинскіе, за Агленскимъ Королемъ.» — «Королевство Агленское, Нѣмцы, купечскіе и богатые; ѣздятъ отъ нихъ корабли во многія земли; много обрѣтается олова.» На двухъ другихъ, небольшихъ островахъ: «Королевство Ирляндское (Ирландія), Нѣмцы, за Аглецкимъ Королемъ.» — «Земля *Граенская* (Гренландія?), владѣютъ Князи мнози, и вѣра въ нихъ Римская и Нѣмецкая; въ ней лежатъ въ монастырѣ мощи Св. Апостола Ѳомы.

Отъ Малой Азіи до Италіи протягивается цѣлый рядъ островов:

«Островъ Кипрсъ (Кипръ), въ немъ обрѣтается 40 градовъ; данію были за Цесаремъ и за Папою Римскимъ, а нынѣ за Турки.»

«Островъ Критскій (Критъ), въ немъ . . градовъ; вѣры въ немъ разныя, благочестіе, и прочая.»

«Островъ Сикимскій (Сицилія), многолюденъ и плодовитъ.»

«Островъ Малтискій (Мальта), въ немъ учители и философы живутъ; много на семъ острову овощія.»

«Островъ Минорка, живутъ философы.»

«Островъ Селевкія (?).

«Сардія (Сардинія).

«Минорка (Маіорка?)

И послѣ путешествій Лейона, Каллье, Клаппертона, Ландера, мы не смѣемъ еще назвать Африки извѣстною. Наши старики не были такъ разборчивы, и разчерчивали ее на 14 земель, подробно описывая нравы и обычаи каждой.

«Земля *Египетская*, было царство славное и гордое, иже Фараоны нарицалися; поработали имъ сынове Израилевы, но праведнымъ судомъ Божіимъ въ Чермномъ морѣ потопишася. Есть въ ней градъ великій Александрія; живутъ Патріархи, и иныхъ много людей; Египтяне же издавна къ мудрости обыкли.»

«Земля *Ливинская* (Ливія), пространна и родима хлѣбомъ и виноградомъ, что иныя такія родимыя нѣтъ во всемъ свѣтѣ. Въ оной землѣ множество монастырей, чернецовъ и скитовъ. Въ ней же много гадовъ и зміевъ ядовитыхъ.»

«Земля *Ефилипская* (?), живутъ самовластны, вѣры разныя; напредь сего были Цари, а нынѣ нѣтъ; хлѣба мало, а войны у нихъ нѣтъ, потому, что покланяются они Турской и многимъ прочимъ землямъ.»

«Земля *Варварія Татарская*, вѣра обрѣтается бусурманская; воюютъ они безпрестанно на морѣ, кораблями и каторги, разбиваютъ и въ полонъ продаютъ по землямъ, и тѣмъ себѣ промышляютъ корысть отъ имѣющіяся войны.»

«Земля *Ундалская* (Вандалы?), человѣцы самовластны: Царя надъ собою не имѣютъ, а нравы и обычаи имѣютъ Нѣмецкихъ людей, и покорны они Цесарю и Папѣ Римскому; вѣру имутъ Евангельскую, и Каѳолическую ересь; родима хлѣбомъ и всякимъ овощіемъ.»

«Полдень, земля *Виелида* (Ѳиваида?), было царство благочестивое, а нынѣ раззорено отъ тяжкихъ даней Турскаго и Ефіопскаго Царей. Много во оной земли монастырей и пустынь, и скитовъ и чернцовъ, а больше бѣльцовъ. Земля плодовита хлѣбомъ и овощіемъ, а монастыри Турскому и Ефіопскому, на двое положенную, большую, тяжкую дань платятъ.»

«Земля *Ѳиникеская* (Карѳагенъ?), пространна и изобильна звѣрями и рыбою. Оная земля обрѣтается близъ моря и рѣкъ; вѣры разныя; владѣютъ ими Варвары и Ефіопы; идетъ отъ нихъ корица, гвоздика, инбирь, мушкатъ, кардамонъ, сахаръ.

«Царство *Ефіопское*, вторая Ефіопія, полуденная, пространна и многолюдна. Людіе въ ней вѣру имѣютъ благочестивую, и ветхаго закона обрѣтаются Патріархъ

и Епископы. Множество монастырей въ ней и монаховъ; людіе въ ней велiи, черны отъ солнечнаго жара; хлѣба у нихъ мало; питаются всякими овощьми; богаты зѣло златомъ и каменіемъ драгимъ; біются со многими обрѣтающимися окрестъ землями и съ Турки.»

«Земля *Тургинская*, изначала называется *Южская*, даже до Соломона Царя, внегда пріиде къ нему во Іерусалимъ Царица Савская, Южская, искусити его, и Святая Святыхъ узрѣти, и пророчествовати о распятіи Христовѣ и древахъ крестныхъ. Оная Тургинія данію за Ефіопіею.»

«Земля *Муринія* (Нигриція?), сирѣчь черная; много въ ней обрѣтается гвоздики и корицы. Данію за Ефіопіею.»

«Земля *вторая Арабія*, пространна и людна, стоитъ подлѣ моря Окіана; обрѣтаются люди, питаются всякимъ скотомъ и рыбою, а хлѣба у нихъ никакого нѣтъ. Людіе вельми черны, понеже имѣются жары великіе отъ солнца.»

«Королевство *Понояпское* (Японское?), стоитъ подлѣ моря Окіана, пространно и многолюдно, богато. Людіе вельми гордые; вѣру имутъ *Еванвелицкую* и *Кальфинскую* ересь. Когда люди пріѣзжаютъ къ нимъ изъ другихъ земель торговать, то принуждаютъ ихъ въ свою вѣру, и торговать тѣмъ даютъ, а которые не пріимутъ, и они на главы ихъ накладываютъ шлыки бумажные, и зажигаютъ и отъ того сгараютъ.»

«Земля *Гермонская*, родима овощемъ и скотомъ.»

«Земля *Галлия* (Galla, Shangalla?), стоитъ подлѣ моря Окіана, родима всякими кореньями пряными; вѣра разная.»

Четырьмя большими островами, на юго-западной сторонѣ міра, представлена вся Америка.

Надпись перваго острова: «Западъ, земля новая, Америка, островъ на морѣ, зѣло великъ, что такова острова другаго на морѣ не обрѣтается; человѣцы же вѣры, ни грамоты ни которыя не разумѣютъ; живутъ долго, лѣтъ по сту и больше; ѣдятъ часто рыбу печеную; много орѣховъ мушкатныхъ; данію за Шпанскимъ Королемъ.»

Втораго острова, на одной половинѣ: «Островъ *Ормазинскій*, человѣцы смирны, безграмотны; данію за Шпанскимъ Королемъ.»— На другой: «Новая Франкія и Новая Шпанія, дѣлаютъ злато и сребро; человѣцы безграмотны, за Шпанскимъ Королемъ.»

Третій островъ опять дѣлится на двѣ части: «Земля *Пербуланская* (Перуанская?), неисчерпаемое богатство, и злата и сребра множество; человѣцы вѣры и грамоты не имѣютъ, а данію за Португальскимъ Королемъ,» и «земля Флоридская (Флорида), пространна и многолюдна. Людіе грубы, ходятъ наги, безграмот-

ны, сребра и злата много; человецы сіи біются луки, и паки за Шпанскимъ Королимъ.»

«Четвертаго острова два надписи: «Страна *Европинская*; а житіе ихъ невѣдомо: никого въ свою землю не пущаютъ торговать, имѣютъ товары на пристанищѣ моря.» — «Конецъ Америки, и здѣсь человѣцы житіе имѣютъ, и Князи надъ собою, а питаются звѣрьми и рыбою сухою; ѣздятъ къ нимъ торговать изъ многихъ земель. Масла деревяннаго и гвоздики довольно.

На западномъ берегу Африки показана *Большая Ефіопская пучина морская*. Названіе *моря Понтійскаго* поставлено два раза, близъ Малой Азіи и близъ Португаліи.

«Таковъ былъ *міръ, по мнѣнію нашихъ предковъ*. Мы сказали, что разсмотрѣніе карты, подробно нами описанной, доказываетъ, что она *не въ XVIII-мъ вѣкѣ*, но гораздо древнѣе составлена, и, можетъ быть, на эту карту смотря, говорилъ *въ XVI-мъ столѣтіи* престарѣлый отецъ сыну:

Какъ хорошо! Вотъ сладкій плодъ ученья:
Какъ съ облаковъ, ты можешь обозрѣть
Всѣ царства вкругъ, границы, грады, рѣки.
Учись, мой сынъ; наука сокращаетъ
Намъ опыты быстротекущей жизни.

Уже и по тому одному, для поэта, романиста, философа, историка, важно изученіе подобныхъ пред-

метовъ Русской старины: здѣсь краски для Поэзіи, здѣсь предметы размышленій для Философіи. Впрочемъ, не должно думать, чтобы все любопытнѣйшее и замѣчательнѣйшее изъ Русскихъ Космографій было помѣщено на изъясненной нами картѣ. Напротивъ: тутъ выборъ предметовъ весьма поверхностный и не полный, а потому желательно, чтобы кто нибудь обратилъ ученое вниманіе на Космографіи старинныя во всей ихъ подробности, и также сообразилъ бы и все отдѣльныя географическія замѣтки и свѣдѣнія нашихъ предковъ . . .

ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

И мои безделки. *Съ эпиграфомъ:* C'est la tout mon talent, je ne sais s'il suffit. Lafontaine. *Москва, въ Унив. тип.* 1795 *г. въ* 16, *IV и* 259 *стр.*

Сочиненія И. И. Дмитріева. *Съ эпиграфомъ:* Il veut le souvenir de ceux qu'il a chéris. *Три части. Изданіе пятое. М. въ тип. Селив.*, 1818 *г. въ* 8, 120, 143, 126 *стр.*

Стихотворенія И. И. Дмитріева. *Изданіе шестое, исправленное и уменьшенное. Две части. СПб. въ тип. Н. Грега,* 1823 *г. въ* 8, LII, 155 *и* 151 *стр.*

Басни и апологи *И. И. Дмитріева. СПб. въ Военн. тип.*, 1838 *г. въ* 32, *VI и* 178 *стр.*

Прошедшій годъ былъ для Русской литтературы годомъ потерь. Начало его ознаменовалось смертію *перваго* изъ современныхъ нашихъ поэтовъ, если не *единственнаго*, въ истинномъ смыслѣ слова *поэтъ*. Вскорѣ палъ на Кавказѣ отъ пули горца Марлинскій, а осенью въ Москвѣ скончался маститый старецъ нашъ, *Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ*, другъ Карамзина и одинъ изъ немногихъ остающихся среди насъ памятниковъ вѣка Екатерины, нѣкогда стоявшій въ ряду первыхъ литтераторовъ нашихъ, считавшійся тѣмъ-же въ нашемъ стихотворствѣ, чѣмъ считался Карамзинъ въ прозѣ. Зрѣлище умилительное — старца, почтеннаго, уваженнаго нѣсколькими поколѣніями, и тихо заснувшаго среди общаго сознанія нашего въ заслугахъ

его, почти на *восьмидесятомъ* году. Немногимъ даетъ судьба такую завидную участь, какую дала она Дмитріеву: незначительный дворянинъ, онъ достигъ высшихъ степеней государственныхъ; мирно, спокойно провелъ онъ всю жизнь свою; умѣлъ помирить свои занятія, какъ гражданинъ и членъ общества, съ наслажденіями изящныхъ искуствъ, умѣлъ не *пережить* своей славы, такъ, какъ прежде немногими трудами, едва не мимоходомъ, *заслужилъ* онъ славу поэта и литтератора — это великое умѣнье, такъ же, какъ безспорное счастье *родиться кстати* и быть *подъ пару* своему вѣку.

Мы со всѣмъ не думаемъ словами нашими предварительно обозначать наше мнѣніе о Дмитріевѣ, какъ литтераторѣ; еще менѣе хотимъ мы выражать имъ мнѣніе всѣхъ, или *общее*. За послѣднее мы рѣшительно не смѣемъ взяться. Какъ узнать общее мнѣніе въ потокѣ современности, когда сей потокъ кипитъ еще около могилы Дмитріева разнообразіемъ, противорѣчіями, смѣшеніемъ личныхъ отношеній съ сужденіями объ немъ, какъ о поэтѣ и литтераторѣ? Только въ отдаленіи отъ Москвы гулъ нѣсколькихъ сотъ колоколовъ древней столицы сливается въ стройный звукъ. Только въ отдаленіи потомства узнается единство въ разнообразіи мнѣній о томъ или другомъ человѣкѣ и литтераторѣ. Мы хотимъ сказать только наше собственное мнѣніе, и скажемъ его чистосердечно и искренно, съ опасеніемъ, можетъ быть, даже не угодить инымъ, можетъ быть многимъ. Что дѣлать! Наше мнѣніе, мнѣ-

ніе частное, не будетъ и не можетъ быть окончательнымъ. Рѣшатъ послѣ насъ: кто былъ правѣе, кто былъ рѣшительно правъ. Но и теперь должно сказывать свое мнѣніе каждому — только говорите его искренно, а должно сказывать его потому, что этимъ только можно отыскивать какую нибудь мысль въ безмѣрной разноголосицѣ современнаго лепета. Возьмите для примѣра Озерова и Дмитріева. Бѣдный творецъ *Эдипа* и *Фингала!* Еще 25 лѣтъ не прошло со времени твоей кончины, съ того времени, какъ сцена театра оглашалась восторгами при твоемъ имени, а твое дѣло уже рѣшено, и объ немъ не говорятъ болѣе! Но болѣе 25-ти лѣтъ прошло, какъ Дмитріевъ почти перестапъ писать — говоря собственно, кончилъ свое литтературное поприще, и не только кончилось его поприще, но перешла даже и его эпоха литтературы, а между тѣмъ, никто еще не сказалъ окончательнаго своего мнѣнія о Дмитріевѣ; для него донынѣ продолжалось и продолжается время какихъ-то безотчетныхъ хваленій. И даже въ прошломъ году, въ двухъ противоположныхъ одна другой газетахъ, мы видѣли похвальные гимны памяти Дмитріева, провозглашенные двумя извѣстными нашими литтераторами, а сужденій не видали и не видимъ....

Можетъ быть, мы объяснимъ далѣе причину такой странности, какъ равно причину и того, почему Дмитріеву было вообще во всю жизнь счастье на критику. Да, онъ былъ на нее удивительно *счастливъ*, какъ и на все другое въ литтературѣ. Никогда Державинъ не

получалъ отъ Русской Критики такихъ хваленій, какія получалъ Дмитріевъ. Пушкину лавры перепутывались съ терніемъ, не только критики, но болѣе нежели критики. Дмитріева почти всегда только *хвалили*. Изъ похвалъ ему можно составить порядочную книжку. Острякъ Макаровъ, любезный поэтъ Князь П. И. Шаликовъ, А. Е. Измайловъ, съ его неопрятнымъ критицизмомъ, Ѳ. Б. Булгаринъ, съ его рѣшающимъ безъ дальнихъ справокъ приговоромъ, С. П. Шевыревъ, Лагарпъ нашего времени, какъ будто старались перещеголять другъ друга великолѣпіемъ фразъ, говоря о Дмитріевѣ, хотя ихъ критики раздѣлены были протяженіемъ 35-ти лѣтъ (Макаровъ писалъ въ 1803-мъ, Гг. Булгаринъ и Шевыревъ въ 1837 году). — Справедливо ли это? Такъ ли должно быть? Справедливо ли — Богъ вѣсть, а что быть тому видно должно было такъ, потому что такъ было.— Почему же столь горькое безмолвіе и осужденіе, хоть бы, напримѣръ, Озерову, о которомъ упомянули мы выше? Почему не опредѣлить его исторической степени и важности заслугъ его въ нашей литтературѣ? Эдипа не играютъ болѣе; Димитрія уже не видимъ на сценѣ. Такъ, но кто же поетъ теперь: *Всѣхъ цвѣточковъ болѣ, розу я любилъ*? — а намъ говорятъ, что *и теперь нѣтъ лучшихъ пѣсенъ Русскихъ для образованнаго сословія*; и послѣ эпиграммъ Пушкина насъ увѣряютъ, что *въ эпиграммахъ у насъ великъ только И. И. Дмитріевъ*. Увѣряютъ насъ даже, что Дмитріевъ «проложилъ путь Крылову въ Баснѣ.» Нельзя не подивиться! Однакожь, чему же дивятся въ нашъ вѣкъ? Развѣ тому, что надобно чему

нибудь дивиться? С. Н. Глинка давно, и очень вѣрно, сказалъ: *Мы nережили удивленіе*.

Извините маленькое предисловіе, и согласитесь, что оно нѣсколько необходимо, какъ адресъ на письмѣ.— Желая составить себѣ, по возможности, полное понятіе о Дмитріевѣ, взглянемъ сперва на его жизнь, и опредѣлимъ его, какъ дѣятеля общественной жизни.

Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ, сынъ Сызранскаго помѣщика, родился въ деревнѣ отца своего, въ 1760 году (10-го Сентября). Отецъ его принадлежалъ къ числу достаточныхъ, образованныхъ людей своего вѣка. Готовя дѣтей, нашего поэта и старшаго брата его, въ военную службу, записалъ онъ ихъ по тогдашнему обыкновенію въ гвардію, оставя учиться дома, и въ Казани и Симбирскѣ. Ученье было недальное — Русская грамота, немного по Французски, въ пансіонахъ, содержимыхъ Французами и Нѣмцами по городамъ, немного математики, и едва ли что нибудь еще. *Пугачевщина* заставила родителей Дмитріева бѣжать и спасаться въ Москву. Вскорѣ туда привезли дерзкаго бунтовщика, и казнь Пугачева, которой любопытнымъ зрителемъ былъ 14-ти лѣтній Дмитріевъ, произвела столь сильное впечатлѣніе на юное воображеніе его, что даже въ глубокой старости, онъ разсказывалъ объ ней со всѣми подробностями. Пушкину передалъ онъ свой разсказъ письменно, и мы читали его въ *Исторіи Пугачевскаго бунта*, изданной Пушкинымъ. Изъ Москвы отправили Дмитріева въ Петербургъ на служ-

ѣу. Съ полгода пробылъ онъ въ полковой школѣ Семеновскаго полка, гдѣ предварительно обучали недорослей (какъ называли тогда молодыхъ дворянъ, записанныхъ въ гвардейцы) исторіи, географіи, математикѣ, рисованью. Потомъ началъ нашъ поэтъ строевую службу въ Семеновскомъ полку, и продолжалъ ее лѣтъ двадцать, постоянно проживая въ Петербургѣ, иногда бывая только въ отпускахъ, и при началѣ царствованія Императора Павла, бывши уже капитаномъ, вышелъ онъ въ отставку съ чиномъ полковника. Военная служба не была назначеніемъ Дмитріева. Потому, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ отставки своей, сдѣлавшись извѣстнымъ Государю, онъ съ выгодою перешелъ въ гражданскую службу и быстро пошелъ по ней. Опредѣленный въ Сенатъ за оберъ-прокурорскій столъ, при учрежденіи Министерствъ получилъ онъ мѣсто Товарища Министра Удѣловъ; потомъ недолго былъ оберъ-прокуроромъ въ Сенатѣ и вышелъ опять въ отставку, уже съ чиномъ тайнаго совѣтника. Онъ поселялся послѣ того въ Москвѣ, гдѣ въ 1806 году назначенъ былъ сенаторомъ. Въ 1810 году, по волѣ Императора Александра, Дмитріевъ получилъ званіе Министра Юстиціи, но занималъ его немного времени. Въ 1813 году, находимъ его опять въ отставкѣ и въ Москвѣ. Довѣренность и благоволеніе Монаршія къ Дмитріеву оказались въ важномъ препорученіи, по занятіямъ во временной Коммиссіи, учрежденной для пособія раззоренным отъ непріятеля въ Москвѣ. Труды его удостоены были наградою чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и орденомъ Св. Владиміра 1-й степени.

Прежде того Дмитріевъ имѣлъ уже ордена Св. Анны 1-го класса и Св. Александра Невскаго. Съ тѣхъ поръ, въ теченіе 25-лѣтъ постоянно жилъ онъ въ Москвѣ, иногда только бывая на родинѣ своей, иногда въ Петербургѣ. Кажется, за годъ до кончины совершилъ онъ послѣднее путешествіе въ Ригу и Петербургъ, какъ будто прощаясь съ мѣстами, гдѣ протекла его молодость. Не смотря на преклонныя лѣта свои, почтенный старецъ былъ еще свѣжъ и бодръ; каждый день много хаживалъ пѣшкомъ; по прежнему, какъ всегда, являлся въ обществахъ, и только дня за четыре до кончины своей почувствовалъ онъ себя нездоровымъ. Предвидя смерть, онъ встрѣтилъ ее равнодушно, и тихо скончался 3-го Октября 1837 года, на 78 году своей жизни. Бренные останки его покоятся въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ.

Вотъ почти все, что знаемъ мы, и что можно сказать о Дмитріевѣ, какъ государственномъ человѣкѣ и чиновникѣ. Умъ болѣе осторожный, нежели обширный, болѣе соображающій и ловкій, нежели дѣятельный, составлялъ, кажется, основаніе характера Дмитріева. Умѣя удерживать честолюбіе, онъ дорожилъ спокойствіемъ, болѣе нежели стараніемъ отличаться какими либо блестящими подвигами. Онъ *умѣлъ жить* — можемъ сказать объ немъ, такъ жить, чтобы доказавъ возможность требованій на большее, довольствоваться немногимъ и желать добра всѣмъ. Такой очеркъ характера Дмитріева важенъ для насъ потому особенно, что онъ поясняетъ намъ и литтературное его поприще. Этотъ

характеръ выражалъ онъ видомъ своимъ и обхожденіемъ. Высокій ростомъ, худощавый, нѣсколько косой, въ небольшомъ парикѣ, онъ ходилъ тихо, говорилъ медленно, протяжно, умѣлъ говорить по своему умно, остро, но не краснорѣчиво, любилъ разсказывать, но не умѣлъ поддерживать разговора въ обществѣ. Всегда хладнокровный, всегда на сторожѣ за своимъ умомъ, онъ являлся ласковымъ и снисходительнымъ по тонкому разсчету, когда видѣлъ, что уступкою больше выиграетъ. До самой кончины любилъ онъ общество и являлся вездѣ. Англійскій Клубъ въ Москвѣ былъ постояннымъ мѣстомъ его вседневныхъ посѣщеній. Къ нему, въ уединенный домъ его, гдѣ жилъ онъ одинокимъ, никогда не бывши женатъ, часто собирались литтераторы, люди его уважавшіе, наиболѣе по вечерамъ, и Дмитріевъ любилъ ихъ вечернія, уединенныя бесѣды, гдѣ главную роль играли его разсказы. Онъ никогда не спорилъ, и иногда, видя несогласіе бесѣдующихъ, умѣлъ мирить ихъ мнѣнія, или предупреждая ихъ, или оставляя безъ противорѣчія. Не получивъ, какъ мы выше видѣли, дальнаго образованія въ юности, Дмитріевъ умѣлъ дополнить сей недостатокъ опытностью, наблюденіемъ и обширнымъ чтеніемъ, на Русскомъ и Французскомъ языкахъ (другихъ языковъ онъ не зналъ). Послѣ него осталась огромная библіотека, на которую не щадилъ онъ издержекъ. При обширной памяти, онъ былъ живою лѣтописью Русской литтературы, почти съ половины прошедшаго столѣтія. Впрочемъ, *классикъ* по своему литтературному образованію, *пуристъ* по своимъ мнѣніямъ объ языкѣ, онъ всегда

припоминалъ только подробности, анекдоты, но не могъ изобразить намъ исторіи Русской литтературы. Сколько удалось намъ слышать его *записки*, которыми занимался онъ постоянно много лѣтъ, всѣ замѣчанія его въ его запискахъ состоятъ также изъ любопытныхъ только подробностей. Мимо Дмитріева летѣли великія событія его вѣка, но онъ не замѣчалъ рѣзкаго переворота въ литтературномъ образованіи новыхъ поколѣній. Каждое литтературное *нововведеніе* казалось ему принадлежностью языка, иное несовмѣстнымъ, другое хорошимъ. Дѣло шло объ идеяхъ, но для него облекались онѣ въ слова. Онъ готовъ былъ прощать иное за силу дарованія.

Таковъ былъ Дмитріевъ по своему характеру и образованію. Дополнимъ нравственное изображеніе его тѣмъ, что жизнь его ознаменовалась прекрасными чертами на поприщѣ служенія государственнаго и въ общественныхъ отношеніяхъ. Постоянная дружба соединяла его съ юныхъ лѣтъ съ Карамзинымъ, и такая дружба показывала прекрасную сторону его сердца.

Но все сказанное нами о Дмитріевѣ, его жизнь, его образованіе приводятъ насъ къ вопросу: *поэтъ ли онъ былъ?* — Если поэзія есть непобѣдимое внутреннее чувство высказывать данныя намъ Богомъ тайны сердца, если она проявляется высокими, прекрасными, самобытными созданіями, если она рѣзко отзывается на современности, если она переплетается притомъ съ жизнью нашею, такъ, что земной умъ человѣка замѣ-

няется иногда высокимъ безуміемъ поэта — Дмитріевъ не былъ поэтомъ. — Есть еще поэзія — это какое-то частное, превозмогающее всѣ наши другія отношенія чувство — минуты забвенія среди оглушающаго шума жизни. Къ симъ двумъ категоріямъ поэтовъ принадлежали у насъ Державинъ, Пушкинъ и Жуковскій. Но и здѣсь не находимъ мы Дмитріева — и такимъ поэтомъ онъ не былъ.

Есть еще на землѣ отдѣленіе поэтовъ и — самое многочисленное. Ихъ поэзію можно назвать отрицательнымъ поэтическимъ состояніемъ. Въ душѣ человѣка, принадлежащаго къ сей категоріи, есть *что-то* показывающее потребность *чего-то* высшаго, кромѣ обыкновенныхъ потребностей человѣческихъ и общественныхъ. Въ душѣ каждаго изъ насъ есть такая потребность, но у большей части насъ она глохнетъ въ отношеніяхъ, въ заботахъ, въ занятіяхъ, въ забавахъ, въ дѣлѣ жизни. Она остается у ученаго, у художника, у чиновника, устремленною на извѣстный предметъ дѣятельности. Тѣ, которыхъ она собственно пересиливаетъ, принимаются за поэзію, безотчетно, не глубоко, самодовольственно. Отъ чего видимъ такое множество пишущихъ, и тѣмъ болѣе видимъ ихъ, чѣмъ болѣе становится общее образованіе какого нибудь общества? Отъ потребности поэзіи, не переходящей въ истинное чувство поэзіи, еще менѣе въ восторгъ, забвеніе поэтическое. Отъ чего иные начинаютъ и такъ легко бросаютъ потомъ поэзію, находя удовлетвореніе въ чемъ нибудь другомъ? Отъ того, что чувство поэзіи въ нихъ

было славо, похоже на инстинктъ, не увлекало ихъ бытія, не сжигало ихъ души. Но если такой человѣкъ и останется поэтомъ, онъ не будетъ поэтомъ великимъ, рѣдко бываетъ онъ даже поэтомъ идей, большею частію довольствуясь внечатлѣніями внѣшними, легкими, только уравнивая ихъ въ гармоническій ладъ въ душѣ своей; онъ будетъ поэтомъ словъ, выраженій слова. Развѣ судьбѣ угодно будетъ бросить его въ пылъ страстей, въ пытку обстоятельствъ—тогда могутъ явиться новыя отношенія, могутъ слова замѣниться идеями....

Сюда, къ такому многочисленному отдѣленію поэтовъ принадлежалъ Дмитріевъ. Разсмотрите обстоятельства его жизни, его характеръ, его мѣсто въ свѣтѣ, и вы согласитесь съ нами. Тоже подтвердитъ намъ его литтературное образованіе и взглядъ на литтературное поприще Дмитріева.

Мы сказали, что родители Дмитріева принадлежали къ образованнымъ—грамотнымъ, вѣрнѣе сказать, людямъ своего времени. Онъ самъ сказывалъ, что мать читала съ нимъ оды Сумарокова. Въ Петербургѣ онъ очутился въ такомъ мірѣ, который любилъ чтеніе, любилъ образованіе. Намъ неоднократно прежде приходилось изображать тогдашнее время и блестящее царствованіе Екатерины, говоря о Державинѣ, и другихъ дѣятелямъ нашего просвѣщенія и образованности. Скажемъ здѣсь немногими словами, что Екатерина, любя славу, видѣла необходимость роскоши просвѣще-

нія, и включила литтературу Русскую въ число потребностей образованнаго общества. Право на появленіе въ лучшемъ обществѣ составило упражненіе въ литтературѣ, когда Екатерина сама писала Русскія комедіи и пословицы, участвовала въ *Собесѣдникѣ*, сочинила Словари и наказывала стихами изъ Телемахиды тѣхъ, кто въ обществѣ Эрмитажномъ говаривалъ не по Русски. И вотъ послѣ сего Петровъ долженъ былъ ѣздить въ обозъ Потемкина, Херасковъ писать поэмы, Княжнинъ трагедіи, Богдановичъ легкую поэму, Нелединскій пѣсни, Капнистъ сатиры, и всѣ сочинять оды. За образцами, за восторгомъ ходить было недалеко — надобно было только читать Французовъ, вѣрить Буало, кланяться Расину, видѣть въ Вольтерѣ образецъ генія, въ Энциклопедіи магазинъ всѣхъ возможныхъ познаній. Все это составляло общность образованія, до котораго старались достигнуть молодые люди, желая быть допущенными къ Меценатамъ, что было и выгодно и пріятно, давало ходъ и занимало умъ. Въ числѣ сверстниковъ Дмитріева былъ братъ его, писавшій *стихи* и «воспѣвавшій Темиру,» по словамъ Карамзина, «*въ походѣ подъ Шведскими ядрами*—«въ самомъ жару сраженій онъ думалъ о своей Темирѣ, но сія Темира не знала цѣны его.» — См. *Московскій Журналъ*, 1792 г. Декабрь; былъ нѣкто Козлятевъ, любезный молодой человѣкъ и стихотворецъ; былъ и еще юноша, землякъ Дмитріева, моложе его пятью годами, пылкій, страстный — *Карамзинъ*; былъ М. Н. Муравьевъ, были многіе. Однихъ увлекла потомъ жизнь, другихъ служба. Только одинъ Карамзинъ отказался отъ всего, чув-

ствуя непреоборимое призваніе къ литтературѣ. Дмитріевъ, ничѣмъ не увлекаясь, умѣлъ поладить съ службою и литтературою, взаимно помогая однимъ другому, и при умѣ осторожномъ, вкусѣ разборчивомъ, безстрастіи систематическомъ, сдѣлался другомъ и совѣтникомъ всѣхъ, геніяльнаго Державина, остроумнаго Львова, многопишущаго Хераскова. Съ удивительнымъ искуствомъ умѣлъ онъ отдѣлять все странное и смѣшное отъ литтературныхъ занятій, былъ дѣловымъ съ дѣловыми, поэтомъ съ поэтами; силачивая кстати, умѣлъ дать высокое понятіе о своемъ образованіи; бесѣдуя съ стариками на ихъ вкусъ, не отсталъ и отъ молодыхъ, начинавшихъ понимать необходимость и усовершенствованія языка и чего-то выше тогдашнихъ литтературныхъ занятій. Такъ сохранилъ онъ литтературное сродство съ Карамзинымъ и сдѣлался ревностнымъ участникомъ его занятій, когда, по возвращеніи изъ путешествія по Европѣ, Карамзинъ, въ 1791 году, началъ издавать *Московскій Журналъ*. Дмитріевъ превосходно понялъ литтературную реформу, которую предпринялъ другъ его. Въ теченіе двухъ лѣтъ, онъ постоянно участвовалъ въ журналѣ Карамзина, печаталъ въ немъ стихи свои, которые были у него заготовлены, но которыхъ почти никто не зналъ, и не предаваясь вполнѣ литтературѣ, какъ Карамзинъ, онъ составилъ себѣ почетное имя литтературное на ряду съ нимъ, былъ потомъ участникомъ его *Аглаи*, *Аонидъ*, и когда Карамзинъ собралъ мѣлкія пьесы свои въ книжечку, подъ названіемъ: *Мои бездѣлки*, Дмитріевъ собралъ свои стихотворенія, подъ названіемъ: *И мои бездѣлки*. Такъ

самое названіе заставляло считать обѣ книжечки чѣмъ-то однимъ, и имя Дмитріева навсегда пошло въ ряду съ именемъ Карамзина. Говорили: *Карамзинъ и Дмитріевъ*, какъ прежде по привычкѣ говорили и писали: *Ломоносовъ и Сумароковъ*. Но такъ же несправедливо было бы ставить на одну степень Дмитріева и Карамзина, какъ и Сумарокова съ Ломоносовымъ.

Карамзинъ, въ юности другъ Ленца и обожатель Шекспира, былъ рожденъ съ нѣжною, пылкою, истинно поэтическою душею, отказался отъ свѣта и обольщеній его, жаждалъ просвѣщенія, отдалъ всего себя литтературѣ, жилъ поэтомъ, показалъ собою первый въ Россіи примѣръ человѣка, который литтературу дѣлаетъ цѣлью своей жизни. И если потомъ Карамзинъ и увлекся современнымъ образованіемъ, увлекся свѣтомъ, то великій трудъ, занятіе отечественною исторіею ознаменовало однакожь послѣдніе 20 лѣтъ его жизни, до конца посвященной труду, ученію и литтературѣ.

Не таковъ былъ Дмитріевъ. Литтература была у него занятіе между прочимъ, при службѣ, при свѣтской жизни, которымъ опять таки не давалъ онъ совершенно обольщать себя. Составивъ себѣ литтературное имя небольшимъ собраніемъ стихотвореній, онъ только поддерживалъ его потомъ тщательно обработанными небольшими стихотвореніями, которыя отъ времени до времени являлись въ свѣтъ, и вскорѣ, въ самыхъ зрѣлыхъ лѣтахъ, онъ пересталъ писать, когда надобно было только что приступать къ созданію чего нибудь болѣе важнаго....

Въ *И моихъ бездѣлкахъ* помѣщено было *шестдесятъ* пьесъ. Разнообразіе ихъ показываетъ, что Дмитріевъ испытывалъ себя во всѣхъ почти лирическихъ родахъ—одѣ, какъ дани прежнему времени, гимнахъ, пѣснѣ; тутъ же его сатирическія стихотворенія, его сказки, его небольшія лирическія поэмы, начало стихотвореній того рода, который избралъ онъ потомъ преимущественно—басни; наконецъ его мѣлкія стихотворенія.

И мои бездѣлки изданы были въ 1795 году, когда Дмитріеву было 35 лѣтъ. Въ 1803 году, Дмитріевъ издалъ въ первый разъ полное собраніе своихъ сочиненій, въ двухъ частяхъ, къ которымъ въ 1805 году выдана третья часть. Въ 1810 вышло новое изданіе, не знаемъ почему названное уже *третьимъ*; въ 1814 году издано *четвертое*, въ 1818 году *пятое*. *Шестое*, т. е. по надлежащему *пятое*, напечатано было въ Петербургѣ въ пользу бѣдныхъ, отъ Общества любителей Россійской Словесности, въ 1832 году. Съ тѣхъ поръ перестали печатать Дмитріева. Но собственно литтературное поприще его кончилось съ 1805 годомъ, или первымъ изданіемъ его сочиненій. Въ послѣдовавшихъ потомъ изданіяхъ прибавлялось къ прежнему весьма немногое. Не говоримъ объ *апологахъ въ четверостишіяхъ*, большею частью переведенныхъ изъ Мольво (Mollevaut) и изданныхъ въ 1825 году. Такимъ образомъ видимъ, что почти въ *сорокъ лѣтъ* Дмитріевъ оставилъ литтературу. Но какъ же разгадать такое слишкомъ *тридцати лѣтнее* молчаніе, какъ согласить его

съ душею поэтическою? Увы! Державинъ писалъ до конца жизни....

Разгадку и соглашеніе найдете, разсматривая сочиненія Дмитріева.

Прежде всего должно отличить однакожь главное: большую часть изданнаго Дмитріевымъ составляютъ переводы и подражанія иностранному. Въ старое блаженное время не дѣлали у насъ различенія между сочиненіемъ и переводомъ. Нимало не оспориваемъ заслуги хорошаго переводчика, но думаемъ, что между творенiемъ самобытнымъ и переводомъ есть разница. Переводчикомъ можетъ быть умный литтераторъ — для творенія самобытнаго этого мало, если не ошибаемся.

Въ собственныхъ сочиненіяхъ Дмитріева первое отдѣленіе стихотвореній занимаютъ *лирическія* пьесы. Не говоримъ объ его одахъ, и что сказать объ нихъ? Онѣ не Державинскія вдохновенія—онѣ *пьесы на случай*.—Гораздо замѣчательнѣе лирическія, такъ сказать, поэмы Дмитріева: *Ермакъ* и *Освобожденная Москва*. Онѣ были нѣкогда въ большой славѣ, но неужели намъ и теперь не сознаться, что въ нихъ нѣтъ ни простоты, ни естественности, ни мѣстныхъ красокъ? Онѣ красивая виньетка въ щегольской рамѣ, нѣчто въ томъ родѣ, который изобрѣлъ Флоріанъ для Французовъ. Окончаніе Ермака, высказанное прекрасными стихами, составляетъ гиперболу. Такъ переводы Дмитріева изъ Классиковъ: Горація, Тибулла, Ювенала, суть перево-

ды въ родѣ Французскихъ прошедшаго вѣка. Сличать ихъ съ подлинниками, когда они не съ подлинниковъ были и переведены, искать въ нихъ духа Древнихъ — было бы довольно странно. — Любовныя стихотворенія Дмитріева таковы же: въ нихъ видна изысканность, и недостаетъ сердечнаго чувства. Читайте его: *Счетъ поцѣлуевъ*, гдѣ любовникъ увѣряетъ, что ему мало сотни поцѣлуевъ, и приводитъ въ доказательство щедрость Цереры, Флоры, Юпитера; читайте *Элегію*:

Коль надежду истребила
Въ страстномъ сердцѣ ты моемъ,
Хоть вздохни, *тиранка мила*,
Ты изъ жалости *по немъ*....

Читайте стихи къ Прелестѣ, *о выгодахъ быть любовницею стихотворца*; читайте пѣсни Дмитріева, и — увѣрьтесь, что истинная любовь была недоступна нашему поэту, какъ была она неумѣстна въ его вѣкѣ.

Да, онъ не зналъ ея рая и ада, ни блаженства и гибели, по крайней мѣрѣ, не высказалъ ея въ своихъ стихахъ, и пересматривая всѣ стихотворенія Дмитріева, вы найдете только *одну* пьесу, гдѣ говоритъ сердце его, говоритъ искренно — *Посланіе къ Карамзину*. Не смотря на фигурность подробностей, *берега Пенея*, *златовласыхъ Амуровъ*, *Эола*, *Фавновъ*, *Нимфъ*, *Зефировъ*, *Майскій вѣтерочекъ*, что казалось прежде необходимо въ поэзіи, нѣкоторые стихи вырвались тутъ изъ сердца —

Поется мнѣ—пою, невесело—молчу....

Прекрасно—прекрасно и описаніе зимняго вѣтра, который —

Свинцовые валы на озеро нагонитъ.

Прекрасно и окончаніе —

День, два, и—можетъ быть, цвѣточка не застану;
День, два, и—можетъ быть.... какъ знать? и самъ увяну!

Также сердечная теплота видна еще въ одной пьесѣ Дмитріева: *Къ друзьямъ*, гдѣ такъ трогательны два стиха поэта объ его уединеніи, въ которомъ хочетъ онъ умереть въ тишинѣ, гдѣ, говоритъ онъ:

Гдѣ солнце дней моихъ въ безмолвьи закатится
И мой послѣдній взоръ на друга устремится....

Во всемъ остальномъ, что ни писалъ Дмитріевъ, видно только одно—*умъ*, холодный, безстрастный умъ, *вкусъ*, если угодно, умѣющій искусственно замѣнить всѣ другія свойства поэта истиннаго, а всего болѣе особенный даръ насмѣшливости, котораго нельзя назвать *гуморомъ*, не льзя назвать и пламеннымъ негодованіемъ, разящимъ сатирою порокъ и зло. Нѣтъ! Дмитріевъ остритъ эпиграммою, переводитъ Попово *Посланіе* (съ Делилева перевода) о плохихъ, голодныхъ стихотворцахъ; самъ изображаетъ высокопарныхъ

слагателей одъ (въ *Чужомъ толкѣ*), беретъ сцену изъ Мольера, гдѣ бранятся два педанта. Потому, онъ былъ и останется всегда превосходенъ въ мѣлкихъ стихотвореніяхъ, которыя можно назвать *свѣтскими*, или *альбомными*: въ шуткѣ, въ мадригалѣ, въ отвѣтѣ свѣтской дамѣ, требовавшей стиховъ, во всемъ томъ, что по словамъ почтеннаго біографа Дмитріева, Князя П. А Вяземскаго, «отличается легкостью, приличіемъ, тонкостью вѣжливости, обнаруживающею дарованіе природное, но воспитанное и изощренное въ обществѣ.» — «Такъ *писали Французы, въ лучшее время ихъ литературы*,» прибавляетъ почтенный біографъ (когда они думали, по словамъ Вильмена, что imagination et passion, moeurs rudes et barbares, vives peintures des objets naturels, tout cela est une barbarie qu'il faut adoucir et corriger), «*но никто такъ не писывалъ у насъ до нашего автора.*» Мы совершенно съ этимъ согласны. Здѣсь находимъ мы отличительное свойство сочиненій Дмитріева, главную причину его успѣховъ и превосходнаго искуства его въ сказкахъ. *Модная жена*, *Воздушныя башни*, *Причудница*, *Картина* относятся сюда, и хоть всѣ онѣ суть *полу-переводы*, но онѣ превосходны. Здѣсь же и тѣмъ же характеризуются басни Дмитріева, и то, что онъ выбралъ ихъ наконецъ преимущественнымъ родомъ своихъ сочиненій.

Говорить о сущности аполога, говоря о басняхъ Дмитріева, было бы излишне. Онъ взялъ апологъ такимъ, какимъ нашелъ его у Лафонтена, а еще болѣе у Флоріана, Арно, и другихъ новѣйшихъ баснописцевъ,

нашелъ въ немъ легкое средство быть поэтомъ и забавляться умомъ — и только! Онъ не думалъ придавать ему Русской, или своей собственной оригинальности— *мастерски переводилъ* на Русскій языкъ Французскіе апологи, и замѣтьте: лучшіе изъ переведенныхъ имъ апологовъ не Лафонтеновы, но Флоріановы и другіе, тѣ самые, которые подходятъ къ насмѣшливой, свѣтской сатирѣ. Потому, намъ кажется, характеристика басень Дмитріева совершенно справедливо, хоть и неумышленно, сдѣлана въ слѣдующихъ словахъ Мерзлякова: «Дмитріевъ отворилъ Баснямъ двери въ просвѣщенныя, образованныя общества, отличающіяся вкусомъ и языкомъ.» Но за то Русскій народъ отказался отъ его басенъ, когда явился Крыловъ, за то онѣ уже умерли, лишенныя самобытности, потому, что онѣ созданы были не Русскимъ умомъ и пересказаны языкомъ условныхъ приличій.

Именно это долженствовало обольщать современниковъ, но вредить Дмитріеву въ потомствѣ и лишить долговѣчія его сочиненія. Долговѣчны бываютъ, или творцы великихъ, вѣковыхъ твореній, или люди глубоко проникнутые національностью, или наконецъ люди вполнѣ высказывавшіе себя, свою душу, свое сердце въ своемъ созданіи. Что Дмитріевъ не создалъ ничего великаго, о томъ и спорить нечего, но замѣтьте также, что во всѣхъ твореніяхъ, Дмитріева нѣтъ *ничего Русскаго*, ни по уму, ни по языку. Читаете ли оду его, басню, эпиграмму, пѣсню, вы не знаете гдѣ живетъ поэтъ — его чувство, восторгъ, языкъ суть

чувство, восторгъ языкъ космополита, которымъ можно говорить въ Парижѣ, Петербургѣ, Берлинѣ. Дмитріевъ жилъ и писалъ для своего вѣка, говорилъ языкомъ своего вѣка, чувствовалъ его чувствами, угождалъ ему, плѣнялъ, восхищалъ его, и мы не будемъ несправедливы, если скажемъ, что онъ умеръ съ своимъ вѣкомъ.

Не обольщаясь впечатлѣніями прежними, воспоминаніями и преданіями, перечитайте теперь снова всѣ сочиненія Дмитріева, и вы увѣдитесь, что онъ чуждый для насъ поэтъ. Холодный разсчетъ въ одѣ,поддѣльная краска поэзіи въ *Ермакѣ* и *Освобожденной Москвѣ*, переводный умъ въ апологѣ, любезность изысканная въ альбомныхъ пьесахъ, и вездѣ переводъ вмѣсто оригинала, не могутъ увлечь насъ. Мы не такъ поемъ наши побѣды, не такъ любимъ, не такъ шутимъ, не такъ уже говоримъ. Вѣчная примѣсь миѳологическихъ именъ, принятыхъ въ какомъ-то холодномъ аллегорическомъ смыслѣ —

Ces déités d'adoption,
Synonymes de la pensée
Symboles de l'abstraction,

которыя являются въ видѣ *пернатыхъ Сиренъ* на Волгѣ, заставляютъ призывать *Божество Пинда* при извѣстіи о милостяхъ Ломоносову, заставляютъ Цыганокъ въ Марьиной рощѣ восклицать: *Эвое*, говорить о *Пер-*

месскомъ жарѣ, изливая чувства друзьямъ—все это не наше.

Но Дмитріеву поставляютъ въ заслугу обработку, совершенствованіе Русскаго языка, ставя его наравнѣ съ Карамзинымъ. Мы сами нѣсколько разъ упоминали о томъ въ статьѣ нашей, упоминали о слогѣ, о словахъ. Здѣсь надобно бы намъ говорить много и долго, если бы захотѣли мы объяснять дѣло подробнѣе, надобно бы коснуться самой теоріи языковъ литтературныхъ, и реформы, какую сдѣлали въ Русскомъ языкѣ Карамзинъ и его товарищи. Отвергая ложную мысль различія слоговъ и дѣленія его на высокій, средній и простой, тѣмъ не менѣе должно сказать, что языкъ поэзіи и прозы, языкъ книжный, литтературный, письменный, тотъ, словомъ, которымъ *выражаются поэтъ* и *прозаикъ* въ своихъ твореніяхъ, не можетъ быть обыкновеннымъ языкомъ, которымъ *говоритъ народъ*, который служитъ ему для потребъ общежитія. Литтература есть міръ искуства, и языкъ долженъ быть искусственный, или, лучше сказать, *изящный*, такъ, какъ онъ долженъ быть *философическимъ* въ предметахъ ученыхъ. Совершенную нелѣпость утверждаютъ тѣ, кто говоритъ, что надобно *писать такъ, какъ говоримъ*. Но какъ однакожь отыскать, угадать языкъ литтературный, логическій, правильный, *изящный*, удалить его отъ педантскихъ условій, не принять въ него и безсвязности разговорнаго, избавить его и отъ щеголеватой чопорности временнаго вкуса? Бѣда въ томъ именно, что языкъ каждаго народа есть проблемма

вѣчнаго движенія, perpetuum mobile ума человѣческаго, ибо, пока народъ живетъ, онъ безпрерывно измѣняется, а вмѣстѣ съ тѣмъ живетъ и измѣняется и языкъ его. Мысль создать вѣчный, неизмѣнный, оффиціяльный книжный языкъ будетъ нелѣпица сущая. Обыкновенно дѣлается такъ, что начиная періодъ книжничества, или письменности, народъ принимаетъ формы книжнаго языка своихъ учителей, того народа, отъ котораго беретъ свою письменность. Тутъ принимаются цѣликомъ чужія, созидаются свои новыя слова, или разговорныя принимають особое значеніе, для выраженія новыхъ идей; устроиваются и новыя формулы синтаксиса. Книжный языкъ *отдѣляется* такимъ образомъ и претерпѣваетъ отдѣльно свои перемѣны, пока разговорный испытываетъ свои особенныя измѣненія. Такъ идетъ, пока съ усиліемъ образованія, съ появленіемъ великихъ дарованій, литтературное образованіе распространится въ народѣ, и народъ, въ свою очередь, передастъ свою разговорность, свою не-книжную поэзію въ литтературу. Тогда постепенно сближаются оба языка, книжный и разговорный, хотя никогда слиться въ одно они не могутъ: народъ никогда по книжному говорить не станетъ, а мечта писать книги разговорнымъ языкомъ все равно, что желаніе танцовать тому, кто не учился и не знаетъ условій танцовальнаго искусства. Любопытно, что чѣмъ меньше образованіе, чѣмъ слабѣе литтература, тѣмъ разительнѣе отличается книжный языкъ отъ разговорнаго, и тѣмъ болѣе стараются отличаться формами его литтераторы, все равно, какъ полуученый старается всегда показать въ разговорѣ своемъ, что онъ что-

то такое знаетъ. Въ слѣдующемъ за симъ періодѣ, когда литтературное образованіе дѣлается принадлежностью не однихъ ученыхъ, но и высшихъ сословій, является опять особенный, условный *книжный языкъ*, такъ называемаго, *образованнаго*, или *свѣтскаго общества* — своего рода педантизмъ! И все продолжается до того времени, пока литтература войдетъ въ общее народное образованіе, и книжный языкъ получитъ полные, самобытные элементы, уравнявшись съ разговорнымъ, превосходя его, и претерпѣвая измѣненія уже въ слѣдствіе полноты общественнаго образованія.

Все такъ было и есть и у насъ въ Россіи. Принявъ письменность Церковную, Греко-Славянскую, мы создали изъ нея свой книжный языкъ, который отдѣльно терпѣлъ два измѣненія: Польско-Латинское и *приказно-Нѣмецкое*, если можно такъ сказать. Ломоносовъ указалъ намъ первый на законы нашего языка. Литтература наша сдѣлалась послѣ него принадлежностью высшаго сословія. Оно мыслило по Французски и говорило универсальнымъ языкомъ того времени—*Французскимъ*. Что такое сдѣлалъ Карамзинъ? Угадалъ, что формы Французскаго языка и Французской литтературы надобно перенесть въ нашу современную литтературу, говорить и думать галлицизмами, вмѣсто латинизмовъ. Что дѣлалъ при томъ Дмитріевъ? Приложилъ тоже къ Русскому *стихотворству*. И оба, Карамзинъ и Дмитріевъ, казались великими нововводителями, потому что ихъ понимали свѣтскія, или образованныя сословія. Вотъ все. Соглашаемся, что заслуга была важная, реформа умная

но временная, и языкъ реформы Карамзина и Дмитріева для насъ уже не годится, въ силу неизмѣннаго закона, по которому все живущее безпрерывно измѣняется; по которому съ 1790-хъ годовъ, въ пятдесятъ лѣтъ, все измѣнилось; по которому самъ Карамзинъ писалъ Академическую рѣчь въ 1820 году иначе, нежели писалъ сказки въ Московскомъ Журналѣ; по которому проза Пушкина и Жуковскаго выше Карамзинской, и повѣсть Марлинскаго разсказывается лучше повѣсти Карамзина; по которому не пропали для насъ даромъ споръ Шишкова съ Карамзинистами, грамматическія изслѣдованія Греча, народность Крылова, стихъ Пушкина, знакомство Жуковскаго съ языкомъ Шиллера, Байрона, и новѣйшее знакомство съ В. Гюго и языкомъ новыхъ реформаторовъ Французскаго языка; по которому полезны даже забавныя старанія Барона Брамбеуса переломать, перековеркать Русскій языкъ, и ненависть его къ *сей*, *сія*, *сіе*, полезны, именно потому, что показываютъ: чего должны мы избѣгать въ чистой, изящной прозѣ нашего времени, стараясь, сколько возможно, *не писать такъ, какъ пишетъ Брамбеусъ*? Повторимъ еще: «прозѣ нашего времени», ибо и современная намъ проза должна постепенно старѣться и измѣняться, съ новыми открытіями тайнъ языка; съ новыми идеями, съ большимъ сближеніемъ ея съ нашею народностью.

Хотите ли просто увѣдиться, что языкъ Дмитріева, живой, блестящій въ свое время, но неподкрѣпляемый для насъ истинною поэзіею, обветшалъ и соста-

рѣлся, ибо онъ не языкъ восторга Державинскій, не языкъ страсти Жуковскаго? Приводимъ нѣсколько разныхъ примѣровъ, и надѣемся, что прочитавши ихъ, читатели согласятся съ нами безъ дальнѣйшихъ поясненій:

1.

О любезный, о мой милый!
Гдѣ ты *власть небесну взялъ?*
Ты *своей волшебной силой*
Нову жизнь и *душу далъ!*

Прочь печали и *напасти!*
Прочь заботы! *Васъ ужъ нѣтъ!*
Покорясь нѣжной страсти,
Я гляжу на *новый свѣтъ!*

2.

Миръ праху твоему, Ермакъ!
Да увѣнчаютъ *Россіяне*
Изъ злата вылитый твой *зракъ*,
Изъ нѣдръ Сивири *источенна*
Твоимъ булатнымъ копіемъ!
Но что я рекъ, *о тѣнь забвенна!*
Что рекъ *въ усердіи моемъ?*

3.

Но буду ли, друзья, по прежнему вамъ милъ?
Увы! уже во мнѣ *жаръ къ пѣнію простылъ*,
Ужь въ мысляхъ *нѣтъ игры*, исчезла *прежня живость!*
Простите ль иногда мою вы молчаливость,
Мое уныніе?... Терпите, о друзья,
Терпите, *хоть за то, что къ вамъ привязанъ я*,

Что *сердце приношу чувствительно, незлобно,*
И болѣе еще *ко дружеству способно.*

Кажется, спора быть не можетъ, что и въ пустой шелухѣ собранія словъ, которую называютъ въ наше время *стихами*, языкъ является уже совершеннѣе этого языка, говоря вообще. Можете удостовѣриться въ томъ, взявши какой нибудь изъ тѣхъ стихотворныхъ калейдоскоповъ, которые то и дѣло выходятъ теперь на велиневой бумагѣ, подъ именами *Стихотвореній того-то или другаго*, Петра, Сидора, Карпа. Въ нихъ нѣтъ мыслей, нѣтъ поэзіи—безспорно, но мы и говоримъ только о выраженіи, объ языкѣ.

Безпристрастно опредѣливъ истинное и относительное достоинство Дмитріева въ нашей литтературѣ, предвидимъ вопросъ нѣкоторыхъ читателей: отъ чего же произошла и чѣмъ поддерживалась, и теперь еще поддерживается, огромная слава и извѣстность его въ литтературѣ нашей?

Тотъ же ловкій умъ, который замѣнялъ для Дмитріева вдохновеніе, то же умѣнье мирить жизнь съ поэзіею были здѣсь всему основаніемъ. Скрывая свои занятія, пока не явился Карамзинъ, выступивъ вмѣстѣ съ нимъ, какъ реформаторъ Русской поэзіи и Русскаго языка, имѣя обширное литтературное знакомство, Дмитріевъ старался угодить своему вѣку, подчинялся его вкусу, заботился объ условномъ языкѣ, зная, что только то и пойметъ его вѣкъ. Онъ кстати остановил-

ся потомъ, подкрѣпляя свою извѣстность, а когда сдѣлался наконецъ значительнымъ человѣкомъ въ обществѣ, то умѣлъ свое общественное вліяніе обратить въ свою пользу литтературную. Прежде онъ ходилъ къ Меценатамъ; теперь къ нему стали собираться, какъ къ вельможѣ-Меценату. Это меценатство Дмитріева продолжалось сорокъ лѣтъ, и черезъ него прошли три поколѣнія Русскихъ литтераторовъ. Могли ль они *смѣть свое сужденіе имѣть*, о томъ, кто видѣлъ, ободрялъ ихъ первые опыты, покровительствовалъ имъ, былъ другъ Карамзина, знатный человѣкъ, обладалъ славой по преданію, прежде нихъ составленному? Да, и почему могли они повѣрить новѣйшіе успѣхи его, если Меценатъ ихъ ничего не писалъ? Между тѣмъ Дмитріевъ тщательно заботился о томъ, что было прежде имъ писано; онъ безпрерывно перечитывалъ свои стихи уничтожалъ все слабѣйшее, исключалъ, перемѣнялъ, и классическій вкусъ его не ошибался. Онъ рѣшительно бросилъ нѣсколько одъ, которыя были помѣщены имъ въ *И моихъ бездѣлкахъ*, и бросилъ именно потому, что хотя оды его были не дурны, но *время одъ прошло*. Отрѣзывая куплеты отъ стиховъ своихъ, чистя ихъ, онъ приноровлялъ языкъ свой къ новѣйшимъ измѣненіямъ, сколько могъ. И между тѣмъ, какъ восторженная молодежь, собираясь вокругъ него, смотрѣла съ благоговѣніемъ на почтеннаго старика, ихъ ободрявшаго, ласкавшаго, когда, по заведенному порядку, молодой литтераторъ не могъ выйдти въ литтературу иначе, какъ черезъ кабинетъ Дмитріева и выслушавши его замѣтки на свои стихи и свою прозу, онъ самъ

старался не говорить о своихъ сочиненіяхъ, всегда отзывался объ нихъ ровно, холодно, невнимательно. Такая скромность обезоружила всѣхъ. Прочитайте, какъ смиренно говорилъ Дмитріевъ, предлагая шестое изданіе своихъ сочиненій, изъ котораго выкинулъ много хорошихъ пьесъ, назвавъ его потому *исправленнымъ и уменьшеннымъ*. Предисловіе его любопытно еще и тѣмъ, что показываетъ понятія, какія о *литтературѣ* и *поэзіи* имѣли Дмитріевъ и вѣкъ его. Вотъ оно:

«Почти всѣ мои стихотворенія писаны въ продолженіе моей гвардейской службы, между строемъ и карауломъ, или въ короткомъ промежуткѣ свободы, между первою отставкою изъ гражданской службы и вступленіемъ опять въ оную. Тогда еще *не было такихъ благопріятныхъ случаевъ къ соревнованію*, какими пользуются нынѣшніе поэты и прозаисты; сочиненій нашихъ *не читывали въ собраніяхъ ученыхъ обществъ, въ присутствіи вельможъ, ученыхъ, многочисленныхъ слушателей обоего пола*. Я нѣсколько лѣтъ писалъ стихи, печаталъ ихъ въ журналахъ, а не зналъ, какъ объ нихъ судятъ, и не былъ знакомъ ни съ однимъ поэтомъ, пока не пріобрѣлъ, уже въ зрѣлой молодости, пріязни незабвеннаго Державина и не утвердилъ дружбы съ Карамзинымъ. Съ того только времени *я почувствовалъ, что такое талантъ и авторское искусство*.—Приступая въ старости лѣтъ къ новому изданію стиховъ моихъ, я могу думать, что оно будетъ послѣднимъ при моей жизни. Эта мысль рѣшила меня перечитать все, мною изданное, съ возможнымъ хладнокровіемъ; потомъ многое

исключить изъ новаго изданія, въ томъ числѣ и 19-ть басенъ. Изъ прочихъ же стиховъ старался я нѣкоторые, сколько умѣлъ, исправить, и такимъ образомъ прежніе три тома приведены въ два томика.—Знаю, что въ стихотвореніяхъ моихъ найдутся и теперь многіе недостатки. По крайней мѣрѣ, читатели не похулятъ меня за то, что я избавилъ ихъ отъ лишняго убытка и лишней скуки.»

Согласимся, что если тутъ видно ложное понятіе о поэзіи и литтературѣ, за то все сказано очень умно и мило. И кто могъ бы подумать, читая сіи строки, что престарѣлый поэтъ, дорожа между тѣмъ своею славою, оскорбляется и самою тѣнью критики. Онъ жестоко возставалъ противъ права, которое присвоиваютъ себѣ журналисты критиковать, и казался непонимающимъ, что такое право принадлежитъ каждому читателю, не только журналисту, а повѣрку ихъ суда, въ случаѣ несправедливости, дѣлаетъ публика. Сколько намъ извѣстно, только *одинъ разъ* въ жизни Дмитріевъ слышалъ голосъ критики дѣльной и безпристрастной. Она была помѣщена въ *Вѣстникѣ Европы*, 1806 года (ч. XXVI, стр. 278-300, ч. XXVII, стр. 42-54). Чрезвычайно скромно и вѣжливо, критикъ осмѣлился замѣтить, при всѣхъ похвалахъ, что переводы басенъ Лафонтена, особливо переводы изъ Горація, не вездѣ вѣрны и грѣшатъ противъ Русскаго синтаксиса.... Черезъ 20-ть лѣтъ потомъ, поэтъ не могъ простить критику его искренности и не могъ говорить объ его критикѣ хладнокровно.... Мы помнимъ, какъ огорчали

престарѣлаго поэта отзывы объ его *Апологахъ въ четверостишіяхъ*, помѣщенные послѣ выхода ихъ въ *Дамскомъ Журналѣ*, и подражанія его апологамъ, помѣщенныя Языковымъ въ *Невскомъ Альманахѣ*.

. . . .

Но оставимъ всѣ такія подробности запискамъ о нашей литтературной исторіи, которыя будутъ читать наши внуки. Мы должны были коснуться немногихъ подробностей, потому только, что ими разрѣшаются факты, безъ того непонятные....

. . . .

Заключимъ общимъ выводомъ: Дмитріеву предоставится въ исторіи нашей литтературы почетное мѣсто между реформаторами Карамзинской эпохи, но потомство откажетъ ему въ названіи поэта, и даже въ наше время, ни творенія, ни языкъ его не могутъ уже почесться для насъ образцовыми. Въ твореніяхъ его видѣнъ умный, образованный человѣкъ, мимоходомъ занимавшійся литтературою, и вполнѣ вознагражденный за то своею *современностью*.—Новое изданіе *Басенъ и апологовъ* его ничего не доказываетъ. Кажется, оно напечатано однимъ изъ нашихъ книгопродавцовъ, потому, что другіе книгопродавцы печатали такія же миніатюрныя изданія другихъ баснописцовъ, но оно не было слѣдствіемъ требованія читающей публики.

. . . .

Не скажутъ ли, что нашъ приговоръ очень строгъ? —Мы о томъ не думаемъ, если только онъ *вѣренъ* и *справедливъ*. Вотъ главное и единственное. Будемъ строги къ предшественникамъ нашимъ, чтобы оправдать

тѣмъ строгость нашу къ самимъ себѣ. Повѣрьте, что предшественники наши свое взяли. Они жили въ тотъ счастливый вѣкъ общественнаго дѣтства, когда все *новое* казалось *хорошимъ*, когда такъ легко было завоевать имя поэта, литтератора, ученаго; когда переводъ ставился на равнѣ съ подлинникомъ, соблюденіе извѣстныхъ условій давало дипломъ на вкусъ, и надобно было угодить не многимъ, чтобы попасть въ Расины, Мольеры, Омиры, Лафонтены. Теперь такое время прошло, и на подножіяхъ разбитыхъ кумировъ, мы ставимъ только истинную заслугу, истинное дарованіе. Мы не думаемъ лишать предшественниковъ нашихъ достойной имъ чести, но только отдаемъ имъ изъ нея тотъ участокъ, какой слѣдуетъ имъ по безспорному праву, такъ, какъ и современникамъ уступаемъ мы честь и хвалу только за заслугу. Подвигъ нынѣ покупается тяжело, но за то онъ цѣнится дороже. И не утѣшительно ли видѣть, что чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе меркнетъ все поддѣльное, все преходящее, но тѣмъ ярче сіяетъ истинно великое и прекрасное? Теперь только оцѣняемъ мы вполнѣ величіе Державина, опредѣляемъ заслуги Карамзина, отдаемъ честь забытому Хемницеру, видимъ великія достоинства Крылова, чувствуемъ силу генія Ломоносова, когда громады томовъ Сумарокова и Хераскова остаются у насъ только для литтературныхъ справокъ о томъ періодѣ литтературной исторіи, въ которомъ они оба жили, который такъ хорошо выражали они своими твореніями....

ЧАРИ, *или нѣсколько сценъ изъ народныхъ былей и разсказовъ Украинскихъ. Сочиненіе Кирилла Тополи. Москва*, 1837 *г.*

Многіе, разсуждая о поэзіи, говорятъ о народности, ищутъ народности, думаютъ «создать» народность.

Двоякая бываетъ народность, и въ поэзіи и въ общественномъ образованіи. Всѣ народы испытываютъ первую—не всѣ достигаютъ до второй.

Первая народность та, которую можно назвать дѣтскимъ возрастомъ каждаго народа. Климатъ, мѣстность, происхожденіе, обстоятельства придаютъ особенную физіогномію самому дикому и первобытному обществу, и по нимъ создаются его нравы, законы, языкъ и поэзія, которая напѣваетъ уже свою пѣсню, качая колыбель общества-младенца. Такая пѣсня, въ формахъ грубой лирики, драмы, или эпопеи, дика, своевольна, разнообразна по времени и мѣсту, но всегда оригинальна, и, при большихъ поэтическихъ достоинствахъ, изумительна красотою. Она свободна и шумна у Варяга-Скандинава, какъ море, которое внушило ее; буйна и кровожадна у жителя пустынь Аравійскихъ; печальна, задумчива у земледѣльца-Славянина; роскошна и нѣжна у Испанца; суевѣрна и мрачна у Германца.

Между тѣмъ общество движется, растетъ; измѣняется его народность и съ нею измѣняется его поэзія. Каждое общество непремѣнно испытываетъ потомъ два измѣненія: или образуется оно въ государство, которое укрѣпляется войною, законами, мѣстностью, поглощая въ себя сосѣдніе народы, и дѣлаясь даже всемірнымъ, какъ Римъ, въ послѣдствіи имперіи Карла Великаго и Карла Пятаго, въ новѣйшее время Россія и Великобританія; или оно исчезаетъ въ составѣ другаго народа, образующаго болѣе сильное государство. Такъ исчезли въ Римѣ всѣ его сосѣди; въ Австрію впали Венгрія, Богемія, въ Великобританію Шотландія, Ирландія, Валлисъ, во Францію Провансъ и Бретань, въ Испанію Андалузія, въ нашу Россію столько отдѣльныхъ племенъ, Финны, Тевтонскіе рыцари, Татары, Литва. Потомъ, народъ, пересилившій сосѣдей, вступаетъ во второй, высшій періодъ народности, которую можно назвать «государственностью». Его характеръ, языкъ, образованіе, законы, суть результаты его первобытнаго состоянія и вліянія слившихся съ нимъ народовъ. Все раздвигается въ обширную раму, и народъ, составившій побѣдительное поколѣніе, живетъ пересозданною жизнью, которая такъ отлична отъ первобытной его жизни и народности, какъ бытъ младенца отъ быта юноши и потомъ мужа. Языкъ такого народа богатѣетъ идеями; поэзія непремѣнно является и здѣсь, но также полная идеями, зрѣлая, сильная, могущая. Она образуетъ его правильную, болѣе или менѣе оригинальную драму, эпопею и лирику, которыя дѣлаются народными въ высшемъ смыслѣ

слова. Такъ словесности Латинская, Французская, Англійская должны быть почитаемы столько же народными, какъ и первобытныя пѣсни Сабина, Франка и Пикта. Виргилій и Тацитъ, Мольеръ и Расинъ, Шекспиръ, Куперъ, Байронъ и Вальтеръ Скоттъ — писатели въ высшей степени народные.

Такая высшая народность не можетъ быть создана; она создается сама собою, какъ создаются сами собою, исторически, временемъ, изъ народовъ государство и изъ множества народныхъ жизней самобытная жизнь государственная. Стремясь къ сей цѣли, народы переходятъ періодъ подражанія чужеземцамъ — стараніе переработать въ свою самобытность хорошее чужое — и потомъ періодъ тщетныхъ усилій образовать систематически свою народность въ литтературѣ. Но Римъ никогда не могъ воскресить Омира: изъ него вышелъ Виргилій, и напрасно Попы и Аддиссоны думали передѣлать въ классицизмъ Англійскую словесность, между тѣмъ, какъ у Французовъ, изъ неловкаго подражанія Древнимъ, классицизмъ родился самъ собою, и произвелъ Корнелей, Расиновъ и Мольеровъ, создателей твореній безсмертныхъ.

Мы Русскіе, если обратимъ взоръ на себя, мы дошли до эпохи государственной народности, и она создается у насъ трудами Правительства и нашею Исторіею, въ государственныхъ постановленіяхъ, нравахъ, обычаяхъ, законахъ, гдѣ всюду появляется Русскій самобытный духъ, добрый, сильный, православный. Но

словесность наша едва только касается сего періода. Она только что перешла періодъ подражанія, кипитъ, какъ ключъ подъ землею, новою самобытностью, но ключъ еще не пробился на поверхность.

Между тѣмъ и первобытная народная поэзія никогда не гибнетъ. Общество есть лицо собирательное. Если общество переходитъ возрасты юношескій, мужескій, старческій, въ то же время въ немъ есть люди младенцы, юноши и мужи по образованію, даже при дряхлѣющемъ старчествѣ цѣлаго. Такъ, почти всегда, паденіе умирающаго государства ознаменовывается борьбою какого нибудь сильнаго характера; такъ и при гробѣ народа раздается еще народная поэзія—лебединая пѣсня его прежней славы. Этого мало: у народовъ, которые потеряли свою самобытность и слились совершенно въ государственномъ составѣ съ народомъ сильнѣйшимъ, первобытная ихъ поэзія остается и живетъ. Горный Шотландецъ поетъ свою унылую мелодію на гробахъ праотцовъ; Венгерецъ задумывается при звукахъ своей Маджарской пѣсни, хоть и постигаетъ красоту поэзіи Гете и Шиллера. Такъ у насъ, Малороссіянинъ, вѣрный и благочестивый семьянинъ нашъ, напѣваетъ пѣсню о своей прошедшей Гетманьщинѣ и любитъ звуки своего казачка.

Время, когда насильно стараются создать народную словесность, при высшей государственной гражданственности, представляетъ всегда усилія безплодныя, и нерѣдко забавныя. Мы теперь находимся въ такомъ

времени. Самая простая и обольстительная идея прежде всего бросается въ глаза: обратиться къ первобытной народной поэзіи. Но это все равно, что путать взрослаго въ пеленки и завязывать его покромками. Не такими-ли пеленками и покромками для нашей словесности были всѣ мнимо-Русскія сказки Пушкина—сказки прелестныя, но невѣрныя, не смотря на высокое дарованіе нашего поэта—Русскія пѣсни Дельвига и остроумно натянутые разсказы казака Луганскаго? Нужно ли видѣть, какъ тускнѣетъ такая мнимая народность? Послѣ сказки Пушкина и Луганскаго, послѣ пѣсни Дельвига, стоитъ только прочитать повѣсть Кирши Данилова, сказку объ Иванѣ Царевичѣ въ «Дѣдушкиныхъ прогулкахъ», или пропѣть простонародную пѣсенку: «Не бѣлы-то снѣги» — «Не шуми, мати, зеленая дубрава.» Въ сердцѣ самаго образованнаго Русскаго найдется безыскуственное созвучіе такихъ простыхъ твореній, истинно-народныхъ. Поѣзжайте вглубь Руси-матушки: тамъ вы подслушаете и настоящую Русскую пѣсню, и сказку, которую импровизируетъ, повѣть, или разсказываетъ Русскій мужичокъ. Какая должна быть и будетъ наша народная словесность высшаго періода? — Мы можемъ догадываться, но утвердительно сказать ничего нельзя. Крыловъ постигъ ее въ Баснѣ. Постигните ее также въ драмѣ, эпопеѣ, лирикѣ. Ее постигаетъ только геній, а на творенія генія Русскаго и самобытнаго не походитъ то, что теперь выдаютъ намъ за Русскую эпопею, Русскую драму, Русскую лирику, стихотворную, и даже музыкальную, если угодно. Всѣ мы это уже понимаемъ, но сли-

шкомъ долго надобно бы толковать, еслибы мы захотѣли изъяснить то, что всѣ понимаютъ.

На сей разъ обратимся къ частному случаю.

Мы сказали, что поэзія не погибаетъ и у тѣхъ племенъ, которыя крѣпко и прочно слились съ племенемъ сильнѣйшимъ и составляютъ съ нимъ государство. Въ доказательство упомянули мы Шотландца, Венгерца и нашего Малороссіянина.

Спорить тутъ не о чемъ: родная намъ по происхожденію, наша православная, Русская прежде, и теперь столько же Русская по любви къ Царю и къ славѣ отечества, Малороссія отличается отъ настоящей, сѣверо-восточной Руси нравами, обычаями, жилищами, одеждою, привычками и народною поэзіею. Это произошло отъ отдѣльнаго образованія Малороссіи и Россіи съ тринадцатаго по семнадцатый вѣкъ, пока она съ радостью не передалась опять въ объятія матери своей, Русской земли, охранившей ее отъ Турка, Татарина и Ляха. Поэзія Малороссійская осталась жива и отдѣльна и послѣ государственнаго соединенія двухъ народовъ. Пѣсня Малороссійская до сихъ поръ не то, что наша Русская пѣсня.

Обольщенные тѣмъ, что такая пѣсня находитъ еще сочувствіе въ самыхъ образованныхъ Малороссіянахъ, нѣсколько умныхъ и грамотныхъ урожденцовъ Украйны подумали, будто можетъ еще существовать и народная

Малороссійская словесность. Котляревскій едва ли не первый подалъ примѣръ своею *перелицованною* Энеидою. Какъ умную шалость, даже и мы, Русскіе, читали съ удовольствіемъ Энеиду Котляревскаго. Но подражатели и послѣдователи обличили потомъ ошибку мнимой Малороссійской словесности, просто анахронизма въ нашемъ нынѣшнемъ быту. Впрочемъ, Котляревскій сдѣлалъ нѣсколько опытовъ и простонародной Малороссійской поэзіи; проникнутый духомъ своей родины, онъ вышелъ изъ попытки удачно, какъ потомъ удачно перенесъ Гоголь нѣсколько народныхъ чертъ Малороссіи въ свои Русскія повѣсти. Послѣдователи того и другаго опять показали смѣшную сторону мысли объ искуственномъ созданіи самобытной Малороссійской поэзіи, и о томъ, что Малороссія можетъ быть предметомъ драмы, эпопеи, лирики, романа, повѣсти самобытныхъ, такихъ, которые образовали бы отдѣльную словесность: все это составляетъ только частный элементъ для общей Русской поэзіи и словесности.

Чѣмъ должны ограничиться и гдѣ поставить предѣлы поэзія и словесность племени, вошедшаго въ составъ государственный другаго народа? Они ограничиваются остатками первобытной поэзіи племени, повтореніемъ ея въ безыскуственной пѣснѣ простолюдина, и наконецъ нѣсколькими частными явленіями, иногда блестящими. Такое явленіе былъ Шотландскій поэтъ Бурнсъ. Таковъ, можетъ статься, былъ Котлярев-

скій — Бурнсъ Украинскій, сколько можемъ мы судить по нѣкоторымъ его опытамъ. И Бурнсъ и Котляревскій могутъ повториться еще нѣсколько разъ.

Но первыми условіями такихъ явленій должны быть невольное, безыскуственное стремленіе проявить душу свою и глубокое напитаніе ея духомъ своей страны. Бѣда, если тутъ вмѣшаются школьная натяжка, поддѣльное вдохновеніе, простота искуственная, подготовленная систематически! Не такъ создается очаровательная простонародная пѣсня, не такъ пѣлъ и записывалъ свои созданія Бурнсъ, не такъ создалъ Котляревскій свою Наталку Полтавку, столь извѣстную у Малороссіянъ въ рукописи и донынѣ еще не напечатанную. Ученость погубила бы Бурнса, или измѣнила его направленіе. Никакой ученый поэтъ не перепѣлъ бы намъ такъ хорошо старинныхъ Русскихъ пѣсенъ, какъ перепѣлъ ихъ наново Кирша Даниловъ: другая цѣль, другое назначеніе ученому и образованному поэту, другая ему и народность. Нельзя назначить по табели о поэтическихъ рангахъ, кто именно можетъ быть простонароднымъ поэтомъ среди новѣйшей образованности, Бурнсомъ той, или другой стороны. Имъ можетъ быть и образованный человѣкъ, но — всего рѣже, почти никогда — и простолюдинъ, грамотный, или полуграмотный, дьячекъ, семинаристъ, подьячій, у которыхъ горитъ неподготовленное пламя самородной поэзіи, какъ пламя огненнаго колодца въ Баку. Такіе поэтическіе простолюдины совершенно отличи-

ны отъ тѣхъ простолюдиновъ, которые хотятъ сдѣлаться «записными поэтами», и которыхъ примѣръ видимъ мы въ Слѣпушкиныхъ, Алипановыхъ, Сухановыхъ. А что подьячій можетъ быть самороднымъ поэтомъ, доказательство намъ Аблесимовъ, творецъ Мѣльника, упавшій, когда пошелъ въ записные поэты.

Бурнсы и Котляревскіе, сказали мы, могутъ повториться, и на дняхъ мы встрѣтили самое утѣшительное доказательство сей истины въ одной изъ литтературныхъ новинокъ, которыя привезли къ намъ изъ Москвы, вмѣстѣ съ грудою романовъ, стиховъ и всякой печатной дряни. Мы хотимъ говорить о книгѣ, выставленной въ заглавіи нашей статьи.

Не знаемъ, кто сочинитель Чаръ. Имя Кирилла Тополи встрѣчается намъ въ первый разъ; оно явный псевдонимъ. Если это поддѣлка записнаго поэта, мы поздравляемъ его съ необыкновеннымъ дарованіемъ. Но, кажется, что авторъ долженъ быть урожденецъ Малороссіи, еще некупанный въ чернилахъ, поэтъ въ душѣ, дарованіе юное, свѣжее и рѣдкое. Всѣ обстоятельства на то указываютъ: книга напечатана ужасно, на плохой сѣрой бумагѣ, плохими буквами, и писана смѣсью Русскаго языка, въ которомъ встрѣчаются самыя забавныя ошибки, и Малороссійскаго нарѣчія, которымъ поэтъ выражается съ очаровательною простотою. Видны усилія прикинуться записнымъ писакою. Не постигая достоинствъ своего созданія, его красотъ непринужденныхъ и выкипѣвшихъ изъ души, онъ ста-

рается блеснуть книжными, школьными вещами, и извиняется въ нихъ недостаткѣ весьма неловко. Словомъ: все доказываетъ, что г. Тополи не имѣетъ ни литтературнаго покровительства, ни литтературнаго образованія,— и на сей разъ, слава Богу, что онъ ихъ не имѣетъ! Мы съ наслажденіемъ читали его Чары, и среди современной поэзіи нашей, пошлой, искуственной, истасканной, среди натянутыхъ сочиненій Малороссійскихъ, создаваемыхъ на Мойкѣ и Яузѣ, и повѣстей, взятыхъ изъ Малороссійскаго быта, отдохнули при твореніи простомъ, но исполненномъ естественной поэзіи и неподдѣльной изящности. Что намъ за дѣло до школьной неловкости поэта, до нескладности его языка, до незнанія литтературныхъ приличій! То, чѣмъ такъ восхищалися мы у иностранца Бурнса, мы находимъ у нашего соотечественника, и для насъ довольно. Думая, что языкъ и наружность книги легко заставятъ многихъ смѣшать сочиненіе г. Тополи съ кучею разныхъ Варяжскихъ произведеній и несносныхъ Малороссійскихъ поддѣлокъ, мы рѣшились подробнѣе разсказать содержаніе Чаръ.

Чары, какъ объясняетъ самое заглавіе, есть собраніе нѣсколькихъ сценъ, основаніе которыхъ составляютъ народныя Украинскія были и разсказы. Вышло какое-то драматическое цѣлое, но не ищите здѣсь настоящей драмы. Сочинитель извиняется въ неправильности. Охотно извиняемъ.

Дѣйствіе въ заднѣпровской Украйнѣ, первона

чальной родинѣ Малороссіянъ, гдѣ донынѣ между простолюдинами процвѣтаетъ чистый языкъ Малороссійскій. Не повѣряемъ историческихъ и географическихъ изъясненій автора. Въ его Чарахъ роскошно является бытъ веселаго, добраго, простодушнаго народа, который сохранилъ еще столько чертъ Польскаго владычества и Казачества. Тутъ вы видите разгулье подлѣ Жидовской корчмы, народныхъ знахарокъ, суевѣріе простолюдина, бытъ бѣдный, бытъ отъ сегодня до завтра, и пѣсню—утѣху бѣдняка въ печали. Авторъ искусно выбираетъ народныя пѣсни, и связываетъ ими дѣйствія и чувства, какъ то сдѣлалось помощію хора въ древней трагедіи. Издѣсь живутъ злыя страсти: есть любовь: есть радости и горести любви, любовь счастливая и несчастная, любовь отверженная, и мщеніе и отчаяніе. Таково содержаніе Чаръ. Мы видимъ все въ подлинной красотѣ, и думаемъ, что каждый читатель подѣлится съ нами сочувствіемъ.

Главныя дѣйствующія лица въ Чарахъ: Грицъ, молодой красавецъ, сынъ богача Лопаты, первый плясунъ, Ловеласъ деревни, избалованный любовью дѣвушекъ, которыхъ онъ презираетъ, утѣшаясь ихъ сердечными мученіями. Онъ боится брака, потери своей разгульной жизни, и равнодушно смотритъ на выгоды женидьбы, будучи самъ молодъ и богатъ. Но между тѣмъ его увлекаетъ Галя, дочь ловкой вдовы Кугутки, зажиточной женщины. Галя прелестна; она живетъ только любовью Грица и прощаетъ ему вѣтренность, но — она женщина, и отверженная любовь можетъ пе-

рейдти въ ней въ чувство ужасное. Вотъ главныя лица. Другія — Лопата, отецъ Грица, безпечный весельчакъ; Оксана, жена его, своенравная, вздорливая, но которая боится мужа и души не слышитъ въ своемъ Грицѣ; Кугутка, мать Гали, хлопотунья, хозяйка, нѣжная къ дочери. Далѣе слѣдуютъ — Войтъ, панъ Кій, староста деревни, пьяница, котораго невозможно споить, враль, хвастунъ, гордецъ, но добродушный простякъ въ основаніи, надъ которымъ подшучиваютъ всѣ, хотя всѣ боятся его палки и его власти; Лейба, жидъ, арендаторъ, плутъ, другъ и обирало всѣхъ; колдунья Зміиха Домаха, воплощенное зло, старуха, которой всѣ опасаются, и которой самъ Войтъ не смѣетъ молвить лихаго слова. Далѣе — кузнецъ Остапъ, и сынъ его Василь, молодой другъ Грица; Омелько Пинчукъ, и дочь его Любка, любезная Василя и подруга Гали; гончаръ Игнатъ, и дочь его Христя, первая красавица послѣ Гали, мастерица плясать жидовскаго казачка; маляръ Ѳедоръ, церковный староста Гарнько Борщъ, овчаръ Демидъ, старикъ Макогонъ и молодая жена его Елена, мотузокъ Охримъ, жены и дѣти ихъ. Всѣ сіи лица мало дѣйствуютъ, но характеры ихъ оттѣнены, и взятые всѣ вмѣстѣ, они переносятъ читателя въ Малороссійскій бытъ, въ міръ живой и одушевленный: тутъ не мертвыя лица; они шевелятся, дышатъ, высказываютъ себя и здѣсь то въ самыхъ мѣлкихъ очеркахъ, видно на всякомъ шагу превосходное дарованіе автора. Мы забыли сказать, что дѣйствіе происходитъ въ панской деревнѣ.

Начало Чаръ есть родъ пролога. Въ воскрес-

ный день, вся деревенская молодежь гуляетъ въ корчмѣ у жида. Лейба подноситъ ей медъ и пиво. Жена его, Хайла, сидитъ у печки, на подмосткѣ, смотритъ на гуляющихъ, бранится и качаетъ дитя. Войтъ, уже пьяный, спитъ за столомъ. Музыканты, скрыпачъ, цымбалистъ и басистъ, играютъ, мужчины поютъ, дѣвушки пляшутъ. Вотъ хороводная пѣсня. Она народная:

Гдѣ ты была, моя дорогая?
За валомъ была, не гуляла.
Гдѣ жь ты теперь загулялась?
На дырявомъ мосту провалилась.
А кто тебѣ толкалъ? Да, казакъ, Сѣверинъ.
А кто поднималъ? Запорожецъ Иванъ.
Онъ ли, не онъ, не ходи мимо оконъ,
Мимо мои ворота, не суши живота.
Таки буду ходить, таки буду любить,
И тебѣ, или мнѣ ужь на свѣтѣ не жить.
Ой, дѣвчина, моя мать!
Дай же мнѣ повечерять.
— А я печки не топила
А я борщу не варила,
За водой съ ведромъ ходила.

Войтъ просыпается; онъ заспалъ время, но помнитъ свою обязанность. Первая мысль его — «на панщину!» Онъ кричитъ: «Мужики молотить, женщины въ конопель, дѣвки прясть! За разъ, слышите ли?» Всѣ испугались, но вскорѣ ободряются. «Нечего сказать: славная горѣлка!» говоритъ Войтъ. Это вторая мысль его. Съ нимъ шутятъ, онъ хвастаетъ, его подчиваютъ. При-

ходитъ Грицъ и веселье оживаетъ. Жидъ уводитъ Войта. Новыя пѣсни. Одна изъ нихъ — «вѣщая» пѣсня:

Выйди, Грицу, на улицу,
И ты, коваленьку;
Пожартуемъ, попустуемъ
Съ вами помаленьку!
Ганза, Ганза кучерява
Подъ рѣшетомъ ночевала;
Рѣшето ли продерется,
Ганза лиха наберется.
Что ты, вражья кудла, лаешь,
Придти милому мѣшаешь!
Выйду, выйду, подивлюся,
Моего дружка дождуся,
А ты, мужъ мой, Воропаю,
Гдѣ тебя я заховаю?
Заховаю подъ вербою,
Чѣмъ закрою? Пеленою;
Заховаю на могилѣ,
Чтобъ по тебѣ волки выли.

Хриплый голосъ Жидовки оканчиваетъ пѣсню:

Цоловинцезъ Воропаюзъ,
Дезъ я тебезъ пиховаюзъ?
Пиховаюзъ на могилезъ,
Сцобъ по тибезъ вифки филизъ!

Общій испугъ и хохотъ потомъ. «Кто любитъ меня, та споетъ веселую!» говоритъ Грицъ. Галя поетъ:

Ой, ты, ѣхавъ, ѣхавъ, ѣхавъ,
Что до мене не заѣхавъ?
А въ моей хатѣ комната,
Постель бѣла, переслата!

Среди подчиванья, шума пирующихъ и общей пляски, въ увеселенія вмѣшивается Войтъ съ своею нелѣпою пѣснею, пляшетъ, падаетъ и заставляетъ всѣхъ смѣятьсе. Общій хоръ изъ народной пѣсни.

Дѣйствіе первое. Осеннее утро. Солнце всходитъ надъ лѣсомъ. Слышенъ голосъ Войта: «На панщину!» Улица къ Днѣпру еще въ утреннемъ туманѣ. Грицъ и Василь разговариваютъ. Василь въ горѣ, «що не вы-пытавъ у Любки правды, чи любитъ вона мене!» Грицъ смѣется, ґоворитъ, что любовь не стоитъ заботы; что не надобно думать объ ней и жалѣть *кохановъ*. «Найдитъ коса на камень: не хвались, Грицъ!»

Одна гора высокая, а другая низка,
Одна мила далекая, а другая близко;
У милой у далекой волы, да коровы,
А у милой у близенькой есть чорные брови;
А я ту милу далекую другимъ подарую,
А до милой до близенькой самъ я загарцую;
Катилися возы съ горы и въ долинѣ стали:
Мы любились, мы кохались, и вотъ — перестали!
Катилися возы съ горы, поломали спицы:
Не ходить мнѣ, молодому, до красной дѣвицы.

«Ты плакса! Ты не знаешь, сколько сгинуло отъ дѣвичьихъ черныхъ глазъ добрыхъ молодцовъ! Не сто-

ятъ онѣ сожалѣнья, наши коханки. Пусть же плачутъ онѣ отъ насъ кровавыми слезами!» Такъ говоритъ Грицъ. Тутъ друзья видятъ идущихъ Галю и Любку, прячутся и подслушиваютъ ихъ разговоръ. Любка открываетъ подругѣ любовь свою къ Василю. «Да! твой Василь такой добрый», говоритъ Галя. — «А Грицъ!» — Она задумывается. — «Да, и онъ перемѣнится! Онъ и теперь уже не такой, какъ прежде былъ: вѣтеръ, а не голова!» Грицъ и Василь, выходятъ и вмѣшиваются въ разговоръ. Любка робѣетъ насмѣшекъ Грица. Галя отдѣлывается шутками. Являются Лопата и коваль (кузнецъ). Молодежь расходится. Старики говорятъ о взаимной любви дѣтей. — «Славная парочка Грицъ и Галя! Да, что съ Грицемъ дѣлать?» — Пугни его! — «А моя Остана? Такъ пугнетъ меня за сына, что я шапку въ руки, да изъ хаты вонъ!» Приходитъ Войтъ, съ пѣсней, *Била жинка мужика*, и всѣ идутъ на совѣтъ до Лейвы. Во второй сценѣ вечеръ того же дня. Совѣтная *громада* собралась подлѣ корчмы; и толкуетъ о всякой всячинѣ. Пролетѣлъ огненный метеоръ; вотъ начинается разговоръ о вѣдьмахъ, о Змiихѣ, къ которой летаетъ огненный змѣй, и слѣдуютъ разсказы, такiе страшные, что громада самого Войта принимаетъ за привидѣнiе, когда онъ подошелъ къ ней нечаянно. Но приходъ его развеселяетъ всѣхъ. Старики пьютъ и заставляютъ женъ пѣть и плясать. Слѣдуютъ народныя пѣсни: *Оралъ мужикъ при дорозѣ.* — *Ой! кумъ до кумы борозденькою шелъ, куль соломы нашелъ!* Кугутка поетъ лихую пѣсню о Полькѣ. — «Умора а не женщины,» говоритъ Лопата, а «не обойдешься безъ нихъ!» —

Да, ужь видно что такъ!—подговариваетъ коваль. И вотъ они просятъ молодую жену Макогона пѣть. Съ позволенія мужа, она поетъ: «*Ой, подъ вишнею, подъ черешнею!*» Громада смѣется; Макогонъ сердится, но пѣсня молодой овчарихи заставляетъ старика замолчать и смѣяться надъ старымъ овчаромъ. Дѣйствіе кончится общимъ хоромъ, и громада расходится, натолковавшись досыта о дѣлѣ и вездѣльи.

Хата Кугутки. Галя сидитъ задумчивая. Мать посылаетъ за колдуньею. «На что тебѣ колдунью?»—Милая! кто совѣта другихъ спрашиваетъ, тотъ и уменъ бываетъ. Спрошу у нея совѣта о твоей грусти. Она намъ добра желаетъ. Сколько разъ тебя она отъ смерти спасала! Ты была дитятей у меня такая хворая. . . .— «Зачѣмъ не дала ты мнѣ умереть!»—Ты не любишь меня, Галя; не сказываешь о своей кручинѣ.—«Что я скажу тебѣ? Я сама не понимаю, отчего у меня тутъ, на сердцѣ, какъ будто змѣя сосетъ!»—Дѣти! тяжелы вы! —говоритъ Кугутка со слезами. Но Зміиха приходитъ и угадываетъ причину грусти Галиной. «О, будетъ знать твой злодѣй!» говоритъ она.—Нѣтъ! ему все счастье, горе мнѣ!— вскрикиваетъ Галя. — Кому? спрашиваетъ мать.—«Тому, кто всѣхъ дѣвчатъ презираетъ,» отвѣчаетъ Зміиха.—Грицъ?—«Ахъ! мать моя родная!»—Тайна Гали открыта. «Что жь такое!» говоритъ мать, «не только свѣта, что въ окнѣ, а за окномъ его еще больше. Мало ли у насъ молодцовъ! Да, при твоемъ приданомъ и поповичъ на тебя позарится, а отъ старосты такъ и отбою не будетъ. А можетъ быть, что добрая Зміиха

жизни и Грица твоимъ сдѣлать!» — Колдунья ворожитъ, и въ чашкѣ съ водою показываетъ Галѣ лицо той, которая отбиваетъ у нея Грица. Галя ужаснулась.—Такъ! онъ любитъ другую!—«И той не видать Грица!» восклицаетъ злая колдунья, разрѣзывая воду ножемъ. Галя съ трепетомъ пьетъ наговоренную воду. «Постарайся добыть мнѣ земли изъ-подъ Грицовой ступни, когда будетъ молодой мѣсяцъ: и приворожу его тебѣ.»—Ахъ! говоритъ Галя — до молодаго мѣсяца много воды утечетъ!

Слѣдуетъ забавная сцена Войта. Онъ прочуялъ угощеніе колдуньѣ у богатой Кугутки. «Что ты, Галя, такая блѣдная, какъ панская бумага? Ты нездорова? Домаха тебя лѣчитъ?»— А ты, панъ Войтъ, всегда здоровъ?—«Иногда не здоровится, но мой лекарь не Домаха, а Лейба!»—Полѣчись же доброй запеканкой. *Годуйтеся, гостечки мои, що Богъ пославъ, а чого не достае, то ужъ будьте ласковы, выбачайте!* — Его угощаютъ. Колдунья заставляетъ Галю хлебнуть заговоренной наливки, «на погибель врага.» — Тѣхъ, кто горѣлки не пьетъ!— восклицаетъ Войтъ. Кугутка идетъ провожать гостей. Галя одна—она задумывается, плачетъ и поетъ:

Коли бъ туживъ ты за мною,
Якъ я за тобою,
Жили-бы мы, мое серденько,
Якъ рыба съ водою,
Жили-бъ двое мы съ тобою
И горя не знали,

Насъ-вы люди стороною
За то поважали;
На шалфеѣ воду грѣю —
На рутѣ не буду;
Кого вѣрно полюбила,
Во вѣкъ не забуду!

Рута — трава разлуки. «Мать моя говоритъ, что и за окномъ есть свѣтъ. Ахъ! тотъ свѣтъ сожжетъ меня, а не согрѣетъ!» Но Грицъ является; онъ услышалъ, что Галя нездорова и пришелъ навѣстить ее. «Того прежде невидно, чтобы Грицъ жалѣлъ дѣвушекъ!» говоритъ Галя.—Дивись: это сбывается.—«А дочь гончара, Христя, здорова-ли?» спрашиваетъ Галя. Ее, Христю, видѣла она въ заколдованной водѣ—Христя перебиваетъ у нея сердце Грица. «Ты всѣхъ краше, Галя моя!» говоритъ онъ, и здѣсь слѣдуетъ дуэтъ изъ народной пѣсни, гдѣ говорится о казакѣ, который боялся ходить къ дѣвчинѣ, потому, что у нея злая мать, лихіе работники у отца, скрыпятъ ворота и больно кусаются собаки. Окончаніе пѣсни колко:

Сгинь, пропади,
До меня не ходи!

«Не сердись, Грицъ, изъ пѣсни слова не выкинешь!»—На Галю сердиться? Грѣхъ и подумать! — «А что тебѣ Галя?» съ улыбкой спрашиваетъ она.—О, Галя важна для сердца моего! Грицъ безъ Гали ничто!—«Не первой ли ты мнѣ говоришь такъ?» спрашиваетъ она лукаво. Грицъ въ замѣшательствѣ; онъ ухо-

дитъ. «Я провожу тебя отъ собакъ: у насъ собаки злыя!» говоритъ горестно Галя.

Ночь. Сборище вѣдьмъ у Змiихи. На вой ихъ отзываются всѣ собаки въ селѣ. Колдуньи ворожатъ, пьютъ очарованное зелье и улетаютъ въ трубу. Полупьяный Войтъ брелъ изъ корчмы, и завидѣвъ огонекъ у Змiихи, зашелъ отдохнуть. Никого нѣтъ. Онъ видитъ зелье. «То варенуха?» Какъ не отвѣдать! «Горѣлки тутъ мало; поскупились, окаянныя!» — Онъ пьетъ еще. Вотъ его тащитъ въ трубу. Онъ хватается за скамейку, проливаетъ на нее зелье, и скамейка летитъ съ нимъ. Видя, что всѣ усилiя тщетны, Войтъ бодрится, и закидываетъ ногу на скамейку, чтобы усѣсться верхомъ. «Если ѣхать, такъ ѣдемъ! Пади! Берегись!»

Шабашъ на Лысой горѣ въ Кiевѣ. Войтъ прiѣзжаетъ на своей скамьѣ. «Здорова була, честная громада! Есть ли у васъ горѣлка?» Змiиха спасаетъ его отъ ярости вѣдьмъ; она даетъ ему кошелекъ съ червонцами, и скамейка мчитъ Войта обратно, прямо къ корчмѣ Лейбы. Начинало свѣтать, когда онъ остановился у корчмы. Жидъ сердится, что его такъ рано будятъ. Войтъ гремитъ червонцами и Лейба бѣжитъ подчивать его. Войтъ хочетъ расплатиться, но вмѣсто червонцевъ находитъ черепки.

Въ слѣдующемъ дѣйствiи, коваль приходитъ съ сыномъ и вызываетъ Лопату на совѣтъ. Василь открываетъ Ганцу, что онъ рѣшился жениться на Любкѣ.

«Жаль мнѣ тебя!» говоритъ Грицъ. «Нѣтъ! я не такъ легко разстанусь съ молодецкою удалью.» Онъ поетъ пѣсню, и эта пѣсня настоящая баллада: казакъ выѣзжаетъ въ степь темною ночью; онъ дремлетъ; вороной конь его спотыкается; онъ ложится спать; дѣвушка будитъ его: «Вставай! Турки близко; возмутъ твоего добраго коня!»—Будетъ другой конь!—«Они убьютъ тебя: мнѣ тебя жаль будетъ!» — Жаль? Или ты любишь меня? — «Еслибы я тебя не любила, поѣжала бы я въ степь, не боясь враговъ, не жалѣя доброй дѣвичьей славы?» Пропѣвъ эту милую балладу, Василь совѣтуетъ другу бросить удаль и грозитъ ему бѣдою. «Не всякаго казака спасаетъ дѣвушка! Помнишь ли пѣсню:

Въ полѣ могила съ вѣтромъ говорила:
«Повѣй на меня, вѣтеръ буйный, чтобъ я не чернѣла!»
Вѣтеръ на нее не вѣетъ, и солнце ее не грѣетъ,
И далеко отъ нея, далеко только трава зеленѣетъ

«Чего жь бояться, Василь? Смерть, такъ смерть; мнѣ надоѣлъ здѣшній свѣтъ, гдѣ нѣтъ счастья сердцу!» Василь уходитъ. Мать плачетъ и уговариваетъ Грица жениться, порадовать ее. «Мы уже стары, а кому нашу старость приголубить?» Она намѣкаетъ на Христію, называетъ ее милою, скромною, такъ, что она слова не вымолвитъ и только краснѣетъ.»—И только краснѣетъ!— говоритъ насмѣшливо Грицъ, «а Галя? Что она скажетъ!» Мать сердитъ его, сказывая, что Кугутка хвастаетъ своей дочерью, будто раскрашенной торбой, и доказываетъ, что Грицъ не велика для нихъ важность;

что за Галю и поповичъ не откажетъ посвататься. «Она все это говорила?»—Да! Что жь ты задумался, сынку?—Я.... спать хочу, а скажу тебѣ завтра!—Мать торжествуетъ. Самолюбіе и гордость Грица рѣшили судьбу его: бѣдная Галя больна, она надоѣла ему неотвязною любовью и слезами, а Христя такая добрая, такая молодая!

Утро. Являются Лопата и Коваль. Они просватали Василя Съ нимъ гончаръ и Войтъ; всѣ пропировали ночь у отца Любки. Старуха между тѣмъ ладитъ новую свадьбу. Сцена отличается живымъ и забавнымъ разговоромъ. Рѣчь заходитъ о прогулкѣ Войта на шабашъ вѣдьмъ, и всѣ поютъ хоромъ извѣстную пѣсню:.

Ой посѣялъ мужикъ, да у полѣ ячмень.
Мужикъ кажетъ—«ячмень!» Жинка кажетъ—«гречка!»
Не молвь мене ни словечка, нехай буде гречка,
Не хай, не хай, не хай, не хай, не хай буде гречка!

Праздникъ. Молодежь сошлась; собираясь идти *на музыку*, молодые люди и дѣвушки играютъ въ «долгія лозы» и другія игры, и шепчутся о сватовствѣ Грица на Христѣ. «За чѣмъ бѣгалъ, а что нашелъ!»—За то молода!—Танцовать мастерица!—«Умный малый, а такъ промахнулся!» Галя бѣжитъ отъ людскихъ рѣчей. Грицъ является съ Христею и зоветъ всѣхъ на пляски.

Послѣ того мы находимъ Галю у колдуньи; та

разводитъ проклятыя зелья. «Я погибла! Христя милѣе меня Грицю! Она его невѣста! Лучше бы не родиться, чѣмъ слышать, что въ глаза про меня говорятъ люди, какъ будто меня не видятъ! Люди, люди! за чѣмъ вы такъ злы?... Грицъ, Грицъ! на что ты погубилъ меня!... Но не смѣяться людямъ, не радоваться Христѣ! Онъ не мой: онъ не будетъ и твой!» — Этого ждала я отъ умной Гали! — восклицаетъ чародѣйка, съ злобною улыбкою — пѣй, Галя! — «Хоть бы то было смертное зелье ему и мнѣ!» Галя выпиваетъ, и ее клонитъ сонъ; она во власти злой колдуньи.

Новая сцена въ корчмѣ: пляшутъ Жидовскаго казачка, въ которомъ отличается веселая Христя. Всѣ просятъ Василя спѣть пѣсню, и онъ поетъ унылую:

Туманъ, туманъ по долинѣ,
Листъ широкій на ялинѣ.

Всѣ задумываются. Грицъ хочетъ насильно веселиться. «Тоска!» говоритъ онъ—«пойте веселую!» Хоръ поетъ:

Ой, тамъ, позарѣчну,
Косилъ парень спѣлу гречку,
　　И скосилъ, и свозилъ,
　　И въ стожокъ положилъ.
Подымалась гроза, буря,
И стожечекъ извернула.
　　И шуме, и гуде,
　　Дробный дождикъ иде —
А кто жь меня, молодую,
Да до дому доведи?

Споръ Жида съ Войтомъ, который требуетъ горѣлки въ долгъ. «Давай на вѣру, пиши на стѣну, «говоритъ онъ,» а когда стѣну разберешь, тогда и долги соберешь!» Споръ оканчивается общимъ танцомъ въ родѣ польскаго.

Солнце низенько, вечеръ близенько,
Смутилось, смутилось дѣвичье серденько,
Смутилось, нельзя ему, сердцу, веселиться:
Гдѣ ты, мой милый, гдѣ могъ заноздиться

Грицю все напоминаетъ Галю и его измѣну. «Жидовскаго казачка!» кричитъ онъ, и всѣ начинаютъ этотъ живой танецъ.

Дѣйствіе переходитъ въ другое мѣсто. Знахарка идетъ съ Галею изъ лѣсу и онѣ несутъ травы. Онѣ садятся отдохнуть на холмѣ: то пустынная могила. Между тѣмъ заря занимается на востокѣ.

«Ты раздумаешь, Галя?» — Нѣтъ! если не мой, такъ ни чей!... Ахъ! зачѣмъ на свѣтѣ не такъ дѣлается, какъ намъ хотѣлось! Но что мнѣ дѣлать съ твоими травами? — «Сегодня воскресенье; ничего не дѣлай. Завтра смочи ихъ *непочатою* водою и приготовь, а въ среду я приведу къ тебѣ Грица.... Но ты еще раздумаешь!»—Нѣтъ! любовь одному только уступаетъ свое мѣсто—мщенію.—Тутъ солнце всходитъ. «Ты недолго будешь свѣтить ему, и... мнѣ, ясное солнышко!» говоритъ Галя, «а другимъ.... долго и счастливо! Умру и любить буду....»

Роковое свиданіе въ среду. Грицъ пейдеть. Галя считаетъ минуты. «Если онъ не придетъ, я сама выпью зелье!» Но Грицъ является, веселый, шутливый. «Мы давно не видались съ тобой, Галя.» — Нѣтъ! кажется, не такъ давно.—«Тебя нигдѣ не видно, а безъ тебя и гулянье не въ гулянье». — Другія замѣняютъ меня.—«Ты сердишься, Галя?« — Нѣтъ!—«Мнѣ что-то пить хочется. Нѣтъ ли меду?»—Есть, и такой, какого ты еще никогда не пивалъ!

Галя ставитъ на столъ зелье. «За что такая милость? Чѣмъ я заслужилъ?» — По услугѣ и ласка.... Кончилось!—шепчетъ она съ ужасомъ. Грицъ наливаетъ еще стаканъ и хвалитъ медъ. «Тяжело будетъ похмѣлье. Не пей, Грицъ!»—Послушаюсь тебя.—«Поздно слушаешься!»—Какъ поздно?... Еще полдень.—«А кто знаетъ, будетъ ли для насъ вечеръ!» Грицъ призадумался. «Не такъ въ свѣтѣ дѣлается....»—Какъ мы думали,—перебиваетъ его Галя.—«Ты плачешь, Галя?»—Не такъ въ свѣтѣ дѣлается, какъ мы думали!—«Проводи меня, Галя.»—Можетъ-быть — въ послѣдній разъ!...

Пропустимъ краткую сцену Грицевой смерти, и описаніе плача матери, горести отца. «Кто жь теперь будетъ звать меня бабушкой! Кого мнѣ тѣшить и лелѣять? Кому наше добро достанется?— «Добрымъ людямъ», отвѣчаетъ умирающій Грицъ—«прости меня, Боже!... благослови меня отецъ!»

Въ пятницу, около полуночи, собрался народъ.

Всѣ молодыя дѣвушки и парни были на улицѣ. Только не было между ними Христи, Гали и Грица. Вдали темнѣло кладбище подъ лѣсомъ. Звѣзды чуть свѣтились. Вѣтеръ шумѣлъ и собаки выли жалобно. Дѣвушки жались со страха одна къ другой, и никто не затѣвалъ пляски, никто не запѣвалъ пѣсни. Василь хочетъ ободрить другихъ; онъ начинаетъ родъ баллады: *Не ходи, Грицу, на вечерницу»*, о томъ, какъ ревнивая дѣвушка отравила добраго молодца.

Эй, мати, мати! жаль ваги не мае:
Да, нехай же Грицъ да двух ъ не кохае!
Не любить мене одну,
Нехай любить сыру землю!

Эхо на кладбищѣ глухо повторяетъ окончаніе пѣсни и многіе пугаются. «Что вы тутъ такъ поздно распѣлись?» кричитъ сердитый Войтъ. «Аль не слышите, что и на могилахъ вторятъ вашей полуночной пѣснѣ? Полночь! И у меня изъ головы хмѣль выскочилъ!»

На могилахъ слышно еще внятнѣе:

Эй, мати, мати! жаль ваги не мае:
Да, нехай же Грицъ да двухъ не кохае!

На западѣ сверкнула молнія; громъ глухо прокатился по небу; тучи застлали небо; всѣ разбѣжались по домамъ. И еще сверкнула молнія; страшный громъ раздался надъ деревнею, и сильный дождь полился съ облаковъ.

Таковъ ходъ этой прелестной драмы, идиллiи и элегiи вмѣстѣ. Автора смѣло можно назвать за его сочиненiе поэтомъ, и мы думаемъ, что съ нами согласятся, прочитавъ его истинно поэтическое созданiе. Какъ оно просто, какъ хорошо, оно какъ шевелитъ сердце!

Мы не могли передать здѣсь подробностей разговора, живаго, веселаго, грустнаго, печальнаго и всегда естественнаго. Мы пропустили также множество пѣсенъ и подробностей, все описанiе шабаша и ворожбы, множество пословицъ и поговорокъ, кстати вставленныхъ повсюду. Но читатель могъ замѣтить прелесть главныхъ идей, естественность завязки и развязки и выдержанность характеровъ. Какъ увлекательна Галя, какъ интересенъ Грицъ, какъ просты причины, побуждающiя Грица жениться, а Галю погубить его! Поболѣе, поболѣе подобныхъ картинъ такой неподдѣльной природы! Вотъ гдѣ настоящая поэзiя. Только настоящiй Малороссiянинъ—какъ говорится въ водевиляхъ, не «передѣланный на Русскiе нравы», могъ столь превосходно постигнуть и списать свою чудную, фантастическую Малороссiйскую сторону, съ ея нравами и бытомъ. Но ради Бога, не хитрите, г. Тополи: не пускайтесь въ исторiю, въ географiю, въ древности, въ то, что вы можете узнать искуственно и по наслышкѣ! Списывайте, что видите, и не думайте о правилахъ. У васъ есть дарованiе, и оно васъ не обманетъ, если вы только его слушаться будете. Русскому языку вамъ поучиться не худо, и еслибы вы могли такъ же хорошо передать

ваши Чары по Русски, это былъ бы намъ усладительный для осиротѣвшей нашей словесности подарокъ. Но, впрочемъ, васъ станутъ читать и на Хохлацкомъ нарѣчіи, васъ переведутъ и съ Казацкаго языка. Пишите!

Кажется, что съ небольшими измѣненіями, при Малороссійскихъ мотивахъ, которые прелестны не менѣе Русскихъ, Чары могли бы послужить сюжетомъ превосходной фантастической оперы для Русской сцены. Во всякомъ случаѣ, мы видимъ въ нихъ изящное явленіе поэзіи истинно простонародной, и думаемъ, что даже простое чтеніе сей небольшой пьесы доставитъ всякому удовольствіе, какого онъ давно не находилъ за громко-хваленными твореніями. Но — ни слова о будущности Малороссійскаго поэта. Кто знаетъ будущее? Оно такъ обманчиво! Сколько было прекрасныхъ началъ, по которымъ мы ворожили счастье и богатство нашей словесности? А чѣмъ кончалось? скучнымъ ничтожествомъ!

КОНЕЦЪ.